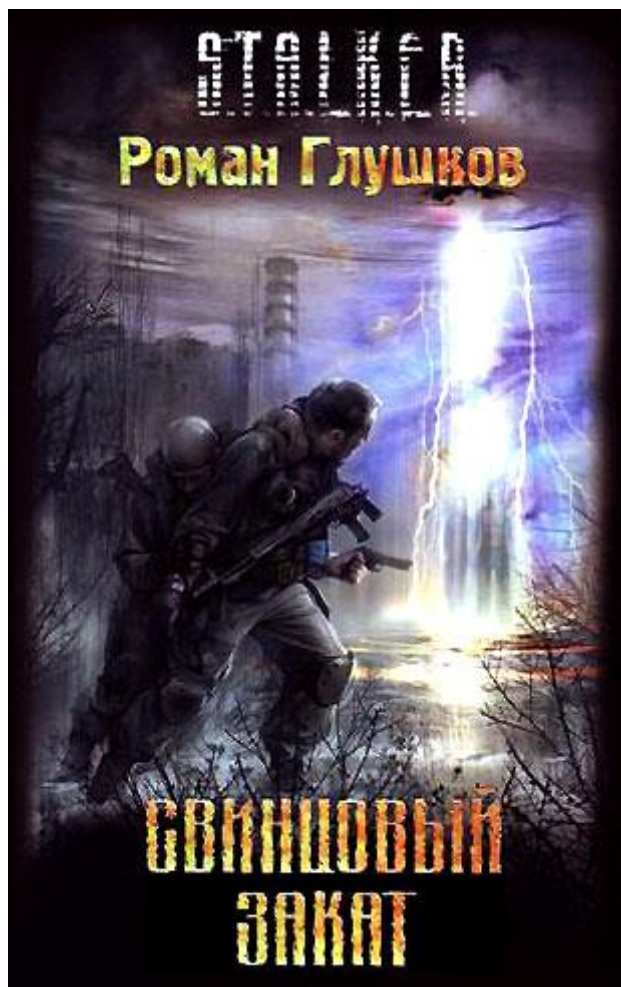

Роман Глушков Свинцовый закат

S.T.A.L.K.E.R.

Аннотация:

Майор военной разведки Кальтер намерен отправиться в кишащую мутантами Припять и подбивает сталкера Мракобеса сопровождать его. Тот не доверяет чересчур скрытному компаньону, но до цели не так уж далеко, а обещанная им награда столь притягательна, что отказаться попросту невозможно. Преследуемые по пятам отрядом жаждущего мести полковника Черепа, чьего брата-вымогателя прикончил Кальтер, напарники выдвигаются в путь. Однако главная опасность поджидает их впереди. В мертвом городе царит хаос. Там свирепствуют вырвавшиеся на свободу три могучих и кровожадных монстра – Скульптор, Искатель и Буревестник, – уничтожающие всех без разбора: и людей, и своих собратьев-мутантов...

*И все времена – одно время, и все умершие не жили до тех пор, пока мы не дали им жизнь, вспомнив о них, и
глаза их из сумрака взывают к нам.
Тогда я не понимал того, что сейчас, по-моему, понял: прошлое можно сохранить, только имея будущее,
ибо они связаны навечно.*

Роберт Пенн Уоррен. «Вся королевская рать»

Глава 1

Я решил не держать обиду на генерала Воронина за то, что он запретил мне похоронить Бульбу на одном из пустырей завода «Росток», неподалеку от Бара «Сто рентген». Надо сказать, что забыть такой удар ниже пояса от командира мне удалось не сразу. Слишком сильно взъелся я тогда на него, хотя по прошествии года, что миновал со дня гибели моего друга, приходится признать: генерал был прав. Но как было на него не обижаться, если я уже присмотрел для последнего пристанища Бульбы уютное местечко и заказал нашим технарям отличный железныйobelisk? Вовчик Холера и Питекантроп вызвались помочь мне вырыть могилу, а Бармен заверил, что придержит для поминок ящик своего лучшего пойла. Все складывалось как нельзя гладко, оставалось лишь зайти к главе клана «Долг», чтобы попросить его сказать на похоронах короткую торжественную речь, ведь Воронин всегда относился к Бульбе с уважением. Как, впрочем, и ко мне. Поэтому я и в мыслях не держал, что генерал воспримет в штыки мою инициативу воздать должовцу-ветерану такие посмертные почести.

– И думать забудь об этом, Мракобес! – сказал мне тогда Воронин. – После последней череды выбросов – никаких больше могил на территории базы, и это не обсуждается. Ты знаешь правило: либо кремация, либо хорони Бульбу подальше от завода. Да, я прекрасно тебя понимаю, но пойми: порядок есть порядок. Приказ касается каждого из нас, включая меня. Весьма сожалею, что приходится напоминать тебе об этом именно сегодня, но ты – разумный парень и, надеюсь, осознаешь, почему я вынужден пойти на такие меры.

Теперь, конечно же, осознаю. Но тогда мне просто чудом удалось сдержаться, чтобы не высказать генералу в глаза все, что я думал в тот момент о нем и о его хваленой принципиальности. Бульба героически погиб, исполняя приказ Воронина, а он не пожелал ни на йоту отступить от своих дерьмовых принципов, чтобы похоронить героя, как он того заслуживал!

Соорудив волокушу, я втайне от всех взвалил на нее тело боевого товарища и, давясь в гнев слезами, утащил Бульбу так далеко, насколько у меня хватило сил. После чего без лишних церемоний завернул тело в саван, предал его земле, выпил в одиночку бутылку водки и тут же отключился, потому что обычно пью редко и в гораздо меньших количествах.

Очнулся я тем не менее в казарме на базе, чему, наверное, сильно бы удивился, но разрывающая похмельную голову боль напрочь глушила во мне все эмоции. В том числе изрядно притупляла обиду и гнев. Поэтому я совершенно равнодушно отнесся к признанию Вовчика Холеры в том, что это Воронин послал их с Питекантропом за мной, поскольку видел, что я вне себя и могу сгоряча отчебучить какую-нибудь глупость или угодить в передрагу. Они-то и препроводили меня, невменяемого, обратно, заехав попутно мне несколько раз по морде – за то, что не позвал их с собой на похороны, и за то, что им приходится теперь возиться со мной, словно с маленьким ребенком.

Поминки по Бульбе все-таки состоялись. Воронин сказал на них подобающую речь и распорядился отвезти сделанный по моему заказуobelisk на могилу нашего павшего товарища. Правда, узнал я обо всем этом лишь через неделю, потому что мое тяжкое похмелье усугубилось сильнейшей лихорадкой, которую я успел подхватить, валяясь пьяным на холодной земле. А лихорадки в Зоне сами знаете какие бывают. Не каждый сталкер способен переболеть ими без ущерба для психики. Вот и я за себя тоже не отвечаю, хотя знающие меня как облупленного приятели вроде бы не заметили за Леней Мракобесом после болезни явных психических отклонений.

Какие только галлюцинации не терзали мою больную голову в горячечном бреде. Трижды являлся покойный Бульба, хлопал меня по плечу, смеялся и спрашивал: «Ну что, Ленчик, не надумал еще бросить это грешное дело? Не пора ли, браток, в кои-то веки одуматься и забыть про нашу дурацкую мечту? Сказки все это, будь уверен. Глупые детские сказки. Даже если тебе повезет создать Полынный Слиток, вряд ли он окажется таким чудодейственным, как гласит легенда. Обычный набор артефактов, не более. Похоже, в этой гребаной Зоне одни мы с тобой верили в его магические свойства». После чего

начинал трепаться обо всем на свете, как любил делать это на досуге, когда был жив. Я же постоянно порывался спросить Бульбу, не держит ли он на меня зла за то, что случилось с ним в Диких Землях. Только вот досада: в моих бредовых кошмарах я не мог проронить ни слова, сколько ни пыжился. А призракный Бульба как нарочно предпочитал обходить эту болезненную тему стороной.

А вот призрак Корсара, погибшего вместе с Бульбой в ходе той перестрелки, я уверен, высказал бы многое, присутствуя у него голова. Корсару тоже было за что на меня обижаться. Мне пришлось бросить его тело на поле боя неуспокоенным, потому что тяжелораненый Бульба еще дышал и я спешил как проклятый, стараясь успеть дотащить его на базу, где ему, возможно, еще могли бы помочь. К сожалению, мой приятель скончался на полпути к Бару. А Корсара через два дня нашли и кремировали наши разведчики – так, как и приказывал поступать со всеми мертвецами в Зоне генерал Воронин. Обезглавленный призрак в залитом кровью черно-красном комбинезоне подолгу маячил возле меня, шевелил руками, явно желая что-то сказать, да так и исчезал ни с чем. Однако в одиночестве я скучал недолго. На смену Корсару и Бульбе приходили другие призраки. Многих из них я совершенно не узнавал и потому затруднялся сказать, за какие такие грехи они третируют меня своим присутствием.

Самым странным из них была девочка-подросток с выкрашенными в фиолетовый цвет волосами, одетая в серебристый комбинезон с непонятными шевронами – ни дать ни взять Алиса Селезнева, сошедшая со страниц книг обожаемого мной в детстве Кира Булычева. Девочка смотрела на меня синими, как небо, глазами и постоянно твердила об одном и том же. Хорошо хоть несовершеннолетнее привидение не задерживалось в моих бредовых кошмарах подолгу. В противном случае я бы точно рехнулся от его навязчивых просьб, которые при всем желании не мог выполнить.

– Поклянитесь, что не бросите дядю Костю, Леонид Иванович! – требовала девочка, стоя у изголовья моей кровати и тормоша меня за плечо. – Поклянитесь, умоляю, ведь без вас он пропадет! Помогите ему, слышите! Очень вас прошу, Леонид Иванович! Очень-очень!..

И так раз от разу. Ни о чем другом знающий мое имя ребенок говорить со мной не желал. Видит Бог, я готов был дать синеглазке эту чертову клятву, даже понятия не имея, кто такой этот дядя Костя, за которого просила девочка. Все, что угодно, только бы она от меня отвязалась! Но единственное, на что меня сейчас хватало, – это на нечленораздельные хрипы. Иные звуки мое горло издавать отказывалось, а распухший от жара язык, казалось, и вовсе намертво прирос к нёбу. Синеглазка же категорически не хотела понимать посылаемые ей намеки. Впрочем, я на ее месте тоже вряд ли бы их понял, сочтя все эти дерганья и кряхтенья лихорадочными конвульсиями.

К счастью, как только я очухался и пришел в себя, призраки тут же оставили меня в покое. Все, кроме девочки – она так и продолжала время от времени навещать меня в снах. Но в Зоне какие только галлюцинации порой не докучают сталкерам, и вскоре я перестал обращать внимание на синеглазого ребенка, пристающего ко мне с одной-единственной просьбой. В конце концов, эта была всего-навсего лишь маленькая девочка, разве что не в меру назойливая. Было бы гораздо неприятнее, если бы вместо нее в ночных грезах ко мне являлся кровосос или еще какой-нибудь здешний кошмар.

Оказывается, пока я метался в бреду, «Монолит» ударил-таки по Небесному Пауку из своего чудовищного оружия, за которым охотился тот закордонный ублюдок-майор с татуированной рожей. Атака монолитовцев на загадочную высокотехнологичную цитадель увенчалась успехом, правда, секте тоже пришлось кое-чем и кое-кем пожертвовать. В бою с Пауком единственный имеющийся у нее вертолет был сбит, и все находившиеся на борту сектанты погибли. К вящей радости Воронина и всего «Долга», среди них затесался и одиозный полевой командир «Монолита» Гурон. Именно за этой сволочью я, Бульба, Корсар и приставленный к нам вышеупомянутый майор армейской спецслужбы вели тогда охоту в Диких Землях.

Когда я услышал, что Корсар и Бульба отомщены, на душе у меня потеплело, а здоровье моментально пошло на поправку. Что бы ни твердили скептики, есть все же в Зоне справедливость! Всегда приятно слышать о постигшем врага поражении, пусть даже гибель Небесного Паука снова открывала «Монолиту» путь к радарной станции и «выжигателю мозгов». Которые в свою очередь, будучи восстановленными после диверсии Меченого, опять угрожали блокировать сталкерам доступ к Припяти и ЧАЭС. Спустя месяц – бесспорно, один из самых тревожных месяцев в здешней истории – все в Зоне возвращалось на круги своя. Ну или почти все, если учесть, что после приснопамятного штурма Саркофага сталкерские группировки изрядно поредели, а многие мелкие кланы и вовсе канули в небытие.

Очевидно, туда же канул и майор, бросивший меня в Диких Землях на руках с умирающим

Бульбой. Мерзавец так заиклился на исполнении приказа своего командования, что не соизволил задержаться и помочь собратям по альянсу, предпочтя расторгнуть его, дабы не терять понапрасну драгоценного времени. Похоже, спешка этого вояку в итоге и сгубила. По крайней мере, погоня за ним рванула – будь здоров, не кашляй! Отделаться от такой целым и невредимым являлось совершенно невыполнимой задачей. А имевшая потом место атака сектантов на Паука лишь подтвердила, что если даже майор добрался до цели, то искомое им оружие он все равно не уничтожил. Что ж, туда татуированному гаду и дорога. Несмотря на то что мы воевали с ним на одной стороне, лично мне было абсолютно не жаль потерять такого вероломного союзника.

С тех пор миновал год, однако с починкой «выжигателя мозгов» у «Монолита» дело что-то не заладилось. Всякое болтают, но, судя по всему, благодарить за это следует опять-таки Меченого. Молодец, бродяга, на совесть поработал. Подал нам пример, как нужно уничтожать вражескую собственность, чтобы она затем не подлежала восстановлению. Пускай Меченый не входил в «Долг», на радарной станции он действовал в лучших наших традициях. Поэтому я искренне сожалел о бесследном исчезновении такого лихого парня, пусть и знал его лишь понаслышке...

Если скажу, что тот судьбоносный для меня день являлся рядовым будничным днем, значит, совру. Для прочих должовцев, возможно, так оно и было – в конце концов, за минувший год в клане погибло много хороших бойцов, чтобы выжившие запомнили точную дату гибели Бульбы. Я, естественно, такого забыть никак не мог. Узнав с утра, что на сегодня у нас не запланировано особых мероприятий, я заглянул в «Сто рентген», залил у Бармена во фляжку триста граммов коньяка, взял лопату, чтобы подправить могилу, и, закинув на плечо «Абакан», двинул на север – туда, куда в свое время проводил в последний путь старину Бульбу. Нравились ему, помнится, те места, особенно неширокая ложбина с бегущим по ней ручьем. На ее крутом, заросшем травой берегу я и похоронил своего приятеля. Пусть теперь вечно наслаждается журчанием ручья, которое он так обожал слушать при жизни.

Установленный уже без моего участия обелиск – двухметровая четырехгранная стела с табличкой – возвышался над кустами и был замечен еще на полдороге от Бара. Однако сегодня, сколько я ни приглядывался, так и не обнаружил издали приметную остроконечную верхушку памятника. Выругавшись сквозь зубы, я высмотрел впереди другой ориентир – расщепленный ствол старой березы, неподалеку от которой находилась могила, – и направился к нему. Не забывая, разумеется, посматривать под ноги. Прежде на этой пустоши не было аномалий, но за последние пару месяцев, что я здесь не появлялся, они вполне могли образоваться.

Насчет исчезновения стелы я особо не переживал. Осквернять могилы среди сталкеров не принято. Даже вконец отмороженные монолитовцы не опускались до такой низости, как разрушение памятников на могилах своих врагов. Скорее всего обелиск Бульбы завалился из-за усадки грунта или обрушения склона ложбины, вот и вся проблема. Сейчас доберусь до берега, выясню, что произошло, затем свяжусь с базой, попрошу приятелей прийти сюда, и мы сообща водрузим тяжелый памятник на место.

По закону подлости, который в Зоне был гораздо незыблемее законов физики, упавший обелиск скатился на самое дно ложбины и, перегородив ручей, образовал внизу маленький неглубокий прудик. Я собрался было снова выругаться, но сдержался – как-никак святое место. Впрочем, выдержки моей хватило ненадолго. Когда я увидел, что в действительности здесь стряслось, брань вырвалась из меня, будто пар из-под сорванного клапана парового котла.

Подвижки грунта, на которые я давеча грешил, оказались совершенно ни при чем. Стелу сбросили вниз все-таки вандалы. Даже сверху были различимы грязные следы их ботинок на обелиске; прежде чем эти твари столкнули его с откоса, им пришлось расшатывать вкопанный в землю памятник пинками. Там, где он стоял, остался глубокий провал. Вывороченная из него глина была раскидана вокруг, словно на могиле еще и разорвалась граната. Однако неизвестным вандалам этого явно показалось мало. Вдобавок ко всему они рассыпали повсюду какую-то белую дрянь, похожую на хлорку, только без запаха.

Я дал волю эмоциям и почти минуту посылал проклятья вслед успевшим скрыться беспринципным злоумышленникам. Ежели проведаю, кто надругался над могилой Бульбы, эти вшивые шакалы, дети таких же шакалов, сначала узнают, каковы на вкус их уши, яйца, а также прочий ливер, и лишь затем издохнут, собирая в грязи собственные кишки!... Затем, немного успокоившись, я отломал от дерева веточку и измазал ее в том веществе, что было рассыпано на развороченном могильном холмике.

Кто знает, что это за дерьмо; может, какая нервнопаралитическая отравка, к которой нельзя прикасаться даже кончиком пальца. Надо отнести ее на анализ заместителю Воронина – «замкомдолгу», полковнику Петренко, – насколько мне известно, он немного разбирается в химическом оружии.

Ковыряя веточкой запорошенную неизвестным веществом глину, я вдруг обнаружил, что ямка, из которой я извлекаю образцы, есть не что иное, как отпечаток человеческой пятерни. Приглядевшись, я обнаружил вокруг провала другие такие же отпечатки, а также параллельные борозды, оставленные в грунте определенно растопыренными пальцами. Сомнительно, чтобы вандалы не побрезговали замарать руки в липкой глине, однако оставленные ими следы свидетельствовали об обратном. Хотя на кой черт этим извращениям нужно было рыться в провале после того, как они своротили обелиск? Они что, еще и мину там заложили?

И только тут в мою разгоряченную голову стукнула догадка, что тот, кто оставил отпечатки на могиле, не сидел на краю глубокого воронкообразного провала, а выбирался прямо из него.

– Господи! – Я вскочил с колен и отшвырнул палочку. В химическом анализе подозрительного порошка отпала всякая необходимость. – Да ведь это же Пепел Лавкрафта! Тот самый хренов Пепел!

Ошибка исключалась: кто-то действительно рассыпал здесь синтетический токсин для реанимации трупов – дерьмо, контейнер с которым какие-то сталкеры обнаружили в одной из заброшенных военных лабораторий Зоны. Дело было давнее, и сегодня все считали, что та нашумевшая находка либо уже перекочевала к ученым, либо уплыла за Кордон к более щедрому нелегальному покупателю. На кой ляд, спрашивается, кому-то в Зоне держать при себе Пепла Лавкрафта, если здешние мертвяки порой выскакивают из могил безо всяких стимуляторов, на одном, так сказать, голом энтузиазме? Не по этой ли причине Воронин запретил мне хоронить Бульбу на территории базы? У ее обитателей еще свежа в памяти история, когда после прошлогодней печально знаменитой череды выбросов все захороненные на пустырях «Ростка» трупы вдруг как по команде восстали и отправились разгуливать по территории завода, нападая на должовцев и прочих зашедших в Бар бродяг.

Однако что бы ни болтали на сей счет сталкеры, Пепел Лавкрафта в Зоне еще остался. Это красноречиво подтверждали его следы на могиле Бульбы. А другие следы – те, что являли собой отпечатки рук, – доказывали, что проведенный вандалами эксперимент удался. Пролежавший год в сырой земле, мой боевой товарищ был обработан быстродействующим токсином, выбрался из могилы и теперь, полусгнивший и неприкаянный, шастал где-то поблизости. И чем, скажите на милость, его бранные останки заслужили к себе такое неуважение?

Сокрушаясь по поводу этой вселенской несправедливости, я скинул с плеча и снял с предохранителя «Абакан». Вряд ли воскресший из мертвых Бульба окажется рад меня видеть. Как, впрочем, и я его. Отвратительнее ситуации и придумать нельзя! До сего момента я не переставая сожалел о том, что продолжаю разгуливать по Зоне, в то время как Бульба вынужден кормить могильных червей. Но сейчас приходилось сожалеть об обратном. И не только сожалеть, но и предпринимать все возможное, чтобы вернуть старого приятеля туда, куда я окончательно и бесповоротно определил его годом ранее.

Следы на могиле были совсем свежие – это значит, акт вандализма случился либо ночью, либо ранним утром. Что ж, учитывая медлительность ходячих мертвецов и их хаотичное перемещение по местности, я наверняка догоню Бульбу по следам на траве через час-полтора. Если, конечно, он не упростит мне задачу и не угодит в аномалию. А посчастливится, я заодно настигну и тех, кто над ним поглумился. Никаких разборок и выяснений отношений: установлю на «Абакан» оптику и попросту пристрелю пару-тройку этих дерьмеедов издалека в спину. А остальные пусть либо уносят ноги, либо принимают бой. Будь их слишком много, они куда сильнее истоптали бы кусты и траву вокруг могилы. Поэтому пока нет резона вызывать из Бара подкрепление. Попробую справиться сам, а коли не получится, тогда уже поглядим, свистать всех наверх или повременить с отмщением.

Хотелось бы также знать, нарочно или нет неизвестные вандалы учинили эту мерзость на годовщину смерти Бульбы. Как у любого сталкера со стажем, у меня было немало врагов, желающих свести со мной счеты, но вряд ли кто-то из них стал бы мстить столь низким и изощренным способом. За стенами базы я не отсиживался, поэтому любой мой недруг мог при желании перехватить меня на узких тропах Зоны, чтобы потолковать по душам. Или попросту пристрелить из засады – здесь подобное считается в порядке вещей. И ни к лицу моим врагам сомнительные козни с осквернением обелисков и воскрешением трупов.

От разрытой могилы на восток вели две протоптанные в траве тропки. Первая была относительно

ровная, а вторая вилась размашистой синусоидой – траектория, по какой обычно ходят сильно пьяные, но еще способные держаться на ногах люди. Извилистая тропка постоянно пересекалась с прямой – стало быть, Бульба и «реаниматоры» двигались одним курсом. Чьи следы кому принадлежали, тоже было понятно. Ходячий мертвец мог двигаться так только на поводке. Или, скорее, с накинута на шею, привязанной к длинной палке гароттой – специфической петлей, которой за пределами Зоны отлавливают бродячих собак. В наших краях такими гароттами пользуются наемники-«сводники» – охотники за головами, что ловят и препровождают к заказчику его врагов или злостных должников. Но зачем кому-то понадобилось воскрешать Бульбу, сажать его на поводок и гнать невесть куда? Разве только чтобы продать ученым в качестве лабораторного материала... Ладно, скоро разберемся.

Я уже настроился на долгое преследование по берегу ложбины, но через пару сотен шагов следы конвоя резко повернули на склон, к ручью. С чего бы это вдруг? Чтобы пересечь ручей, «реаниматорам» следовало свернуть гораздо раньше, а здесь на противоположном берегу росли такие густые кусты, что продрасться сквозь них без мачете было попросту нереально. Вандалы же вдобавок торопились, поэтому явно не сунулись бы без веской причины в непроходимые дебри.

Я остановился и, присев на корточки, наострил уши. Снизу доносились подозрительные звуки, похожие на урчание или бормотание. Да, мне не послышалось: кто-то действительно возился в дюжине шагов от меня у самой воды. Причем несколько не таясь. Засада? Вполне вероятно, но к чему тогда весь этот шум? Приманка? Тоже не исключено, но шибко уж примитивная.

Спрятаться в траве на склоне этого берега враги не могли – сверху я отлично просматривал весь спуск. При желании это можно было сделать на том берегу в кустах. Но прежде чем «реаниматоры» залегли бы в них, они неминуемо оставили бы в густых зарослях следы. Растительный покров на противоположном склоне выглядел девственно нетронутым. Стало быть, вражья компания двинула дальше, прямо по ручью, оставив здесь... Неужто Бульбу?

Догадка подтвердилась: тот, кто сидел на глинистой кромке берега, свесив ноги в воду, к живым людям уже не принадлежал. Согбенное, полуистлевшее тело, из гнилой плоти которого повсюду торчат кости, подобно тому как из крошащейся железобетонной колонны выступает арматура. На поеденном червями черепе почти не видать волос, лишь над оторванным левым ухом торчит грязный спутанный клочок – жалкий остаток некогда густой шевелюры. С правой лопатки свисает готовый оторваться лоскут гнилой кожи, на котором, если хорошенько присмотреться, можно рассмотреть фрагмент татуировки: когтистая птичья лапа. Вне всяких сомнений, передо мной Бульба, на чьей спине при жизни красовался распутивший когти и оскаливший пасть восточный дракон. Сегодня мой выбравшийся из могилы товарищ выглядел настолько отвратно, что им можно было пугать до икоты не только живых людей, но и, наверное, все тех же драконов.

Бульба сидел ко мне спиной, и я не мог видеть его лицо. Зато хорошо видел нечто другое: надетую на шею мертвяка гаротту, чья палка свисала у него вдоль хребта. Брошенная вместе с поводком, жертва Пепла Лавкрафта расселась на берегу, пялилась в воду и без умолку бубнила какую-то абракадабру. А «реаниматоров», похоже, след простыл. По крайней мере, ни их, ни следов их присутствия поблизости не наблюдается. Неужто заметили погоню, решили, что за мной идут братья по клану, и, наскоро избавившись от пленного, пустились замечать следы? Вода в ручье была мутной, к тому же мертвяк успел взбаламутить ее ногами, поэтому я мог лишь догадываться, как давно его воскресители удрали вниз по руслу.

Достав бинокль, я внимательно осмотрел окрестности. В километре отсюда вдоль опушки леса бежал свирепый кабан-мутант, преследуя невидимую мне в траве жертву. Далее по курсу прямо возле берега затаился «вихрь», выдающий себя кружением угодивших в него сухих листьев. Коварный мерзавец. Ежели кому посчастливится однажды выскочить из такой аномалии до того, как она затянет его в свой круговорот и прикончит, этот сталкер потом всю жизнь шарахается даже от безобидных порывов ветра. Как я, например, всегда дергаюсь, если ненароком задеваю затылком что-нибудь мягкое, вроде занавески. Со стороны это выглядит забавно, вот только когда однажды вам упадет на голову мочало «жгучего пуха», тогда поглядим, как вы будете смеяться. Уж лучше упасть голышом на стекловату, чем хотя бы разок коснуться пальцем той мерзкой аномальной хренотени.

Кроме носившегося у леса кабана и ворошившего листву «вихря», иных опасностей поблизости не обнаружилось. Нужно ли опасаться мертвяка, мне еще только предстояло выяснить. В отличие от местных зомби – сталкеров с напрочь выжженными пси-излучением мозгами, – далеко не каждый восставший в Зоне мертвец бросается на живых людей. Начни Бульба кидаться на «реаниматоров», они

посадили бы его на несколько поводков, связали бы ему руки и заткнули рот кляпом. Да и умиротворение, в каком пребывал обнаруженный мной беглец из могилы, было присуще скорее безобидным ходячим трупам. Их агрессивные собратья, как правило, вели себя крайне беспокойно.

– Бульба! – не вставая с корточек, позвал я созерцающего ручей мертвяка. – Это я, Мракобес! Эй! Глянь-ка наверх! Я тут!

Если бы покойник встрепнулся и вскочил, я без тени сомнения сразу отстрелил бы ему голову. Однако Бульба неспешно обернулся и лишь затем неуклюже поднялся сначала на четвереньки, а уже потом на ноги. На его испещренном гнилыми язвами лице отсутствовали нос, губы, левая щека и веки. Оба глаза были на месте, но выглядели так, словно кто-то все же выдрал их, а потом вставил в глазницы желтые, побитые и грязные бильярдные шары. Нужно ли упоминать, как мне было горько и больно видеть старину Бульбу в таком душераздирающем виде?

– Бульба! – вновь окликнул я его, вставая в полный рост, чтобы полуслепой мертвяк сумел меня заметить. – Иди ко мне, дружище! Ну же, давай! Нечего здесь рассиживаться, пойдем назад!

– Мыр... кыбыс! – прокрипел Бульба, устремив вверх лишенные век и зрачков глазищи. От его дребезжащего голоса у меня по коже пробежали мурашки. Удивительно, что он вообще мог до сих пор говорить. Все ходячие покойники, каких мне доводилось прежде встречать в Зоне, не могли даже хрипеть. – Мыркыбыс! Шт... Што... С-с-с... Мн... Мно...

Будь я проклят, если он не узнал меня и не пытается спросить, что с ним стряслось! Здешные ученые давно доказали, что у ходячих мертвяков сохраняется примитивный разум и остаточная память о наиболее значимых для них при жизни людях и событиях. Кто бы мог подумать, что мне предстоит убедиться в этом на таком ужасном примере!

– Иди ко мне, старик! – продолжал я выманивать мертвяка из ложбины. – Иди, я тебе помогу!

– Мыркыбыс! – Бульба шаткой походкой приблизился к склону и, снова встав на четвереньки, медленно, но уверенно покарабкался вверх. Палка надетой ему на шею гаротты колотилась по торчащим у него из спины ребрам с отвратительным стуком. – Л-л-л... Ло... Лонья!

Он называл меня Леней крайне редко и только тогда, когда хотел поговорить о чем-то действительно важном. Господи помилуй! Я-то думал, что иду по следу невменяемого ходячего мертвеца, а оказалось, в Бульбе еще теплится душа. Еле-еле, как огонек почти пустой зажигалки, но ведь теплится же!

– Лонья... што с-с-с... мно? – членораздельно и практически внятно выговорил Бульба. – Я б-б-б... бол... болн?... Зр-р... Зар... Зар-азно болн?

– Все хорошо, дружище, – нагло соврал я, отступая от края склона и позволяя мертвяку выползти на берег. – Все в норме! Ты полностью здоров! Это сон. Страшный сон! Тебе просто снится кошмар, понимаешь? Эй?

– Кш-мр сон? – переспросил Бульба, жутко шевеля безгубым ртом. Поднявшись на ноги и качнувшись из стороны в сторону, он обрел относительное равновесие, после чего поднес к лицу сгнившие до костей ладони и гораздо увереннее добавил: – Сон! Уж... жас... Кш-мр... сон... Д-д... Да! – А потом, впериw в меня бельма, вполне отчетливо поинтересовался: – Лонья... што... с-с-с... Витья?... Я потр... рyal... ег-г... ф-ф-ф... фот... ограф-ф...

От усилий, какие прилагал Бульба, чтобы выговорить эти простые, казалось бы, слова, по его правой щеке пробежала бурая трещина, тут же разошедшаяся и обнажившая торчащие зубы. Я не выдержал и, к своему великому стыду, отвел взгляд.

– Витя в порядке! – как можно понятнее проговорил я, проглатывая подкативший к горлу комок. – У него все хорошо! И фото его нашлось! Просто ты его возле Бара обронил, а ребята потом подобрали, отдали Бармену, а он мне передал.

– Сп-п... пасиб-б, Лонья! От-т... дай... ф-фтогр... мне! Пж-ж... ал... ст!

– Извини, дружище, не взял ее с собой. – Я похлопал себя по карманам комбинезона и виновато развел руками. – Фотография Вити на базе. Я положил ее в твой шкафчик. Понимаешь?

– Пн-н... маю. Спас-сиб-б, Лонья! – повторил мертвяк. – Т-ты... наст-т... ящ... д-д... руг!..

– Ты тоже был, есть и будешь моим лучшим другом, Бульба, – ответил я, глядя в сторону и незаметно расстегивая притороченные к спине ножны с мачете. – А теперь, старик, тебе пора просыпаться. Погоди чуток, сейчас твой кошмар закончится. Обещаю...

Витя, о котором переживал Бульба, был его младшим братом. Из-за него мы и очутились в Зоне пять лет назад. За три года до этого Витя заболел какой-то редкой вирусной инфекцией, что наградила

его целым букетом осложнений. Семья Бульбы не испытывала недостатка в средствах, но все они ушли в итоге на поездки по мировым клиникам и оплату различных курсов лечения, каким подвергали Бульбиного брата светила заграничной медицины. Курсов было перепробовано множество, но ни один из них не оказался эффективным. Врачи неизменно умывали руки и переправляли неизлечимого пациента в другой медицинский институт. В итоге Вите пришлось вернуться домой, потому что у его родителей попросту закончились деньги. Все, что сделали для него зарубежные эскулапы, – это лишь замедлили прогрессирование болезни.

Наслышанный о якобы несметных богатствах, какие вот уже год приносят из-под Чернобыля наши пронырливые двадцатилетние ровесники, только что демобилизованный из армии Бульба тоже загорелся желанием податься в сталкеры. И подался, поскольку любил своего младшего братишку и не мог смотреть на его каждодневные мучения. Я вернулся со срочной службы месяцем позже и когда узнал, куда запропастился мой дворовый приятель, рванул в Зону следом за ним. Чтобы помочь ему побыстрее собрать нужную сумму на лечение Вити, а также, разумеется, заработать кое-что для себя.

Нам повезло. Оба мы быстро постигли здешние законы, приспособились к специфическим порядкам Зоны и приступили к осуществлению нашей мечты. У вас наверняка возник резонный вопрос: почему мы с Бульбой подались именно в «Долг», а не, скажем, в наемники, «Свободу» или иной клан? Туда, где царили вольнолюбивые нравы и чей устав не препятствовал, а, наоборот, всячески одобрял личное обогащение?

Каюсь, это была моя инициатива, которую Бульба поддержал не сразу.

«Сам посуди, – втолковывал я ему свою хитрую стратегию. – Ну вступим мы с тобой в „Свободу“, и что дальше? Нарвемся на здешнее Эльдорадо, так нам свои же соклановцы глотку перегрызут. Нет, старик, с такой стаей товарищей нам с тобой не по пути. А вот с „Долгом“ – самое оно! Они ж там все как на подбор идейные, да к тому же бессребреники. Значит, к ним-то мы и примкнем, если хотим Витьке на лечение деньжат заработать. Как? Да запросто. Долговцы каждый найденный артефакт ученым сдают, так? И мы сдавать будем, чтобы из общей массы не выделяться. Три сдадим, а один, тот, что поценнее, тихонько припрячем. Надо только не зарываться, не болтать лишнего да почаще оглядываться, и все будет тип-топ. Главное, чтобы Воронин и остальные видели, что Мракобес и Бульба – такие же убежденные борцы с Зоной, как их товарищи по оружию. И никто в Зоне твоей удаче не завидует, потому что знает: у нас – парней в черно-красных комбинезонах – нет ничего за душой; все до последней „колючки“ отдано науке. В этом и весь секрет! Кто быстро богатеет, тот плохо кончает. А мы с тобой – не хапуги и с головами на плечах, поэтому разбогатеет пла-но-мер-но! Не спеша, зато гарантированно, как настоящие Ротшильды или Морганы. Врубаешься в мою мысль?»

Бульба не сразу, но все-таки врубился. И знаете что? Сработало! Причем даже лучше, нежели ожидалось. Мы так рьяно взялись служить «Долгу», участвуя во всех его акциях, что уже через полгода стали числиться у Воронина на особом счету. Не забывая, само собой, систематически откладывать найденные ценные артефакты в наш тайник, а когда он переполнялся – сбывать хабар за Кордон через доверенных лиц. За два года такой двуличной жизни мы не стали миллионерами, зато без проблем скопили нужную для Вити сумму.

Однако вскоре выяснилось, что проку от той суммы почти никакого. Лишь две клиники из тех, которые Витя еще не посещал, согласились взять его на лечение, тоже оказавшееся малоэффективным. Прочие рекомендованные ему медицинские институты рангом пониже попросту отказывались заниматься его проблемой, ссылаясь на отсутствие необходимых условий и технического оснащения. Или соглашались, но заламывали такие цены, какие постеснялись бы вписать в свои прейскуранты даже элитные клиники. В действительности такое отношение к Витиной болезни объяснялось просто: никто больше не хотел тратить время на больного, чей неизлечимый недуг успел подмочить репутацию стольких авторитетных клиник.

На Бульбу, следившего за злоключениями брата, нельзя было смотреть без боли. Столько трудов, столько риска, и все напрасно! Мой друг балансировал на грани отчаянья и начал уже подумывать о том, чтобы плюнуть на все и свалить из Зоны. Но тут кто-то из долговцев, ссылаясь на Болотного Доктора, рассказал Бульбе историю о Полынном Слитке – наборе из двадцати редких артефактов. Который, будучи брошенным в аномалию «жарка» – да не абы какую, а непременно находящуюся в зарослях полыни, – якобы давал на выходе уникальный чудодейственный сплав. И с его помощью – опять же якобы – можно было вылечить любую болезнь, вплоть до рака в последней стадии.

Скептик Бульба не верил в легенды Зоны, а особенно в те, что сталкеры травят друг друга по

пьяной лавочке. Но история о панацее из артефактов по вполне понятной причине крепко запала ему в душу. Поэтому при первой же возможности мой друг отправился к Болотному Доктору, чтобы выяснить, является ли история о Полынном Слитке правдой или это всего лишь обычные сталкерские байки.

Болотный Доктор не дал на этот вопрос конкретного ответа, однако Бульба все равно вернулся с болот окрыленный новой надеждой. Знаменитый отшельник-эскулап Зоны честно признался, что, насколько ему известно – а уж он-то, поверьте, знает о Зоне немало, – еще никому не доводилось осуществить операцию, которой интересовался Бульба. Однако легенда о чудодейственном сплаве возникла не на пустом месте. И он, Болотный Доктор, действительно имеет к ее зарождению самое прямое отношение. Ведь это он однажды в беседе со своим другом Барменом поведал ему о своих теоретических изысканиях, основанных на ряде научных экспериментов. Так вот, согласно этой теории, получившийся вследствие обработки вышеназванного комплекта артефактов аномальным пламенем «жарки» сплав, возможно, будет обладать свойством быстрой регенерации тканей и нормализации текущих в них биохимических процессов. Только откуда в этой технологии взялась полынь, Доктор затруднялся ответить. В его рецепте создания панацеи никакая полынь отродясь не фигурировала. Видимо, тщеславный и болтливый Бармен решил тоже внести лепту в потенциальное открытие тысячелетия и дополнил хитроумную докторскую кашу своим «топором».

Узнав все это, Бульба удивился, почему, разработав такую сенсационную технологию, Болотный Доктор до сих пор не опробовал ее на практике. В ответ мудрый отшельник одарил моего друга снисходительным взглядом и печально заметил, что если кто-то когда-то и соберет в Зоне такой набор редких артефактов, то этот сталкер вряд ли понесет его Болотному Доктору. Который, даже продав душу Дьяволу, не сумеет оплатить реальную рыночную стоимость подобной коллекции. Как, впрочем, и не каждый здешний перекупщик. Такие хабары следует сразу переправлять за Кордон и сбывать напрямую, без посредников, интересующимся Зоной финансовым воротилам. Возможно, кто-то из них и выплатит счастливчику требуемую сумму, хотя с большей вероятностью у него попросту отберут товар силой, а самого прикончат.

Бульба поклялся, что если останется жив, то непременно добудет для Доктора компоненты рецепта Полынного Слитка. Неизвестно, поверил ли эскулап гостю, но раз написал-таки для него список нужных артефактов, значит, кое-какое доверие Бульба Доктору все же внушил. В общем, с того дня наша жизнь в Зоне вышла на новый этап, который продлился без малого еще два года и завершился ровно год назад со смертью инициатора этого поиска.

А спустя еще восемь месяцев умер, отмучившись, и его младший брат Витя, который так и не дождался, когда я закончу начатое Бульбой дело и принесу ему из Зоны чудодейственную панацею – Полынный Слиток...

Если вам когда-нибудь доводилось отрубать голову восставшему из могилы лучшему другу, значит, вы прекрасно понимаете, что я чувствовал в этот момент. Изъеденный червями и гниением, Бульба стоял, пошатываясь, и глядел куда-то мимо меня ничего не выражающими, мертвыми глазами. Но как бы то ни было, сейчас я видел перед собой не полусгнившего мертвяка, а прежнего Бульбу: простоватого компанейского парня, которого, в отличие от большинства сталкеров и даже меня, привела в Зону не жажда наживы, а воистину благородная мечта. Он не дошел до нее буквально три шага: до полного комплекта нужных артефактов нам не хватало всего трех. После смерти Бульбы я отыскал-таки один из них и взялся за поиски последней пары. Но скоростная смерть Вити (по прогнозам врачей, ему оставалось жить еще как минимум два с половиной года) выбила меня из колеи и остудила пыл, с каким я рвался во что бы то ни стало завершить начинание товарища...

– Прости, Бульба, – прошептал я и наотмашь, что было силы, рубанул мачете ему по шее. Малодушная мысль о том, что моя рука дрогнет и мне придется наносить повторный удар, едва не испортила все дело. Рубака из меня не ахти, пусть прадедушка и служил когда-то в казацком полку, и я боялся оплошать. К счастью – хотя какое это, к чертовой матери, счастье? – удар вышел точным, и через мгновение все было кончено. Обезглавленное тело мертвяка осело на подкосившиеся колени и мешком завалилось наземь, а голова откатилась в сторону и осталась лежать на траве, таращась куда-то в сторону Бара.

С рациональной точки зрения, было бы проще сначала увести мертвяка обратно к могиле и уже там вернуть ему вечный покой. Вот только мог ли я вообще думать о нем так, словно он был мне не товарищем, а бездушной вещью, транспортировкой которой меня принудили заниматься? Я осознавал,

что чем дольше общаюсь с воскресшим Бульбой, тем больше проникаюсь к нему сочувствием и, как следствие этого, все меньше остается во мне духу поднять на него руку, чтобы избавить от мучений. Моя спешка являла собой обычную боязнь, что когда я доведу мертвяка до могилы, то уже не сумею добить его одним решительным ударом, без колебаний и предательских эмоций. Я прожил в Зоне достаточно лет и записал на свой счет не одну человеческую жизнь, но, несмотря на это, отнимать их хладнокровно так и не научился. А тем более когда дело касалось жизни человека, с которым меня связывала давняя крепкая дружба. Это все, о чем я думал, отрубая Бульбе голову здесь, а не где-либо еще. Иных причин для спешки у меня не было.

– Будьте вы прокляты! – в который уже раз плюнул я вослед неизвестным мерзавцам, чье деяние было во сто крат отвратительнее, чем то, что я сейчас сотворил. – Все равно рано или поздно встретимся. Вот тогда и...

Что тогда случится, я договорить не успел, потому что в этот момент откуда-то с востока прилетела ружейная пуля и угодила мне аккурат промеж лопаток.

Глава 2

Выстрела я не расслышал. Но не потому, что умер, хотя в тот миг был уверен в этом на сто процентов. Просто когда я, упав со склона, прекратил кувыркаться и понял, что нахожусь в сознании, эхо вражеского выстрела уже стихло. Только растревоженные им вороны с криками носились над ложбиной, мельтеша перед глазами и усиливая мое головокружение.

Пулевой удар пришелся в предохраняющий спину щиток комбинезона, собранный из кевларовых «чешуй». К тому же, как оказалось, враг не планировал меня убивать и стрелял травматической резиновой пулей. Сообрази я это сразу, как только пришел в себя, то превозмог бы боль, и, пока подстреливший меня ублюдок бежал к ложбине, мне удалось бы скрыться от него вниз или вверх по руслу ручья. Но я распластался навзничь на траве и взирал на небо, подобно раненому князю Болконскому под Аустерлицем, будучи совершенно уверенным, что не чувствую боли из-за того, что пуля перебила позвоночник. И, стало быть, жить мне осталось считанные минуты, а в мыслях – лишь брань да злоба. Впрочем, Леня Мракобес ведь не благородный князь, чтобы на пороге смерти думать о возвышенном, и потому может умирать, не переживая о чистоте собственных помыслов...

– Али-баба, ты – урод! – раздался сверху раздраженный голос. – Я ж тебе, идиоту, сказал резинкой шмалять, а не жаканом! И что теперь будем делать, мать твою?

– А я чем, по-твоему, шмалял, Встанька?! – В голосе того, кого называли Али-бабой, звучала почти детская обида. – Резинкой и стрелял! Не веришь, вернись, глянь на гильзу – там она, в балке, валяется!

– Тогда чего этот головоруб не корчится от боли и не кроет нас матом, а лежит как мертвый? – гневно любопытствовал первый говоривший.

– Почему я знаю?! – взвизгнул Али-баба. – В голову, наверное, попал!

– В спину ты ему попал, я точно видел, – вступился за провинившегося стрелка третий голос. В отличие от первых двух – совершенно невозмутимый. – Просто наш хваленый Мракобес не так крепок, как о нем болтают. Гляньте: получил по хребтине и сразу скопытился! Я всегда знал, что он без своего кореша гроша ломаного не стоит. А ну, Встанька, иди проверь, как там это тело себя чувствует? Главное, чтобы болтать могло, а остальное нам, в принципе, и не нужно.

– Че я-то? – возмутился Встанька. – Это Али-баба, снайпер хренов, его в канаву сбросил, вот пусть сам туда и лезет!

– Не ссы! – подбодрил его невозмутимый. – Вон его автомат – в ручье валяется. А вон сабля – возле мертвяка. Давай, не ерепенься. Прикроем, ежели что.

– Неправильный ты вожак, Черепок, – критически заметил Встанька. – Для справки: я с вашей компашкой только по личной просьбе твоего брата пошел. А Череп мне приглядывать за тобой велел, а не на побегушках у тебя быть! – И, обреченно выдохнув «э-хе-хе», начал спускаться по склону, осыпая меня комьями сухой глины, что вырывались у него из-под ботинок.

Его, а также Али-бабу, Черепка, Черепа и многих других их приятелей я хорошо знал. Чуть больше года назад, когда Меченый уничтожил «выжигатель мозгов» и открыл сталкерам дорогу на север, «Долг» подвергся крупному расколу. Инициатором его выступил вышеупомянутый Череп, он же – полковник Борис Черепанов, прежде – влиятельный долговец, бывший некогда наряду с Петренко одним из приближенных к Воронину офицеров. Надо заметить, что раскол в клане назревал давно, а

заявление генерала о том, что «Долг» отказывается участвовать в штурме Саркофага, стало последней каплей, переполнившей терпение Черепа и его единомышленников. Их братия постоянно роптала на политику Воронина и требовала от него более решительных действий в отношении враждебных нам кланов. Генерал в свою очередь всегда осуждал подобный радикализм. Вступать в открытую конфронтацию со всеми, кто не разделял идеалы «Долга», означало развязать в Зоне полномасштабную войну, чреватую немалыми человеческими жертвами. Если кто и выиграл бы от этого, то только «Монолит». Будучи самой могучей силой в Зоне, он попросту позволил бы «Свободе», «Долгу», наемникам и прочим группировкам сначала обескровить друг друга, а потом нанес бы по ним добивающий удар и стал единовластным хозяином Зоны.

По этой же причине Воронин не повел нас на ЧАЭС, куда так рвался Борис. Генерал предвидел, что оборона сектантов запросто отразит неорганизованную стихийную атаку, какой бы массовой она ни была. Что в итоге и случилось. Ослушавшаяся приказа фракция Черепанова – а это ни много ни мало была практически четверть нашего клана! – также понесла серьезные потери и отступила, скрывшись в районе Свалки и Темной Долины. Где по сей день, именуя себя отрядом «Буян», грызлась с остатками другого изрядно потрепанного при штурме клана – «Свободы». Оттуда же, очевидно, прибыла и подкараулившая меня группа раскольников во главе с младшим братом Черепа – Веней Черепком. На кой только хрен, хотелось бы знать?..

Я пошевелил руками-ногами и отметил, что Черепок прав: я действительно впал в пораженческое настроение от банального удара по спине, пусть и крепкого. Стыд и срам! В приличном сталкерском обществе за это засмеять могут. Теперь думать о бегстве было поздно, о сопротивлении – глупо, а о самоубийстве – неохота. Да и не станут они расстреливать меня, надумай я броситься под их пули с воплем «банзай!». Не прикончили сразу, сейчас не прикончат и подавно. Влепят в живот еще одну резиновую пулю, а потом ботинками по ребрам пройдутся для острастки. Сказал же Венья: делайте с Мракобесом что хотите, лишь бы он разговаривать мог.

Вот только о чем мне с ними толковать? У нас и прежде не находилось общих тем для разговора, а за тот год, что мы не виделись, я даже здороваться с «буянами» расхотел. А вот они, кажется, нет. Разве только их нынешнее приветствие даже близко не напоминает пожелание доброго здоровья.

– Как самочувствие, Мракобес? – участливо поинтересовался Встанька, держа меня на мушке автомата. – Сам идти сможешь? А то ежели придется тебя еще из канавы на своем горбу тащить, боюсь, мой радикулит мне этого не простит.

– Не хнычь, сам дойду, – буркнул я, медленно поднимаясь на ноги. Спина болела так, словно по ней припечатали ломом, но само падение с откоса не причинило мне вреда. Чего нельзя было сказать о подъеме, который грозил закончиться для меня в лучшем случае парой зуботычин, а в худшем – каким-нибудь увечьем. Воображение в этом плане у раскольников богатое.

Пока я, кряхтя от боли в спине, карабкался на склон, Встанька подобрал мой «Абакан» и, повесив его на плечо, двинул за мной, готовый, если что, прострелить мне задницу. Я ему такой повод предоставлять, естественно, не собирался. Хотя, будь у Встаньки желание истратить на меня лишний патрон, он сделал бы это безо всякого повода, просто от души. Встаньке было уже за сорок, командующему им Черепку – от силы двадцать пять, однако Венья не шибко уважал своего ветерана. Странно, почему тот вообще связался с раскольниками. Насколько я помнил, под командованием Воронина ему тоже жилось припеваючи.

Паче чаяния, в морду я не получил. Напротив, Черепок с приятелями протянули мне руки и подсобили выбраться из ложбины. Правда, лишь затем, чтобы тут же связать запястья снятой с Бульбы гароттой и погнать куда-то в сторону леса. Под началом Черепка помимо Встаньки и поигрывающего моим мачете калмыка Али-бабы находилось еще трое бойцов: земляк и неизменный напарник последнего – Сим-сим, угрюмый крючконосый дылда Гоша Багор, а также удерживавший гаротту за палку и страховавший меня от глупостей дюжий поляк Гжегож, коего мы в свое время окрестили Жегловым, исключительно из-за созвучия его имени с фамилией знаменитого советского сыщика. Больше ничего общего у этих двух Жегловых не было.

Выстроившись друг за другом, мы перебрались через рассекающую поляну балку – настолько узкую и заросшую, что я даже не заметил ее в бинокль, когда изучал окрестности. В ней и прятались повязавшие меня «буяны». И теперь они торопились убраться с открытого пространства в ближайший лесок, дабы не маячить на виду поблизости от Бара – заведения, где им сегодня вряд ли окажут теплый прием.

Лесок этот пользовался у нас дурной славой. Аномалии в нем плодились урожайнее, чем мичуринская клубника, и все шестеро бывших должговцев отлично об этом помнили. Но проводник группы Сим-сим уверенно вел нас туда, куда я на их месте сроду не сунулся бы по доброй воле. Что за нужда загнала в наши края компанию раскольников, они мне признаваться не спешили. Но я не утруждал себя расспросами. Даже если Веня не выложит передо мной карты, я догадаюсь о цели его визита в наши палестины по задаваемым им вопросам.

И Али-баба, и его земляк всегда казались мне не настолько матерыми сталкерами, чтобы доверять им обязанности проводников. Но сегодня я был вынужден изменить о них свое предвзятое мнение, ибо Сим-сим на моих глазах совершил подвиг, на который до него еще не отваживался никто из должговцев. А коли отваживался, то непременно с позором отступал от аномального леса. Наши звуковые детекторы аномалий верещали так, что, казалось, у них вот-вот перегорят пищалки, а атмосфера в лесу была пропитана чем-то незримым, но заставлявшим воздух буквально застревать в горле. Проку от респираторных масок не было. Мы задыхались и кашляли, но все равно продолжали шаг за шагом углубляться в лес.

Едва я сбавлял темп, Гжегож тут же подталкивал меня палкой от гаротты и бубнил по-польски что-то грубое. Мне оставалось уповать лишь на то, что Черепок знает, куда он нас гонит. А иначе каждый из этих «буйанов» с легкостью завоюет титул «камикадзе месяца», присваиваемый посмертно сетевым голосованием сталкеров тому, кто из-за непомерной самоуверенности обрек себя на наиболее глупую, по общему мнению, гибель. Уверен, сетевое сообщество долго рукоплескало бы нашему добровольному сошествию в бурлящий аномальный котел.

По каким приметам ориентировался Сим-сим, было известно лишь ему одному. Куда ни глянь, повсюду нас окружало дрожащее полупрозрачное марево. Периодически то здесь, то там промеж вязов и ясеней сверкали молнии, а сами деревья или начинали раскачиваться невольно, или на глазах меняли свою форму, но при этом не трещали и не ломались, как будто были резиновыми. Почва под нами тоже ходила волнами, прогибалась и колыхалась, словно студень, но ноги почему-то в нее не проваливались. И чем дальше, тем окружающее нас безумие становилось все сильнее и сильнее.

И когда я уже был готов удариться в панику и потребовать у Черепка сжалиться и пристрелить меня, игравшая с пространством, как с пластилином, аномалия прекратила буйствовать и исчезла бесследно. Дышать вновь стало легко, деревья успокоились, а земля обрела привычную твердость. Обернувшись, я увидел, что мы удалились от опушки в глубь леса всего на дюжину шагов, однако по субъективным ощущениям я прошагал в компании раскольников-самоубийц не менее полутора сотен метров. Хорошенькие шуточки, слов нет. Хоть бы предупредили, ироды, что все это ненадолго. А то продлись наше путешествие сквозь резиновый лес еще хотя бы пару минут, и Веня точно разговаривал бы потом не с Мракобесом, а с чокнутым психом.

– А вы умеете развлекаться, парни, – заметил я, дыша так, будто только что пробежал на время стайерскую дистанцию. – Что это было? Какая-то фата-моргана?.. Ну и здоровенные же памперсы вам, небось, пришлось надевать, когда вы первый раз этой дорогой шли, верно?

– Захлопни пасть! – рыкнул в ответ Черепок, а Жеглов подкрепил его слова, в очередной раз стукнув палкой мне по запястьям. Я решил, что подтрунивать над этой публикой себе дороже, и покорно прикусил язык. Загравком чую, что так и так еще получу сегодня на орехи, поэтому зачем выпрашивать сверх положенного?

Гадать о природе подобных аномальных явлений в Зоне – дело в высшей степени неблагодарное. Тот же разрушенный «Монолитом» Небесный Паук, к примеру, являл собой куда более любопытную загадку. Что действительно волновало меня в настоящий момент, так это собственная судьба. Впрочем, тут уже не требовалось иметь семь пядей во лбу, чтобы предсказать, что случится после нашей с Веней беседы. «Мавр сделал свое дело, мавр может уходить...» Прямоком в Ад, ибо вряд ли райский фэйс-контроль – святой Петр – пропустит меня на идущую в небесном клубе закрытую вечеринку праведников.

Ширина этого леска, который на наших ПДА-картах имел форму продолговатой блесны, не превышала полукилометра. Не успели мы углубиться в него, как впереди, в просветах меж деревьев, уже забрезжила противоположная опушка. Однако «буйаны» не стали шагать к ней, а свернули влево и вскоре вышли к бревенчатой избушке – не то охотничьему домику, не то складу служившего здесь четверть века назад лесничего. Казалось, пни ее посильнее и ветхий – пять на пять шагов – сруб моментально развалится в труху. Потемневшие от времени, замшелые бревна сливались с серыми

стволами растущих окрест деревьев, а скопившиеся за многие годы на крыше сломанные ветром ветки и пожухлая листва лишь усиливали естественную маскировку домика. Не знающий о нем человек мог пройти неподалеку от этой постройки и даже не заподозрить о ее существовании.

Двери во входном проеме не было – от нее остались лишь прибитые к косяку ржавые петли. Вместо окон в стенах были пропилены узкие, шириной в одно бревно, щели, а вся мебель состояла из разнокалиберных чурбаков, заменявших стулья. Печка также отсутствовала, зато в углу обнаружилась стопка свернутых армейских одеял, примус и чайник, а на газете, расстеленной прямо на земляном полу, остались следы недавнего завтрака – в домике до сих пор пахло разогретыми рыбными консервами и гренками. По всем приметам, шестерка раскольников провела минувшую ночь именно здесь, а не где-то еще.

Гоша Багор выкатил на середину избушки крупный чурбак, а Гжегож грубо усадил меня на него и остался стоять позади, готовый пресечь мои попытки к сопротивлению. После чего Гоша забрал примус, чайник и реквизированный у меня коньяк и вышел, оставив в тесном домике лишь меня, поляка и Черепка. Прочие «буяны» расположились снаружи у двери, решив тоже быть в курсе событий и заодно устроить чаепитие.

– Чем тебе помешал покойный Бульба, Веня? – с укоризной поинтересовался я. – Насколько я в курсе, ни ты, ни твой брат не имели к нему никаких претензий. Как, впрочем, и ко мне. Но если бы такие претензии и были, ты что, на полном серьезе хотел предъявить их воскресшему мертвецу?

– Верно толкуешь, Мракобес. Сказать по правде, мне и Борису уже давно плевать на вас, мягкотелых говнюков, и ваши дерьмовые убеждения. – Черепок снял ранец, поставил в угол автомат и, взяв еще один чурбак, уселся на него напротив меня. – Однако мы пригласили тебя сюда не о политике трепаться и выяснять, за кем правда, за Ворониным или Черепом. Все намного проще, поверь. Настолько просто, что когда ты узнаешь, почему сидишь на этой чурке, тебе даже станет смешно от того, что ты сам не догадался о таком пустяке... Знаешь Тишку-Барыжку?

– Кто ж его не знает! – подтвердил я. – «Любой контрафакт за ваш артефакт», – так, кажется, Тишка любил приговаривать, когда в Баре клиентов себе подыскивал... А что с ним случилось?

– Недавно Барыжка здорово сглупил, подвязавшись снабжать «Свободу» лекарствами, да еще по демпинговым ценам, – просветил меня раскольник. – Брату это не понравилось, и он утопил Тишку в «киселе». Нелепая смерть, если задуматься. Особенно для такого тертого контрабандиста, как он. Ну как можно было соглашаться на такую работу, зная, что это сильно разозлит Черепу?

– Ха! – фыркнул я. – Вся Зона была в курсе, что Барыжка – слуга не то что двух, а целой дюжины господ! Да на кого он только одновременно не работал: на нас, на «Свободу», на наемников, на «Грех», на Болотного Доктора... Может, и на «Монолит», хотя Барыжка всегда клялся, что не имеет с сектой никаких дел. В Зоне разве что кровососы и снарки не торговали с Тишкой, хотя лично я не стал бы утверждать с полной уверенностью... И никто на него за это отродясь не обижался. Потому что Тишка был нашим вторым солнцем: одинаково светил всем – и правым, и неправым... Знаете, что вы наделали? Вы предали и без того святого человека мученической смерти, сделав его еще более святым! И если Господь все же не брезгует заглядывать в наши края, он ни за что не простит вам это судилище!

Черепок скривил презрительную гримасу и рассмеялся. Гжегож тоже издал короткий смешок, а сидевший на пороге избушки Встанька воскликнул «Ну загнул!» и прихлопнул себя по коленке, словно я поведал им не общеизвестную истину, а несусветную ересь.

– Ишь куда замахнулся: Тишку – в ранг святого! – подивился Веня, переглянувшись с приятелями. – Интересно, как ты запоешь об этом проныре, когда узнаешь, за что он пытался выкупить у нас собственную жизнь.

– Видать, мало предлагал, раз все-таки не выкупил, – заметил я.

– Как знать, – пожал плечами раскольник. – Барыжка, конечно, клялся и божился, что говорит нам чистейшую правду. Но ничем другим, кроме этих клятв, он свои слова не подтвердил, а милость Черепу стоит значительно дороже. Вот у тебя, к примеру, шансов купить ее намного больше. Просто отдай нам вашу с Бульбой секретную коллекцию раритетов, о какой трепался Тишка, и мы с тобой расстанемся по-хорошему.

Эх, Тишка, Тишка! Никаким святым ты, ясен пень, не являлся, но торгашом был от бога, это факт; от бога торговли Меркурия, если быть точным, ибо сомнительно, чтобы христианский Бог одаривал своих рабов столь могучим торгашеским талантом. Поэтому вдвойне поразительно, как тебе с твоим подвешенным языком не удалось отбрехаться от нападок Черепу. Видать, и впрямь крепко он на тебя

насел, раз ты нарушил собственный кодекс и взялся выдавать чужие коммерческие тайны, в которые был посвящен. Включаю тайну нашего с тобой долговременного сотрудничества, о которой помалкивал все эти годы.

Тишка-Барыжка принадлежал к той породе торговцев, которые дорожат своей репутацией и стремятся к тому, чтобы их считали прежде всего людьми слова, а уже потом – прожженными дельцами. До того, как ударить с вами по рукам, Тишка мог торговаться сутки напролет, но после заключения договора безукоризненно соблюдал его условия. В пользу Тишки говорил тот факт, что «Долг» при каждой оказии отправлял с ним партии артефактов для работающих в Зоне ученых. Любой недобросовестный посредник, заполучив на руки такой товар, вмиг плюнул бы на договор и слинял вместе с грузом, чтобы наварить на его продаже гораздо больший куш. Но только не Барыжка. Поэтому он имел в Зоне такой широкий круг постоянных клиентов. И потому мы с Бульбой наняли в свое время Тишку, дабы он относил найденные нами компоненты Полынного Слитка Болотному Доктору.

– Чего-чего? Коллекцию... раритетов? – недоуменно наморщив лоб, переспросил я. – Совершенно не понимаю, о чем речь. Похоже, перед смертью вы запытали Тишку настолько, что бедолага капитально умом тронулся. Единственная коллекция раритетов, какая у меня есть, – это набор советских марок. С превеликим удовольствием обменял бы сейчас на них собственную жизнь. Вот только не знал, что однажды они мне позарез потребуются, и потому, извини, не прихватил с собой в Зону ни одного альбома.

Черепок с сожалением вздохнул и поглядел на Жеглова. Тот без слов понял, что от него нужно, и отвесил мне крепкий подзатыльник. Я вовремя сообразил, что сейчас произойдет, поэтому успел втянуть голову в плечи и стиснуть зубы. Не сказать, чтобы это помогло, но, по крайней мере, язык я не прикусил.

– Полегче, ты, громила! – оглянувшись, возмутился я. – Или думаешь, мордобоем вы чего-то добьетесь? Ну, сознаюсь я под пытками, что у меня припрятана где-нибудь коллекция тех самых раритетов, о каких вам Барыжка перед смертью нашептал. Ну, соглашусь я провести вас к ней, надеюсь, что в пути выгадаю момент и задам деру. Вы мне этого, естественно, не позволите, притащимся мы на место, и что дальше? Раритетов там не окажется, и мне придется изобретать новую отмазку и опять врать вам с три короба. В итоге ваше терпение лопнет и вы один черт накормите меня «Киселем», как Тишку. Так не лучше ли поступить рациональнее и пристрелить меня прямо здесь и сейчас?.. Только сначала хотя бы вкратце намекайте, что это, мать их, за раритеты. А то, согласитесь, глупо будет подохнуть непонятно из-за чего.

Причина, по которой «буяны» не стали с ходу тыкать меня носом в список артефактов Болотного Доктора, была проста. Веня был чуть поумнее своего старшего братца: там, где второй обычно рубил сплеча и шел напролом, первый предпочитал действовать осторожно и исподволь. Вот и сейчас он не выкладывал передо мной все выпитанные у Тишки подробности, ожидая, когда я от волнения проболтаюсь и сам подтверждаю таким образом правоту Тишкиных слов. Говоря о моей коллекции, Черепок нарочно не упоминал про то, что она состоит из артефактов, предлагая мне своими устами произнести ключевое слово. Я же продолжал косить под дурачка, изображая полное непонимание, хоть и знал, чем это чревато. Мало ли что я запою, когда дело дойдет до пыток, но начинать колотиться от первого же подзатыльника Лене Мракобесу было попросту несолидно.

– Хорошо, давай освежим тебе память. – Раскольник полез в карман комбинезона и вытащил оттуда пухлый потрепанный блокнот. Книжица эта некогда принадлежала Тишке и была известна всем его клиентам. В отличие от прочих бродяг, Барыжка не любил оставлять заметки в ПДА, а предпочитал документировать свою «бухгалтерию» по старинке, педантично занося в блокнот детали каждой заключенной сделки. Что ни говори, а Веня раздобыл действительно ценный компромат, способный пролить свет на теневые делишки многих сталкеров.

– А шифровальщик из Тишки был так себе, – поморщился Черепок, пролистав блокнот и остановившись на нужной странице. – Даже поступи он как герой и не выдай нам тебя и прочих богатеньких буратинок, думаю, вскоре мы и сами разобрались бы в его иероглифах. Вот, взгляни-ка.

Вымогатель ткнул мне в лицо исписанную мелким почерком страницу, в верхних уголках которой красовались две маленькие картинки. Художник из Барыжки был такой же аховый, как шифровальщик, но разобрать, что именно изображено поверх его каракулей, было можно. В левом углу страницы находился маленький чертик с рожками, хвостиком-стрелочкой и трезубцем. Справа Тишка, как в учебнике ботаники, нарисовал растущий в земле куст, в коем по специфической форме корней

угадывался картофель. И кустик этот был перечеркнут аккуратным крестиком.

Черт и картошка. Мракобес и Бульба.... Можно было, конечно, оспорить версию Черепка, заявив, что черт и Мракобес – это вовсе не синонимы, а стало быть, не факт, что в Тишкиных записях упоминается мы с Бульбой. Вот только интуиция подсказывала мне: раскольники обсмеют мои контраргументы, поскольку они, как и Тишка, также не намеревались разбираться в подобных лингвистических нюансах.

– Извини, Веня, но я с детства страдаю дислексией и совершенно не могу воспринимать чужой рукописный текст, – опять соврал я, прищурившись и старательно делая вид, будто пытаюсь разобрать идеограммы Тишки. – Что там написано?

– Здесь написано, что за последние два года ты и твой скопытившийся кореш регулярно передавали для Болотного Доктора ценные подарки, – сделал мне одолжение Черепок. – Именно подарки, потому что Доктор не давал вам взамен ничего. И поскольку, кроме вас, больше никто в «Долге» не одаривал старика артефактами, надо понимать, Воронин о вашей благотворительности не ведаёт ни сном ни духом. Какие отсюда следуют выводы?

– И какие же?

– Очевидные, тупица! – Веня мало-помалу начинал выходить из себя. – Всем в Зоне известно, что болотный чудотворец посвящен в такие ее секреты, за которые большинство сталкеров мать родную готовы продать. Одно только чудо ему не по зубам: телепортация с места на место. Вот и приходится ему нанимать подручных для разных конфиденциальных поручений. Таких подручных, как ты. Пронюхает, к примеру, Доктор с помощью своей «магии» о новом месторождении артефактов и, пока никто другой его не обнаружил, оперативно скидывает тебе информацию. Дескать, там и там сегодня есть в наличии это и то. То можешь забрать себе, а это, будь добр, найди и переправь мне, заранее благодарен, до связи... Превосходная взаимовыгодная схема сотрудничества, я прав?

– Безусловно, – кивнул я. – Уверен, именно так Болотный Доктор и поступает. Но что бы ни болтал Барыжка, повторяю: я к их с Доктором аферам абсолютно непричастен. А жаль: будь я с ними в доле, сегодня сидел бы на целой горе артефактов и поплеывал с ее вершины на вас, неудачников, вынужденных обшаривать половину Зоны ради какого-нибудь жалкого «выверта».

– Про гору артефактов – это ты, Мракобесик, очень кстати речь завел, – ехидно потерев ладони, осклабился Черепок. – Ведь врешь, паршивец! Врешь, сучара, мне прямо в глаза и не краснеешь! Ежели вы с Бульбой настолько безгранично доверяли Барыжке, что передавали с ним докторскую долю, то почему не воспользовались Тишкиными связями, дабы сплавить из Зоны свою? Тем более что пока вы не связались с Доктором, вам частенько приходилось сбегивать через Тишку за Кордон свой «неуставной капитал». Доктор – мужик с понятиями и явно отстегивал вам от своего хабара за риск и хлопоты втрое-вчетверо больше, чем забирал сам. Так где же лежит сегодня эта могучая кучка артефактов, раз она не пересекла периметр Зоны, а? Где, Мракобесик? Отвечай, пока я тебя по-хорошему спрашиваю... Жеглов!

Поляк не заставил просить себя дважды и вlepил мне очередную затрещину, от которой я слетел с чурбака и грохнулся на пол. От удара в ушах у меня пронзительно зазвенели цикады, а перед глазами заплескали светлячки. Такая вот, мать ее, суровая прикладная энтомология...

Поскольку упал я прямо под ноги Вене, тот не удержался от соблазна тоже двинуть мне в морду. Что и сделал дважды с откровенной ленцой, не отрывая зада от чурбака. Ожидая новых побоев, я не спешил подниматься с пола, но Гжегож, дернув за гаротту, дал понять, чтобы я вернулся на место. Во избежание более доходчивых намеков пришлось ему подчиниться.

– Что ж, теперь понятно, зачем вам понадобился Бульба! – сплюнув кровь, скумекал я что к чему. – Прослышали, будто воскрешенный Пеплом мертвец может подчиняться простейшим командам, и решили заставить Бульбу вывести вас к нашему тайнику. Однако что-то пошло не так, верно? Что же именно?

– Верно мыслишь, бродяга, – подтвердил Черепок. – Иначе на хрен бы ты нам сдался, сам посуди. Хотели раньше прийти, но одна сведущая душа шепнула, что послезавтра вроде как годовщина со дня смерти Бульбы намечается и ты наверняка к нему на могилку притопаешь. Грех было упускать такую возможность, поскольку на мертвеца мы, честно сказать, особо не рассчитывали. Так оно и вышло. Проку с твоего Бульбы оказалось не больше, чем с обычного жмурика. Ходит, бурчит чего-то под нос, а командам подчиняться – ни в какую! Ладно, думаем, подождем малость, авось Мракобес пожалует. И правда: часа не прошло, а ты тут как тут! Аллилуйя, братья! Воистину одним выстрелом двух зайцев

подстрелили!.. И так, в последний раз по-человечески спрашиваю: где вы прячете свое добро? Только попробуй, сукин сын, опять вякнуть, что я фантазирую! Обещаю, через пять минут ты будешь завидовать Тишке, что он так легко отделался!..

Спустя пять минут я не завидовал Барыжке лишь потому, что решил поведать «буянам» всю правду. Попросив мысленно прощения у Бульбы, я раскрыл наш секрет, полагая, что у Вени хватит мозгов понять, что я с ними совершенно искренен. Страсть как не хотелось исповедоваться перед вымогателями, но, с другой стороны, не такая великая сегодня это была тайна, чтобы сносить ради нее пытки. Пусть раз и навсегда усвоят, что никакого тайника у меня нет, а мое единственное богатство – это все, что раскольники выудили из моих карманов. В общем, верьте не верьте, джентльмены, а я выложил вам все как на духу. Поэтому поступайте как знаете – добавить к вышесказанному мне совершенно нечего.

– Какая трогательная история, – резюмировал Черепок, покачав головой. По его издевательскому тону было очевидно, что он мне не поверил. – И каким бессердечным злодеем ты меня в ней изобразил! Дескать, подозреваю за людьми только плохое, а они-то, оказывается, вынашивают сплошь чистые помыслы и от доброты душевной артефакты направо-налево раздают... А ведь твоя правда: злодеев вроде меня еще поискать! Даже диву даюсь, как Веню Черепанова до сих пор земля носит... – И повернувшись к выходу, крикнул: – Гони столтник, Встанька! Я выиграл: без членовредительства сегодня не обойдется. И чего, спрашивается, спорил со мной, старый олух?.. Эй, я к кому обращаюсь? Услыхал про деньги и сразу оглох, что ли?

– Нет его! Отлить пошел! – отозвался вместо Встаньки Гоша Багор. Он и калмыки сидели на траве возле крыльца, попивали чаек с моим коньяком и прислушивались к доносившемуся из двери нашему разговору.

– Видел я, как он ушел. Это было пять минут назад! – нахмурился Черепок.

– Ну... может быть, не только отлить, – глубокомысленно заметил на это Багор, затем нехотя поднялся и, приложив ладони ко рту рупором, крикнул: – Встанька! Эй, Встанька, черт тебя дерит! Хорош придуливаться, я ж вижу, за какими кустами ты сидишь! Заснул, что ли?!

Эхо Гошиного крика пронеслось по воздуху и угасло, после чего секунд пять в лесу стояла глухая тишина. Пятеро раскольников и я вместе с ними сосредоточенно прислушивались, не откликнется ли ушедший до ветру Встанька, который, если верить Багру, расположился в кустах неподалеку от избушки.

Никакого ответа.

– Вот дерьмо! – выругался Черепок, вскакивая с чурбака. – Ну чего рты раззявили?! Тревога, мать вашу!..

Глава 3

Заразившись общим волнением, я тоже попытался вскочить на ноги, но бдительный Гжегож тут же пнул меня в спину и уронил на пол.

– Лежать, гнида! – приказал он мне с такой убедительностью, что ему уже не было нужды добавлять «А встанешь – пристрелю!». Все, что я мог видеть, распластавшись ниц у двери, – это небольшой клочок леса и вскинувших автоматы «буянов». Черепок, Гоша и Сим-сим целились в ту сторону, где, судя по всему, находился Встанька, а повернувшийся к ним спиной Али-баба их прикрывал. Оставшийся со мной Жеглов встал у оконца и взял под наблюдение тот край леса, который был заслонен от его приятелей избушкой. Никаких окликов больше не раздавалось. Теперь Вения и прочие общались между собой жестами и лаконичными фразами и не стремились бросаться на выручку притихшему в кустах Встаньке. Та беда, что с ним приключилась, могла настигнуть любого, кто к нему приблизится. И даже если жертва неведомой напасти еще жива, это отнюдь не означает, что кто-то должен рисковать ради нее собственной жизнью. По крайней мере, пока доподлинно не выяснится, каковы шансы на успех у спасателя и спасаемого.

Несколько минут раскольники вслушивались в тишину и всматривались в полумрак леса, ожидая от Зоны очередной подлянки, но так и не дождались. После чего решились-таки помочь Встаньке: достали из ранца Сим-сима моток капронового троса и, связав из него лассо, двинули в направлении подозрительных кустов. Али-баба, ни на миг не ослабляя бдительности, все так же прикрывал приятелям спины. Гжегож переходил от окна к окну и периодически бил мне каблуком между лопаток.

И неважно, шевелился я перед этим или нет. Поляк пинал меня всякий раз, когда переступал через мое распластанное на полу тело.

Спасатели пропали у меня из виду и, судя по всему, приступили к набрасыванию аркана на недвижимого Встаньку. Делалось это явно с безопасного расстояния, что отнюдь не благоприятствовало меткости бросков. К тому же вряд ли кто-то из раскольников владел навыками ковбоя, о чем свидетельствовали долетающие в избушку раздраженные пререкания.

Я был готов к любым неожиданностям, какие могли подстергать меня и моих врагов в аномальном лесу, но то, что стряслось затем, не имело к проискам Зоны никакого отношения. Не прошло и минуты, как метатели лассо скрылись с глаз, а я уже заработал от Гжегожа полдюжины тумачков. Безусловно, поляк пребывал на взводе, и в скором времени «буяны» так и так намеревались предать меня пыткам, однако кто сказал, что я должен сносить побои безропотно? Когда же очередной пинок Жеглова пришелся мне не в спину, а по затылку и я стукнулся лбом об пол, мое терпение лопнуло. Негодуя, я перевалился на бок и набрал в грудь воздуха, собираясь высказать все, что думаю о Гжегоже и его польской матери. Но слова так и застряли у меня в глотке, поскольку в этот миг раскольник наварлся на нечто более острое, чем моя брань.

Подойдя к окну, Жеглов заметил краем глаза, что я решил возроптать, и резко обернулся, намереваясь пресечь мою попытку в зародыше. Не сделай он этого, и ударивший в окно кинжал, сжимаемый рукой в перчатке, угодил бы поляку точно в глаз. Но Гжегож отвернулся и карауливший его снаружи убийца промазал, лишь разрезав вымогателю щеку от мочки уха до носа.

В момент этой атаки автомат поляка был направлен мне точно в грудь. Я инстинктивно сжался, не сомневаясь, что первым делом разъяренный Жеглов расстреляет меня, а потом высунет ствол в окно и прикончит того, кто покусился на его жизнь. Атаковавший «буяна» враг сплоховал, и сейчас его несостоявшаяся жертва откроет огонь и поднимет тревогу...

Но Гжегож отреагировал самым непредсказуемым образом: застыл как вкопанный с вытаращенными глазами и открытым ртом, откуда вместо крика вылетели лишь сдавленный сип и бульканье. Автомат в руках раскольника заходил ходуном, а затем в судороге забилося уже все его тело. Кровь из разрезанной щеки хлынула ему на шею, а изо рта внезапно полезла обильная пена. Сохранить равновесие при таком тотальном параличе Жеглов, естественно, не сумел. Качнувшись на одеревеневших ногах, он повалился на меня, не меняя позы, словно статуя. Я попытался откатиться, но не успел. Грузное, облаченное в защитный комбинезон тело рухнуло мне на ноги и накрепко придавило их. Упершись при падении стволом в пол, автомат Гжегожа вылетел у него из рук и брякнулся рядом.

Если бы не выступившая изо рта раскольника пена, я мог подумать о его странном припадке все что угодно. Однако слетающие с губ агонизирующего Жеглова хлопья дали понять, что его враг решил подстраховаться и обработал лезвие своего кинжала нервно-паралитическим ядом. Кто бы теперь сомневался, что убийца поляка имеет прямое отношение к тому, что случилось со Встанькой! И кем бы ни был этот незримый «ангел смерти», в настоящий момент мы находимся с ним по одну линию фронта и мои шансы отделаться от вымогателей значительно возросли.

– Жеглов, что там у тебя?! – окликнул Гжегожа прикрывавший приятелей Али-баба. Они удалились недалеко от избушки, поэтому и расслышали грохот упавшего тела. Вот зараза! Ответить вместо поляка таким же грубым басом у меня не вышло бы при всем старании. Оставался один выход: отмалчиваться. И, разумеется, поскорее избавиться от гаротты, чтобы завладеть лежащим в шаге от меня автоматом.

Сковывавшая запястья петля была сделана из стального троса, поэтому разорвать или перетереть ее обо что-нибудь острое я не мог. Да это мне и не требовалось. На рукояти гаротты имелась подвижная втулка, посредством которой наброшенная на шею животного или человека удавка стягивалась и стопорилась в таком положении. Связав меня, педантичный Гжегож не забыл заблокировать стопор. Попытавшись ослабить петлю энергичными вращениями кистей, я скорее перерезал бы себе вены, чем высвободил руки. Однако подохнув, Жеглов оказал мне услугу, предоставив полную свободу действий. Все, что я должен был сейчас предпринять, – это пропустить через промежность болтающуюся сзади рукоять гаротты, упереть один конец палки в стену и ногой отжать стопорную втулку.

Прodelать сей незамысловатый трюк смог бы при необходимости даже старик или ребенок. Но мне для осуществления задуманного мешало лежавшее у меня на ногах мертвое тело. Оно содрогалось в затухающих конвульсиях и, обладая внушительным весом, не позволяло вытащить из-под него лодыжки. Будь у меня свободны руки, я быстро спихнул бы с себя труп. Но по злой иронии судьбы в

этой задаче действия были выстроены в обратном порядке, отчего рациональное решение отсутствовало напрочь.

– Жеглов! – вновь гаркнул калмык. Голос его прогремел прямо за стеной. Я снова попытался рывком высвободить ноги, и снова безрезультатно. А «ЗИГ» Гжегожа лежал от меня на расстоянии вытянутой руки – такой близкий и одновременно такой недоступный...

– Мужики, Мракобес поляка завалил! – проорал Али-баба, так и не дождавшись ответа из избушки. – Точно вам говорю!

– И Встаньку кто-то прирезал! – известил его в свою очередь Сим-сим. Они с приятелями только что осмотрели первое тело и выявили причину его смерти, благо для этого не требовалось быть судмедэкспертом.

– Обложили, уроды! – присоединился к ним Гоша Багор. – Говорил я вам, что Мракобес один за нами не пойдет, а подмогу вызовет, – не поверили! Теперь, блин, подыхай тут с вами ни за хрен собачий!

– Хватит блажить, истеричка! – прикрикнул на него Черепок. – Долговцы совсем близко окопались! Прятаться тут особо негде, так что давай поднимем их с земли! И Мракобеса этого кончай! Огонь!

Четыре автомата заговорили вразнобой короткими очередями. «Буяны» взялись дружно обстреливать все потенциальные укрытия противника, а также одно явное – избушку. Я вжался в пол, зная, что ее ветхие стены не спасут меня от автоматных выстрелов. Многие выпущенные по мне пули прошивали трухлявое дерево насквозь, но некоторые все-таки застревали в бревнах, и потому внутри домика было малость поспокойнее, чем снаружи. Хотелось надеяться, что таинственный каратель надежно спрятался и не полез под шквальный огонь раскольников.

Оказавший мне медвежью услугу труп громилы-поляка теперь, напротив, защитил меня от свинца. Благодаря тому, что пули летели с одного направления – от двери, я прекратил дергаться и, насколько позволяли придавленные лодыжки, сместился на полу так, чтобы мертвец стал моим щитом. Несколько раз тело Жеглова вздрагивало от попадавших в него пуль, каждая из которых могла при ином раскладе впиться в меня. Что ж, мне следовало выразить поляку посмертную благодарность, пусть даже при жизни он был со мной не слишком любезен.

Огонь прекратился тогда, когда, по моим расчетам, каждый раскольник израсходовал по магазину. Каковы их успехи, они пока не знали, но в ответ им не грянуло ни единого выстрела. А вот это очень плохо! Завяжись снаружи перестрелка, она оттянула бы на себя всех врагов, дав мне возможность под шумок полностью освободиться и заполучить жегловский автомат. Отсутствие же ответного огня вынудит Черепка справиться о моем самочувствии, которое сейчас никак не соответствовало его чаяниям. Чему, впрочем, Веня не особо расстроится, ибо ему хватит всего одной пули, чтобы исправить свою ошибку.

Приподняв голову и выглянув в дверь, я с ужасом понял, что все именно так и складывается. Держа автомат на изготовку, Али-баба крался к избушке, а Черепок, Гоша и Сим-сим, сменив магазины, заняли позиции за ближайшими деревьями и старались осторожно высмотреть, уколошили они кого-нибудь или нет.

Что ж, похоже, на сегодня лимит моего везения исчерпан. Впрочем, опять-таки с какой стороны посмотреть. Я заработаю пулю в лоб, зато избежну пыток. Иными словами, выберу из двух зол меньшее. Чем не везение, учитывая, сколько погибших в Зоне сталкеров были лишены перед смертью даже такого сомнительного выбора?

– Живучий, сукин сын! – воскликнул нарисовавшийся в дверном проеме Али-баба, когда увидел меня, целого и невредимого.

По идее, эти слова должны были стать последними словами, что я услышал в своей жизни. Однако судьба, игравшая мной сегодня, как щенок ботинком, рассудила иначе. Стоило лишь ей небрежно щелкнуть пальцами, и брошенное Али-бабой восклицание стало эпитафией не мне, а ему самому. Жаль только, калмык этого так и не понял. А иначе он обозвал бы меня живучим не со злорадством, а с завистью.

Выстрела, который прикончил Али-бабу, я не расслышал. Выпущенная моим таинственным ангелом-хранителем пуля вошла калмыку в затылок и вышла из лба, вмиг стерев у него с лица не только победоносную ухмылку, но и в буквальном смысле само лицо. Осколки костей и ошметки мозга разлетелись брызгами, словно брошенное в вентилятор дерьмо, а наполовину обезглавленное тело

перевалилось через порог и плюхнулось на пол, выставив мне на обозрение свой развороченный череп. Миг, и в тесной избушке стало еще теснее от лежащих впопалку двух мертвецов и затесавшегося между ними меня.

Всего пару секунд маячил Али-баба в дверях, загораживая мне видимость. Но за это время перед входом в избушку тоже успело случиться кое-что крайне любопытное. Прятавшийся доселе за деревом Гоша Багор, выронив автомат, стоял на коленях и, выпучив глаза, держался обеими руками за горло. Из рта, а также сквозь пальцы у него хлестала кровь. Все ясно: прежде чем прикончить Али-бабу, стрелок всадил пулю в нектати высунувшегося из укрытия Багра.

Избежавшие подобной участи Черепок и Сим-сим, не сговариваясь, попадали наземь, дабы не стать легкими мишенями. В отличие от меня они наверняка слышали оба выстрела. Каким бы хорошим глушителем ни было оснащено оружие, в бою на средней дистанции, да еще в минуту затишья звуки приглушенной стрельбы все равно долетели бы до ушей противника.

Но больше всего «буяны» были ошарашены, конечно, не услышанным, а увиденным. Их враг не поддавался на провокации и нападал тогда, когда считал нужным. Навязываемый невидимкой темп боя был неровным, отчего предугадать его выпады оказалось крайне сложно. Своим коварным выжиданием он сбивал с толку, заставлял сомневаться и деморализовывал будущих жертв. Веня был опытным сталкером, но, похоже, раньше ему не доводилось противостоять такому хладнокровному сопернику.

Впрочем, раскольники и сами быстро смекнули, что затягивание боя им не выгодно. Обменявшись выразительными жестами, Черепок и Сим-сим достали каждый по паре гранат, вырвали из них предохранительные кольца и, кивнув друг другу, расшвыряли гранаты во все стороны. После чего припали к земле и заткнули уши.

Чертыхнувшись, я был вынужден поступить так же – одна из брошенных Сим-симом гранат стукнулась в стену домика. Прежде чем я вжался в пол, мне почудилось, что за окнами промелькнула чья-то тень. А может, вовсе и не почудилось. Если незримый каратель находился рядом с избушкой и не проморгал гранатную атаку, спрятаться от взрыва за бревенчатой постройкой было для него наилучшим выходом.

Череда разрывов сотрясла воздух, учинив снаружи маленький, но яростный ураган. Громыхнувшая возле избушки граната не разрушила стену, а лишь надломила трухлявые бревна, как хороший пинок может вмять бок плетеной корзины. Из-за смещения стены дощатая крыша просела, но до обвала дело не дошло. Лишь несколько оторвавшихся от стропил досок упали на пол, одна из которых преобольно огрела меня по отбитой Гжегожем спине.

Гранатный обстрел служил лишь подготовкой к отступлению «буянов», поэтому, как только шквал осколков улегся, Черепок и Сим-сим сразу двинули на прорыв. Разбросанные ими во все стороны гранаты указывали на то, что точную позицию стрелка они так и не вычислили. Убегать же вымогатели предпочли туда, откуда пришли – видимо, эта была единственная разведанная ими дорога в сердце аномального леса.

Однако их враг тоже не мешкал. Он и впрямь пересидел осколочную бурю за избушкой, а когда раскольники вскочили с земли, уже ловил их на мушку. Первые его выстрелы предназначались Черепку. Но он, опасаясь именно этого, рванул с места и сразу начал метаться на бегу из стороны в сторону. Поэтому все пули, кроме одной, прошли мимо Вени, а та, что угодила в него, прострелила ему бедро. Несшийся сломя голову Черепок споткнулся и, выронив автомат, закувыркался по траве. Но вскоре врезался в подвернувшееся ему на пути дерево и остановился.

Сим-симу повезло больше. Калмык также увернулся от большинства пуль, но одна или две – я увидел это за миг до того, как он скрылся в лесу, – все-таки задели его. Устоял он на ногах или нет, разглядеть уже не удалось. Зато я наконец-то увидел охотника, устроившего это кровавое сафари.

Едва «буяны» отведали свинца, как перед избушкой нарисовалась гибкая худощавая фигура в сером сталкерском комбинезоне. И комбинезон, и винтовка карателя были уникальными, но я почти сразу узнал их, потому что уже имел дело с их хозяином. Или, вполне может статься, – с бывшим хозяином. В Зоне снятые с убитых сталкеров вещи всегда находили себе новых владельцев. Хотя в нашем случае я склонялся к мысли, что узнанные мной оружие и экипировка не сменили за минувший год владельца. Уж слишком характерен был почерк, с которым он разбирался со своими, точнее, нашими врагами.

И разборка эта была еще не окончена. Вышедший из тени серый сталкер как раз менял магазин, когда на него с криком набросился один из недобитых им врагов – Черепок. Размахивая ножом и

припадая на простреленную ногу, Веня тем не менее довольно резво бежал к противнику. Лицо раскольника заливала кровь – ударившись о дерево, он сильно разбил голову. Вдобавок этот удар, кажется, помутил ему рассудок. Вместо того чтобы искать в траве утерянный автомат, Черепок в горячке схватился за оружие, какое было у него под рукой. Чего наверняка не сделал бы, будь способен мыслить адекватно. Переть с ножом на человека с винтовкой – заведомо гиблая затея.

Но странное дело: каратель, который только что преподавал всем нам урок мастерской стрельбы, вдруг оплошал, будто школьник, впервые разбирающий автомат на уроке ОБЖ. Когда серый сталкер показался мне на глаза, он нес винтовку в правой руке, но для перезарядки зачем-то переложил ее в левую. Затем отстегнул смотанные изолентой спаренные магазины, но едва собрался поменять пустой на полный, как винтовка внезапно выпала у него из руки, словно он вообще не держал ее. Стрелок попытался поймать выроненное оружие, но не сумел, и оно грохнулось на землю. А осатаневший Черепок уже бросился на опростоволосившегося противника, намереваясь не упустить отличную возможность вогнать нож во вражеское горло.

Уронив винтовку, стрелок тут же прекратил суетиться, бросил рядом магазин и, забыв о них, сосредоточился на бегущем к нему «буяне». У серого сталкера тоже имелся нож, в ножнах на левом предплечье – тот самый нож, которым были убиты Гжегож и Встанька. Поэтому у карателя не оставалось выхода, как снова схватиться за свой кинжал, который не выглядел таким грозным, как Венин «Ка-бар», зато по смертоносности превосходил его многократно.

Раненый Черепок хромал, но на ногах держался уверенно и к тому же впал в безудержную ярость, словно берсерк. Лично я поостерегся бы недооценивать его как бойца. Серый тоже не стал кидаться грудью на нож, а выждал, пока их с раскольником не разделяли считанные шаги, после чего резко отскочил вбок, не предприняв атаки. Черепок сделал неуклюжий выпад, стараясь дотянуться до ускользнувшего противника, но лишь впустую рассек клинком воздух.

Опасаясь контратаки в спину, «буян» не мешкая развернулся на здоровой ноге, нанося одновременно размашистый рубящий удар. Он был бы вдвойне опасен, окажись у Черепка в руках мое мачете. Однако и обычным боевым ножом он мог шутя распластать противнику горло, угоди каратель ненароком под эту атаку. Но об оборотной стороне такого удара ослепленный гневом Черепок явно позабыл. Или же счел, что оппонент продолжит бегать от него, выгадывая момент для атаки в спину.

Возможно, в иной ситуации серый сталкер и не спешил бы, но поблизости околачивался недобитый приятель бешеного фехтовальщика. Поэтому затягивание боя не входило в планы любителя отравленных клинков. Позволив врагу нанести новый размашистый удар, он дождался, когда Веня в очередной раз промажет, и мгновенно контратаковал противника, еще не вернувшегося в защитную стойку.

У карателя было крайне мало времени на то, чтобы поразить Черепка в единственный открытый участок тела – лицо. Но оплошав при перезарядке винтовки, сейчас серый безоговорочно реабилитировался. И когда он, нанеся удар, отскочил от раскольника, физиономию того рассекал косой шрам, а сам Веня выгнулся от сковавшей его судороги и пускал изо рта пену. Отравитель же метнулся к своей винтовке, перезарядил магазин и, как только содрогающийся в конвульсиях Черепок рухнул на траву, его убийца уже был готов встретить Сим-сима во всеоружии.

Однако встреча так и не состоялась. Побоявшись явиться лично, калмык прислал вместо себя два десятка пуль. Ни одна из них не нашла подходящую цель, а половина и вовсе просвистела над покосившейся крышей избушки. Переждав обстрел за ближайшим деревом, серый сталкер опять скрылся с моих глаз. Шмыг, и будто его здесь и не было, а трупы на поляне – неизвестно чьих рук дело! Шустрый дьявол, ничего не скажешь.

Вернулся он лишь тогда, когда я, поднапрягшись, избавился-таки от ненавистной гаротты и придавившего мне ноги трупа. Теперь охотник на раскольников вышел из леса совершенно не таясь, а на трофейный автомат в моих руках, казалось, вообще не обратил никакого внимания.

– Удрал узкоглазый, – бросил мне серый, отчитавшись таким образом о результате проведенной им погони. – Думал, я его сильнее подранил, а на самом деле только плечо вскользь зацепил. Ты сам-то как?

– Бывало и лучше. А ты жив, стало быть, курилка? – буркнул я, вглядываясь в жуткую татуированную рожу майора. Того самого вероломного союзника, с которым мы расстались год назад при крайне неблагоприятных обстоятельствах и которого я с тех пор считал погибшим. А он, оказывается, несмотря ни на что, по сей день топтал Зону, живой и, на первый взгляд, вполне здоровый.

– Жив, как видишь, – без особой радости подтвердил майор, переворачивая ногой тело Вени и осматривая его с равнодушием готового к разделке туши мясника. Такое ощущение, что мы вообще не расставались с этим воякой, не соизволившим в прошлый раз даже сообщить нам свое имя. Та же экипировка, тот же бесстрастный взгляд, те же радикальные методы решения насущных проблем... Разве что трупов сейчас вокруг нас поменьше, чем тогда, в Диких Землях, после боя с монолитовцами. Зато сегодня мой вклад в нашу победу был нулевым. Майор управился с вымогателями без моего участия и при этом почти не запыхался. Если бы не досадная оплошность при перезарядке, можно было бы сказать, что оперативник неведомой мне спецслужбы провел эту боевую операцию как по нотам.

Впрочем, кто я такой, чтобы критиковать своего спасителя? Он избавил меня от проблемы, которая еще немного, и попросту прикончила бы меня. Причем куда менее гуманным способом, чем тот, каким майор разобрался с «буянами». Поэтому будет нелишне поблагодарить его за это. Но не сейчас. Несмотря на его сегодняшние заслуги, я не мог просто взять и вычеркнуть из памяти то, как он бросил меня и тяжелораненого Бульбу в Диких Землях. Как выяснилось, подобное нелегко забыть, даже когда спустя год твой обидчик с лихвой искупает свою вину...

– Каким ветром тебя сюда занесло? – любопытствовал я, приподнимая за шиворот мертвеца и помогая майору снять с него пояс и подсумки. Сам каратель меня об этом не просил, но я считал себя культурным человеком, который оказывает приятелям мелкие услуги без лишних напоминаний. – Только не говори, что случайно проходил мимо и решил вступить за старого знакомого. Даже будь это и впрямь так, вряд ли я поверю в подобное совпадение. Потому что отлично знаю – такие «отзывчивые» парни, как ты, не подвержены благородным порывам... Уж извини за прямоту, майор.

– Зови меня Кальтер, – порекомендовал тот, бесцеремонно вешая трофейный пояс с подсумками мне на плечо и приступая к проверке карманов Черепка. – Год назад после хорошо известных тебе событий я самовольно ушел со службы и остался в Зоне. С тех пор тут и обитаю. Присматриваю по мере сил за порядком да изредка напоминаю некоторым распоясавшимся сталкерам, что надо держать себя в рамках приличий. Ведь это единственное, что я в жизни умею – напоминать людям о существовании высшей справедливости... Но ты прав: твоей проблемой я занялся не мимоходом и не по велению душевного порыва. Так что все закономерно, никаких случайностей... Держи.

Кальтер всучил мне вдобавок к подсумкам отобранные у Вени ПДА, портмоне, пару пеналов для хранения артефактов и брезентовый мешочек, после чего направился к телу Гоши Багра. Мне оставалось лишь скинуть мелкие трофеи в трофейный же мешок и последовать за мародером в качестве добровольного помощника. То, как он педантично и вместе с тем споро проводил обыск, говорило, что за свою жизнь этот головорез обшарил немало оставленных за собой трупов. К тому же, если верить Кальтеру, весь прошлый год он фактически только этим и кормился.

– Высшая справедливость – дерьмо, – заметил я. – Однако в последнее время многим из здешних подонков и впрямь досталось по заслугам. Трутень – глава клана наемников-сводников, – пропал без вести из своего бункера пару месяцев назад. Бандитские шишки собрались минувшей зимой на сходняк, да так и остались под развалинами своей «хаты», которую чья-то добрая душа наштапиговала минами по самую крышу. Аббат Барбоза – фанатик-«грешник», что мнил себя здешним инквизитором, был сожжен заживо неизвестным «праведником» в прошлом году, аккуратно на католическое Рождество. Назара Чупу, торговца стволами, Гурон грохнул, а сам через неделю разбился на вертолете при штурме Небесного Паука. Ближайший соратник Гурона – Люпус Серый – пошел затем восстанавливать «выжигатель», но кто-то вырезал его группу подчистую, а самого Серого вздернул на одной из тамошних антенн с привязанной к шее табличкой: «Зона судит всех. Здесь нет невиновных». А сегодня вот до Вени Черепка очередь дошла... Какие из этих жмуриков, кроме последнего, еще на твоей совести?

– Больше – никто, – отрезал Кальтер и поинтересовался: – А что, этот твой Черепок был ровня Гурону или Трутню?

– Ты прожил в Зоне целый год и до сих пор не знаешь, кто такие Череп и его младший братец? – удивился я.

– Местный бомонд интересуется меня только тогда, когда начинает страдать манией величия, – признался творец справедливости. – Хотя про должовца-ренегата Черепу я кое-что слышал.

– Что ж, теперь у нас есть шанс вскорости с ним встретиться и выразить наши глубокие соболезнования по поводу гибели брата Вени, – мрачно пошутил я. – Сим-сим – этот калмык, которого ты упустил, – небось уже телеграфировал боссу о том, что тут стряслось, и самое главное – кто в этом виновен. Поздравляю, майор: мы с тобой объявили войну Черепу и его отряду «Буян». Не то чтобы оно

сильно меня нервировало, но когда главарь подобных отморожков становится твоим кровным врагом, это, мягко говоря, не способствует твоей сталкерской карьере.

– Хм... И впрямь трагедия... – молвил Кальтер, не отрываясь от сбора трофеев. На его лице по-прежнему не отражалось ни малейших эмоций. Зато они наверняка были заметны на моем, ибо, когда я смотрел на причудливо татуированную физиономию майора, мне всякий раз становилось мерзко и неуютно. Не хотелось себе в этом признаваться, но, кажется, я попросту побаивался Кальтера, как побаивался тех незнакомых собак, которые подпускали меня к себе, но при этом не виляли хвостами. Никогда не знаешь, чего от такого пса ожидать: ответного дружелюбия или направления на курс прививок от бешенства. А в случае с Кальтером альтернатива дружбе была такая, от которой уже никакие прививки не спасут.

Мой молчаливый приятель взвалил мне на плечо очередной трофей и высыпал в услужливо подставленный мешок все ценное, что выгреб из карманов Гоши. После чего направился к Встаньке. Будучи прислоненным к дереву, тот так и сидел на корточках со спущенными штанами, отчего издали выглядел ну прямо как живой. Убит он был аккуратным надрезом, нанесенным ему под основание черепа все тем же отравленным кинжалом. Судорога накрепко сковала скрюченного Встаньку, и, даже когда Кальтер пинком уронил его на землю, он так и остался лежать в этой позе с перекошенным посеревшим лицом. Ни дать ни взять каменная горгулья, что свалилась с какого-нибудь готического собора и отбила при падении крылья.

– Так что там насчет твоего ко мне интереса? – отобрав у мертвого Встаньки свой «Абакан», напомнил я собеседнику о его недавнем признании.

– Давай обсудим это в другом месте, – предложил Кальтер. – Здесь оставаться нельзя. Есть подозрение, что эти шестеро – лишь половина околачивающейся в окрестностях Бара группы раскольников. Не хватало еще, чтобы тот калмык привел сюда через час остальных своих дружков.

– Хорошо, – согласился я, тоже не испытывая желания торчать в этом малоприятном месте. – Только сначала тебе придется помочь мне перезахоронить Бульбу, могилу которого эти ублюдки разорили сегодня утром.

– Конечно, – не стал перечить Кальтер. И, немного помолчав, добавил: – Что бы ты обо мне ни думал, я действительно сожалею, что с Бульбой все так получилось. И тогда, и сегодня. Это не оправдание – просто прими мои слова к сведению, договорились?..

Глава 4

Чтобы достать сброшенный с откоса памятник, нам пришлось изрядно попотеть, но звать из Бара подмогу я не стал. Во-первых, Кальтер попросил меня этого не делать, а во-вторых, пришлось бы слишком долго растолковывать приятелям, что тут стряслось. Заниматься этим сейчас мне совершенно не хотелось – и без того голова шла кругом.

Во время нашей скорбной и маетной работы всплыли кое-какие подробности, что предшествовали моей внезапной встрече с человеком, которого я весь минувший год причислял к безнравственным засранцам, способным на пути к собственным целям усеять путь телами как врагов, так и союзников. Вряд ли с той поры Кальтер сильно переменялся. Но теперь он, по крайней мере, был со мной честен, признавшись, что не стал бы меня спасать, не будь я ему действительно нужен. А он якобы мог принести пользу мне. Если, конечно, подслушанное им в лесу мое признание Черепку являлось правдой, а не обычной ложью во спасение...

Кальтер околачивался в наших краях уже третий день, ожидая, когда я вернусь из рейда; он проведаль об этом из разговоров, которые подслушал в Баре, когда наведалься туда позавчера. Он не стал наносить визит своим знакомым Воронину и Петренко, поскольку очередной визит майора на нашу базу вызвал бы у них слишком много вопросов и подозрений, а это ему было не нужно. Сняв у Бармена комнату в одном из облагороженных им подвалов завода «Росток», Кальтер проторчал там вплоть до моего возвращения, выходя на поверхность лишь для того, чтобы посидеть в темном уголке Бара и послушать сплетни.

Сегодня утром он хотел перехватить меня в «Сто рентген», но опоздал всего на полчаса. Майор не рассчитал, что, вернувшись вчера поздно вечером после изнурительного рейда, я проснусь в такую рань и куда-то отправлюсь. Благо узнать маршрут моей прогулки было вовсе не сложно. Расспросив Бармена, Кальтер двинул следом за мной к могиле Бульбы, намереваясь побеседовать со мной либо там,

либо на обратной дороге.

Дальнейшие события спутали планы не только мне, но и майору. Он преследовал нас на расстоянии и по прошествии недолгих колебаний рискнул-таки отправиться в аномальный лес по нашим еще не остывшим следам. После чего пережил ту же мегагаллюцинацию, что и я. Разве только у меня не было выбора, шагать вперед или отступать, а Кальтер прошел по лесу на одной лишь своей недюжинной выдержке и убеждении, что раз вымогатели дерзнули идти этой дорогой, значит, и у него все получится.

Воистину, воздалось майору по вере его! И вот теперь мы с ним занимаемся перезахоронением Бульбы, попутно обсуждая насущные проблемы Кальтера, из-за которых ему пришлось объявить себя врагом полковника Бориса Черепанова...

– Где ты потерял руку? – полюбопытствовал я, заметив, что левая кисть и половина предплечья майора являют собой электромеханический протез – довольно современный, но не самый лучший из тех, какие мне доводилось видеть.

– Не имеет значения, – отмахнулся Кальтер, критически разглядывая свою искусственную конечность. – А эту хреновину я через одного мелкого торговца заказал. Неплохая штукавина... была поначалу. И месяц толком не отходила. Болотный Доктор мне ее на культю подогнал и под артефакт «Батарейка» вместо стандартных аккумуляторов переделал. Но одна хищная тварь, с которой мне не повезло поцапаться, деформировала там зубами какой-то сложный механизм, и теперь это дорогущее барахло то фурычит, то не фурычит. Сегодня вон опять едва не сплоховал, когда пальцы взяли и ненароком разжались. Так и хочется порой избавиться от протеза, но без него еще хуже, да и привык я к нему. Все-таки не уродливый обрубок, а какая-никакая рука...

Мы возвратились в Бар, после чего Кальтер направился к себе в номер, который был оплачен им до завтрашнего утра, а я, забросив лопату в чулан, двинул напрямик к командиру докладывать о случившемся. На базе не связали отгремевшую за аномальным лесом канонаду (о том, что она могла греметь в самом лесу, Воронин, разумеется, даже не подозревал) с моим отсутствием – я узнал об этом сразу, как только вернул себе отобранный ПДА. Никто, как выяснилось, меня не хватился, потому что в случае тревоги я первым делом получил бы запрос по сети. Тем не менее гибель в перестрелке пятерых раскольников во главе с Веней Черепком уже вовсю муссировалась посетителями «Ста рентген». Правда, версии о том, кто их прикончил, были пока далеки от реальности. Но я был почти уверен, что ближе к ночи все доселе неизвестные детали этой стычки стараниями «буянов» всплывут на поверхность. В их, разумеется, версии.

Генерал выслушал мой подробный доклад и немало подивился тому, что главное действующее лицо утреннего инцидента не только живо, но и вдруг ни с того ни с сего решило принять активное участие в моих похождениях.

– Почему этот... Кальтер остался в Баре, а не пришел с тобой на базу? Странно, ведь он нам не враг, тем более что сегодня вновь доказал это. – Подобно мне, Воронин тоже лишь спустя год выяснил имя загадочного майора. Которое, впрочем, наверняка было липовым.

– Предложение Кальтера касается не «Долга», а лично меня, – уточнил я. – Я пообещал майору, что встречу с ним через полчаса и выслушаю то, что он желает со мной обсудить.

– Хорошо, – не стал возражать генерал. – И как только ваш разговор закончится – сразу ко мне на доклад. Не утром, а немедленно! Ясно?

– Так точно, – подтвердил я.

– И вот еще что, – добавил глава клана. – Думаю, мне не нужно напоминать тебе, чтобы в ближайшее время ты не покидал территорию базы. По крайней мере до тех пор, пока мы точно не выясним, какими действиямиотреагирует полковник Черепанов на убийство брата. Ты меня понял?

– Но, товарищ генерал, я не затем прибыл в Зону, чтобы отсиживаться по подвалам и прятаться от каких-то ренегатов...

– Я спрашиваю: ты меня понял?

– Так точно.

– Вот и замечательно. А теперь иди и выясни, какого черта здесь ошивается этот Кальтер. И поосторожнее с ним. Смотри не попадись на какую-нибудь провокацию. От таких гостей, как он, нельзя ждать добра, даже если они приходят с миром...

Через полчаса я, как и обещал, сидел в «Сто рентген» и дожидался Кальтера. В отличие от меня, явившегося раньше, он, оставив в номере свой ненадежный протез, прибыл минута в минуту.

Пунктуальность майора выставила Леню Мракобеса не в лучшем свете. Сам того не желая, я выказал, что мне крайне не терпится узнать, о чем он меня попросит. Тогда как по идее все должно было происходить наоборот. Это я был необходим Кальтеру, а значит, ему следовало сидеть сейчас за столиком Бара и посматривать на часы. В то время как мне – лицу менее заинтересованному – ради пущей важности дозволялось немного задержаться. Досадно – хитрый майор переиграл меня даже в такой мелочи. Стоит ли говорить о том, кто из нас двоих обставит кого на поле боя, окажись мы с ним вдруг, не дай бог, по разные стороны фронта.

– Спасибо, что пришел, – сказал Кальтер, присаживаясь к моему столику. Полгода назад скряга Бармен откликнулся на многочисленные просьбы постоянных посетителей и оборудовал свое заведение пусть грубо сколоченной, но все-таки полноценной мебелью. И теперь оно стало наконец соответствовать статусу бара, больше не напоминая привокзальную пивнушку, на какую походило прежде. По непритязательным сталкерским меркам, подобная модернизация вывела «Сто рентген» на совершенно другой уровень – нечто вроде местного класса «люкс». Еще бы Бармену сменить свой потертый свитер на что-нибудь более презентабельное да нанять себе официантку, и тогда здесь возник бы настоящий очаг цивилизации. Впрочем, насчет последних двух условий клиенты привередничали редко, и, стало быть, хозяину Бара незачем им было в этом потакать.

– Не буду ходить вокруг да около, – без лишних церемоний начал Кальтер. – Мне известно, что после того, как «Монолит» отбил атаку на ЧАЭС и снова закрыл для сталкеров Припять, ты как минимум дважды проводил разведрейды в этот город.

– Трижды, – поправил я собеседника. – На позапрошлой прогулке мне также пришлось ненадолго завернуть в те края.

– Что ж, превосходно, – кивнул он. – Значит, моя просьба не окажется для тебя в тягость. Я предлагаю тебе выгодную сделку: ты провожаешь меня в Припять и доводишь до места, которое я тебе укажу, а взамен получаешь кое-что весьма ценное.

– И что же, позволь полюбопытствовать?

– Полынный Слиток. Ведь именно его ты сегодня ищешь в Зоне?

– Послушай, Кальтер... – Я недовольно скривился и, откинувшись на спинку скамьи, скрестил руки на груди. – Не обижайся, ладно, но не кажется тебе, что твое предложение слишком уж пахнет липой? Сам же признался, что, когда ты готовился напасть на Черепка, тебе удалось подслушать, о чем я с ним откровенничал. А потом – невероятное совпадение! – вдруг выясняется, что у тебя есть именно то, что меня интересует. И ладно, будь это какой-нибудь редкий артефакт – в него я еще готов поверить. Но речь-то идет о совершенно исключительной вещи, существующей лишь в теории! Понимаешь, откуда душком тянет? А если бы я проболтался раскольникам, что разыскиваю не Слиток, а, например, хрустальный череп инков? Неужели ты сейчас признался бы, что у тебя чисто случайно в одном из тайников завалялась именно эта реликвия?

– Нет, хрустального черепа у меня нет, – как ни в чем не бывало мотнул головой майор. – А вот Слиток действительно имеется. Правда, с тех пор как мне повезло найти его в тайнике «Монолита» на радарной станции и вплоть до твоего разговора с Черепком, я понятия не имел, как называется эта штукавина. Однако, судя по твоему описанию, это как раз тот самый артефакт.

– Но с собой ты его прихватить почему-то забыл, – скептически хмыкнул я. – А вот аптечку – явно нет. Хотя, казалось бы, зачем она вообще тебе сегодня нужна, когда у тебя есть Полынный Слиток?

– Носить его с собой – та еще попытка, – признался Кальтер. Пожалуй, проще разгадать Главную Тайну Зоны, нежели определить по невозмутимому лицу майора, лжет он или говорит правду. – В радиусе трех метров от этой дряни тело начинает зудеть так, что спасу нет. Страшно вспомнить, как я намучился, пока свою находку перепрыгал. На длинной веревке ее за собой через половину Зоны тащил, представляешь? К счастью, зуд оказался не единственным свойством Полынного Слитка. Просто чудо, что я сумел открыть главное его достоинство, когда уже хотел выбросить эту дрянь от греха подальше... Тебе доводилось переводить за Кордон товарищей, которым Болотный Доктор ампутировал конечности?

– Бывало дело, – подтвердил я.

– Значит, ты имеешь представление о том, как выглядит культя руки, ампутацию которой делал высокопрофессиональный хирург?

– Допустим.

– А теперь представь, какой она будет, если пострадавшему самому придется заниматься этим, да

еще в полевых условиях.

– Ты намекаешь на себя?

– Совершенно верно. Я отрезал... да что там – практически отгрыз себе руку, придавив ее бетонной плитой, и только через сутки дополз до ближайшего хирурга. Причем обычного, армейского, который в лагере ученых на Янтарном Озере лазаретом заведует. Он, конечно, культю мне подлатал, но не настолько хорошо, чтобы после этого она сравнилась с теми культями, какие Болотный Доктор в порядок приводил. А теперь взгляни, во что превратилась моя ущербная рука, когда я поднес ее к Полынному Слитку.

Теперь я понял, почему Кальтер явился на нашу встречу без протеза. Не имея при себе легендарной панацеи, он решил предъявить мне в качестве косвенного доказательства ее существования свою левую руку. Я пристально наблюдал, как майор спокойно, без суеты закатывает по локоть рукав и предъявляет мне к осмотру неполноценное предплечье. А потом столь же невозмутимо следит за моей реакцией на увиденное.

При всем уважении к Болотному Доктору сегодня я воочию узрел такое произведение хирургического искусства, создать которое было не под силу даже лучшему эскулапу Зоны. Если бы я не был абсолютно уверен, что в прошлом году у Кальтера наличествовали обе руки, сейчас подумал бы, что он лжет и его левое предплечье не подвергалось ампутации, а являлось таковым с рождения. Ни единого рубчика, шрама и вообще какой-либо патологии! Просто покрытая полностью здоровой кожей культя, чей конец был аккуратно скруглен и, выглядывая из рукава, походил на новенький резиновый мячик.

– Недурственно, – подытожил я спустя минуту, в течение которой тщетно пытался отыскать на культе майора следы касавшегося ее скальпеля. – Либо это работа хирурга, у которого не грех поучиться даже Болотному Доктору, либо ты действительно сказал мне правду. Первое – маловероятно, потому врача такого класса сегодня в Зоне нет. Остается второе. Если только не существует третьей причины твоего чудесного исцеления, о которой я не подозреваю.

Да, старину Бульбу это действительно впечатлило бы. Уверен, он не выказал бы столько скепсиса, сколько было его во мне, и без раздумий ударил бы с Кальтером по рукам... Я задумчиво примолк, глядя, как майор застегивает рукав и приторачивает его к руке шнурком, дабы не болтался. Будь я на месте этого калеки, наверняка поглядывал бы сейчас на собеседника победоносным взглядом. Но Кальтер продолжал являть собой воплощение невозмутимости, какой позавидовали бы даже прожженные картежники, а физиономисты, работая с ним, уснули бы от скуки.

– Зачем тебе вообще нужен проводник? – осведомился я. – Ты огреб в Зоне уйму неприятностей и сумел выжить. Так неужели сомневаешься в том, что у тебя хватит сил и мужества в одиночку добраться до «Исполнителя Желаний»?

– Разве я сказал, что иду к Монолиту? – Кальтер вперился в меня холодным пронизывающим взглядом. Я попробовал выдержать это испытание, но, к своему великому стыду, сдался быстрее, чем успел приказать себе не отводить глаз.

– Ну ты даешь, мужик! – Я всплеснул руками. – Для чего же еще идти в Припять сталкеру-одиночке, который, как я понял, не занимается поиском артефактов? А если занимается, то у него достаточно ума, чтобы искать их в других местах, а не там, откуда и свою задницу вытащить – большая проблема, не говоря о хабаре. Такие люди, как ты, Кальтер, отваживаются на подобный риск только ради воистину грандиозной цели. Или же следуя приказу, как мы – должовцы. Но если бы ты продолжал служить своей бывшей «конторе», она уже давно спровадила бы тебя в отставку по состоянию здоровья. Ибо где это видано, чтобы командование отправляло на подобные рискованные задания инвалидов?

– Да, сегодня я свободен так, как еще никогда не был свободен в жизни, – подтвердил майор. – Однако это не исключает, что я не могу начать действовать по чьему-нибудь приказу. Какому приказу подчинялся ты, когда отказался идти со мной, решив остаться с умирающим Бульбой? И я теперь примерно в такой же ситуации. Мне не нужен ваш проклятый «Исполнитель Желаний». Нехай он еще тысячу лет торчит в Саркофаге и манит к себе безмозглых идиотов, любителей легких денег и романтиков, желающих одарить человечество всеобщим бесплатным счастьем. У меня нет ничего общего с их целями. Все, что мне нужно, – это в урочный день и час прибыть в конкретное место и находиться там столько, сколько потребуется. Затем – вернуться обратно. Как только мы покинем территорию секты, я отведу тебя к моему тайнику либо дам тебе его координаты, и ты получишь свой Полынный Слиток. На этом и разбежимся.

– Не думаю, что до конца тебя понял, но суть вроде бы уловил, – заметил я. – Но ты все-таки не ответил на мой вопрос: зачем тебе – вполне самостоятельному парню – понадобился проводник?

– Во-первых, я никогда не был в Припяти и у меня нет времени проводить там разведку, – пояснил Кальтер. – А во-вторых, я обязан явиться в нужное время в нужное место, чего бы мне это ни стоило. Можешь считать меня сумасшедшим или одержимым – мне все равно. Но с математикой я в ладах и вполне способен прикинуть, каков мой шанс на успех в случае одиночного рейда и рейда в сопровождении толкового проводника.

– Но я – не самый толковый проводник из тех должовцев, кто бывал в Припяти, – уточнил я. – И не могу гарантировать, что твоя странная мечта непременно осуществится.

– Зато ты – единственный из сталкеров, с кем мне приходилось работать в одной команде, – сказал майор. – Пускай все обернулось для нас тогда не самым лучшим образом. Но я видел тебя под огнем, а для меня такой опыт намного ценнее любых словесных гарантий. Ну так что? Я могу на тебя положиться?

– Ты получишь мое согласие только тогда, когда отдашь Слиток, я проверю, действительно ли это он, и перепрячу его в свой тайник, – поставил я железное условие. – Иначе никакого похода в Припять не будет. Я видел, сколько ты колеблешься перед тем, как перерезать человеку глотку: полсекунды, не больше. Думаешь, мне охота получить от тебя в финале вместо обещанной награды такое «гранатовое ожерелье»?

– Требование справедливое, но мой тайник далековато отсюда, а времени у нас в обрез, – ответил на это Кальтер. – Двое суток, если быть точным. Можешь ставить мне любые требования, Мракобес, но завтра на рассвете я выдвигаюсь на север. С тобой или без тебя. Хорошенько подумай, что ты теряешь, если откажешься. Сколько тебе осталось найти редких артефактов из списка Доктора? Два, кажется? И сколько у тебя нынче по теории вероятности шансов, что ты наткнешься на нужный артефакт, а не на тот, который у тебя уже есть? Очень и очень мало. Я же предлагаю тебе намного больше, чем недостающие компоненты, ведь не факт, что, швырнув их в «жарку», вы с Доком выудите обратно именно Слиток, а не кусок бесполезного хлама. Я знаю, что ты обо мне думаешь и чего конкретно опасаясь. Увы, но у меня нет гарантий, которые заставят тебя мне поверить. Поэтому я даю тебе срок поразмыслить до утра. Не спорю: маловато времени для принятия взвешенного ответа, но что поделать?.. В общем, сам решай, как тебе быть. Но так или иначе, еще раз спасибо, что согласился меня выслушать. Говоря начистоту, я был уверен, что ты пошлешь меня подальше с моими предложениями еще днем... А теперь, если не возражаешь, я пойду как следует выплюсь перед трудной дорогой. Надеюсь, завтра все-таки увидимся. Спокойной ночи.

Кивнув мне на прощанье, майор поднялся и, не оглядываясь, направился к выходу.

– Подожди! – окликнул я его. Он остановился и обернулся, но в его глазах не было любопытства. Они продолжали хранить бесстрастность, словно Кальтер знал наперед все вопросы, которые я ему задам. В данный момент я хотел спросить его лишь об одном: – Понимаю, что раз ты не посвятил меня в детали, значит, это не мое дело, но все же... Что именно находится в том месте, куда ты идешь? Не можешь сказать, так хотя бы намекни. Полагаю, это поможет мне определиться с решением.

Многим чудесам я стал сегодня свидетелем, но это, бесспорно, заслуживало особого упоминания. Тем паче что заметить его было намного труднее прочих. Но я заметил и оттого счел необходимым заострить на нем ваше внимание, хотя мог обойтись и без такой малозначительной на первый взгляд подробности.

Прежде чем Кальтер ответил, его губы тронула мимолетная улыбка, а в глазах загорелась и тут же погасла почти неуловимая искорка. Пару секунд я смотрел на вполне обычного человека – такого, как я и прочие немногочисленные в этот вечер посетители Бара. После чего лицо майора вновь обрело привычное холодное выражение. Однако промелькнувшая на нем не то легкая снисходительность, не то светлая грусть определенно имела место. Кальтер стоял совсем близко и глядел прямо на меня, так что списывать замеченное мной чудо на наваждение было не резон.

– У тебя есть вера, Мракобес? – поинтересовался майор в ответ на мой вопрос. И, не дожидаясь, пока я что-либо отвечу, продолжил: – А у меня есть. Настоящая, с большой буквы. И я убежден, что когда доберусь до нужного места, мое единственное на сегодняшний день желание будет исполнено. В точности так, как обещает мне моя Вера. Она ведет меня к цели, а не этот фетиш жалких неудачников – Монолит. Потому что моя Вера – живая, а он мертв, как любая другая каменная глыба. Камни не исполняют желаний, Мракобес. Их исполняем мы сами, четко следуя однажды выбранному пути.

Именно за этим я иду в Припять. Хочу убедиться, насколько сильна моя Вера и поможет ли она мне в конце концов обрести покой. Других желаний, сталкер, у меня нет...

Глава 5

Если раньше я, бывало, лишь недоговаривал Воронину всей правды, умалчивая о наших с Бульбой неуставных делишках, то сегодня мне пришлось соврать генералу прямо в глаза. Однако меня беспокоил не сам этот факт, а то, что, выдав командующему заведомо ложную информацию, я не ощутил при этом никаких угрызений совести. Изложенная мной легенда состояла в следующем: подавшийся на вольные хлеба майор заключил с учеными контракт на поиск в Припяти некой подземной лаборатории и по старой памяти приглашает меня с собой в качестве проводника. Предполагалось, что Воронин не станет возражать против такого внепланового разведрейда, ведь я действовал в интересах не только Кальтера, но и «Долга».

Генерал долго буравил меня испытующим взглядом, и я уже начал побаиваться, что он раскусил мою ложь и сейчас разобьет ее неопровержимыми уликами, собранными каким-нибудь подслушавшим нас с майором согладатаем. Но командующий лишь сдержанно кивнул, не сказал ни да, ни нет и попросил зайти к нему на рассвете, сразу после общего подъема. Наверняка Воронин все же почувствовал мою неискренность, но не стал делать на основе своей догадки категорические выводы, отложив решение вопроса до утра. У меня сразу отлегло от сердца. Прямых доказательств того, что я вру, у генерала не имелось, а за ночь им уж точно будет неоткуда взяться. Ежели только он не приручил тайком мутанта-контролера, который прочтет для него мои мысли. Но тогда возникнет вопрос, кто из нас двоих больше нарушает устав «Долга»: я, скрывший от командира истинные планы нашего союзника Кальтера, или Воронин, явшающийся с мутантами, вместо того чтобы бескомпромиссно их изничтожать.

Ответ Кальтера на мой последний вопрос не прояснил ситуацию и лишь еще больше усугубил мои сомнения. Во что на самом деле верил этот человек, я мог выяснить лишь в Припяти. Вот только поход туда без предоплаты в виде Полынного Слитка выглядел несусветной глупостью. А глупости и Мракобес во все времена были понятиями несовместимыми. Однако короткая и туманная речь майора насчет веры – или, как он подчеркивал, Веры – все-таки запала мне в память. И теперь, возвратившись в казарму и улегшись на койку, я невольно задумался, а во что же верит Леня Мракобес после того, как умер брат Бульбы Витя.

С его смертью наша затея с поиском панацеи утратила конкретный смысл и превратилась в банальную утопическую идею, какими на протяжении столетий забивали себе головы все искатели универсального лекарства. Идти по их стопам мне не хотелось. Меня страшило, что в случае неудачи я оглянусь назад и увижу, какую чудовищную прорву времени потратил впустую. И ладно бы только времени! Его потерю я бы мог себе простить, вернись мы с Бульбой из Зоны несолоно хлебавши, зато живыми и здоровыми. К сожалению, этому уже никогда не бывать.

Подвергшаяся чудесному исцелению изуверенная рука Кальтера почти вернула мне веру в то, что, несмотря на поражения и утраты, я еще не сошел с верного пути. Нужно было лишь отринуть сомнения, довериться майору и сопроводить его в Припять. Потому что если я откажусь, количество моих сомнений вовсе не уменьшится. Все они останутся на месте, разве что начнут грызть меня с другого боку, вопрошая, почему я струсил и отрекся от своих убеждений буквально в шаге от заветной цели.

Сомнения на правой чаше весов, сомнения на левой... Две одинаковые глыбы взвалены на них, однако их баланс не идеален. И все потому, что на одной из чаш вдобавок примостилась вера. Невесомая как перышко, она тем не менее влияла на взвешивание, медленно и уверенно выводя его результат в свою пользу. Не сказать, что он меня устраивал, но в любом случае такой итог импонировал мне больше, чем туманная неопределенность...

В эту ночь мой тревожный сон вновь посетила синеглазая девочка в серебристом комбинезоне и, как обычно, напомнила мне о своем дяде Косте. За год нашего знакомства она так и не подыскала другой, более приятной темы для разговоров.

«Только твоего нытья мне не хватало! – раздраженно заметил я синеглазке, хотя кто-кто, а она точно была не виновата в моем скверном настроении. – Ну чего тебе еще от меня надо? Я ведь уже сто раз поклялся, что помогу твоему дяде, а ты опять за свое! Как только он меня попросит, так сразу помогу, обещаю. И ты пообещай, что после этого прекратишь меня третировать. Должна же, в конце

концов, и у призраков быть совесть!.. А теперь отвяжись, дай поспать!»

Девочка постояла еще немного и ушла. Честно говоря, она ни разу меня особо не доставала и всегда уходила до того, как я начинал на нее по-настоящему сердиться. Из всех виденных мной призраков Зоны этот был единственным, который не вызывал у меня отвращения и о котором я никому не рассказывал. Просто не хотел, чтобы мое ночное наваждение стало у приятелей поводом для шуток. Глупость, конечно, но мне казалось, что призрачную девочку это сильно обидит. А чем отличается обиженное привидение от привидения миролюбивого, я прекрасно помнил по читанным мной в школе готическим романам...

Утро следующего дня началось не с моего визита к Воронину, а с завывания сирены и выстрелов, раздавшихся в предрассветных сумерках за стенами базы. Выскочив из казармы вместе с товарищами, я, согласно тревожному расписанию, вскарабкался на крышу одного из цехов и занял свою боевую позицию. Справа и слева от меня, а также на крышах соседних зданий рассредоточились прочие поднятые по тревоге долговцы. Все мои братья по клану, кто находился сейчас на территории завода «Росток», приготовились оборонять его от вторжения неизвестных сил,двигающихся сюда предположительно из Темной Долины. Это они обстреляли шквальным неприцельным огнем заводские стены, превращенные нами в оборонительные сооружения сразу, как только «Долг» закрепился на этом стратегически выгодном рубеже.

Вместе с нами на позиции выбежали и ночевавшие в Баре сталкеры-одиночки. Их пригнало сюда в первую очередь любопытство, а не желание помочь нам держать оборону. Если начнется заваруха – а после столь громкой прелюдии такое весьма вероятно, – большинство вольных бродяг слиняут из Бара, дабы не вступать в невыгодный им конфликт. Оно и понятно: тому, кто пришел в Зону лишь подзаработать, здешние территориально-политические разборки до фонаря.

Я поискал глазами Кальтера – вряд ли он будет отсиживаться в подвале и не захочет удостовериться, что же стряслось. Но обнаружить майора на ближайших крышах не удалось. Впрочем, это еще не значило, что его здесь не было. Возможно, он предпочел не маячить на виду, а занять наблюдательную позицию внутри какого-нибудь здания и следить за развитием ситуации из окна. Прибывшие из штаба на передний край обороны Воронин и Петренко также не стали подниматься на крышу, оставшись под прикрытием заводских стен.

Внезапно разразившаяся канонада не продлилась и полминуты, утихнув еще до того, как над Баром взревела сирена. Сила этого обстрела не позволяла счесть его чьим-то наглым хулиганством или провокацией. Из затянувшего подступы к заводу тумана по нам вела огонь группа численностью не меньше взвода. Сколько стрелков затаилось поблизости на самом деле, мы понятия не имели, но ожидаемая за обстрелом атака не состоялась. Это могло косвенно указывать на недостаточное для штурма количество сил, собранных неведомым врагом у стен нашей цитадели.

Мы напряженно всматривались в рассветный туман, гадая, кто осмелился устроить нам сегодня столь дерзкую побудку. Генерал не отдавал пока приказа открыть ответный огонь, хотя многие из нас, в том числе я, были не против отвесить врагу встречный поклон, пусть даже нам пришлось бы стрелять вслепую.

Впрочем, разгадка брошенного «Долгу» вызова не заставила себя ждать. Не успели еще последние подтянувшиеся из Бара сталкеры взобраться на крыши, как в воцарившейся после канонады тишине раздался усиленный громкоговорителем грозный голос:

– Генерал Воронин и те, кто до сих пор продолжает ему подчиняться! Я знаю, что все вы уже наострили уши, поэтому слушайте! С вами говорит командир особого ударного отряда «Буян» полковник Борис Черепанов, также известный вам как Череп! Я и сорок моих боевых товарищей пришли сюда не за тем, чтобы объявлять вам войну. Но если потребуется, каждый из нас готов вступить с вами в схватку и отправить на тот свет столько долговцев, сколько успеет, прежде чем сам падет смертью храбрых! Не надейтесь: эти стены вам не помогут! Ни для кого не секрет, что один наш боец стоит как минимум трех ваших, поэтому можете представить себе, какая здесь разразится бойня! Или же ничего подобного не будет, если вы выдадите мне тех, кто вчера вероломно убил моего младшего брата! Я говорю о Мракобесе и его приятеле из вольных бродяг, который, я думаю, тоже прячется сейчас у вас на базе! Итак, что вы на это скажете?

Насчет немереной крутизны «буянов» Череп, разумеется, преувеличивал. Но что касается крепости их духа и готовности умереть за своего командира, тут он ничуть не грешил против истины. В свое время этот непримиримый поборник жесткой политики увел из «Долга» всех тех, кто жаждал

утопить Зону в крови наших врагов, и сегодня раскольники уже не видели разницы между ними и своими бывшими идейными соратниками. Поэтому штурм, которым грозил нам Черепанов, мог действительно вылиться в настоящую кровавую баню. То-то будет радости у «Монолита» и «Свободы», чьи сталкеры вот уже год злорадно потирают руки, глядя на наши внутриклановые распри!

– Мы выслушали твои условия, Борис! – откликнулся из-за стены Воронин, чей хорошо поставленный командный голос сроду не нуждался в дополнительном усилении. – Теперь ты выслушай наши. Сожалею по поводу твоего брата, однако ты должен был понимать, что когда-нибудь его неуставные аферы именно этим и закончатся. Не верю, будто ты не знал, зачем Вениамин и его приятели отправились в наши края. Также тебе известно, что, вступив с ними в бой, Мракобес и его компаньон защищались и к тому же находились в меньшинстве. Это значит, что все заявления насчет их вероломства целиком и полностью надуманы. Ты ослеплен гневом, Борис, и сейчас можешь совершить непоправимую ошибку, послав своих товарищей на верную гибель. Возьми себя в руки, остынь и задумайся над тем, что ты делаешь. Уверен, скоро ты поймешь, что заблуждался, решив заявиться сюда и бряцать перед нами оружием.

– Заблуждался?! – вскипел Череп. – Я?! Знаешь, генерал, раз ты действительно не желаешь кровопролития, тебе придется пойти для меня на это исключение! А иначе ты сам допустишь такую ошибку, о которой, если сегодня выживешь, будешь жалеть до конца своих дней!

– Никаких исключений! – Голос Воронина вмиг утратил примирительную интонацию, налившись известной каждому долговцу сталью. – Закон есть закон: «Долг» не выдает своих братьев, а также тех, кто ищет защиту на нашей территории! И ни командир отряда «Буян», ни кто бы то ни было другой не смеют ставить мне условия! Убирайся обратно в Темную Долину, Борис, и страдай своими угрозами «Свободу»! Для запугивания «Долга» у тебя кишка тонка!

Залегший по соседству со мной Вовчик Холера судорожно сглотнул и процедил сквозь зубы все, что он думает о сложившемся положении. Прогноз Вовчика был неутешительным и уместился всего в одно крепкое слово – то самое, что является синонимом слову «конец» и вдобавок отлично с ним рифмуется. Мне оставалось лишь до боли прикусить губу и мысленно согласиться с Холерой. Кажется, в это погожее утро здесь суждено оборваться множеству сталкерских судеб. И все из-за одного безутешно скорбящего, мстительного головореза, коим, по сути, являлся полковник Черепанов, если содрать с него весь идейно-политический камуфляж.

Атмосфера над Баром наэлектризовалась до предела. Как и ожидалось, большинство сунувшихся на передовую сталкеров решили благоразумно ретироваться, пока это можно было сделать без опаски заполучить промеж лопаток пулю. Казалось, стоит лишь кому-нибудь из долговцев или «буянов» чихнуть, как здесь начнется такой огненный хаос, какого в Зоне не видывали, пожалуй, со дня приснопамятного штурма Саркофага. Впервые после раскола группировка Черепа и «Долг» сошлись лоб в лоб с явными намерениями пустить друг другу кровь. И вероятность подобного исхода была как никогда высока. Воронин и Черепанов – те люди, которые ненавидят долгие споры и от слов быстро переходят к делу. И переход этот должен был состояться буквально в следующее мгновение...

Разве только само яблоко этого раздора, сиречь я, не подаст голос и не попытается сыграть роль громоотвода для молнии раскольничьего гнева.

– Эй, Череп! – выкрикнул я, стараясь поскорее заполнить взрывоопасную паузу, возникшую после обмена угрозами. – Надеюсь, ты еще помнишь мой голос?

– Не волнуйся, я помню твой голос, Мракобес! – отозвался из тумана главный «буян». – И еще послушаю, как ты охрипнешь, когда будешь верещать под моим ножом, мразь! Поэтому даже не пытайся просить у меня прощения!

– Договорились, не буду! – согласился я. – Вообще-то мне с тобой о другом хотелось потолковать. Как смотришь на то, чтобы разрешить все наши противоречия малой кровью? В конце концов, это ведь наше с тобой личное дело, не правда ли? Так зачем впутывать в него посторонних?

– Да неужто ты, жалкий трус, осмелишься вызвать меня на честный поединок?! – изумился Борис.

– Бывший каптер мотострелковой роты против бывшего командира десантно-штурмового полка?! – изобразил я ответное удивление. – Нет, конечно, я не трус, но я... не вполне уверен, что этот бой покажется кому-то из здесь присутствующих честным. Давай поступим иначе. Мы тут с компаньоном собираемся прогуляться на север и выйдем аккурат с противоположной стороны Бара где-то через четверть часа. То направление – единственное, которое твои люди не успеют за это время заблокировать. Так что путь к отступлению у нас всего один – на Военные Склады и Припять. Желаешь

свершить правосудие – милости прошу присоединиться к нашему вояжу. То, что ты матерый штурмовик и рукопашник, всей Зоне известно. Но вот хватит ли у тебя мозгов поймать нас на территории «Монолита» – тут бабушка надвое сказала. Смелость, как известно, города берет, но при охоте на лис проку от нее чуть. Поэтому там мы с тобой будем почти на равных. Ну что, ты в игре?

– Ты это серьезно? – не поверил Череп.

– Клянусь тебе при всех, кто нас слышит, что поступлю именно так, как сказал, – подтвердил я. – А не веришь – что ж, твое право: штурмуй Бар, гробь себя и сотню отличных парней в придачу. Однако я тебя предупредил: через четверть часа меня на этой территории уже не будет. Засекай время – отсчет пошел!..

Крикнув это, я не мешкая покинул свою боевую позицию и поспешил к ведущей с крыши лестнице. В тумане за стенами базы вроде бы началось какое-то движение, но ни новой стрельбы, ни атаки со стороны врага не последовало.

Когда я сошел с лестницы, внизу меня уже поджидали Воронин и Петренко, оба – в полном боевом снаряжении. Их суровые лица не предвещали ничего хорошего, и приказы сейчас генерал замкомдолгу расстрелять меня за самовольство, в этом не было бы ничего удивительного. Я остановился и замер, даже не зная, что сказать в свое оправдание. Командование слышало все, о чем мы толковали с Черепом, и добавить к этому мне было совершенно нечего.

Генерал сокрушенно покачал головой, после чего вдруг ободряюще, по-отцовски похлопал меня по плечу и сказал:

– Поспешите. Времени у вас очень мало. Когда уберетесь подальше, я прикажу разбросать на севере Бара дымовые шашки. Это задержит Черепа и даст вам немного форы. И помни: за сегодняшнее с меня причитается, но дважды такой номер у тебя не прокатит. – И, напутственно подтолкнув меня в спину, закончил: – А теперь проваливай! Чтобы через две минуты духу твоего здесь не было!..

Я предполагал, что Кальтер будет ждать меня возле «Ста рентген», и припустил туда, заскочив по дороге в казарму и прихватив свой походный ранец. Так оно и оказалось. Когда я подбежал к Бару, готовый к выступлению майор уже торчал на пороге и педантично протирал ветошью оптический прицел своей винтовки. В отличие от меня Кальтер выглядел так, словно понятия не имел, какие изменения я внес в его план без его ведома. А может, и впрямь не знал – такое тоже было не исключено.

– Не суетись, – порекомендовал он мне вместо приветствия, заметив мое взвинченное состояние. – Иди в темпе, но не забывай посматривать под ноги. За пятнадцать минут Черепанову завод при всем желании не обогнуть. Вдоль западной стены он не пойдет, потому что это длинный путь. Но у восточной я еще вчера засек какое-то подозрительное марево. И если «буяны» не захотят проверить, что за дрянь баламутит там воздух, им так и так придется возвращаться и обходить Бар с запада. В общем, прибавь к нашей форе еще минут восемь-десять... Готов? Тогда тронулись.

И, глянув для проформы в чистый окуляр прицела, спрятав ветошь в карман, а затем решительной походкой зашагал к северным воротам базы. И ни слова о том, что он думает по поводу моей выходки! Такое впечатление, будто майор наперед знал, что я отчебучу нечто подобное, и потому успел с этим примириться. Его равнодушие порядком обескуражило меня, и я не удержался от вопроса, почему Кальтер так невозмутим.

– Твой поступок – следствие моего вчерашнего просчета, – ответил он после того, как мы миновали пост. Охрана на нем была уже оповещена о нашем срочном уходе и потому пропустила нас без вопросов. – Во время слежки я не раз слышал, как вымогатели называли своего главаря Черепком. Мне нужно было догадаться, кто он такой и как отреагирует Череп на его гибель. Однако я не придавал этому значения и допустил непростительную ошибку. Один опрометчивый удар ножом, и вот тебе народившийся за ночь целый выводок проблем... Я становлюсь рассеянным. В моей работе это всегда знаменует наступление старости. А старость у таких, как мы, обычно очень короткая.

– Да полно тебе. Все стареют, – отмахнулся я. – И все рано или поздно начинают допускать ошибки. Никто не безупречен, к тому же почти всегда есть шанс многое исправить.

– Это так, – согласился майор. – Но для большинства из нас первая же допущенная ошибка становится последней. Поэтому ты надеешься умереть до того, как успеешь осознать, что облажался... Ладно, замолкни и иди вперед – тебе эти места лучше известны...

Как Воронин и обещал, он взялся прикрывать наше отступление, едва мы достигли опушки ближайшего леса. Брошенные нам вслед дымовые шашки за считанные минуты выпустили в атмосферу густую завесу подкрашенной летучей смеси. Ее желтое облако затянуло собой весь северный сектор

периметра, полностью скрыв от нас базу. А нас, соответственно, – от взоров преследователей, огибающих в этот момент «Росток» с западного направления, о чем свидетельствовало присланное мне на ПДА сообщение от Вовчика Холеры. Прогноз Кальтера расходился с реальностью только в одном: Череп не стал даже пытаться идти в восточном направлении, поскольку, очевидно, давно приметил там опасность. В остальном все пока шло вполне предсказуемо.

Вовчику не удалось определить, какие силы бросил за нами в погоню Череп. Но я рассчитывал, что вряд ли полковник сунется на земли «Монолита» со всей своей маленькой армией. Условная граница этих территорий, за которую сектанты старались без надобности не забредать, пролегла по железнодорожной ветке, выходящей из Диких Земель и протянувшейся на восток двумя километрами севернее Бара. А по другую сторону насыпи, примерно в километре от нее, находился форпост сектантов – бывшая военная база, успевшая за последние пару лет побывать в руках почти всех крупных местных кланов. На нее я и взял курс после того, как мы с Кальтером углубились в лес.

Майор хорошо вызубрил географию Зоны и быстро сориентировался, куда я его веду. Однако уточнить, верна ли его догадка, он решил час спустя, когда мы добрались до железнодорожной насыпи. За все это время нам навстречу попала лишь довольно крупная лужа «ведьминого студня», разлившаяся здесь при последнем выбросе, да некая тварь – судя по всему, псевдоплоть, – с шумом пронеслась по кустам в сторону Бара. Она же позволила определить, как далеко находятся от нас Череп со товарищи. Не заметив меня и Кальтера, мутант нарвался напрямик на «буянов», ударивших по нему сразу из дюжины автоматных стволов. Канонада грянула примерно в полукилометре юго-западнее от нас, а затем сместилась к востоку, где вскоре затихла; образно говоря, ударивший нас в левое ухо грохот умолк уже в правом. Исходя из этого наблюдения, можно было предположить, что враги перемещаются по лесу тремя-четырьмя группами, выстроившимися в колонны и движущимися параллельными курсами. И каждая из групп раскольников успела сейчас поучаствовать в расстреле шарахнувшейся от первых выстрелов псевдоплоти.

Едва раздалась стрельба, мы с Кальтером моментально попадали ниц, чтобы ненароком не схлопотать в спину шальную пулю. Было слышно, как они щелкают по деревьям в опасной близости от нас, но этот короткий обстрел принес нам скорее пользу, нежели вред. Получив представление о местонахождении «буянов», я мог скорректировать маршрут бегства так, чтобы использовать близость монолитовской базы с выгодой для нас.

– Хочешь пройти незамеченным прямо под стенами форпоста, чтобы отсечь «хвост»? – полюбопытствовал Кальтер перед тем, как вместе со мной двинуть на штурм железнодорожной насыпи. – Кто-нибудь до нас уже проделывал такой трюк или мы будем первопроходцами? Если так, думаю, сейчас не самое подходящее время выпендриваться и проверять бдительность сектантов.

– Доверься мне, майор, а иначе в ближайший час нам придется носиться по Зоне, будто наскипидаренным лошадям. Не знаю, как ты, а мне никогда не нравился бег с препятствиями. Я и в армии каптером заделался только затем, чтобы от кроссов отлынивать, – попытался утешить я спутника, скептически оценивающего мое стратегическое мышление. А впрочем, какое еще требовать к себе отношение от человека, который старше меня на полтора десятка лет и к тому же имеет за плечами солидный боевой опыт?

– Буду признателен, если, прежде чем что-либо предпринимать, ты возьмешь за правило посвящать меня в свои планы, – сказал Кальтер. Без злобы, но тоном, не допускающим возражений.

– Терпение, майор, – повторил я. – Как только перемахнем через насыпь, сразу поймешь, что к чему. А пока окажи услугу, достань у меня из нижнего кармана ранца пару «сигналок». Пока есть время, подготовимся, а то потом недосуг будет.

Я полагал, что Кальтер непременно спросит, мол, на кой черт нам нужны сейчас эти игрушки, но он без разговоров открыл на моем ранце нужный карман и извлек оттуда две армейские сигнально-осветительные ракеты. Каждая из них помещалась в картонном пенале с пластиковым наконечником в форме штопора. При необходимости из этих «сигналок» можно было соорудить растяжку прямо в чистом поле, попросту вкрутив их в землю. Но мои устройства могли использоваться и по-другому. Глянув на прикрепленные к ним маленькие блоки дистанционного воспламенения, майор быстро смекнул, зачем нужна подобная модернизация. Мне оставалось лишь уточнить для него кое-какие детали.

– За линией – небольшой осиновый колод, – пояснил я, вручая одну ракету Кальтеру, а вторую оставляя себе. – За ним – маленький заброшенный поселок, а дальше – форпост монолитовцев.

Поблизости нет более удобного места для перехода железной дороги, поскольку лесок скроет нас от наблюдателей на вышках базы. Черепу, чтобы не засветиться, также придется пересекать насыпь здесь. Однако у него появилась непредвиденная проблема. – Я подбросил в руке «сигналку». – Некий доброжелатель анонимно известит сектантов о том, что к ним через границу проникла большая группа неприятеля. А пока хозяева будут разбираться с гостями, мы затаимся в поселке и подождем, чем дело закончится.

– Если этот участок линии не просматривается с форпоста, в лесу за ней могут быть мины, – заметил майор.

– Минные заграждения установлены по периметру в стометровой зоне вокруг базы, – сообщил я проверенные недавно нашими разведчиками сведения. – В лесу и поселке постоянно шныряют мутанты, поэтому ни мин, ни «сигналок» там нет – сектанты, как и мы, тоже не любят подрываться среди ночи по ложной тревоге... Ладно, двинули! Сдается мне, Череп с «буянами» уже до «ведьминого студня» добрался.

Вскарабкавшись по склону насыпи, мы задержались ненадолго, чтобы оглядеться и проверить впереди лежащий путь, швырнув в сторону осинника пару болтов. Затем стремительной перебежкой достигли колка, установили в нем сигнальные ракеты, после чего, не задерживаясь, выдвинулись к поселку. Лесок примыкал прямо к нему, поэтому нам не пришлось ползти по траве, прячась от засевших на вышках снайперов. Выйдя из-под сени деревьев, мы тут же припали к стене крайнего домика и, аккуратно выглянув из-за угла, начали присматривать себе временное убежище.

Когда-то в этих однотипных бревенчатых строениях проживал обслуживающий базу гражданский персонал. С тех пор многострадальный поселок претерпел пожар, а также череду иных катаклизмов, вызванных уже превратностями Зоны. К примеру, бревна в стенах одного полуразрушенного домика выглядели так, словно были пластилиновыми, а какой-то шутник смял их местами в единое целое. А еще одно строение накренилось под сильным углом и наполовину провалилось в землю. При этом, что удивительно, не рассыпалось, хотя и было довольно древним. Вторая его половина торчала на поверхности и напоминала корму тонущего «Титаника» из классического голливудского кинофильма. Надо заметить, что когда я в последний раз посещал эту деревеньку – то есть около трех месяцев назад, – ничего подобного тут не наблюдалось. Впрочем, шли мы тогда в потемках и, вполне вероятно, попросту не рассмотрели как следует причудливую здешнюю архитектуру.

Я указал Кальтеру на ближайший из уцелевших и нормальных с виду домиков. Но спутник не одобрил мой выбор, помотал головой и ткнул протезом в сторону обгорелых руин, торчавших на противоположной окраине. Они находились уже на склоне холма, у подножия которого был когда-то выстроен поселок, а на вершине – соответственно сама база. Я хотел было шепотом осведомиться у майора, чем ему приглянулась сгоревшая почти дотла избушка, но он, не дожидаясь расспросов, уверенно двинулся в ту сторону. Я выругался про себя и, пригибаясь почти до земли, направился за перебегающим от укрытия к укрытию Кальтером.

Последний десяток метров до облюбованных им развалин пришлось ползти по кромке обнесенного вешками минного поля. При этом мы всячески старались не потревожить нависающие над нами заросли полыни, шевеление которой могло нас выдать. Высокая полынь усеивала старое пожарище и давала защиту от глаз наблюдателей на вышках. А вот домик, который выбрал я, отсюда уже не выглядел надежным убежищем, каким он сперва мне показался. Дырявая крыша и выбитые окна позволяли засечь с форпоста любого сталкера, который мог по неосторожности сунуться в ту избу. Кальтер сразу понял, какую опасность она для нас представляет. Я же едва не оплошал и мог угодить на мушку снайперам, чьи дальнобойные винтовки шутя пробили бы трухлявые стены любого здания в этом поселке.

Укрывшись среди полынных зарослей и нагромождения горелых бревен, мы извлекли бинокли и нацелили их на оставшийся позади колок. Еще не облетевшие багряные кроны осин мешали просматривать его с вышек, но с нашей позиции можно было разглядеть даже протянувшуюся за лесом железную дорогу. И, разумеется, тех врагов, что вскоре попытаются ее пересечь. Как бы мы ни заматали за собой следы, они все равно были различимы в сухом подлеске, через который мы продирались пять минут назад. Но когда враг их обнаружит, выяснить, куда они ведут, он уже не успеет. Потому что как только раскольники вступят в осинник, у них сразу появятся более актуальные проблемы.

– Есть. Вижу ребят Черепа. Двигутся точно по нашим следам, – проговорил Кальтер, не

отрываясь от бинокля. Либо у него была мощнее оптика, либо острее взор, потому что я пока ничего такого не приметил. – Двое... Еще двое... Еще... Переходят линию мелкими группами... Двенадцать... Четырнадцать... Теперь выжидают... Опять пошли...

Первого «буяна» я засек тогда, когда майор насчитал их уже двадцать. Это был Сим-сим, высланный вперед в качестве дозорного, пока вся его банда собиралась в придорожном овраге. Очевидно, Кальтер вчера даже не ранил эту сволочь, раз Череп не только взял калмыка с собой, но и поручил ему ответственную работу. Вряд ли раскольники двинут в поселок всей своей многочисленной компанией. Скорее всего, отправят сюда двух-трех человек, дабы они разнюхали, с какого фланга мы решили обойти форпост «Монолита», а затем обогнут базу с того же направления, но на более безопасном расстоянии. Разумеется, если я им это позволю. Но я сегодня был не настолько добр, чтобы отказываться от своих кровожадных замыслов в отношении головорезов полковника Черепанова.

– Двадцать восемь человек, – просветил меня Кальтер после того, как неприятель полностью перешел границу. – Возможно, я обсчитался и их немного больше: тридцать или тридцать два. Но точно не сорок.

– Спасибо, ты меня здорово успокоил, – проворчал я, доставая пульт дистанционного воспламенения «сигналок». – Ну что, устроим в честь прибытия Бориса торжественный салют?

– Ненавижу шум, – признался майор, – но коли без него никак, дерзай. Зря, что ли, добро переводили?..

Две яркие красные ракеты одна за одной взмыли в небо с пронзительным свистом. Причем первая из них стартовала всего в паре шагов от крадущегося по осиннику Сим-сима, заставив его присесть от неожиданности. Еще двое следовавших за ним следопытов явно заработали себе в шевелюры немало седых волос. А то ж! И я бы на их месте струхнул, если бы у меня буквально из-под ног вылетело нечто одновременно ослепительное и оглушительное. Такие шутки и за пределами Зоны могут оставить заикой на всю жизнь, а здесь и подавно.

Однако в действительности «буяны» испугались не свистящих в унисон «сигналок», а тех последствий, какие они вызвали. Ракеты еще догорали в воздухе, когда по району, откуда они взлетели, шарахнул смертоносный свинцовый шквал. Все огневые точки южного сектора оборонительного периметра базы взялись дружно огрызаться на поднятый мной шум. Причем не только пулеметными очередями, но и ритмичным уханьем автоматических станковых гранатометов.

Парочка этих орудий вступила в канонаду последней, но проку от нее было гораздо больше, чем от всех сектантских пулеметов, вместе взятых. Гранатометчики начали сеять в осиннике и вокруг него отнюдь не «разумное, доброе, вечное», а, наоборот, безумное, жестокое и молниеносное. Всего за полминуты АГС расстреляли каждый по ленте боеприпасов и забросали отмеченный моими ракетами квадрат более чем полусотней осколочных гранат. Нам с Кальтером пришлось заткнуть уши, дабы не оглохнуть от гранатометных очередей и раздавшейся за ними череды разрывов. Даже не верилось, что весь этот хаос был порожден мной одним легким нажатием на кнопку маленького пульта.

Монолитовцы могли воспринять взлет «сигналок» по-разному: и в качестве чьей-то провокации, и как сигнал к штурму, поданный залегшим у насыпи многочисленным противником. Разбираться, кто и зачем пустил ракеты, сектантам предстояло позже. Первым же делом они нанесли по подкравшемуся противнику сокрушительный превентивный удар. А уже затем следовало не дать ошеломленному врагу передышку, проведя добивающую контратаку. При том количестве сил, которое «Монолит» всегда держал на форпосте, он мог отбросить от него зараз три такие группировки, как черепановский «Буян». И я надеялся, что, проведя артподготовку, монолитовцы, как положено, предпримут вылазку для зачистки местности от противника. Иными словами, сами того не подозревая, повоюют за наше с Кальтером правое дело.

Насколько хлопотная работа предстояла сектантам, мы пока не видели. Накрытый шквальным залпом осинник затянуло дымом вперемешку с клубами пыли. Последнее, что я заметил в бинокль, прежде чем прогремели взрывы, были драпающие во все лопатки к железной дороге Сим-сим и другие следопыты. Надо полагать, дожидавшиеся их за колком товарищи поступили так же. Стреляющие по навесным траекториям АГС оставляли раскольникам очень мало шансов укрыться от гранат в складках местности. Поэтому Черепу только и оставалось, что как можно скорее удрать из отмеченного «сигналками» района.

Дождавшись окончания канонады, я убрал ладони с едва не оглохших ушей и, толкнув Кальтера в плечо, показал ему большой палец: дескать, нехило погнали наши городских, да? Майор, как всегда,

продемонстрировал в ответ свою бесстрастную физиономию и взялся за бинокль. Какого рожна он мог видеть в таком дыму, непонятно, но Кальтер обозревал округу с той же дотошностью, с какой монолитовцы проутюжили лесок из гранатометов. Я последовал примеру компаньона, хотя, в принципе, мог этого не делать. В любом случае он заметит все, что необходимо, и без моей помощи.

Скрываться с места и продолжать путь на Припять в ближайшие полчаса было слишком опасно. Наоборот, нам следовало поглубже зарыться в полынь да молиться, чтобы сектанты ограничились прочесыванием колка и не совались к минному полю, на краю которого мы прятались. Однако с момента прекращения огня миновало пять минут... десять... а южные ворота форпоста оставались закрытыми. И чем больше проходило времени, тем заминка монолитовцев выглядела, как сказала бы Алиса Льюиса Кэрролла, все страньше и страньше...

Глава 6

Через четверть часа ветер унес дым в сторону Диких Земель, позволив нам наконец увидеть все последствия отгремевшего здесь хаоса. Гранатометы изрядно покосили подлесок и стрясли с деревьев листву, так что отныне добраться от насыпи до поселка незамеченным было невозможно. Нельзя было точно разглядеть, сколько тел лежало в придорожной канаве, но на железной дороге я насчитал растерзанные останки как минимум пяти человек. Все они решили в отчаянии перемахнуть через насыпь, чтобы спастись от града снарядов, но пали незавидной смертью, принеся себя в жертву безудержной мстительности своего командира. Наверняка среди угодивших под обстрел раскольников имелись раненые. Но, похоже, всех тех, кто подавал признаки жизни, уцелевшие «буяны» успели эвакуировать из опасной зоны до того, как осела пыль и развеялся дым.

Спустя двадцать минут группа зачистки из ворот базы так и не появилась. Кальтер указал на запад – туда, куда дул ветер, и, не высовываясь из полынных зарослей, пополз в том направлении. Я отметил, с какой искусностью он передвигается по-пластунски. Сушая змея в человеческом обличье! Или, если уж быть точным, Чингачгук Большой Змей. Я тоже на своем веку успел поползать по Зоне и натер о ее камни не одну мозоль на брюхе, но майор все равно давал Мракобесу в этой дисциплине сто очков форы. Мало того что он при этом не издавал ни шороха, так еще ежеминутно останавливался, дабы не уходить от меня в большой отрыв. Я же пыхтел, как кузнечные мехи, и старался изо всех сил не отставать от шустрого калеки, чьи пятки в буквальном смысле сверкали сейчас у меня перед носом. Вот только как прибавить ходу и при этом не наделать еще больше шума? Вопрос на засыпку, ответ на который был мне неведом...

Догнав остановившегося в очередной раз компаньона, я обнаружил, что мы находимся у самой кромки крутого склона неглубокой балки. На другом ее берегу начиналась узкая, уходящая на запад долина, с северного края которой высился стеной подернутый осенней позолотой лес. А над ним – похожий издали на спинной плавник ерша ряд остроконечных антенн радарной станции. До нее отсюда было порядка трех километров – примерно столько же, сколько до поселка Корогод на западном краю долины. С юга ее окаймляла гряда поросших кустарником холмов – естественная граница между территориями Военных Складов и Диких Земель.

Местность эта была мной неплохо изучена. Еще до отключения «выжигателя» мы с Бульбой не раз забирались на холмы и изучали в бинокль окрестности Припяти, делая пометки на карте. Мы тешили себя надеждой, что настанет-таки день, когда нам удастся прогуляться по тем местам, где, по слухам, артефактов было видимо-невидимо, и даже один рейд мог озолотить нас на всю оставшуюся жизнь. Мечты, мечты...

За минувший год я трижды забредал в мертвый город и действительно нашел там восемнадцатый артефакт из списка Болотного Доктора. Но вместе с тем сделал уверенный вывод: не стоит идти в Припять без четкой цели и полной уверенности в том, что у тебя хватит сил ее достичь. А еще желательно иметь при себе много-много патронов на случай, если вдруг не повезет привлечь внимание тамошних мутантов. Их несметные стаи кишмя кишели окрест ЧАЭС и мигом сбегались на любой мало-мальски подозрительный шум. Всем дерзнувшим сунуться туда сталкерам приходилось вести себя тише воды ниже травы. Иногда, чтобы пройти по улицам Припяти полсотни шагов, нужно было сначала пролежать в укрытии несколько часов, замерев и дыша через раз. Такие суровые законы царили в центре Зоны. К счастью для меня, моему нынешнему компаньону не требовалось напоминать об осторожности. Ни ежечасно, ни вообще. Впрочем, мне все равно стоило за ним внимательно

приглядывать. Исключительно ради того, чтобы перенять от него на будущее парочку фирменных приемчиков из разряда «Как дожить до зрелых лет, регулярно суя свою задницу в пекло».

Кальтер чуть раздвинул заросли полыни, чтобы она не мешала нам наблюдать за тем, что происходит по ту сторону балки, и снова припал к биноклю. Я в который уже раз обернулся, надеясь увидеть вышедших из форпоста сектантов, но, судя по всему, рассчитывать на их вылазку больше не стоило. А я так уповал на их вмешательство! Пройди все по плану, и мой финт с «сигналками» стал бы самым удачным из всех фокусов, учиненных мной раньше. Элементарная схема: сигнальная ракета и приделанный к ней дистанционный воспламенитель. Зато как порой это устройство облегчает жизнь, когда требуется срочно отвлечь и обескуражить кусающих тебя за пятки врагов! Полезному трюку научил меня в свое время Бульба, что ни говори. Поэтому две-три пары таких «сигналок» постоянно болтались в наших с ним походных ранцах.

– Что-то здесь не срастается, – уверенно произнес Кальтер, опуская бинокль. – Мы с тобой либо не учли некий важный фактор, либо попросту о нем не подозревали. Я склоняюсь ко второму варианту – слишком уж много странностей случилось за последние полчаса.

– Ты лишь сейчас это заметил? – буркнул я, досадуя из-за не оправдавших мои чаянья сектантов. – Мыслимое ли дело: монолитовцы обленились настолько, что стали позволять врагам сбегать с поля боя! Еще немного, и мы полностью отделались бы от Черепа! Теперь же этот сучий потрох залижет раны и снова сядет нам на хвост. А как здорово все начиналось!

– Меня больше беспокоит не то, что сектанты дали противнику уйти, – мотнул головой майор. – И не то, что Черепанов продолжит маячить у нас за спиной. Тревожит неизвестная причина, из-за которой вооруженная до зубов рота монолитовцев категорически отказалась выходить за стены базы. Даже после того, как они убедились, что твои «сигналки» – не провокация и за лесом действительно угодила под обстрел крупная сталкерская группа. Вдобавок заметь, с какой расторопностью была открыта стрельба. Такое впечатление, что хозяева форпоста ожидали нападения и находились на огневых позициях в полной боеготовности. И причем, что характерно, нападение ожидалось не со стороны Бара. Иначе сектанты следили бы гораздо внимательнее за южным участком обороны и засекли вторжение еще до того, как мы пустили ракеты.

– Пугаешь ты меня своей уверенностью, старик, – ответил я, не обратив внимания, как перешел в общении с Кальтером на панибратский тон. – Тем более что мне тебе и возразить-то нечем... И от кого, по-твоему, заперлись в крепости головорезы, которые ни военных в грош не ставят, ни даже пси-излучения «выжигателя» не боятся?

– Возможно, от того, кто распугал в округе всех мутантов, – предположил компаньон. – А также учинил вон то безобразие... Взгляни на два часа. Там на опушке леса есть несколько неправильных деревьев. Видишь их?..

Я приник к биноклю и обвел вооруженным глазом долину, стараясь высмотреть хотя бы одного слепого пса или псевдоплоть. В отсутствии мутантов не было бы ничего сверхъестественного, кабы не одно «но» – недавно над Военными Складами отгрохотала канонада, слышимая, наверное, даже на Свалке и в Темной Долине. Когда в Зоне творится нечто подобное, взбудораженная шумом псевдофауна ведет себя так же, как обычное зверье: впадает в панику и беспорядочно мечется по округе, пока не утомится или не нарвется на сталкерские пули. В настоящий момент на всем обозримом пространстве царило затишье. Неестественное и вдвойне подозрительное, потому что раньше, бывая в этих краях, я не испытывал отбоя от желающих полакомиться мной монстров.

Чем заинтриговали Кальтера «неправильные» деревья, я понял, лишь когда увидел их собственными глазами. Каким только метаморфозам не подвергается порой в Зоне растительность, но то, что происходило с ней – а точнее, с полутора десятками вековых сосен на опушке леса, было для меня в новинку. Поначалу я даже не сообразил, что с ними стряслось, пока не включил в бинокле зум и не рассмотрел сосны при максимальном цифровом увеличении. После чего процедил «чтоб вас черти побрали» и озадаченно нахмурился.

Действительно, только чертей и недоставало этим деревьям сверх того, что успела сотворить с ними неведомая нам стихия. Пятнадцать громадных сосен были выдернуты из земли вместе со своими внушительными корнями, а затем воткнуты обратно, только уже верхушками вниз. А дабы перевернутые вверх тормашками деревья не попадали, изгалявшийся над ними шутник вогнал их стволы глубоко в землю. Обломанные при этом ветки горами валялись вокруг каждой сосны вперемешку с комьями дерна и глины, разбросанными повсюду, как после сильного взрыва.

– Встречал такое прежде? – поинтересовался Кальтер, определив по моей ошарашенной реакции, что я узрел именно то, на что мне было указано.

– Встречал, но только обычные буреломы, – ответил я, гадая, что за монстр мог так жестоко поглумиться над природой. – Однажды наблюдал, как огромный «вихрь» стянул в пучок несколько деревьев, а потом разбросал их в стороны. Еще много всякой аномальной хренотени видел, но чтоб такое...

– По-моему, нет сомнений в том, что сосны «пересадила» не аномалия, а вполне разумное существо, – резонно возразил майор. – К тому же не лишенное чувства юмора. Только монолитовцы, похоже, не оценили шутку – пушки расчехлили, забаррикадировались и носа за ворота не кажут. Но сектантов понять можно – они как-никак люди, даром что с промытыми мозгами. А вот почему мутанты будто вымерли – загадка.

– Сказать тебе почему? – внезапно осененный разгадкой этой тайны, я трижды стукнул себя в сердцах ладонью по лбу. – Черт, черт, черт!.. Ну и встряли! Ни вперед, блин, теперь, ни назад! Скажи, Кальтер, ты нарочно выбрал для своего паломничества самое неподходящее время, а?

– Нет, это был не мой выбор, – ответил он, ничуть не изменившись в лице. – Я лишь следую данным мне указаниям. Однако я полностью доверяю этому человеку, так что подвох с его стороны категорически исключен.

– Ну да, разумеется! – Я схватился за голову и в отчаянии уронил ее на траву. – Никакого подвоха, все по-честному! Значит, твой консультант просто был не в курсе, что здесь сегодня творится! Как и двое наших разведчиков, которые четыре дня назад в последний раз вышли на связь из Рыжего Леса, а потом словно в воду канули. Что ж, коли теперь все прояснилось, предлагаю тихонько, не поднимая шума, разминуться с Черепом и вернуться назад. А что еще прикажешь делать, если в ближайшую неделю Припять нам с тобой так и так не обломится?

– Прекрати истерику! – грубо одернул меня майор. Говорили мы по-прежнему шепотом, хоть и объяснялись сейчас фактически на повышенных тонах. – А ну возьми себя в руки и спокойно растолкуй все, что я должен знать!

– Да, конечно... Извини. Сам не пойму, что на меня нашло. Видно, вчера передергался и еще толком не оклемался... – Я предпочел не перечить компаньону, чей ледяной взор унял мне нервы лучше всякого успокоительного. – Тот человек, чьим указаниям ты следуешь, говорил тебе что-нибудь о последнем выбросе? Какие-нибудь необычные догадки или слухи?

– Нет. Но я слышал краем уха в Баре, что он был ложным. Подобный вроде бы случился в позапрошлом году. Пятиминутный энергетический всплеск, после которого не возникли ни новые аномалии, ни обычная в таких случаях волна бредущих из центра Зоны мутантов. Сталкеры смеялись, что, дескать, стареют Хозяева Зоны, раз у них проблемы с потенцией начинаются.

– Верно, полтора года назад тоже произошел такой грандиозный пшик, который сталкеры сочли ложным выбросом, – подтвердил я. – И за три года до нынешнего экспресс-выброса нечто похожее, помнится, имело место. Но тогда у нас еще не было доступа в Припять и мы могли лишь догадываться, что творится в тех землях. Однако теперь наши разведчики регулярно проводят там рейды и иногда вылавливают для допросов сектантов. Редко кто из них идет на сотрудничество, но не слишком стойкие неофиты, бывает, раскалываются. Знают они, правда, с гулькин нос, но на информационном безрыбье и эти скудные крохи оказываются полезны...

– Без предысторий, если можно, – попросил Кальтер. – И покороче! Не время и не место трепаться. Я жду еще несколько минут и ухожу отсюда. В Припять, разумеется, а ты – куда пожелаешь.

– Ладно, слушай дальше... В общем, недавно один пленный монолитовец напел нам о том, что все они трепещут в ожидании какого-то Великого Очищения, которое, по их прогнозам, разразится в центре Зоны с недели на неделю. Когда конкретно, пленник не знал, но был свято уверен, что не заблуждается. Дальше он начал нести голимый бред про то, как из Саркофага вырвутся на свободу три апостола Монолита, коих звать Скульптор, Искатель и Буревестник. И что как только первые двое наведут вокруг ЧАЭС порядок, последний расправит над Зоной свои крылья и завершит церемонию, омыв землю водой. А затем якобы все опять вернется на круги своя. Короче говоря, грядет что-то типа местечкового Апокалипсиса или Рагнарека... Поймавшие того прорицателя парни решили, что малость переусердствовали, когда развязывали ему язык, и сектант окончательно рехнулся. Тем более он утверждал, что грядущее Великое Очищение станет уже четвертым в истории Зоны.

– Но ты, как я погляжу, отнесся к его рассказам серьезно, если не забыл имена тех апостолов и

припомнил сейчас эту легенду.

– Поначалу да, не поверил. Но на прошлой неделе в Бар зашел Болотный Доктор, а там как раз вовсю обсуждалось это пророчество. Спор шел чуть ли не до драки, и если бы кто-то не догадался спросить у Дока, что он думает насчет Великого Очищения, без мордобоя точно не обошлось бы. И вот какую версию он нам выдвинул на основе известных фактов... Хочешь послушать или пропустить?

– Ладно, валяй. Мнение Доктора узнать не лишне, раз оно имеет прямое отношение к нашей проблеме, – махнул рукой майор.

– Так вот, Док считает, что при всей своей аномальной сущности Зона была и остается закрытой экосистемой, – продолжил я. – И в ней также случаются всяческие нарушения, ведущие к дисбалансу местной экологии. Одним из таких перекосов, как стало теперь очевидно, является перенаселение центра Зоны мутантами. Их волны, какие мы наблюдаем после выбросов, – это от силы половина тех монстров, которые рождаются при каждом таком катаклизме. Вторая же их половина разбредается вокруг ЧАЭС и по территориям «Монолита». Это, в принципе, согласуется с тем, что я видел своими глазами в Припяти.

– Ясно, о каком перекосе твердил Доктор, – догадался Кальтер. – В окраинных районах Зоны военные, бандиты и сталкеры постоянно сокращают популяцию мутантов, не давая ей разрастись. В то время как в центре монолитовцы не успевают этого делать. О сталкерах-одиночках, что забредают в те края, и говорить нечего – они, наоборот, всячески избегают встреч с ордами монстров. А те пожирают друг друга, гибнут в аномалиях и при выбросах, но это не останавливает рост их поголовья. Тогда-то в Зоне и наступает Великое Очищение.

– Угадал, – кивнул я. – Сезон кровавой жатвы. Тотальное уничтожение расплодившихся сверх меры мутантов, которое проводят сами Хозяева Зоны. И затрагивает оно лишь центральные районы – вот почему мы о нем раньше никогда не слышали. Четыре Очищения за шесть лет существования Зоны – приблизительно по одному в полтора года. Примерно с такой же частотой происходят и пятиминутные выбросы!.. Но никто из споривших тогда в Баре, даже Доктор, не додумались связать эти два явления воедино. Хотя, казалось бы, что может быть очевиднее! И все потому, что ложный выброс и отсутствие после него волны мутантов всегда ассоциировались у сталкеров с ошибкой, допущенной Хозяевами Зоны. Великое же Очищение, судя по названию, напротив, должно являть собой что-то вроде сверхмощного и продолжительного аномального катаклизма... Проклятый стереотип! Кабы не он, я неделю назад догадался бы о том, чему на самом деле предшествовал последний выброс! И тебе отсоветовал бы идти на верную смерть.

– Сомневаюсь, Мракобес. – На губах у Кальтера вновь возникла и улетучилась та странная улыбка, какая удивила меня вчера в Баре. – Сейчас ты заявил, что на пути к цели мне придется пройти Великое Очищение! Отлично! Я вижу в этом не угрозу, а явный знак судьбы, подтверждающий истинность моей Веры. И ты требуешь, чтобы после такого знамения я сдался и повернул назад?

– Погоди, старик, ты не понимаешь!..

– Прекрасно понимаю! Представь себе Колумба, который после двух месяцев плавания в неизвестность вдруг увидел прилетевшую с запада чайку! Нет, еще не землю на горизонте, а всего лишь обыкновенную чайку, опустившуюся на мачту, чтобы дать отдых усталым крыльям. Вот и я сейчас такой же Колумб: пока не вижу свою цель, зато получил твердое доказательство того, что нахожусь на верном пути к ней... Как, впрочем, и ты, разве не так? Я дал тебе доказательство существования Полынного Слитка и пообещал, что ты его получишь. Возможно, твоя чайка еще не сидит на мачте, а кружит в облаках, но прислушайся: ты ведь слышишь ее крик, верно? Еще немного, и ощутишь дующий с берега бриз. А там и до земли рукой подать. Если, конечно, не сдрейфишь и не повернешь свою каравеллу назад... А теперь извини: мне надо идти. С тобой или без тебя, но я доберусь до Припяти и буду стоять завтра на закате в нужном мне месте!

И, перевалив через кромку обрыва, пополз по глинистому склону на дно балки.

«Да ведь он настоящий псих! – дошло до меня. – Таких одержимых, как майор, в Зоне что псевдособак нерезанных! Одни к Монолиту рвутся, другие еще куда-нибудь... Но Кальтер точно всех перещеголял. Я ему рассказал, в какое дерьмо мы лезем, а он – гляньте-ка! – воодушевился, будто узревший плачущую икону богомолец. Великое Очищение! Знак свыше! Истинная Вера! Господи, с кем я связался! И этот безумец еще надеется вернуться назад? Нет, куда угодно и с кем угодно, только не в Припять с Кальтером! Черта с два! Хрен ему! Не дождется! Не в этой жизни! Много чести мерзавцу! У-у-у, чтоб его!...»

Продолжая заклинять себя одуматься, я тем не менее энергично заработал локтями и коленями и вскоре тоже очутился на склоне. Майор тем временем уже добрался до дна, но вставать в полный рост не спешил, а, перевернувшись на спину, вычислял, насколько просматривается балка со стен и вышек форпоста. И пока я, матерясь сквозь зубы, полз по сухой – к счастью! – глине, Кальтер успел выяснить все, что ему необходимо. После чего поднялся на ноги, а когда я завершил спуск, предупредил:

– Можешь встать, но не отходи от обрыва. Вблизи этого берега нас не заметят, но если удалишься от склона хотя бы на три шага, снайперы на вышках увидят твою голову и начнут соревноваться между собой в меткости. Будь уверен: каждый просматриваемый ими метр этого оврага отлично пристрелян. И иди за мной след в след – подозреваю, тут могут быть мины.

Я не возражал. Пересекавшая долину поперек балка начиналась у железной дороги и вела к лесу, на опушке которого мы обнаружили неправильные (и это еще мягко сказано!) деревья. До леса оставалось чуть более полукилометра, поэтому раньше, чем мы до него доберемся, нам из лощины не выбраться. Временно ставший проводником Кальтер двигался вперед предельно осторожно. Прежде чем коснуться стопой земли, он каждый раз на мгновение замирал, словно хищник, заметивший, что выслеживаемая им добыча насторожилась. Я четко следовал указаниям компаньона, благо оставленные им в глине отпечатки ботинок были хорошо видны и попадать в них не составляло труда. То, что наши следы можно легко обнаружить, нас в данный момент не волновало. Во-первых, идти по рыхлым глиняным осыпям, не оставляя следов, было невозможно в принципе, а во-вторых, Череп сюда уже явно не сунется и перейдет железную дорогу западнее или восточнее форпоста. Но в том, что «буяны» ее так или иначе перейдут, я был уверен. Подобно Кальтеру, полковник Борис Черепанов тоже был одержимым, причем не призрачной, а вполне конкретной целью – мстью за своего младшего брата.

Четырежды за время нашего пути по балке Кальтер предупредительно поднимал руку, и я замирал на месте как вкопанный. Но всякий раз тревога оказывалась ложной, и мы двигались дальше. Не исключено, что в лощине действительно были мины, но нам – точнее, компаньону – они под ноги не попадались. Зато мы наткнулись на кое-что другое: большой лоскут плотной серебристой ткани, похожий на обрывок чехла от автомобильного или вертолетного сиденья. На лоскуте просматривались какие-то знаки, а сам он хоть и был истрепан, выглядел на удивление чистым и бросался в глаза еще издали.

Казалось бы, обыкновенный обрывок материи – мало ли подобного тряпья разбросано по Зоне? Однако Кальтера наша случайная находка крайне заинтересовала. Причем настолько, что он даже пренебрег из-за нее правилами конспирации, которые до этого соблюдал неукоснительно.

Серебристый лоскут висел, зацепившись за ветви акации, что росла у противоположного склона балки. Пулевые дыры в куске материи отсутствовали; не было их и в глине вокруг куста. Тряпица явно не служила мишенью, по которой снайперы на вышках настраивали прицелы своих винтовок. Впрочем, это еще не означало, что лоскут очутился на том кусте случайно, а не был вывешен хозяевами форпоста с какой-то определенной целью.

Уверен, аналогичные мысли посещали и Кальтера. Поэтому я не сомневался, что он проследует мимо колышущегося на ветру обрывка. Но майор опять поступил вопреки моим ожиданиям. Приказав мне замереть на месте, он сначала осторожно, с оглядкой, отошел от обрыва, затем некоторое время понаблюдал за форпостом, после чего, убедившись, что остался незамеченным, пересек лощину и приблизился к заинтересовавшей его тряпице. И ладно лишь бегло осмотрел бы ее! Нет, компаньону зачем-то потребовалось отцепить лоскут от акации и только потом вернуться с ним обратно! Глядя сейчас на Кальтера, я ощущал себя школьником, который застал своего учителя с сигаретой в зубах сразу после того, как тот прочел в классе лекцию о вреде курения.

Убедившись еще раз, что его не засекли с форпоста, майор вернулся под прикрытие обрыва и взялся пристально изучать находку. Особенно заинтересовали его символы, в которых вроде бы угадывались русские буквы. Они являлись фрагментом не то замысловатой аббревиатуры, не то инициалов, не то просто названия фирмы-производителя. Кальтер повертел обрывок перед глазами так и эдак, поскреб зачем-то ногтем пятнышко грязи на истрепанном краешке лоскута, после чего аккуратно расстелил его на склоне и стал рассматривать тряпицу на расстоянии, будто картину.

Я с любопытством следил за манипуляциями компаньона и тоже поневоле увлекся расшифровкой озадачивших его символов. И вдруг обнаружил, что кусок серебристой материи вовсе не кажется мне незнакомым. Не помню, где и когда, но как минимум однажды я определенно сталкивался с продукцией этой фирмы.

– Дежа вю, – пробормотал я, глядя на лоскут из-за плеча Кальтера.

– Что ты сказал?! – Он резко обернулся и вперился в меня таким пронизывающим взглядом, что я даже оторопел.

– Видел, говорю, раньше подобные вещи, – уточнил я, на всякий случай отступив на шаг назад. Невозмутимый Кальтер порой умудрялся пугать меня до икоты, а такой, как сейчас, и вовсе вызывал откровенно дурные предчувствия. – Правда, тоже вот так, навскидку, не скажу, что это за штука. Вроде бы разгадка в голове вертится, а вспомнить не получается.

– А ты постарайся. – Рекомендация майора прозвучала не как приказ, но на дружескую просьбу она тоже мало походила. – Напряги память. Не исключено, что этим ты мне здорово поможешь.

– Ладно, попробую, – пожал плечами я. – Только, будь добр, не наседай на меня, договорились? Память – это ведь не губка, в которую что впиталось, то обратно и выдавилось. С памятью такие шутки не проходят. Тут как раз наоборот – чем больше давишь, тем меньше получишь...

– Чем меньше будешь трепать языком, тем быстрее вспомнишь, – поправил меня майор. Теперь точно по-дружески. Он уважил мою ответную просьбу, а значит, его действительно интересовало, что же я накопаю у себя в памяти.

– Ну что? – участливо полюбопытствовал Кальтер спустя минуту, в течение которой мы продолжали созерцать расстеленный на склоне лоскут. – Никаких ассоциаций?

– Нет, – уверенно помотал я головой. – Может, в спокойной обстановке что-нибудь конкретное на ум и пришло бы. Но здесь, сам понимаешь, голова другим дерьмом забита.

– Понимаю, – кивнул компаньон, явно разочарованный моим ответом. А затем опустился на колени, выкопал в глине ямку и, опустив в нее тряпицу, бережно зарыл ее, как хоронят дети своих умерших попугайчиков, хомяков или аквариумных рыбок. После чего поднялся, постоял немного над «могилкой», склонив голову (я даже ненароком подумал, что майор отдаст сейчас воинскую честь, но он ограничился лишь минутой молчания), и, ни слова не говоря, пошагал дальше. Я подивился очередной странности этого психа, с тоской оглянулся назад – туда, где остались мои товарищи и привычная мне Зона, – и обреченно побрел за Кальтером в неизвестность, прислушиваясь, не доносятся ли с небес крики моей вешей чайки.

Тишина... Ни криков чаек, ни бодрящего бриза, что дует с берега, где должна сбыться моя мечта. Только маячащая впереди спина майора и груз новых сомнений в душе. Какие призраки гонят в Припять этого человека? И сколько их нужно, чтобы охмурить и подвигнуть на самоубийственный поход такого здравомыслящего прагматика, как Кальтер? Сонм, не меньше. Тяжко, небось, уживаться с такой оравой призраков, денно и ночно третирующих твое сознание. Мне и одна-то безобидная девочка все мозги во сне прокапала, а у майора таких зануд – целый вагон и маленькая тележка...

– Мать Божья! Да ведь это же обрывок одежды того самого призрака! – От вспыхнувшей у меня в голове догадки я застыл как вкопанный и даже не заметил, как начал рассуждать вслух. – Ну конечно! Гребаный призрак! Синеглазая девчонка в серебристом комбинезоне! На нем тоже были какие-то дурацкие надписи, и ткань очень похожа... Вот откуда это дежа вю, а я, блин, голову грею...

Еще мгновение назад Кальтер шел в пяти шагах впереди, и вдруг он прямо как из-под земли вырастает передо мной с горящими демоническим огнем глазами и грубо толкает меня в грудь, роняя на склон обрыва. «Тебе конец! – пискнул, забившись в самый дальний и темный угол, мой инстинкт самосохранения. – У психа припадок, а у тебя автомат на предохранителе...»

Я грохнулся навзничь на мягкую глину и, схватив «Абакан», отщелкнул предохранитель. Но взбесившийся майор навалился на меня всем своим весом и придавил коленом мой автомат мне же к животу. Поняв, что пристрелить безумца не выйдет, я бросил пушку и схватился за висевший у меня на поясе штык-нож. Для боя в моем стесненном положении короткий клинок был предпочтительнее полуметрового мачете, до которого я, в принципе, тоже мог дотянуться. Однако едва я сомкнул пальцы на рукояти ножа, как мой кадык сразу ощутил колкую сталь кинжала Кальтера. Ладонь же его искусственной конечности легла мне на лицо, заслонила глаза и намертво прижала голову к откосу.

Нет, моя непутевая жизнь не пронеслась у меня перед глазами, как, должно быть, вы вообразили. То ли все это попросту вранье и так не бывает, то ли смерть у меня выдалась слишком неправильная, черт ее знает. Впрочем, кое-что я все-таки успел подумать. Откровенная нелепость, но тем не менее. Хотите верьте, хотите нет: в последние мгновения жизни я был озабочен тем, успеет ли противник отдернуть руку с отравленным клинком прежде, чем я заляпаю ее пеной, которая вот-вот хлынет у меня изо рта. Комментарии, как говорится, излишни...

– Не дергайся! – приказал мне Кальтер. Непонятно, зачем: отравленный нервно-паралитическим ядом, я и так вроде бы не должен был дергаться. – А теперь быстро отвечай на вопрос: как зовут человека, который рассказал тебе о призраке синеглазой девочки?

– Старик, да ты вконец слетел с катушек! – возмутился я, несказанно обрадованный тем, что еще жив. Видать, после вчерашней резни майор тщательно продезинфицировал свое холодное оружие. Что, впрочем, не делало его менее смертоносным. – Я тебя что, оскорбил? Ну извини – не нарочно получилось!

Кинжал майора не проткнул мне горло, но надавил на кадык как-то особенно болезненно, отчего тот рванулся чуть ли не под гланды. Я поперхнулся, закашлялся и решил отложить извинения на потом. Если, конечно, при такой нелицеприятной беседе до них вообще дойдет дело.

– Хорошо, я понял: шутки кончились, – заверил я рехнувшегося компаньона. – Что ж, давай по-твоему: ты спрашиваешь – я как на духу все тебе выкладываю... Никто не рассказывал мне про девочку! Вот уже год она мне чуть ли не каждую ночь снится! Устраивает тебя такой ответ?

Усилие, с которым Кальтер давил на нож, не ослабло, однако болезненное тоже не стало. Я воспринял это как добрый знак, ибо поначалу усомнился, что дознаватель примет мои слова на веру.

– Но я отчетливо слышал, как ты назвал девочку призраком! – грозно сверкая глазами, напомнил майор. – До тебя только один человек в мире называл ее так! Когда-то мы были с ним друзьями, но сегодня он – мой злейший враг. И если бы не одно обстоятельство, которое тебя оправдывает, я решил бы, что ты подослан моим врагом с пока неясной мне целью.

– Ты сам нашел меня, Кальтер, – напомнил я ему это спасительное для меня обстоятельство. – Не ты был нужен мне, а я – тебе!

– Вот именно! – согласился майор, однако кинжал от моего горла не убрал.

– А то, что я назвал девочку призраком, так это ж без задней мысли, старик! – продолжал я, чувствуя, как наше взаимопонимание мало-помалу восстанавливается. – Она – очень странная и приходит ко мне исключительно в снах. Ну и как, по-твоему, я должен объяснять это наваждение, если не происками Зоны?... Эй, постой-ка! Да ведь синеглазка и к тебе по ночам является, я угадал? Точно – угадал! Хотя нет – здесь явно кроется нечто большее! Иначе с чего бы ты взбеленился, да еще врага своего припомнил...

– Заткнись! Забыл, что ли: я спрашиваю, ты отвечаешь! – прикрикнул на меня Кальтер. Я прикусил язык, который уже оказал моему взятому в заложники кадыку медвежью услугу. – Значит, говоришь, девочка снится тебе целый год почти каждую ночь?... И что она при этом делает: молчит или говорит что-нибудь?

– Всегда болтает. Сколько ее помню, ни разу не молчала. Постоянно хнычет об одном и том же: поклянись, дескать, Леонид Иванович, что поможете дяде Косте, потому что без вас он пропадет. Я уже и прогонял ее, и по-хорошему просил отвязаться, и клятву раз двадцать давал – без толку. На следующую ночь девчонка опять является, и все по новой... Ты бы это, майор... нож спрятал, а то говорить тяжело – в горле першит...

– Дядя Костя? Она просит тебя помочь дяде Косте? – переспросил Кальтер и – хвала Небесам! – оставил мой кадык в покое, а также прекратил попирать меня коленом, словно фермер – пойманную на убой свинью. Получив свободу, я облегченно вздохнул, уселся на глиняной осыпи и, отложив автомат, потянулся за фляжкой с коньяком.

– Истинно так, старик! Ты все правильно расслышал, – подтвердил я, прогрев горло глотком «Давидовф». Кальтеру предлагать принципиально не стал. Кто кого и должен угощать сейчас выпивкой, так это он меня, а не наоборот.

– Это невероятно. Хотя, безусловно, многое объясняет... Очень многое. Но не все. Жаль... – пробормотал компаньон, усаживаясь на глиняную осыпь неподалеку от меня. Кровожадный демон в нем утомился, оставив майора в неестественных для него растерянных чувствах. Не сказать, что он выглядел подавленным или разбитым. Нет, это был все тот же себе на уме наш старый знакомый Кальтер. Но любое терзающее его сомнение казалось чем-то из ряда вон выходящим.

– Не хочу лезть в твои тайны, друг сердешный, – заметил я, ощупывая горло и удивляясь, как майор умудрился не пустить мне кровь, – но если так дальше дело пойдет, боюсь, в следующий раз я не найду слов в свою защиту и ты сгоряча отрежешь мне голову. Тебя не затруднит хотя бы вкратце растолковать, что тут, черт побери, сейчас происходило?

– Нет, – отрезал Кальтер, но сразу поправился: – Не здесь. Может быть, позже, когда мы с тобой

заглянем по пути в одно место. Совсем ненадолго. Только проверим, не оставлено ли для меня там послание, а потом двинем напрямик в Припять... И вот еще что, Мракобес. Давай забудем этот некрасивый инцидент. С моей стороны была допущена грубейшая ошибка: дав волю гневу, я нарушил один из своих главных принципов. Обещаю, такое больше не повторится. По крайней мере, пока мы будем работать в одной команде.

Наверное, эти скудные оправдания следовало считать извинениями, которые я и не надеялся получить. Что ж, лучше такие, чем вообще никакие. Но коньяка компаньон от меня один хрен не получит!

– Ответь, какая муха тебя укусила, и можешь считать, что все обиды в прошлом, – поставил я встречное условие. – Просто скажи в двух словах: так, мол, и так, Мракобес, ты ляпнул то, о чем не должен был говорить, вот я и напрягся. Давай, облегчи душу, и пойдем дальше.

– Хм... Да, ты и правда сказал по незнанию нечто оскорбительное, – с неохотой признался Кальтер. – Хотя это, конечно, не оправдывает мой срыв, но тем не менее... Ты назвал гребаным призраком человека, который существует в действительности и который мне очень дорог. Поэтому попрошу больше не оскорблять в моем присутствии этого замечательного ребенка... Вот такая была муха. Полагаю, с меня достаточно извинений?

Я знал, что снова напрашиваюсь на неприятности, однако Кальтер дал обещание держать себя в руках, и это придавало мне уверенности. Зыбкая такая уверенность, учитывая, что если майор нарушит слово, никто сроду об этом не узнает и не найдет мой канувший бесследно труп. Но как бы то ни было, я должен был задать компаньону еще один провокационный вопрос.

– Вполне достаточно, – кивнул я и как бы невзначай добавил: – Теперь ты прощен... дядя Костя. Или я не прав? Тебя ведь на самом деле так зовут, Кальтер?

Майор демонстративно подбросил в руке кинжал и только теперь спрятал его в ножны (уверен, Кальтер все это время нарочно держал нож на виду, пытаясь при помощи психологической уловки «temento mori» оградить себя от моих неудобных расспросов). После чего развел руками и ответил:

– К чему отрицать очевидное? Ты – неглупый малый, и уж коли все так обернулось, рано или поздно догадался бы, кто я такой. Мое полное имя – Константин Тимофеевич Куприянов. Кальтер – это был мой оперативный позывной. А девочку зовут Верданди. Или Вера, как называла ее мама.

– Та самая Вера? Которая с большой буквы? И которая ведет тебя в Припять?

Кальтер молча кивнул и поднялся, давая понять, что разговор окончен и нам пора продолжать путь.

Я понятия не имел, что теперь и думать. Оказывается, нас обоих одолевал один и тот же призрак, и был он отнюдь не безобидным, каким являлся мне в снах, а весьма коварным. Разумеется, я не знал пока всей правды, но и того, что мне было известно, хватало для неутешительных выводов. Призрак девочки Верданди, который серьезно помутил разум майору Куприянову и хитростью приставил меня к нему в проводники, заманивал нас в Припять. Причем не абы когда, а в разгар Великого Очищения! Совпадение? Крайне сомнительно. Гадать о мотивах Веры являлось занятием неблагодарным. От аномального порождения Зоны можно ожидать чего угодно, только не добра. Из нас с Кальтером лишь я не утратил силу воли сказать решительное «нет» проiscaм здешней нечисти... так мне, по крайней мере, казалось. И если я найду в ближайшее время довод, способный открыть майору глаза на правду, кто знает, возможно, он даже в знак признательности подарит мне Слиток. Вдобавок ко всему я и впрямь помогу дяде Косте избежать неприятностей! Поэтому пусть Вера только дерзнет оспорить, что я не сдержал данную ей клятву! Но надо поторопиться, пока мы с Кальтером не забрели слишком далеко...

А тем временем наша маленькая «стая товарищей» достигла леса, на опушке которого возвышались те самые неправильные деревья. Одно из них торчало неподалеку от балки, и я мог видеть его растопыренные, напоминающие щупальца окаменелого спрута корявые корни. Театр абсурда, короче говоря. Глядя вблизи на подвергнувшиеся изощренному надругательству сосны, я ощущал странные эмоции. Сей аномальный цирк выглядел бы крайне забавно, если бы не вызывал угнетающий страх. Перевернутые вверх тормашками, вековые деревья служили недвусмысленным предупреждением всем, кто намеревался пересечь отмеченную ими границу. Даже монолитовцам, забаррикадовавшимся у себя на форпосте. Но только не Кальтеру, упрямо идущему на зов своего... вернее, нашего с ним общего призрака.

– О каком послании ты упоминал, Тимофеич? – спросил я компаньона, когда догнал его. Он успел

немного вырваться вперед и теперь дожидался меня у большого валуна, вымытого дождями из склона лощины. – И куда именно мы направляемся? Я не ради простого любопытства интересуюсь...

– Молчи! – грубо оборвал меня Куприянов и предупреждающе вскинул вверх кулак. – Ни звука!

Лишь сейчас я смекнул, что Кальтер остановился вовсе не из-за моей задержки, а потому что уловил подозрительный шум. Я тоже замер и наострил уши, однако поначалу расслышал лишь тишину. Но и она уже служила верным признаком того, что в лесу творится неладное. Неумолкающий лай слепых псов и прочие звуки, издаваемые рыскающими повсюду мутантами и растревоженными ими аномалиями, издавна формировали уникальный шумовой фон Зоны. Со временем я свыкся с ним, как привыкают жители морского побережья к постоянному шуму прибоя. И потому когда доносящиеся отовсюду рычанье, тьяканье, грызня, визг и душераздирающие вопли умолкли, тревога во мне отнюдь не улеглась, а, напротив, усилилась еще больше.

Но не безмолвие заставило Кальтера насторожиться, а идущий с севера далекий гул. Неуклонно нарастая, он как будто стирал в крошево мрачную глыбу повисшей над нами тишины и тем самым медленно уничтожал ее. Даже сам гул немного напоминал работу карьерной камнедробилки. Чувствовалось, что надвигающийся на нас шумовой вал исходит от некой разрушительной силы, которая, однако, не считает на своем пути все напропалую, как цунами или ураган, а крушит угодившие под ее удары объекты один за одним. Примерно как в фильме о бесчинствующем на Манхэттене Годзилле. Вот гигантская ящерица обрушивает ряд небоскребов, затем топчет автомобили, сносит мост, топит парочку яхт, расшвыривает танки и на десерт хватает зубами прямо на лету боевой вертолет. Почти то же самое, судя по характеру шума, происходило за лесом. Не было слышно только взрывов и стрельбы. Зато сквозь какофонию вскоре начали пробиваться многоголосые рев и визг, принадлежащие, вне всякого сомнения, множеству мутантов. Но что заставило их блажить хором так, будто всю эту свору швырнули в огромный котел и принялись варить на медленном огне?

– И выйдут из Саркофага три апостола Монолита – Скульптор, Искатель и Буревестник, и начнут они Великое Очищение, и придет кирдык всем, кто подвернется им под горячую руку, – пробормотал я, несмотря на приказ помалкивать.

Кальтер покосился на меня и промолчал. А тем временем треск, грохот и дикий ор ворвались в безжизненный лес с севера и, развеяв остатки тишины, лавиной помчались дальше. Со склонов балки посыпались комья глины, а земля под ногами задрожала, будто трепеща от страха перед неведомой нам напастью.

– Но у нас есть наша Вера, и мы выстоим. Аминь, – закончил майор на свой лад помянутое мной монолитовское пророчество.

– Полный аминь, – согласился я и, глянув на сошедшую с обрыва осыпь, добавил: – Ты смотри, как здорово: даже о могилке не надо переживать! Жаль, никто не узнает, где ее искать...

Глава 7

«Идет-гудет Зеленый Шум!» – восторгался поэт Некрасов приходу весны. Любопытно, какого цвета показался бы ему гвалт, наступавший на нас сейчас со стороны Припяти: бурым – оттенка ржавого железного хлама, чей лязг вклинивался в звуковой хаос, или черным – как отчаянье, что пронизывало жалобный ор мутантов? Одно можно сказать точно: никаких поэтических восторгов эта какофония у Николая Алексеевича не вызвала бы. Разве что навеяла бы на него мрачные думы и подвигла на написание еще одной поэмы о чьей-нибудь горькой судьбине. Например, моей или Кальтера.

Вошли они, несчастные, В лощину эту темную, Да и остались в ней Лежать на веки вечные. В каком году – рассчитывай, В какой земле – угадывай, Растерзаны, растоптаны, Обглоданы мутантами Два горемыки-сталкера... Как там бишь звали их?

Однако шутки шутками, а судьба наша и впрямь складывалась незавидно. Взглянув на осыпающиеся склоны, я решил было выбираться из балки, но Кальтер, как обычно, считал иначе. Махнув мне рукой, он побежал вперед, к торчащей из обрыва сухой коряге, похожей на огромного тарантула. Когда-то она являла собой кряжистый ясень с причудливо изогнутым стволом, что рос на краю лощины, но из-за постоянной эрозии склона очутился со временем почти у его подножия.

Ничтоже сумняшеся, майор плюхнулся на землю и заполз под «брюхо» паукообразному дереву. Растопыренные, переплетенные между собой ветви ясеня могли защитить нас от осыпей, а также укрыть от глаз и мутантов, и того исполина, который гнал их по лесу навстречу нам. Не бог весть какое убежище, но за неимением лучшего сойдет и оно.

Едва я тоже забился в созданную природой ясеневую клеть, как в небе над балкой пронеслись какие-то тени. Походили они, судя по размерам, на звено низколетящих вертолетов. Вот только звук их полета и близко не напоминал свист турбин и удары рубящих воздух винтов. Если бы сейчас в лесу свирепствовала буря, я бы вовсе не расслышал пролетевших над нами гигантов. Потому что именно такой шум – шелест древесных крон на ураганном ветру – они и издавали.

Сверху на нас обрушился дождь из глиняных комьев, но оползни были ни при чем. Втянув голову в плечи, я испуганно уставился вслед летунам и открыл от удивления рот. Примерно в полусотне метров от земли неслись, кувыркаясь в воздухе, три вырванные с корнями могучие сосны – такие же, какие торчали вверх тормашками на опушке леса. Осыпав нас глиной, а также хвоей и шишками, вознесшиеся в небо деревья долетели до своих братьев-перевертышей и с треском грохнулись оземь где-то в том же районе. Еще одна сосна промчалась над балкой мгновением позже, но брошена она была с меньшей силой, поскольку приземлилась гораздо ближе – аккуратно туда, где мы с Кальтером пять минут назад выясняли отношения. Раскидистая сосновая крона прошлась по ложине, словно щетка-ерш по бутылочному горлу, оставив после себя обломанные ветки, выдранные кусты и пробороненные склоны.

Мы с Кальтером вжались в землю, боясь даже пошевелиться. Бывали в моей жизни ситуации, когда я ощущал себя полным ничтожеством, но сегодняшняя – совершенно особый случай. В Зоне человек быстро избавляется от привитого ему цивилизацией комплекса царя природы, но даже в неравном бою с химерой или псевдогигантом мы проигрываем так, как проигрывает слабый противник более сильному. То есть сохраняя в себе хотя бы каплю человеческого достоинства. В столкновении же с тварью, что метала вековые деревья с легкостью, с какой я могу швырнуть картофельную ботву, ни о каком достойном поражении не могло идти речи. Поражение – закономерный финал битвы для одной из воюющих сторон. Но разве можно назвать битвой то, когда твой враг раздавливает тебя походя, как букашку, и сам этого не замечает? А коли и успевает заметить, то тут же забывает. И велика тебе от этого честь?

Я с ужасом глядел туда, откуда прилетели деревья, но видел лишь колышущиеся верхушки сосен да слышал дружный рев множества неумолкающих глоток. Такая огромная стая мутантов должна бежать громче лошадиного табуна, но вместо топота мы слышали лишь лязг вкупе с тяжелыми и частыми ударами о землю. Казалось, будто свора монстров мчится по лесу на большегрузных самосвалах, подпрыгивающих на каждом встречном ухабе.

Мое воображение нарисовало довольно безумную картину, но действительность многократно переплонула все мои фантазии. Когда я разглядел, что за громадная шарообразная хреновина упала в балку, мне потребовалось некоторое время, чтобы поверить собственным глазам. Слишком уж диким выглядело все увиденное нами даже по меркам щедрой на чудачества Зоны.

В полусотне шагов севернее нас, сминая кусты и оставляя в глине глубокий след, со склона скатился плетеный железный шар диаметром около четырех метров. Подобные шары, только вдвое больших размеров, используют в качестве реквизита эквилибристы на мотоциклах, выписывая внутри этих конструкций «мертвые петли» и прочие головокружительные виражи. Представшая нашему взору сфера была сплетена из подножного хлама, который можно обнаружить в Зоне практически повсюду. Толстая арматура, швеллера, трубы и прочий металлопрокат коконом опутывали нечто шарообразное, копошащееся и режущее на все лады, словно стая раненых кровососов...

Какого черта?! Да ведь это и были кровососы, а также прочие мутанты, набитые внутрь многотонного шара, как сельди в бочку. Хотя, ежели приглядеться, все было наоборот – это металлические путы были обвязаны вокруг согнанных в кучу монстров. И обвязаны так крепко, что им только и оставалось блажить да таращиться из своей ловушки выпученными от боли глазами. Вся поверхность шара была залепана липкой коричневой кровью, а из прорех то здесь, то там торчали наружу переломанные конечности – издержки, так сказать, жесткой транспортировки.

Дьявольский шутник, у которого хватило сил слепить эту уникальную в своем роде композицию, мог соперничать в буйстве фантазии с самим Иеронимом Босхом, чьи безумные картины я видел однажды в каком-то журнале. Но где же скрывался сам автор представленного на наш суд творения,

подобрать приличное название которому лично я затруднялся? Мы во все глаза всматривались в лесной полумрак (судя по непрекращающемуся там грохоту, свалившийся в балку шар существовал не в единственном экземпляре), но, кроме с треском раскачивающихся сосен, больше никого и ничего не замечали. По крайней мере, поблизости от лощины.

Не исключено, что, засядь мы с Кальтером повыше – на склоне или у кромки обрыва, – нам повезло бы рассмотреть идущего по лесу Скульптора; не возникало сомнений в том, что подобное глумление над деревьями и мутантами – его рук дело. Однако где гарантии, что в таком случае он не заметил бы нас? Нет уж, пусть лучше идет своей дорогой и не суется в балку – целее будем. Нашу несостоявшуюся встречу с ним мы как-нибудь переживем. Чего нельзя сказать об обратном. По-моему, у меня будет намного больше шансов выжить, прыгнув под несущийся локомотив, нежели столкнувшись нос к носу со Скульптором.

Впрочем, с чего я взял, что упомянутые в сектантском пророчестве апостолы Монолита обладают телом? У нас нет доказательств их родства с обычными мутантами, так что Скульптор, Искатель и Буревестник вполне могут оказаться и призраками, и особями из промежуточного звена между материальными и нематериальными порождениями Зоны – чем-то вроде полтергейстов.

Едва эта гипотеза пришла мне на ум, как окованный железом живой шар взмыл над лощиной и умчался в лес со скоростью пушечного ядра, оставляя за собой узкую просеку. Никто – ни монстр, ни привидение – на берегу балки перед этим так и не засветился. Сошедшая с курса передвижная тюрьма для мутантов отправилась догонять «конвой», фигурально выражаясь, по шучьему велению, по неизвестно чьему хотению.

Мне оставалось только проводить шар глазами и вновь задуматься о нашем месте на этом аномальном пиршестве. Когда вокруг учиняли войну силы такого порядка, я ощущал себя тараканом, выползшим на танцпол ночного клуба в самый разгар вечеринки. Сколь ни был проворен усатый шустрик, лавируя между пляшущими двуногими гигантами, над ним всегда довлела угроза угодить кому-нибудь из них под каблук. И если повадки тех же кровососов были для меня в целом предсказуемы, то логика Скульптора представлялась мне тайной за семью печатями. Тайной, которую я при всей своей любознательности отнюдь не рвался разгадывать.

Трескучая какофония переместилась южнее и вскоре доносилась уже откуда-то из района неправильных деревьев. Кальтер толкнул меня в плечо и молча указал на противоположный склон. Следовало понимать, что майор намерен, не теряя времени, пересечь маршрут Скульптора до того, как он, возможно, двинет по нему назад. Несмотря на скороспелость, идея показалась мне вполне здравой. Стоило лишь подумать о том, что, повернув вспять, я рискую снова столкнуться с апостолом Монолита, как желание возвращаться сразу притухло.

Ладно, уговорил: провожу компаньона до места, где его ждет некое послание, а там посмотрим, как быть дальше. Возможно, с ним у Куприянова связаны все надежды, и, не обнаружив весточку, майор призадумается, нужно ли нам идти дальше. Главное, не упустить этот момент и воззвать к разуму Кальтера – авось да одумается. Я даже не стану настаивать на том, чтобы он отдал мне Полынный Слиток в виде компенсации за потраченное время. Пусть хотя бы покажет мне его и вдохновит на поиск оставшихся артефактов. За одно лишь неоспоримое доказательство того, что панацея – не миф, я буду по гроб жизни благодарен Тимофеичу. Как, надеюсь, и он мне. За то, что я излечу его от самоубийственной мании совершать необдуманные рейды.

– Хорошо знаешь этот лес? – поинтересовался Кальтер, как только мы выбрались из лощины.

– Более или менее, – ответил я, не став набивать себе цену, поскольку понятия не имел, куда мы идем.

– Тогда скажи, каким маршрутом быстрее достичь радарной станции: по проселку от хутора Красный или через лесопилку?

– Считается, что проселок – кратчайший путь, хотя на нем можно столкнуться с монолитовцами. Но в нашем случае предпочтительнее второй вариант. Я почти уверен, что если Череп не откажется от погони, он двинет на Припять через Красный и радарную станцию. Только не говори, Тимофеич, что твое послание находится там! Когда я предлагал «буянам» сыграть в кошки-мышки, то вовсе не имел в виду, что буду дразнить их, маяча у них под носом!

– Мы идем не на антенный холм, а к Небесному Пауку, – уточнил майор. – Мне доводилось бывать в тех краях. Но раньше я захаживал туда со стороны Диких Земель и о восточных сталкерских тропах знаю лишь понаслышке. Значит, говоришь, идти через лесопилку безопаснее? Что ж, тогда води.

Доберемся до Паука к обеду – объявлю тебе перед строем благодарность.

– Веселый ты парень, как я погляжу, Тимофеич! – кисло усмехнулся я, глядя на часы и сверяясь с ПДА-картой. – Думал, с тобой в дороге со скуки помру, ан нет – развлекаешь товарища по мере сил. То лясы поточим, то подеремся, то футбол посмотрим... Классно утро началось! Интересно, чем нас день порадует. А про вечер даже не заикаюсь...

Судя по характерным следам, Скульптор гнал по лесу сразу пять железных «мячей». Заляпанные кровью мутантов, на юг тянулись полдюжину узких параллельных просек. Иных улик «футболист» после себя не оставил. Было слышно, что на опушке кипят нешуточные страсти, но на убежище сектантов эта могучая тварь вроде бы не посягала. И, скорее всего, не посягнет. Случайся такое раньше, они не прятались бы на своей земле, а прорывались с боями на юг и переживали беспокойные времена там. Тот, кто спустил с цепи Скульптора и его братьев, не желал уничтожить своих преданных слуг – монолитовцев – и предупреждал их о грядущем Очищении через пророчество. Вполне возможно, что сегодня за стенами форпоста собралась вся секта в полном составе. Хозяину, который разрешил своему цепному псу побегать по двору, куда проще загнать на это время всех кур в курятник и накрепко запереть его, нежели уповать на то, что птицам хватит ума не попадаться на глаза резвящейся на свободе псине.

Расположенная юго-восточнее антенного холма лесопилка была известна всем сталкерам, кому доводилось хаживать в Припять. Обшитый досками распиловочный цех и сложенная из бруса конторка-теплушка торчали посреди окруженной лесом вырубке площадью с футбольное поле. Похоже, это маленькое предприятие было основано здесь незадолго до первой Чернобыльской аварии и успело дать стране – в ту пору еще огромной и многонациональной – не так уж много древесины. Ныне территория лесопилки заросла кустарником, все подъезды к ней – тоже, складированные в штабеля бревна и доски превратились в труху, строения обветшали, а оборудование проржавело. В общем, ничего особенного. Подобное запустение встречается в Зоне на каждом шагу, и лесопилка близ хутора Красный не была в этом плане исключением.

Именно так решили сталкеры, которые наткнулись на нее первыми и отметили данный объект на карте. Однако следующая шедшая по их стопам группа убедилась, что не все на этой вырубке так просто. Представьте себе удивление тех бродяг, когда вместо заброшенной полуразвалившейся лесопилки они узрели перед собой всю работающее предприятие! В обшитом свежими досками цеху два десятка трудяг копошились вокруг грохочущей пилорамы, подвозили бревна, пропускали их через нее и оттащивали готовый пиломатериал. Скрипел, разъезжая взад-вперед, кран-балка, рычали бензопилы формировщиков штабелей, стучали топоры сучкорубов. И повсюду витал смолистый дух опилок, изрядно подпорченный вонью выхлопных газов и горячей смазки.

Безусловно, открывшие такую невидаль сталкеры воздержались от того, чтобы разыскать директора лесопилки и выяснить, с чего это вдруг в глубине Зоны были возобновлены лесозаготовки. Понаблюдав за работой пилорамы, разведчики в итоге установили, что идущий на вырубке производственный процесс – всего лишь сверх меры детализированный мираж. Нечастое, но встречающееся в Зоне явление – нечто вроде «говорящих руин», о каких упоминал в одной из своих шуточных песен Владимир Высоцкий. Пристально следившие за миражом наблюдатели не успели и глазом моргнуть, как разыгранное пред ними действие внезапно исчезло. Цех и конторка как по мановению волшебной палочки вновь превратились в обветшалые развалюхи, оборудование – в ржавый металлолом, а пыльники, равно как и рабочая атмосфера, в которой они трудились, испарились бесследно. Такой, понимаешь, местный аналог сказки про Золушку.

Мы с Кальтером достигли лесопилки к полудню, пройдя за три часа порядка четырех с половиной километров. Пока что единственными нашими врагами были аномалии, коих со времен моего последнего рейда в Припять значительно прибавилось. А вот мутанты словно вымерли, хотя Скульптор тут вроде бы еще не проходил. Я отметил, что царившая в лесу безмятежность начинает действовать на меня расслабляюще, и с опаской подумал, что до добра это не доведет. Парадоксальная ситуация: отсутствие эксцессов нервировало меня ничуть не меньше, чем их присутствие. Совсем психика ни к черту, а все куда-то рвусь, чего-то стремлюсь достичь... Интересно, а психические расстройства Полынный Слиток лечит? Судя по состоянию душевного здоровья майора – вроде бы нет, но кто его на самом деле разберет. Как большинство сумасшедших, Кальтер наверняка отрицал у себя наличие психических отклонений, а стало быть, и не пытался от них лечиться.

Со стороны лесопилки не доносилось ни звука, и я решил, что нам повезло. Когда эпизодический

мираж пребывал в активной стадии, шум и гам в округе стояли еще те. Я же, как и все сталкеры, считал тишину своей подругой, которая, если уделять ей должное внимание, всегда поможет вовремя вычислить подкрадывающегося к тебе врага. Какой-либо закономерности в «мерцании» здешнего миража не было. Он мог возникнуть в любое мгновение, а исчезнуть либо через минуту, либо спустя сутки. Поэтому если нам не хотелось слушать грохот пилорамы и ругань спящих на ней призраков, мне следовало поскорее уводить Кальтера из этого малоприятного места.

Однако проходя мимо заросшей кустарником вырубки, я обратил внимание на то, что постройки на ней выглядят так, будто сооружены не четверть века назад, а не далее как в нынешнем году. И вдобавок ко всему украшены кумачом!

– Что за чертовщина? – пробормотал я, останавливаясь и приглядываясь к тому, что происходит на лесопилке. Нашим глазам предстал мираж, это очевидно, но постигшие его метаморфозы не были прежде отмечены ни одним наблюдателем.

Над крыльцом конторки в обрамлении красных флажков висел внушительный кумачовый транспарант, на котором белыми буквами было выведено некое пространное воззвание. Охваченный любопытством, я достал бинокль и прочел то, что там написано.

«Рабочие Корогодского леспромхоза! – гласил транспарант. – В честь наступающего праздника Великого Октября перевыполним месячный план по заготовке пиломатериалов на двадцать процентов!»

– Такое тут часто случается? – осведомился Кальтер, тоже заинтересовавшийся плакатом.

– Что именно? – полюбопытствовал я в ответ. – Взятие на себя призраками сообразительств или их массовый невыход на работу?

– Ты понял, что я имел в виду, – огрызнулся не расположенный к шуткам майор.

– Вообще-то впервые вижу, – признался я. – Занятно... Хотя разве можно в Зоне чему-нибудь удивляться? Зато теперь понятно, почему стоит производство. Да ведь у призраков сегодня красный день календаря! День революционной солидарности трудящихся и... э-э-э...

– Годовщина Великой Октябрьской Социалистической революции, – подсказал Тимофеич, который, как человек более пожилой, помнил советские праздники лучше меня.

– Чудны дела твои, Господи! – Я покачал головой и, повернувшись к забавной полянке спиной, зашагал дальше. Но не прошел и полусотни шагов, как был остановлен очередной заслуживающей внимание странностью. Причём она, в отличие от украшенной кумачом лесопилки, не столько удивила, сколько напугала меня.

Если бы не нависавшие над нами могучие деревья, сверкнувшая откуда-то со стороны Припяти яркая багровая вспышка наверняка ослепила бы нас. А так мы отделались лишь легким испугом да поймали немного бликов, пробившихся через бреши в древесных кронах. «Выброс!» – первое, что мелькнуло у меня в мыслях, но вскоре эта догадка была решительно отвергнута. Ни до, ни после вспышки не было никаких сопровождающих выбросы атмосферных явлений – обязательной прелюдии главного катаклизма Зоны. Согласен, при ее коварном непостоянстве даже эта давняя примета может быть рано или поздно нарушена. Но пока все указывало на то, что озаривший небо всполох случился по другой, еще не ведомой нам причине.

– Такое ты тоже впервые видишь? – спросил шедший следом майор.

– Представь себе, да, – отозвался я. – Сверкай тут такое дерьмо регулярно, мы бы наверняка о нем слышали... Однако не мешало бы срочно выяснить, что стряслось. Идем. Там дальше начинается уклон, с него и глянём, что опять неладно в датском королевстве.

До упомянутого мной уклона было рукой подать. Когда мы вышли к нему, радарная станция возвышалась на холме впереди и слева от нас, а прямо по курсу, у его подножия, раскинулся Рыжий Лес. В нем и находились нужные Кальтеру останки Небесного Паука. Чтобы попасть туда, нам следовало спуститься по уклону около полукилометра, обойдя антенный холм справа, и углубиться под сень мутировавших сосен. Их иголки вот уже четверть века вырастали не зелеными, а буро-оранжевыми, отчего казалось, будто лес этот засыхает и все никак не может засохнуть.

Деревья на уклоне росли не так густо, как вокруг оставленной нами позади вырубки. Выбрав позицию, с которой северная Зона была видна в просвет между кронами, мы получили возможность окинуть взором весьма обширный сектор пространства. Начинаясь он – если смотреть с востока – у маячивших на горизонте, окруженных болотами Речицы и Старых Шепеличей. А заканчивался возвышающейся значительно ближе, увенчанной вентиляционной трубой громадой Саркофага. Труба эта, к слову, была известна в мире даже больше, чем сам Саркофаг. Рухни она вдруг однажды – и

уверен, мало кто за пределами Зоны потом опознает на фотографиях закованный в бетон, мрачно знаменитый Четвертый энергоблок ЧАЭС.

А прямо перед нами – аккурат на севере – торчали угловатые многоэтажки Припяти. Ныне за пределами Зоны имеющих подобный облик городов, наверное, уже не сыщешь. В них все оставшиеся с советских времен постройки давно скрыты в тени новых урбанистических высоток, как пожухлая прошлогодняя трава – среди ростков свежей молодой зелени. В сравнении с сегодняшними городами Внешнего Мира Припять выглядела словно неотесанная каменная глыба рядом с идеально обработанной резной колонной. Но поскольку за многие километры вокруг Саркофага время фактически остановилось, то и характерный для архитектуры конца прошлого века «панельный кубизм» смотрелся здесь подобно тому, как смотрится та же глыба в своей естественной среде. Видимо, поэтому мертвый город всегда вызывал у меня ассоциации со Стоунхенджем – мегалитическим сооружением давно ушедшей эпохи, которое по сию пору остается символической декорацией, на фоне которой проводят свои церемонии служители тайного культа. В Британии это современные последователи друидов, а у нас – сами знаете кто.

Вот и сейчас в Припяти творилось нечто из ряда вон выходящее. Ослепительное багровое пламя сверкало над проспектом Ленина и медленно перемещалось к центру города. Однако никакого пожара там не происходило. Вернее, обычного пожара. Наблюдаемый нами огонь не пожирал здания и не выпускал дыма. Хотя было видно, как он охватывает деревья и проникает в окна нижних этажей выстроившихся вдоль проспекта многоэтажек. Охватывает и тут же отпускает, не причиняя им какого-либо видимого ущерба. Источник огня двигался по земле, но определить его размеры из-за сильной яркости было нельзя. И вообще наблюдать за ним было столь же мучительно, как пялиться на дугу электросварки. Светофильтры наших биноклей оказались не рассчитаны на такой мощный поток света, и нам пришлось поберечь глаза от неминуемого раздражения.

Мы взирали на кочующее огненное чудо от силы полминуты, а затем наше внимание привлекло кое-что более для нас актуальное. Между подножием уклона и опушкой Рыжего Леса находилась просека, по которой некогда было протянуто проволочное ограждение – внешняя линия охранного периметра радарной станции. Туда и указал мне Кальтер, первым заметивший идущую к нам со стороны города угрозу.

Куда попрятались окрестные мутанты, мы не знали. Но если какие-то из них, убоявшись Скульптора, дали деру в Припять, теперь все они возвращались обратно. Да притом не одни, а в компании с тамошними собратьями. И сейчас по Рыжему Лесу двигалась такая волна разношерстных тварей, какую я на своей памяти еще не видывал. Издалека даже чудилось, будто это не орда монстров продирается через сосны, а сама земля в лесу расплавилась, закипела и потекла на юг бурлящей лавой. Еще минута, и она всей своей массой выплеснется на просеку, а затем, пренебрегая законами текучести жидкостей, ринется вверх по склону к нам.

– Бежим на холм! – скомандовал я и собрался было ринуться в выбранном направлении, но Кальтер, по традиции, имел отличную от моей точку зрения.

– Плохая мысль, – отрубил он мою инициативу после того, как, задрав голову, осмотрел вершину холма в бинокль. – На станции кто-то есть. Не могу сказать, кто – либо сектанты, либо «буяны», – но их довольно много. И они тоже здорово нервничают.

– Тогда на лесопилку! – выдвинул я новую стратегию, которую по канонам голливудских боевиков следовало именовать планом «Б».

– Ты уверен? – поинтересовался майор.

– А у тебя есть идея получше?..

Возможно, у Тимофеича и был в запасе план «Ц», но компаньон не стал озвучивать его и предпочел согласиться с моим предложением. Однако когда мы примчались обратно к лесопилке, я засомневался. Не слишком ли это самоуверенно – прятаться от разбушевавшейся Харибды в логове спящей Сциллы? Работающие сами по себе фабричные цеха в Зоне – не редкость; к примеру, недавно, по слухам, ни с того ни с сего ожила автозаправка в Темной Долине. Вот только мне никогда не доводилось слышать о сталкерах, которые рисковали бы проверять, насколько опасны подобные аномалии.

Меня тоже не тянуло становиться в этом деле первопроходцем (или первопроходцем-смертником – как посчастливится), но больше нам искать спасения от надвигающейся волны мутантов было негде. Во-первых, она перемещалась быстрее нас, а во-вторых, яснее ясного, что тот, кто спугнул тварей, –

Искатель? Буревестник? – гнал их прямо на Скульптора. Поэтому нам ни в коем случае не стоило поддаваться панике и бежать впереди потенциальных жертв этого массового убийцы. Который, не исключено, уже радостно спешил им навстречу, готовый вылепить из мутантов новую партию гигантских шаров или еще чего-нибудь похуже...

Глава 8

Детектор аномалий не желал реагировать на «фабрику призраков», но безоговорочно доверять его молчанию я не собирался. Расшвыряв по территории лесопилки несколько болтов и не выявив очагов явной угрозы, я обреченно вздохнул и двинулся к украшенной кумачом конторке. Ее крепкая дверь и брусчатые стены казались более надежным укрытием, нежели обшитый досками цех, чьи ворота к тому же не имели запора. Насколько увиденное нами соотносится с реальностью, в которой, напомним, и цех, и конторка обветшали до одинаково плачевного состояния, можно было выяснить лишь опытным путем. Не надвигайся на нас смертельная угроза, даром бы мне не сдался такой опыт – сын ошибок трудных. И повезет, если они окажутся просто трудными, а не закончатся для меня летальным исходом!

Как отреагировали бы рабочие пилорамы на наше вторжение: проигнорировали бы или набросились на нас с топорами и бензопилами? Этот вопрос не давал мне покоя, потому что отсутствие на месте актеров сей антрепризы вовсе не означало, что они не заявятся сюда в любой момент. Штабель из досок, мимо которого мы прошли и которого не существовало в действительности, оказался вполне натуральным. Для пушей уверенности я даже сбросил с него доску. Она также вполне натурально громыхнула о землю, и я едва успел отскочить, дабы не отбить себе пальцы на ногах.

Кальтер тем временем достал из кармана болт и с размаху швырнул его в дверь конторки, где мы с компаньоном собирались укрыться. Сделал он это очень своевременно. Промешкай майор чуть-чуть, и брошенный им болт угодил бы не в дверь, а в старичка, который распахнул ее и нарисовался на пороге мгновение спустя. Низкорослый красномордый дедок вышел встречать нас, держа в руках охотничью двустволку и пребывая в скверном расположении духа. Одет он был в фуфайку на голое тело и протертые на коленях синие трико. Иной одежды, а также обуви на призраке не наблюдалось. Вдобавок он был заметно выпивши, что выдавали его мутные глаза, глядящие на нас из-под насупленных бровей. Соберись вместе все призраки, коих я успел повидать в Зоне, и устрой между собой конкурс на реалистичность, этот человек с ружьем гарантированно занял бы на нем первое место, опередив даже девочку Веру. Вне всяких сомнений, очень правдоподобный типаж!

Обладатель отменной реакции Кальтер вскинул винтовку еще до того, как дверь конторки распахнулась. И кабы не мое вмешательство, компаньон допустил бы сейчас большую ошибку. Причем такую, какую обычно допускают стalkerы-новички, многие из которых затем горько сожалеют о содеянной глупости. Едва не нарушенное Куприяновым правило было простым: никогда не стреляй в аномальное существо, пока оно не проявило к тебе агрессии, если сомневаешься, возьмут ли его пули. Да, старик был вооружен, однако при взгляде на него сразу становилось понятно – он хотел нас просто припугнуть, а не открывать по нам с порога огонь на поражение. Трудно, конечно, судить о логике призрака, но я бы точно не стал встречать тех, кого собираюсь убить, опираясь на ружье, как на костыль.

– Сдурел, Тимофеич! – зашипел я на Кальтера и, ухватив за ствол его винтовку, решительно отвел ее в сторону. – Больше года в Зоне, а ведешь себя как салага! А ну опусти пушку! И вообще притворись, что никого не видишь! Усек?

Майор усек. Моментально смекнув, что допустил просчет, он не сказал ни слова поперек и сделал все, как ему было велено. Я в свою очередь смекнул, что прежде компаньон не влипал в подобные ситуации, и вкратце обрисовал ему тактику нашего дальнейшего поведения:

– Что бы этот старый хрыч ни говорил и ни делал, игнорируй его, даже если он полезет к тебе целоваться. Просто отвернись и все! А иначе он от тебя не отвяжется. Только так надо с этой нечистью бороться. Других способов быстро отделаться от нее нет!

– Ясно, – кивнул Кальтер, дав понять, что усвоил урок. – Буду брать пример с тебя. Давай вперед, а я следом...

– Энто кто тут, ваш-мать, хозяйничает, а?! – заговорил наконец сторож лесопилки (а кому еще, кроме него, торчать здесь в выходной день?). – Вам, что ли, хлопцы, мой горбыль помешал?! Совсем страх, ваш-мать, потеряли! Ни стыда, ни совести! Ежли надобно плашку-другую, так чего у меня не

спросить, а сразу воровать-то? Али я не пойму, ежели ко мне по-человечески подойти, а? Тем более в праздник! Неужто не договорились бы? Да запросто! Или думаете, раз Меченый свой указ издал, значит, дед Козьма теперь в какой другой валюте стал оплату брать? Шиш с маслом вашему Меченому! На этой поляне его «сухой закон» не действует!..

Признаться, я не сразу догадался, о каком Меченом толкует дед Козьма. А когда сообразил, заодно раскрыл тайну, какая эпоха царит внутри этой аномалии. Кумачовые флаги, Красный Октябрь, праздничные сощобязательства, «сухой закон»... Все ясно. Я в те годы еще пешком под стол ходил, однако сомневаюсь, чтобы мой отец дерзнул вот так, открыто, выступить с критикой советской антиалкогольной кампании. Через пару-тройку лет – да, но не на заре перестройки, когда социальная эпидемия под названием «гласность» еще не начала свирепствовать на просторах Советского Союза.

– Опаньки! Служивые! – спохватился болтливый сторож, когда мы подошли поближе, и тут же отставил ружье. – Кажись, оконфузился трошки! Чего это я, сукин сын, плету такое спросонок, ась?.. Здравия желаю, товарищи офицеры! Извиняйте, сразу не распознал! А чой-то вы в ОЗК разгуливаете? Учения, что ль, какие в наших краях на праздниках идут? Да и комбинезончики на вас дюже диковинные... А-а-а, смекаю: вы – с того холма, где недавно ваша братия антенн понатыкала! Точно! Видать, не брешут люди, что там такие вредные радиоволны, что от них кровь в жилах закипает – неспроста же вам такую спецодежду выдали. А я, старый пердун, сослепу решил, что вы ко мне доски с хутора коммуниздить пришли!.. Так это... Чем могу помочь?

Я и Кальтер ступили на крыльцо и, протиснувшись бочком мимо ошалелого деда Козьмы, молча вошли в конторку. Внутри она была поделена надвое фанерной перегородкой. В более просторной комнате размещалась бытовка; меньшая имела отдельную дверь, которая запиралась на висячий замок. За ней, надо полагать, находился кабинет бригадира, и сторожу туда входить запрещалось. Нам тоже нечего было там делать, и мы по обоюдному молчаливому согласию бесцеремонно оккупировали бытовку. В ней, судя по характерным стойким ароматам, «сухой закон» Горбачева тоже не имел силы и даже больше – был почти в открытую презираем. Хотя пустую тару из-под первача (водки в ту годину на селе, поговаривают, было днем с огнем не сыскать) дед Козьма все-таки припрятывал, дабы не выставлять напоказ слишком уж компрометирующие улики.

Вошедший в дом следом за мной Кальтер решил не мешкая запереть дверь, да не тут-то было. Огорошенный самоуправством «товарищей офицеров», сторож не стал торчать на крыльце, а решительно потопал за нами.

– Как это изволите понимать?! – возмутился он, толкая удерживаемую Кальтером дверь. – Требую объяснений! Али я, ваш-мать, на энтой поляне не законная власть?! Да у меня на подотчете, доложу вам, объект такого же государственного значения, как ваши железки на холме, и режим тутошний попрошу соблюдать!

– Хрен с ним, впусти, – махнул я рукой майору, и он позволил деду Козьме войти. Но как только тот переступил порог, Куприянов сразу же закрыл за ним дверь на засов. Натиск кровососа или снарка она явно не выдержала бы, и компаньон вдобавок подпер ее увесистой лавочкой, что стояла возле торчащего посреди бытовки грубо сколоченного стола. Не сказать, что после этого дверь стала неприступной, но, по крайней мере, если теперь какой-нибудь мутант вздумает сунуться в наше убежище, ему придется приложить к этому усилия. А пока Тимофеич возился с дверью, я расположился у единственного окна и, задержав на нем грязную занавеску, оставил лишь щелку для наблюдения за подступами к конторке.

– Чегой-то вы творите, а? – осведомился Козьма, косясь на наши автоматы и с опаской отступая к стене. Свое ружье он оставил на улице и, похоже, сильно об этом пожалел. Я вновь отметил, что в плане естественности этот призрак был просто неподражаем. – Никак прячетесь от кого? Так, может, я это... пойду, чтобы не мешать? Все равно ведь не при делах, верно? До хутора пока прогуляюсь, а к вечеру вернусь. А вы прячьтесь, сколько вам влезет, только не ломайте ничего и замки не трогайте, ага? Ежели проголодаетесь, в тумбочке – харчи, выпивка...

Преграждавший сторожу дверь Кальтер вопросительно взглянул на меня: дескать, не проще ли и впрямь выпустить «заложника», раз просится? Я глянул в окно – никого – и кивнул. Как только призрак покинет аномальную зону, он наверняка исчезнет, как исчезли рабочие пилорамы. Так что пусть проваливает – нам меньше проблем.

Майор убрал от двери подпорку и, не глядя на Козьму, отступил от выхода, давая сторожу понять, что никто его здесь силком не держит.

– Благодарствую, хлопцы! – обрадовался старик и поспешил на улицу, не став дожидаться от нас более прозрачных намеков. – Вот это верно, вот это по-людски!.. Не имею привычки в чужие дела встравать, так что прощайте! Считайте, что меня здесь и не было!..

Только что я уберег Кальтера от необдуманного шага и следом сам грубо просчитался. Впрочем, трудно сказать, что случилось бы, не выпусти мы Козьму на свободу; держать взаперти призрака – сомнительная затея. Я понадеялся, что у нас еще есть в запасе время, коего сторожу хватит, чтобы убраться с лесопилки. И он наверняка убрался бы, я уверен. Выйдя из конторки, дедок подхватил ружьишко и действительно пошагал в направлении хутора Красный. Однако, миновав распиловочный цех, Козьма вдруг застыл на месте и уставился на северную опушку вырубки.

– А энто что еще, ваш-мать, за напасть? – громко спросил он неизвестно у кого. – Неужто Пашка-балбес корогодское стадо сюда гонит? С ума, что ли, все сегодня походили?.. Эй, Пашка, дери тебя за щеку! Охренел совсем, стоеросовая твоя голова?! Куда ты, бестолочь, коровенок-то загнал!.. О! О!!! Да что ж ты, гад, со скотиной сотворил?!.. Пресвятая Богородица!

Осенив себя крестным знамением, Козьма сначала попятился, а затем на подкосившихся от страха ногах бросился обратно к конторке. Куда его на сей раз никто впускать не собирался. Кальтер снова подпер дверь скамьей и теперь украдкой выглядывал вместе со мной на улицу через щелку в занавеске. Судьба столкнувшегося с мутантами призрака волновала нас не больше, чем позапрошлогодний неурожай арахиса в Буркина-Фасо.

– Впустите, хлопцы! – умолял сторож, дубася в дверь кулаками и ногами. Это был первый случай в моей сталкерской практике, когда встреченный мной призрак испугался своих «единоутробных» братьев. – Гляньте, что там делается! Демоны! Сущие демоны!

Тем временем волна монстров хлынула на вырубку, будто удирающее от лесного пожара зверье. Что, в общем-то, было недалеко от истины. Кого тут только не наблюдалось! Обезьяньими скачками прыгали снорки; бежали вразвалочку неуклюжие на вид, но на деле дьявольски проворные кровососы; неисчислимые собачьи стаи трусили бок о бок с бредущими тяжелой поступью псевдогигантами; кабаны и псевдоплоть шарахались зигзагами из стороны в сторону, хотя окружающим их хищникам сейчас было не до охоты; сплоченными группками семенили покинувшие свои норы карлики-бюеры – прежде они редко вылезали на поверхность при дневном свете; мягко, словно тени, двигались химеры и коты-имитаторы; то и дело натываясь на деревья, ковыляли безмозглые зомби... Поначалу я не обнаружил в этой разношерстной орде контролеров, но, присмотревшись, заметил, что два псевдогиганта волокут за собой тракторные прицепы, в которых сидели сразу по несколько мутантов-псиоников. Не приспособленные к долгим пешим переходам, физически слабые контролеры вышли из положения простейшим для них способом: подчинили себе и обратили в ездовых животных самых могучих тварей Зоны. Псевдогиганты без особых усилий тянули прицепы, хотя их покрышки давно истлели, а ржавые подшипники издавали такой скрип, что он был слышен, наверное, аж на форпосте монолитовцев.

Не успели мы и глазом моргнуть, как лавина мутантов заполонила вырубку. И, черт побери, схлынула бы за считанные минуты безо всяких эксцессов, кабы не оставленный нами снаружи дед Козьма! Сидя в укрытии, я быстро смекнул, что перепуганным тварям нет до старика никакого дела, потому что иначе те уже набросились бы на него, неважно, призрак он или живой человек. Но впавший в панику пьяный сторож уже себя не контролировал. Узрев скачущего к избушке снорка, он даже представить себе не мог, что монстр проследует мимо, как и прочие не расположенные к охоте твари. Вместо того чтобы замереть без движения, старик завопил благим матом и, вскинув ружьишко, выстрелил мутанту дуплетом в голову.

Предугадать реакцию заполучившего в морду утиную дробь снорка было легко. Какой бы страх ни гнал его вперед, стерпеть «пощечину» он не мог. Взревев, чудовище растопырило руки и бросилось на деда Козьму под грянувший следом рев других взбодораженных выстрелами мутантов. Вконец ополоумевший старик тоже зашелся в крике и, выставив перед собой разряженную двустволку, собрался ткнуть ею врага, словно пикой.

Исход этого поединка поначалу не вызывал ни малейших сомнений. Вот разъяренный снорк подпрыгивает выше крыши конторки, собираясь обрушиться на сторожа сверху и переломать ему все кости. Однако пока монстр пребывает в прыжке, ситуация на поле боя успевает радикально перемениться.

Представьте себе пилота бомбардировщика, который, сбросив бомбы на город, внезапно замечает, что города внизу нет, а отправленный им на землю смертоносный груз падает на вроде бы знакомое, но

пустынное место. Таким же болваном, наверное, должен был ощутить себя снорк. Сиганув на обидчика, монстр в итоге приземлился на совершенно пустое крыльцо. Которое вдобавок за этот миг истлело вместе с конторкой и цехом так, будто прыгун находился в полете ни много ни мало – целую четверть века!

Полагаю, нет нужды объяснять, куда вдруг испарился дед Козьма и что стряслось с лесопилкой. Реалистичный мираж растаял, и все вокруг снова обратилось в тлен. Заодно исчезли кумачовые флаги, транспарант и, что хуже всего, оконное стекло и занавеска, за которыми мы прятались. Дверь и подпирающая ее трухлявая лавка, к счастью, остались. Правда, счастье то было, увы, мимолетным. Проломив крыльцо, упустивший жертву снорк начал в недоумении озираться и увидел две пялившиеся на него физиономии. Даже Кальтер со своей реакцией не успел вовремя отпрянуть от окна, а обо мне и говорить нечего. Монстру же было без разницы, кого растерзать, старика или нас. Тварь жаждала крови, а кому она принадлежит, мутанта не волновало.

Вот что случается с теми, кто отказывается протянуть руку помощи вопиющему о спасении старику! Наша история могла бы по праву стать библейской притчей, продолжай эта книга вбирать в себя подобные назидательные факты. Вероятно, в будущем пример грешников Леонида и Константина и впрямь пошел бы кому-нибудь впрок. А нам каяться в совершенном проступке было некогда. Вместо мольбы о спасении мы предпочли вновь сыграть с Господом в рулетку. И вновь по высоким ставкам. Ведь каждому сталкеру известно, насколько азартен Господь и что не в его правилах отказываться от игры, если противник бросает на кон собственные жизни.

Выстрел стариковского ружья и рев раненого снорка произвели на кишащей мутантами вырубке эффект разорвавшейся бомбы. Орда взревела на тысячи голосов и ринулась вперед так, как она, наверное, покидала Припять, спасаясь от Искателя и Буревестника. Подъем по склону снизил скорость этой волны, но теперь она опять хлынула на юг во всю свою мощь. И к своей неизбежной гибели, если, конечно, я правильно разгадал умысел апостолов Монолита.

Нам с Кальтером одновременно и повезло, и не повезло. Везение заключалось в том, что, кроме подстреленного снорка, больше ни одно чудовище не позарилось на наши головы. Однако вмиг состарившаяся на двадцать пять лет конторка стояла точно на пути живой лавины, способной шутя растоптать и более крупную преграду.

Заметивший нас снорк предпочел вторгнуться в дом культурно – через дверь, – а не прыгнул в окно, что для него было бы отнюдь не удивительно. Вышибив плечом подпертую трухлявой скамьей гнилую дверь, монстр ворвался в бытовку и налетел на стол, который Кальтер пихнул ему под ноги, прежде чем сиганул нырком в окно следом за мной. Налетев на препятствие, снорк споткнулся и, переломив пополам столешницу, загремел на пол. После чего в злобе расшвырял обломки, вскочил на ноги и бросился было обратно. Но Тимофеич предвидел, что устроенная им помеха не задержит врага надолго, и потому подстраховался. Едва выпрыгнув наружу, майор рывкнул мне «лежать!» и, не вставая, сразу метнул в окно гранату.

Снорк уже неся к двери, но прогремевший рядом с ним взрыв отшвырнул его сквозь фанерную перегородку во вторую половину здания. Что в ней находилось, мы не выясняли, однако, судя по грохоту, треску и звону битого стекла, хламу там тоже хватало. Взрыв не прикончил мутанта – мы это поняли по его воплям и шумной возне. Но кое-какие повреждения снорк получил, поскольку иначе он выкарабкался бы из-под завала гораздо раньше. А мы, вскочив с земли, помчались со всех ног к единственному подходящему нам укрытию – распиловочному цеху. Пока что мутанты огибали его, но поскольку впереди лавины бежала в основном шустрая мелюзга, то с появлением тяжеловесов все должно было круто измениться.

Почему же мы рванули именно туда? Да потому что давно заметили ржавеющую в цеху пилораму: массивный агрегат, способный пропускать через себя многотонные бревна. Своротить такой с постаментов было не под силу даже псевдогигантам, не говоря уже о мутантах послабее. И куда еще, спрашивается, нам было приткнуться в обезумевшем мире, кроме этого незыблемого железного островка?

Что ни говори, а денек нынче выдался – не пожелаешь и врагу. И если я все-таки выживу, уверен: стометровка между цехом и конторкой, которую мы с Кальтером преодолели в спринтерском темпе, будет сниться мне в кошмарах до самой смерти. А расскажешь кому – черта с два поверят! За те секунды, что мы бежали к пилораме, справа и слева от нас пронеслось столько нечисти, сколько я перестрелял, пожалуй, за пару последних лет. Можете представить, каких усилий стоило мне

сдерживать себя, чтобы вместо стрельбы изображать дриблингующего баскетболиста, идущего в атаку на кольцо соперника. А что прикажете делать? Обуянные паникой монстры мчались напропалую и точно не уступили бы мне дорогу. Вот и приходилось идти им на уступки в одностороннем порядке, мечась туда-сюда и радуясь, что навыки, некогда отработанные мной на баскетбольной площадке, не выветрились из памяти за столько лет.

Хитрый Кальтер пристроился у меня за спиной и, словно передразнивающий прохожих уличный мим, изловчался в точности повторять все мои финты. Хорошо еще, что здание пилорамы служило для авангарда мутантов таким волнорезом. За ним оставалось небольшое мертвое пространство, где рассеченная надвое орда еще не успевала сомкнуться. Последнюю – самую спокойную – часть дистанции я и вовсе пронесся будто по гаревой дорожке. Здесь уже не требовалось выписывать судорожные зигзаги, и мы, совершив финишный рывок, достигли стены цеха, отделавшись лишь легким испугом.

Чтобы приткнуться под бочок к пилораме, надо было разобраться с последней преградой – стеной из почерневших от времени досок. После выстрела Козьмы и взрыва гранаты соблюдать тишину не имело смысла – засевшие на радарной станции сталкеры теперь знали о нашем присутствии. Как, впрочем, знали они и о том, что мы знаем о них. Сквозь топот и рев до нас доносились с северо-запада автоматные очереди и гранатные разрывы. Похоже, у оккупировавшей холм компании тоже сдали нервы. Это косвенно доказывало, что там находились не монолитовцы. Вместо того чтобы переждать угрозу по-тихому, как поступили бы наученные опытом прошлых Очищений сектанты, эти бродяги вступили в бой с будущими жертвами Скульптора, о чем наверняка уже пожалели.

Не тратя понапрасну время, я вскинул «Абакан» и дал очередь в разошедшиеся доски прямо перед собой. Большого для прорыва и не требовалось. Оставалось лишь хорошенько пнуть ослабленный пулями участок стены, и лаз будет готов. Однако едва я собрался это сделать, как майор крикнул «берегись!» и ухватил меня за плечо, намереваясь оттащить в сторону.

Только ничего у Кальтера не вышло. Пытаясь помочь, он вцепился в меня не здоровой рукой – в ней майор держал винтовку, а протезом, в котором опять что-то не сработало. Вместо того чтобы зафиксировать захват, искусственные пальцы разжались и соскользнули с моего плеча. Тимофеич, вложивший в этот рывок немало сил, потерял равновесие, споткнулся и упал на четвереньки. Я же резко обернулся, собираясь встретить врага лицом к лицу, но он, ублодок, настиг меня мгновением раньше.

Ошарашенный гранатой и посеченный осколками снарок и не думал сдаваться, даже начисто лишившись одной руки. Из-за мельтешения проносившихся мимо нас мутантов Кальтер поздно заметил их мстительного собрата, скачущего за нами против течения живой волны. И потому среагировал малость запоздало. А снарок, брызжа кровью из зияющей в плече раны, подбежал на расстояние прыжка и немедленно атаковал.

Правда, в последний момент я все-таки успел вскинуть над головой автомат и заблокировать удар, которым чудовище хотело проломить мне макушку. Что, впрочем, не спасло меня от сокрушительного толчка, когда «Абакан» принял на себя вес рухнувшего следом снарка. Сбитый с ног, я врезался спиной в изрешеченную пулями стену, проделал в ней брешь, а затем грохнулся навзничь, продолжая держать оружие перед собой на вытянутых руках, словно оно было настолько хрупким, что я опасался его разбить.

Не сумевший прикончить жертву с ходу, снарок ворвался в пролом и накинудся на меня лежащего. Нас разделяло всего три шага, поэтому мне удалось всадить во врага лишь короткую очередь, которая хоть и сорвала его атаку, но не причинила фатальных повреждений. Вместо того чтобы прыгнуть, словивший в живот несколько пуль мутант навалился на меня, как набитый тухлятиной дырявый полуторацентнеровый мешок. Я попытался было откатиться вбок, но тварь оказалась проворней и не позволила мне этого сделать.

Выручавший меня до сей поры «Абакан» сыграл теперь со мной злую шутку, встав на сторону противника. Силы в единственной конечности снарка оставалось столько, что он ухватился за оружие и, легко сломив мое сопротивление, прижал прикладом мне горло. Продолжи монстр налегать на автомат, и сначала я почувствую, как хрустнет гортань, а затем задохнусь и лишусь головы, когда мутант передавит мне шею ребром приклада, будто тупым ножом гильотины...

Но я верил, что если в ближайшее время и умру, то явно не от обезглавливания собственным «Абаканом». Прежде чем я начал задыхаться, позади снарка беззвучно вырос Кальтер со вскинутой винтовкой. Дабы насеивший на меня осатанелый враг не почуял неладное, мне пришлось отвлечь его

отчаянной борьбой. Долго мое сопротивление продлиться, естественно, не могло – это мутанты, по слухам, запросто обходились без кислорода, а я, к несчастью, нет. Но топчущийся за спиной чудовища компаньон вовсе не планировал испытывать меня на стойкость. Просто ему нужно было немного времени, чтобы хорошенько прицелиться.

Стрелял Куприянов не из винтовки, а из пристегнутого к ней сорокамиллиметрового подствольника, в который он заблаговременно зарядил картечный патрон. Дроби в него было напичкано примерно как в пять ружейных патронов двенадцатого калибра, так что горсть свинца, прилетевшего в висок снарку, уже не оставляла тому надежд на выживание. Майор приноровился, чтобы ненароком не зацепить меня, а потом шарахнул из подствольника так, что мутант лишился не только головы, но и шеи, начисто срезанной картечью по самые плечи. После чего Кальтер оказал мне еще одну услугу, пинком столкнув тело мертвой твари с моей груди. Не сделай он этого, даже не знаю, хватило бы у меня сил освободиться самому до того, как цех взялся рушиться подобно гигантскому карточному домику.

Забиться под литую станину пилорамы, чтобы обезопасить себя от всех неприятностей, не представлялось возможным. Поэтому мы просто притулились к ее ржавому боку там, где над ней зияла в крыше огромная дыра; цех рассыпался по частям давно, и первыми начали обваливаться прогнившие стропила. Так мы могли хотя бы не бояться падающей нам на головы обрешетки. А северная стена уже ходила ходуном и роняла оторванные доски под натиском напирательной на нее инфернальной орды.

Я не смотрел на часы, поэтому не могу сказать, сколько длился наш маленький «последний день Помпеи». По логике, волна мутантов должна была схлынуть минуты через три-четыре. Так оно, скорее всего, и случилось. Но если бы вдруг выяснилось, что мы проторчали возле пилорамы целый час, я поверил бы. Потому что когда мир вокруг тебя меняется до неузнаваемости, сложно представить, что у него ушло на это столь мало времени.

Истинно говорят, что дурной пример заразителен. Стоило лишь какому-то тяжеловесу первому протаранить дощатую преграду, как за ним напролом ринулись все кому не лень. Мы прижались к пилораме и боялись даже на миг оторвать лопатки от ее непоколебимого постамента. Казалось, чуть расслабишься, и бушующая на вырубке стихия уволочет тебя за собой, словно сель или лавина. Прыткие мутанты перепрыгивали через ржавый агрегат справа, слева, а иногда прямо над нашими головами. В отличие от мелюзги, тяжеловесы грузно переваливались через заросший травой конвейер лишь там, где для них это было проще всего сделать. А впряженным в тракторные прицепы псевдогигантам пришлось и вовсе объезжать пилораму по обломкам разлетевшихся повсюду досок.

Уши у меня были заложены после выстрела Кальтера, поэтому весь этот гвалт долетал до меня будто сквозь толстый слой ваты. Угодив в самую стремнину живого потока, я боролся с головокружением и отрешенно наблюдал, как стена, в которой находилась проделанная мной брешь, исчезает прямо у нас на глазах. Помимо обшивки мутанты снесли также бревенчатый каркас, разметав его куски аж до конторки. А она в свою очередь была обращена в груды ломаного бруса быстрее, чем с этой задачей справился бы даже бульдозер.

Замыкали бегущую орду калеки и наиболее безмозглые зомби, ориентирующиеся, очевидно, только на шум. Мы дождались, пока на лесопилке не останутся лишь несколько натыкающихся на обломки хромоногих мычащих уродцев, и лишь тогда покинули укрытие – единственный объект на вырубке, который уцелел при опустошительном нашествии. Все прочее было сметено, втоптанно в землю и перемолото в щепки. Любопытно, что станет отныне с существовавшим в этом лесу миражом? Впрочем, задерживаться и проверять, исчез он или нет, мы, ясное дело, не стали. Судьба призрачных пильщиков волновала нас значительно меньше, нежели скорое появление здесь компании, что отстреливалась от мутантов на холме.

Если там действительно засели «буяны», значит, их дозор нагрянет на лесопилку в ближайшую четверть часа. Доносившаяся с холма канонада стихла, но вряд ли устроившие ее бродяги пали смертью храбрых все до единого. На радарной станции имелось много укрытий, где можно было держать длительную оборону даже от такой мощной волны монстров. Поэтому уже через три минуты духу нашего не было на той злосчастной вырубке. Так что если Череп все еще жаждал поквитаться с нами за братца, ему следовало искать нас не южнее, а севернее. У останков того самого Небесного Паука, неразгаданная тайна которого до сих пор являлась излюбленной темой для досужих сталкерских разговоров...

Глава 9

– Осторожнее, – предупредил меня Кальтер, когда спустя два часа мы достигли нужного ему объекта. – Год назад я здесь едва не вляпался в «колодку». Она походила на кочку и, кажется, была вон там.

Он указал на круглый пяточок в сухой траве, и впрямь похожий на след от исчезнувшей аномалии. Или, может, не исчезнувшей, а переродившейся и все еще подстерегающей своих жертв, маскируясь под безобидную проплешину. «Колодка» являлась редкой и малоизученной аномалией, чье коварство как раз и заключалось в подобной мимикрии. Кальтеру сильно повезло, что он вовремя заметил подозрительную кочку и не наступил на нее, а иначе вряд ли мы с ним еще встретились бы. Хотя, возможно, для меня это оказалось бы к лучшему. Гибель Вени Черепка принесла столько проблем, что впопору было задуматься, повезло ли мне в том, что я пережил вчерашнее утро, а он – нет.

С той поры, как монолитовцы ударили по Небесному Пауку, с ним произошли разительные метаморфозы. Лишенная защиты гигантская четвероногая цитадель простояла над Рыжим Лесом всего пару месяцев, после чего в один прекрасный день взяла и рухнула. Те сталкеры, которые весь минувший год совершали к ней паломничество, отмечали, что Паук корродирует и рассыпается в прах буквально на глазах. Непонятно, было ли в этом виновато погубившее его чудо-оружие или утратившую защитное поле конструкцию уничтожал климат Зоны. Но так или иначе, а теперь от некогда величественного сооружения осталась лишь бесформенная груда железа, проржавелого настолько, что казалось, будто оно гниет здесь со времен Второй мировой. Даже радиоактивная техника на Свалке, чей возраст исчислялся четвертью века, и та в сравнении с нынешним Пауком выглядела куда презентабельнее.

Сегодня было уже трудно опознать в лежащей посреди леса искореженной громадине пришельца из невесть какой вселенной, спутавшего карты и монолитовцам, и военным, и тем сталкерам, кто сразу после отключения «выжигателя» рискнул сунуться в Рыжий Лес. Ржавчина целыми пластами отваливалась от паучьих боков и валявшихся возле него оторванных при падении ног, некогда удерживавших цитадель над кронами деревьев. Невероятно, но крепчайшие опоры подверглись коррозии в той же степени, что и стенки корпуса! Хотя, казалось бы, первые должны были ржаветь не так стремительно, как последний. Поместите в одинаково неблагоприятные условия лист жести и толстый лом и посмотрите, что из них придет в негодность быстрее. На Небесного же Паука этот закон не распространялся, и теперь его покрытые коррозионными язвами ноги разваливались просто от собственной тяжести.

– Какой бесславный конец для такого грозного воина, – покачал я головой, не забывая, естественно, о предупреждении компаньона поглядывать себе под ноги.

– Этот воин из иных времен умер славной смертью, – не согласился со мной Кальтер и, содрав с паучьей ноги кусочек ржавой коросты, добавил: – А это – последствия темпоральной стерилизации.

– Чего-чего? – переспросил я.

– Неважно, – отмахнулся майор. – Главное, Паук исполнил свой долг и погиб с честью. Поэтому изволь относиться к нему почтительно, пусть он был всего лишь машиной.

– Хочешь сказать, Тимофеич, что тебе известны тайны этого громилы? – недоверчиво прищурился я. – А меня в них по старой дружбе случаем не посветишь?

– Может, и посвящу, – уклончиво ответил Кальтер и, перемахнув через лежащую опору, направился к окруженному поваленными соснами, похожему на гигантскую юлу корпусу цитадели.

– И где должно находиться адресованное тебе послание? – поинтересовался я, не отставая от компаньона ни на шаг.

– На самом видном месте, – ответил тот, озираясь по сторонам. – Там, где я его сразу обнаружу.

– Не сочти меня назойливым, но от кого оно?

– Ты знаешь, от кого.

– От Веры? – удивился я. – Но почему именно здесь? Да и зачем? Она ведь и так разговаривает с тобой... с нами.

– Таков у нас был уговор, – лаконично пояснил Кальтер и чуть погодя признался: – Честно говоря, год назад ты не показался мне болтуном.

– Слишком много воды утекло с тех пор, старик, – заметил я по этому поводу. – Год назад ты тоже был верен присяге и имел две руки.

– Ты прав, – задумчиво пробормотал майор, в кои-то веки хоть в чем-то со мной согласившись.

После чего неторопливо побрел вокруг цитадели, внимательно осматривая ее побуревшие, крошащиеся, будто слоеное печенье, стены. Я решил проявить участие и помочь компаньону, а заодно воспользоваться случаем и изучить Паука вблизи. Раньше мне доводилось видеть его лишь издали, но, даже пребывая в крайне плачевном состоянии, он разжигал во мне любопытство.

Опоясывающее лежащий на боку корпус цитадели панорамное окно позволяло заглянуть внутрь. Я надеялся найти там какие-нибудь уцелевшие неметаллические предметы, не замеченные другими побывавшими тут сталкерами. Ничего, кроме нанесенных ветром сухой хвои и листьев. Похоже, прежде чем Небесный Паук обрушился, в нем была проведена тщательная уборка. Однако ни она, ни непонятная стерилизация, на которую Кальтер списал саморазрушение этой конструкции, не скрыли имеющиеся на стенах пулевые отверстия, вмятины и рваные дыры от гранатных осколков. Все они были оставлены явно до того, как цитадель начала корродировать, и я мог поспорить, что Кальтер знает подробности произошедшей здесь перестрелки. Не исключено, что он даже сам в ней участвовал. Ведь неспроста майор, в конце концов, сюда притащился.

Ходить по наскренным палубам Паука было невозможно, но Тимофеич и не собирался обыскивать его изнутри. Перевернув скопившиеся внизу сухие листья и ничего под ними не найдя, компаньон потоптался в раздумьях и продолжил обход цитадели. Я терпеливо прошел с ним один круг, заново осматривая все, что изучил Кальтер, но когда он двинул по тому же маршруту повторно, мое терпение иссякло. Отойдя в сторонку, я швырнул болт в торчащий у поваленной опоры валун, убедился, что он – не «колодка», затем уселся на него и, достав из ранца харчи, приступил к обеду.

Сейчас мы могли не опасаться того, что наше присутствие будет замечено с радарной станции. Густые кроны сосен, в чащу которых грохнулся Паук, позволяли разглядеть с холма лишь проржавелую верхушку его купола, в то время как мы видели одни только пики устремленных в небо антенн. Мы с компаньоном нарочно добивались сюда витиеватым маршрутом, заматавая следы, дабы идущие за нами враги уверились в том, что мы рванули в Дикие Земли. Сработала ли наша уловка, выяснится довольно скоро, но пока у нас в запасе появилось немного времени, чтобы устроить короткий привал. Чем я и воспользовался, невзирая на то что Кальтер все еще надеялся отыскать весточку от нашего синеглазого привидения. Упрямый, однако, старик. Как будто с первого захода не понял, что все без толку и ничего мы здесь не найдем. Кто бы ни оставил послание – призрак или живой человек, он наверняка учел бы изменчивые условия Зоны. И раз у них с майором не имелось общего тайника, значит, Вера должна была намалевать свое сообщение на боку цитадели яркой несмываемой краской и аршинными буквами. Уж кто-кто, а Тимофеич не мог не додуматься до этой прописной истины.

«Вот и наступил для тебя момент просветления! – злорадно размышлял я, жуя тушенку с хлебом и запивая ее водой из фляжки. – Мне даже намекать ни на что не придется – сам прозреешь, без посторонней помощи. Так что давай-давай, ковыряй ржавчину и копайся в траве! Интересно, сколько еще сосновых шишек тебе нужно собрать, чтобы утомиться?»

К моей несказанной радости, на третий круг майор все же не пошел. Вернувшись ко мне, он уселся напротив, отложил винтовку и, прислонившись лопатками к сосне, устало прикрыл глаза. Лишь эта внезапно накатившая на него усталость и выдавала, насколько опустошили Куприянова и физически, и морально его несбывшиеся надежды.

– Что, совсем ни единой зацепки? – на всякий случай полюбопытствовал я.

Не размыкая век, Кальтер лишь молча мотнул головой.

– Досадно, – вздохнул я, после чего собрался с духом и продолжил: – Послушай, Тимофеич, возможно, сейчас не самое подходящее время, но мне хотелось бы с тобой серьезно потолковать. На самую что ни на есть чистоту. Только давай договоримся обойтись без обид и мордобоя. А то, как в прошлый раз, ты опять подумаешь невесть что и полезешь в бутылку. Я, конечно, помню, ты пообещал больше так не делать, но мало ли...

– Я знаю, что именно тебя гложет, Мракобес. – Кальтер открыл глаза и потянулся к своему ранцу. Я подумал было, что майор желает показать мне нечто важное (Полынный Слиток?), но оказалось, он просто тоже решил пообедать. – Все, что ты обо мне думаешь, у тебя со вчерашнего вечера на лице написано. Но это вполне нормальная и объяснимая реакция. Будь я на твоём месте, наверняка терзался бы аналогичными страхами. Ты полагаешь, что я одержим призраками и совершенно спятил...

– Старик, я совсем не это хотел сказать!

– Да ладно, не суть важно, как ты смотришь на мои странности. Я предвидел, что по дороге в Припять настанет час, когда сомнения одержат над тобой верх и ты надумаешь вернуться, пока еще не

поздно. Сколь бы ценной ни была награда, всегда может возникнуть вопрос, а есть ли смысл за нее бороться. Поэтому я принял решение рассказать тебе все, что случилось со мной начиная с того дня, как я бросил тебя и Бульбу в Диких Землях. В эту историю трудно поверить, но я убежден: ты – вполне разумный человек и отличишь ложь от правды.

– И ты рассчитываешь, что твоя честность заставит меня передумать? – хмыкнул я. – Утром ты говорил, что я волен проваливать на все четыре стороны, а теперь собираешься пожертвовать своими страшными тайнами, чтобы уговорить меня остаться. Что изменилось с той поры?

– Утром ты еще не был готов повернуть вспять и я мог позволить себе такой блеф, – уверенно заявил компаньон. – Но сейчас, когда тебе стало ясно, что я не могу предъявить ни одного доказательства в защиту моей Веры, ты вполне созрел для такого шага. Поэтому я вынужден пойти на крайность. Заставлять тебя силой я не имею права. Ты неплохо знаешь эти места и скроешься от меня при первой же возможности. А во-вторых, когда придет время и моя жизнь будет зависеть только от тебя, я должен быть уверен, что ты поможешь мне, а не пристрелишь в отместку за угрозы.

– Ты говоришь об этом так, словно точно знаешь, что подобный момент рано или поздно наступит, – скептически заметил я.

– Откуда мне знать о таких вещах? – пожал плечами Кальтер, приступая к обеду. – Но Вера сказала, чтобы я обязательно разыскал тебя, потому что так нужно. Она не уточнила зачем, но девочка в моих снах всегда очень встревожена, и я склонен считать, что это неспроста.

– В моих снах она тоже никогда не улыбается, – признался я. – Так вот, значит, почему ты отправился на мои поиски! А вчера утверждал, что, дескать, сделал это из-за нашего опыта совместной работы и моего знания Припяти!

– И поэтому – тоже! Вне всяких сомнений! – заверил меня майор. – Но Верина просьба, разумеется, сыграла решающую роль, тут и спорить нечего... Ну так что, ты уходишь или выслушаешь то, в чем я собираюсь тебе признаться?..

А вы бы отказались выслушать человека, который, пообещав исполнить ваше сокровенное желание, сначала затащил вас к черту на рога, а потом решил перед вами исповедаться? Все зависит от ситуации, скажете вы. Безусловно, соглашусь я. Однако, даже угодив между молотом и наковальней, я не мог устоять перед соблазном узнать историю синеглазой хозяйки моих снов. И пусть я не особо доверял такому толкователю сновидений, как двуличный майор Куприянов, но кто еще, кроме него, изложит мне внятную версию происхождения моего призрака? Да и сам факт, что со мной вдруг решил заговорить сфинкс, мог по праву считаться исключительным событием.

В общем, как ни хотелось мне послать подальше этого психа и уйти восвояси, я смиростивился над Кальтером и дал ему возможность высказаться.

Надо отдать должное Тимофеичу, он сумел меня удивить. И не только удивить, но и вогнать в замешательство. За время нашего знакомства с этим изворотливым прагматиком, чья ложь, по идее, всегда должна была стремиться к правдоподобию, я даже не предполагал, что он способен изобрести для себя столь фантастическое оправдание. Или же Кальтер действовал от противного и вместо правды, в которую я за отсутствием улик все равно не поверю, решил огорошить меня откровенным вымыслом, для которого в качестве доказательств сойдут любые загадки Зоны. Небесный Паук; якобы сбитое в прошлом году сектантами НЛЮ; терзающее нас с компаньоном привидение со странным именем Верданди; профуканное майором секретное оружие; даже найденный нами утром лоскут серебристой материи, что, по мнению Тимофеича, являлся обрывком комбинезона не призрачной девочки, а кого-то из ее погибших родителей... И впрямь, чем не доказательства? Вот только поди с ходу разберись, подкрепляют ли они на самом деле рассказ Кальтера. Вполне может статься, что хитрец выдумал его постфактум, дабы просто связать воедино все эти разрозненные истории, не имеющие друг к другу ни малейшего отношения.

Но как ни крути, а небылица у дяди Кости вышла складная. По его глубокому убеждению, все началось с промывшего ему мозги контролера, с которым нелегкая столкнула майора в подземельях «Агропрома». После той стычки психика прежде хладнокровного, но неумолимо стареющего вояки претерпела серьезный надлом. Но он дал о себе знать не сразу, а лишь спустя несколько дней, при стечении удивительных даже для Зоны обстоятельств.

За четверть часа Тимофеич пролил свет на множество невероятных вещей. Я узнал о его нечаянной (а может, и нет – это уж как посмотреть) встрече с девочкой из будущего, встрече, ставшей судьбоносной для них обоих. О том, как Верданди очутилась в Зоне, что стряслось с ее родителями и

что в действительности представлял собой Небесный Паук. О первом желании майора отделаться от синеглазой обузы и сплавить ее под опеку генералу Воронину – единственному достойному человеку, которого он знал в этих краях. О последующих скитаниях Кальтера и Веры и о его окончательном решении помочь спутнице вернуться домой, в ее две тысячи сто восьмидесятый год. О том, как ко всему этому оказался причастен монолитовец Гурон и что на самом деле происходило возле Небесного Паука и в его утробе в тот день, когда сектанты уничтожили защитное поле цитадели, но затем все до единого полегли при штурме, отбитом очень разозленным на них дядей Костей. И самое главное: обещании, которое дала ему Верданди, прежде чем отправиться в будущее на своей едва не разрушенной Гуроном машине времени...

– Те люди, чьим приказам я тогда подчинялся, хотели потом убедить меня, что я сошел с ума и что Верданди – всего лишь призрак Зоны, привидевшийся мне после того, как тот контролер покопался у меня в голове, – закончил Тимофеич свой занятный рассказ. – Меня уверяли, что следивший за мной разведывательный спутник не обнаружил никакой девочки и что на сделанных им видеозаписях я веду себя как сумасшедший. Мне даже предлагали показать место, где лежат останки человека, похожего на описанного мной ребенка...

– Ты там был?

– Нет. И записи тоже отказался смотреть, потому что и они, и улики были сфабрикованы самими отъявленными лжецами и лицемерами, каких я только знал. Сфабрикованы с единственной целью: вернуть обратно в стадо отбившуюся от него дорогостоящую овцу, какой я являлся для своих бывших пастухов. А потом спустить с нее шкуру, дабы другим овцам неповадно было. Я двадцать лет варился в этом котле, чтобы поддаться обману мерзавцев, что кашеварят на той кухне! Не они, а я смотрел в глаза Веры, когда она рассказывала мне о гибели своих родителей. Я прошел с ней через треть Зоны и за все это время даже на миг не усомнился, что общаюсь с живым человеком. Верданди не растворялась передо мной в воздухе и вообще не проявляла никаких аномальных странностей. Она была обычным испуганным ребенком, которому просто очень хотелось вернуться домой, только и всего! И это меня она благодарила за помощь, а не тех, кто сидел в тысяче километров отсюда, гонял по небу спутник и затем обозвал мою Веру призраком. Скажи, Мракобес, тебе или твоим друзьям когда-нибудь говорили «спасибо» местные призраки?

– Говорить не говорили, – ответил я, – а вот заманивать в дурные места, бывало, заманивали. Мне трудно судить, кто из вас прав: ты или твое бывшее командование. Очень хочется верить, что правда все-таки на твоей стороне, но как тогда объяснить наши сновидения? Если ты отправил Верданди в будущее, кто в таком случае остался здесь и регулярно является к нам по ночам с одними и теми же просьбами?

– Не буду лгать – понятия не имею, – сознался Кальтер. – Но даже приснишь мне Вера всего однажды и прикажи явиться в Припять в урочные время и место, неужели думаешь, я не выполнил бы ее приказ?

– Вот это меня и пугает, старик, – поморщился я. – Ты так привязался к этой девочке, что стал безрассудным и готов рисковать собственной жизнью, чтобы убедиться, действительно ли вещий сон тебе снится. Согласен, дело того стоит, при условии, что все рассказанное тобой имело место. Но что прикажешь думать мне – человеку, знающему о существовании Веры только понаслышке? Кому я все-таки поклялся, что помогу тебе, – загадка. Случись подобное наяву, я бы и слова поперек не сказал. Но клятва, данная во сне, не обязывает меня исполнять ее, насколько бы мое сновидение ни было связано с реальностью. Допустим, ты убедил меня в том, что стремишься к конкретной цели, а не идешь неведомо куда искать незнамо что. Но есть проблема. Сейчас ты – будто Колумб, который раскрыл простым, далеким от политики матросам истинные цели, что движут тобой в этом самоубийственном плавании. Однако хватит ли одного твоего признания, чтобы подавить ропот страшящейся плыть в неизвестность команды? Покажи мне обещанную чайку, Тимофеич, и я пойду с тобой дальше. Сделай так, чтобы моя чайка спустилась наконец с заоблачных высот и села на мачту рядом с твоей. Если ты способен явить такое чудо прямо здесь и сейчас, значит, я поклянусь, что сделаю все возможное, чтобы завтра на закате мы стояли в нужной тебе точке Припяти. А иначе, боюсь, одной твоей Вере будет не под силу поднять меня с этого камня и заставить идти на север.

– Что ж, Мракобес, ты сел на правильный камень, – ухмыльнувшись, молвил Куприянов. – Похоже, он действительно волшебный. Когда-то и я сидел на нем, терзаемый подобными сомнениями. Но в итоге напрочь изгнал их из головы, встал и отправился в путь с надеждой, что Вера непременно за

мною вернется. А теперь, выходит, пришла твоя очередь узреть свет в конце тоннеля... Вызывай Бармена. По громкой связи.

– На кой черт?

– Узнаешь. Делай, что говорят. А когда установишь коннект, поинтересуйся, лежит ли у него в хранилище черный контейнер с цифрой «пять» на крышке.

Я вынул из чехла ПДА, открыл адресный справочник, активировал в нем нужную ссылку и включил опцию «Голосовая связь». Обычно занятой Бармен ответил практически сразу, как будто давно ждал от меня весточки.

– А, Мракобес! – долетел до нас сквозь потрескивание помех его обрадованный голос. – Приятно узнать, что ты еще жив! Как делишки-то?

– Терпимо, – ответил я, значительно умалив остроту висящего надо мной дамоклов меча. – Пока идем с отрывом, но трасса богата на сюрпризы.

– Ну, дык, разве тебе, чертяке, привыкать?.. А бродяги тут на вас с одноруким парнем ставок понаделали, – доложил хозяин «Ста рентген». – Про их соотношение я вам, пожалуй, говорить не буду, дабы не расстраивать, но ежели что, знай: я на тебя поставил.

– Весьма польщен, однако сроду не подумал бы, что ты настолько рискованный игрок, – отшутился я. – Ладно, некогда болтать, я вообще-то по делу звоню. Есть у меня к тебе один важный вопрос. Об оставленном в твоём хранилище черном ящике с «пятеркой» на крышке. Имеется такой?

– Хм... – замялся Бармен. – Дык полно у меня там ящиков. Разве все упомнишь? Может, есть тот, о котором ты толкуешь, а может, нет... Слушай, Мракобес, хоть ты мне и друг, но порядок есть порядок. И раз уж я его ввел, стало быть, для чего-то он нужен, верно? Что лежит у меня в хранилище, является частной собственностью сталкеров, информацию о которой я не вправе выдавать даже Воронину. Не думаю, что тебе понравится, сообщи я кому-нибудь об оставленном тобой на хранение хабаре. Признаться, я удивлен, что ты до сих пор не знаком с этим правилом.

– Да знаком я, знаком! Успокойся, – раздраженно бросил я, покосившись на Кальтера. Этот мерзавец явно не преминул проверить, насколько верны слухи о том, что Бармен хранит чужие тайны не хуже швейцарского банка. Надо думать, результат проверки майора вполне удовлетворил. – Просто подумал, может, владелец того ящика дал тебе какие инструкции на случай, если я вдруг о нем поинтересуюсь. Ну раз нет, значит, нет. Извини.

– Да без проблем... Еще о чем-нибудь желаешь спросить?

– Скажи ему, что однорукий дал тебе код на получение его хабара, – попросил Тимофеич.

– А сразу об этом нельзя было сказать? – огрызнулся я, прикрыв микрофон ладонью. После чего вновь взял дружелюбный тон и вернулся к разговору с Барменом: – Проклятье, чуть не запамятовал впопыхах: ведь однорукий сообщил мне код, по которому я смогу получить его ящик!

– Ну дык с этого и надо было начинать! – воскликнул хранитель сталкерского добра. – А что с твоим татуированным приятелем стряслось? Неужто с дистанции сошел?

– Другой тропой подался, чтобы следы запутать, – соврал я. – А добро свое мне завещал на случай, если я выберусь, а он нет. Вот и хочу проверить, как там мое вероятное наследство поживает и существует ли оно вообще, а то сам знаешь: однорукий – тип скользкий.

– Что верно, то верно... Надеюсь, ты точно код запомнил? Уж больно он мудреный. погоди, сейчас файл с договором открою, а то наизусть я такие коды не заучиваю... Давай, говори. Я сейчас один, поэтому не дрейфь: никто тебя здесь не услышит. Да, и вот еще что учти: там порядок слов нужно строго соблюдать. Поэтому ежели чего напутаешь – пеняй на себя.

– Урд. Верданди. Скульд, – четко, с расстановкой произнес Кальтер.

Я в точности передал его слова Бармену. Проверка кода наверняка заняла у того считанные секунды, но прежде чем ответить, он нарочито выдержал полуминутную паузу. Дабы закрепить для меня урок, что порядок должен быть порядком, а проверка – скрупулезным, не терпящим спешки процессом.

– Все правильно, – отозвался наконец Бармен. – Лежит у меня в подвале такой ящичек. Без описи, поэтому опломбирован не мною, а лично клиентом. И положил он свой хабар по моей настоятельной просьбе в самый дальний угол хранилища. Вопрос на засыпку: почему?

– Чтобы у тебя задница меньше зудела, когда ты в свои казематы спускаешься? – предположил я.

– Чересчур грубо, зато в самую точку! – хохотнул Бармен. – Как однорукий сюда свой чемодан волок – ума не приложу. На веревке, что ли, тащил? В трех шагах от него не только задница, а все тело

так чесаться начинает, что хоть святых выноси. Хорошо хоть безвредная та чесотка, а иначе сроду бы не взял у этого бродяги хабар на хранение. Да и парень не из скупых оказался – с такими всегда приятно дело иметь. Скорее бы кто-нибудь из вас это барахло отсюда унес. Боюсь, как бы ваш ящичек ненароком не подмочил репутацию моему заведению... Не хочешь шепнуть по секрету, что все-таки за дрянью однорукий у меня припрятал?

– Урд, Верданди, Скульд, – сказал я.

– И на каком это языке? – осведомился радетель за неприкосновенность частной собственности.

– На старогренландском, – вновь соврал я. – Означает: «Не спрашивай меня о том, чего я сам не знаю...» Ладно, старик, спасибо за исчерпывающую консультацию. Словами не передать, как я тебе благодарен.

– Дык словами и не надо, – ответил Бармен. – Ими желудок не набьешь и с кредиторами не рассчитаешься. А вот от сувенирной безделушки из Припяти я б не отказался. Главное, чтобы от твоей благодарности потом ничего нигде не чесалось... Бывай, Мракобес! Да смотри понапрасну на рожон не лезь. Черепановцы – ребята лихие; будешь зевать – живо тебе башку отстрелят...

– Значит, пока мы торчали на базе, Полынный Слиток все время находился у тебя, но ты решил мне его не показывать! – возмутился я, прервав связь. И пускай Кальтер фактически сам признался в том, что он опять мне солгал, это не оправдывало его в моих глазах.

– Я не хотел, чтобы ты впал в искушение и совершил какую-нибудь глупость, – ответил майор. – Мне неизвестно, насколько сильно ты жаждешь заполучить Слиток, поэтому я решил подстраховаться. Так что там насчет твоей чайки? Теперь ты ее видишь?

– Черт бы тебя побрал! – Я в негодовании хлопнул ладонью по камню. А чайка моей надежды в это время сидела на мачте, чистила перышки и ехидно поглядывала на меня свысока.

– Всею свое время: когда-нибудь да поберет, – пообещал Тимофеич. – Но если у тебя еще остались сомнения, попроси Бармена подойти к моему контейнеру и мысленно сконцентрироваться на одной из своих болячек. Помнится, он трепался, что на днях его мучил хондроз. Вот пусть на собственном примере и докажет тебе, что я не лгу.

– А потом добрая душа Бармен тайком приведет к Слитку своих больных друзей, те – своих, а когда я вернусь, там будет стоять очередь длиннее, чем к долбаному доктору Айболиту! – фыркнул я. – А в Баре соберется целая прорва ублюдков, которые только и будут ждать, когда я вынесу свое сокровище за пределы завода. Нет уж, хрен им, а не панацея!.. Кстати, а кто такие эти Урд и Скульд? У твоей Веры что, есть братья?

– Точнее сказать, сестры. Но не у моей Веры, а у той Верданди, что из области мифологии... Однако ты уходишь от темы, Мракобес. Итак, что скажешь? Дядя Костя явил чудо, которое ты требовал, или мне для полного счастья еще кролика из шляпы вытащить?

– Это не чудо, а наглый обман! – набычился я. – Ты твердил о взаимном доверии, а сам прятал от меня Слиток, боясь, что я его выкраду!

– Называй это как хочешь, – пожал плечами Кальтер, – но факт остается фактом: теперь ты в курсе, где я прячу твою награду, и можешь получить ее, как только вернешься в Бар. Клятва, о которой ты давеча заикался, мне, в принципе, не нужна. Вера любит требовать их, потому что насмотрелась сериалов про Дикую Зону и думает, что раз хороший сталкер дал клятву, значит, он ее непременно исполнит. Но мы-то с тобой знаем истинную цену сталкерским обещаниям, верно? Поэтому вполне обойдемся без них. Давай просто отринем все колебания, возьмем свои ранцы и пойдем в Припять. Договорились?

Майор поднялся и протянул мне ладонь, предлагая скрепить договор рукопожатием. Я несколько секунд с недоверием взирал на нее, словно она была пропитана тем ядом, каким компаньон обрабатывал свой кинжал, но потом все-таки пожал ее, хотя и понимал, что жест Кальтера – всего лишь обычная дипломатическая уловка. Борцы вон тоже пожимают друг другу руки перед поединком, но это вовсе не гарантирует, что оба они будут вести себя на ковре по-джентльменски. А в сталкерском обществе подобное лицемерие встречается сплошь и рядом. Норма здешней жизни: в мире, разбитом на десятки враждующих кланов и группировок, нельзя дружить со всеми. Такое мог позволить себе лишь прохиндей Тишка-Барыжка, да и то, как выяснилось, до поры до времени...

Однако едва мы замели следы нашего короткого привала и напялили ранцы, как ПДА Кальтера взялся беззвучно, но настойчиво вибрировать, извещая хозяина о поступившей на его адрес информации. За сутки, что я провел в компании майора, это был первый случай, когда кто-то пытался с

ним связаться. В то время как мне текстовые сообщения от приятелей приходили практически ежечасно. Все они спрашивали, по сути, об одном и том же: как дела? Я отвечал на их послания запрограммированным на автоответчике двустушием: «Жив, здоров, хабара – пресс. Дядя Леня Мракобес», для отправки коего требовалось нажать всего одну кнопку. Кому в данный момент понадобился Тимофеич, было очевидно. Наверняка это Бармен спешил удостовериться, что сдавший ему на хранение вещички клиент не привязан к дереву и я не вытребовал у компаньона словесный код под пытками.

Впрочем, со своими догадками насчет Кальтера я опять угодил пальцем в небо. Вместо того чтобы отвечать на вызов, майор насторожился и, присев за валявшуюся поблизости опору Небесного Паука, жестом велел мне сделать то же самое. И только потом расчехлил ПДА и взглянул на дисплей.

Никто компаньона, как оказалось, не вызывал. Виброзвонок его коммуникатора сигнализировал о некой опасности – это было понятно по мерцающему на экране красному предупреждающему значку и надписи под ним: «Активный радар».

– Проблемы, Тимофеич? – вполголоса поинтересовался я, обеспокоенный неведомой, но, судя по реакции Кальтера, отнюдь не шуточной угрозой.

– Пока нет, но хорошего тоже мало, – ответил тот, после чего приказал: – А ну быстро вырубай свою электронику! Всю, какую есть: детектор аномалий, подсветку прицела и даже часы, если они работают на батарееке!

– Как скажешь. – Я нажал сенсор отключения ПДА, дождался, когда погаснет дисплей, и спрятал коммуникатор в карман. Затем вырубил электропитание цифрового бинокля. Майор в это время задрал рукав комбинезона и обесточил свою механическую руку. И кроме нее – ничего, хотя у него электронных прибабасов было явно побольше, чем у меня.

– Мое оборудование защищено от пеленга, – уточнил он, перехватив мой вопросительный взгляд. – Все, кроме протеза. А твое – нет. Отключил игрушки, ничего не забыл?

– Вроде бы так. А кто нас пеленгует? И чем?

– Говори потише!.. – Кальтер перешел на шепот. – И попытайся вспомнить, есть ли у Черепанова какое-нибудь антиснайперское или другое современное поисковое оборудование?

– Вообще-то от нас они уходили налегке, – ответил я. – Но «Долг» получил информацию, что после этого в Зону для «Буяна» однажды переправлялась партия оружия. Что именно заказывал из-за Кордина Череп, нам неизвестно.

– Плохи дела, – заметил Куприянов, продолжая получать данные на свой «стелс»-ПДА. – Судя по типу радара, противник пытается засечь нас при помощи переносной противопехотной установки «Хотрейн». Сканирование ведется... я так и думал: с холма... Назад!

Услыхав про холм, я решил было тихонько высунуться из-за укрытия и, переключив бинокль в обычный режим, поискать через просветы в сосновых кронах, откуда за нами ведется наблюдение. Грозный шепот компаньона вынудил меня вмиг ретироваться на место, а его ледяной взор уже без слов намекнул, чтобы впредь я не проявлял без спросу подобную инициативу.

– Радар «Хотрейна» – комплексный и вычисляет не только электронику, – пояснил майор. – Движущиеся объекты, тепловое излучение, оптика, звук – диапазон сканирования достаточно широк... Давай за мной.

Мы отползли левее – туда, где пробивающийся сквозь ветви луч солнца успел нагреть ржавую поверхность паучьей ноги. Не трогая бинокль, компаньон краем глаза выглянул из-за нее, приподняв голову точно над освещенным солнцем пятачком. После чего вновь припал к земле, пробыв на виду от силы пару секунд. За столь короткий срок вражеский радар вряд ли зафиксировал на фоне теплового излучения опоры новую инфракрасную помеху. А если и зафиксировал, дозорному приходилось держать под наблюдением обширное, покрытое лесом пространство, где аналогичные помехи возникали чуть ли не ежесекундно.

– Вот почему сигнал радара такой отчетливый! – подбил Тимофеич итог своей блиц-разведки. – Стрелок засел на верхушке антенны. И знаешь, что хуже всего? Мой детектор не умолкает. Кажется, те парни успели нас обнаружить. По крайней мере, теперь их верхолаз пристально следит только за этим сектором леса. Уверен – неспроста.

– И как сукин сын не побоялся взобраться на такую верхотуру, да еще с базукой! – в бессильной злобе проворчал я. – Что предлагаешь делать? Зарыться в землю или сверкать пятками?

– Многое бы отдал за то, чтобы у него была обычная базука или, на худой конец, снайперская

винтовка, – сказал Кальтер, не сводя глаз с дисплея ПДА. – От осколков и пуль в лесу еще можно скрыться. От «горячего дождя» – весьма проблематично.

– Признайся, ты нарочно стращаешь меня время от времени, чтобы я не расслаблялся, да? – осведомился я.

– Зачем мне лишний раз пугать человека, который и так едва не рванул на попятную? – открестился от упрека компаньон. – То, что я сказал, будто под обстрелом «Хотрейна» проблематично уцелеть, – это, наоборот, верх моего оптимизма. На самом деле уцелеть там невозможно.

– Тогда чего ты разлеся, а не уносишь отсюда ноги, пока есть время?

– Выжидаю, когда переменится ветер, и молюсь, чтобы стрелок не выстрелил раньше.

– Может, он все-таки не выстрелит, – робко понадеялся я. – Пошарит-пошарит радаром по лесу, решит, что наше присутствие ему почудилось, да уgomонится.

– Слишком рискованно уповать на это. Потому что если верхолаз выпустит ракету при невыгодном нам порыве ветра, можно будет даже не вставать с этого места... Внимание: кажется, восточный ветер стихает!.. – Кальтер подобрался и, упершись руками в землю, приготовился вскочить с земли. – Если сейчас подует северный – подрываемся и что есть мочи несемся к той луже, которую видели, когда по пути сюда «жарку» обходили... Соберись: на все про все у нас с тобой будет около двадцати секунд...

Ждать пришлось еще полминуты. Томительные полминуты, за которые мое взбудораженное воображение успело нарисовать мне в красках столько горячих смертей, сколько их, наверное, существует в природе. Какая из моих фантазий была ближе всего к реальности? Кальтер знал ответ на мой вопрос, но я поостерегся задавать его майору в эту ответственную минуту. Как говорит мой приятель Вовчик Холера, много будешь знать – скорее рехнешься.

Долгожданный – а иначе, сидя на раскаленной сковороде, не скажешь – северный ветер дунул нам в лица упругим порывом, и Тимофеич, скомандовав «бегом марш!», припустил на северо-восток в своей резвой бесшумной манере. Несмотря на то что я стартовал сразу за компаньоном, дистанция между нами начала быстро увеличиваться. Впрочем, проигрывал я не за счет темпа, а по вине собственной неуклюжести. Обегая деревья, Кальтер умудрялся не сбавлять при этом скорость, в то время как я, уступая ему в проворстве, терял драгоценные мгновения на каждом таком вираже. А мгновения эти складывались в секунды, коих у нас в запасе, со слов майора, имелось всего ничего.

Даже по приблизительным расчетам, бежать до нужного озерца требовалось дольше, нежели треть минуты – ровно столько времени, надо понимать, должно было пройти между выстрелом «Хотрейна» и поражением ракетой цели. Вот тут нам и подыграл северный ветер, подаривший мне и Кальтеру на старте хорошую фору. Он дул навстречу не только нам, но и целившемуся в нас верхолазу, чем и воспользовался майор, выяснивший, какое оружие враг затащил с собой на антенну.

Он так же пристально следил за направлением ветра, тем более что автоматика ракетной установки обладала соответствующим датчиком и предупреждала стрелка о невыгодных либо вовсе опасных для него условиях стрельбы. Поэтому грохот выпущенной ракеты раздался с запозданием, хотя радар противника наверняка засек нас сразу, как только мы и покинули укрытие. Ветер в момент выстрела вновь дул с востока и благоприятствовал уже не нам, а верхолазу, только что шарахнувшему по мне и компаньону зарядом, мощности которого хватило бы для уничтожения целой вражеской роты.

– Двадцать секунд! – не оборачиваясь, крикнул Кальтер. – Поднажми! Потом делай, как я!

По пути к Пауку мы провели беглую визуальную разведку местности и отметили на картах обнаруженные очаги аномалий. Но это не давало нам гарантии, что, носясь по Рыжему Лесу как угорелые, мы не вляпаемся в какую-нибудь из них. Впрочем, удуманное майором купание в озере выглядело куда большим безрассудством. Он не уточнял, зачем мы бежали к заросшему илом водоему, но это и без подсказок было понятно. Кальтер рассчитывал, что холодная вода спасет его от «горячего дождя», и хорошо, если так оно и будет. Однако не стоило забывать, какие опасности могли таиться в мутных водах подобных озер, разбросанных по всей болотистой Зоне. Кабы не грозившая нам неминуемая смерть, черта с два я нырнул бы добровольно туда, откуда можно не вынырнуть, даже будучи чемпионом мира по экстремальному дайвингу.

Ракета промчалась по-над кронами сосен и, не снижаясь, разорвалась с громким хлопком чуть севернее нас. Я успел досчитать лишь до пяти и теперь усиленно гадал, позволит ли нам «Хотрейн» прожить оставшиеся секунды или компаньон попросту ошибся в расчетах. В просветы между крон было заметно, как на месте взрыва образовалось большое ярко-фиолетовое облако, фосфоресцирующее даже

при дневном свете. Оно быстро расплывалось по небу, истончаясь и бледнея, но пылится на него было совершенно некогда. Впереди наконец-то замаячило озеро, в которое вот-вот должен был плюхнуться Кальтер. Что ж, пускай дерзает, раз сам предложил искупаться. А я посмотрю, что у него из этого выйдет. Вот только как мне быть, если Тимофеич возьмет и сиганет в пасть какой-нибудь твари? Экая, блин, неразрешимая дилемма передо мной тогда встанет...

Кальтер не стал кидаться с разбегу в воду, а дождался меня и отдал последнее распоряжение:

– Набери побольше воздуха! Вынырнешь, когда я подам знак! И сразу же противогаз – на морду! Вперед!..

Небо над нами теперь обрело цвет разбавленной марганцовки, а в кронах слышалось шуршание начинающегося дождя. Бросив последний взгляд вверх, я тут же чертыхнулся от боли – упавшая мне на щеку капля была обжигающей, как расплавленный гудрон. Ее пока что редкие сестрицы падали, оставляя в прохладном воздухе росчерки тонких струек пара. Причем не обычного, а такого же марганцевого оттенка, как облако, откуда падали первые капли «горячего дождя».

Зрелище было невероятно красивым, но я уже получил урок, что скрывается за этой дьявольской красотой. Бросив напоследок «да пропади все пропадом!», я решительно шагнул в озерцо – глубина в нем была всего по грудь, – по примеру Кальтера набрал полные легкие воздуха и погрузился с головой в мутную, но, к счастью, еще не застоявшуюся воду. Компаньон нырнул на расстоянии вытянутой руки от меня, так что когда он решит подать сигнал ко всплытию, майору не придется тратить время на мои поиски.

Наверняка вам доводилось купаться летом во время ливня и, ныряя, слушать бурление падающих в реку капель. Горячие потоки, которые обрушились на Рыжий Лес, хлестали по воде так же, как обычный дождь. Я нырнул как можно глубже и лег на дно, а усиленный кевларовыми пластинами комбинезон, автомат и прочая амуниция позволяли не тратить силы на то, чтобы удержаться в этом положении. Наверняка тренированный диверсант Кальтер способен вытерпеть без воздуха дольше меня, поэтому для майора это испытание – сущие семечки. Главное, не забыть о предупреждении и не начать дышать раньше, чем у меня на лице окажется противогаз. Поэтому будет не лишне заранее его подготовить. Что ни говори, а давненько мне не доводилось нырять на выносливость. Сегодня и не припомню, каков был мой личный рекорд в этом упражнении, которое мы частенько практиковали с друзьями в юности, когда ходили на тренировки в бассейн.

Ливень между тем над нами разыгрался нешуточный. Вызванный искусственно над небольшим участком местности, он явно не грозил затянуться надолго. Но вот его последствия могли изрядно подпортить нам здоровье и нервы. Спустя примерно минуту, когда отсутствие воздуха еще не причиняло мне сильных неудобств, вода в озере заметно потеплела. Я с опаской подумал, что продолжай она нагреваться с такой скоростью, на третьей минуте нашего погружения мы начнем вариться заживо. Но, хвала создателям «Хотрейна», все обошлось. Через несколько секунд дождь быстро пошел на убыль, и не успел я ощутить себя вареным раком, как бульканье капель на поверхности умолкло. После чего температура в озере также прекратила повышаться, замерев на уровне «горячо, но терпимо».

Я потерял счет времени, но был уверен, что вряд ли выдержу без кислорода более трех минут. Мысль о всплытии свербела в мозгу, усиливаясь прямо пропорционально жжению в легких. В конечном итоге я уже не мог думать ни о чем, кроме воздуха, и не чувствовал ничего, кроме его болезненного отсутствия. Опасаясь, что у меня не хватит сил надеть противогаз, я решил не испытывать судьбу, подтянул колени к груди и, оттолкнувшись ото дна, вынырнул на поверхность. Не открывая глаз и с трудом сдерживаясь, чтобы не вдохнуть, я вытряхнул воду из маски, вырвал резиновую пробку из бачка-фильтра и приложил маску к лицу. И только затем совершил жадный вдох, больше похожий на предсмертный хрип агонии.

Отдышаться в противогазе после такой нехватки кислорода было нелегко, и я компенсировал глубину вдохов-выдохов их частотой. В первые мгновения я не видел и не слышал ничего, что творится вокруг, поэтому, окажись сейчас поблизости враг, он мог подобраться ко мне не таясь и прикончить меня голыми руками. Когда же мое состояние мало-мальски пришло в норму и радужные круги перед глазами исчезли, я первым делом закрепил маску на затылке, а уже потом осмотрелся.

Кальтер, судя по всему, вынырнул сразу за мной, но уже успел натянуть противогаз и брел к берегу, по пути вытряхивая воду из автоматного ствола. Он не стал бранить меня за то, что я не дождался сигнала, – очевидно, мое самовольное всплытие почти совпало по времени с плановым. Мне

оставалось лишь порадоваться своей выдержке, которая если меня и подвела, то не фатально.

После пролившегося на Рыжий Лес искусственного дождя в окрестностях озера стояла сильная жара, а от земли и сосен исходили фиолетовые испарения. Ступив на сушу, Тимофеич извлек из кармана похожий на авторучку приборчик, снял с него колпачок-пробирку, зачерпнул им пробу воздуха и, насадив колпачок обратно, нажал кнопку на другом конце анализатора. Мы ощущали себя словно в парной бане, но компаньон не спешил улепетывать из обработанного «Хотрейном» леса. Вставив анализатор в специальное гнездо на ПДА, Кальтер дождался, когда на дисплее появятся данные, и только ознакомившись с ними, махнул мне рукой и двинул на север.

Метров через сто заметно посвежелело, но идти в мокром комбинезоне все равно было зверски неудобно. Спустя еще немного мы покинули зону выпадения осадков – это стало понятно по царившей здесь сухости и отсутствию фиолетового тумана. Компаньон повторил забор воздуха и, когда мы вышли на северную опушку леса, снял противогаз.

– Эту дрянь изобрели в Штатах, – пояснил Кальтер, пристегивая маску к комбинезонному зажиму и утирая взмокшее лицо. – Особый химический состав, который сначала распыляется в атмосфере, а затем, быстро впитав влагу, превращается в высокотемпературный токсичный коктейль. Отсюда и двухсотградусный дождик, и ядовитые испарения. А как этот раствор остывает, так за пару минут бесследно нейтрализуется. Два года назад в Ираке один мой сослуживец едва не угодил под «Хотрейн». Тогда американцы распыляли его в окрестностях Тикрита, выкуривая мятежного шаха Хафиза из его логова.

– Не помню, чтобы об этом говорилось в новостях, – заметил я, вдыхая полной грудью первые глотки прохладного воздуха и созерцая открывшуюся с опушки Рыжего Леса панораму. Отсюда до юго-западной окраины Припяти оставалось не более трех километров. Чуть левее, за редким березняком, находились корпуса радиозавода «Юпитер», за ними виднелся неровный ряд плоских крыш городских многоэтажек, а прямо у нас на пути торчала каланча пожарной части. Ее главное здание и гаражи также просматривались сквозь лесок, и как только мы до них доберемся, то можно считать, что достигли Припяти.

Сильный удар, лязг и гул раздался у нас за спиной столь внезапно, что я от неожиданности аж присел, а майор вскинул винтовку и нацелил ее на оставшуюся позади радарную станцию. Раскатистое эхо прокатилось и стало затухать над опустевшими от мутантов землями. Лишь гул, напротив, с каждой секундой все нарастал. Что-то огромное, рассекая небеса, стремительно летело над Рыжим Лесом в нашем направлении. И это нечто было покрупнее ракеты «Хотрейна».

Значительно крупнее...

Глава 10

Не сговариваясь, мы с Кальтером припустили через поле прочь от опушки, чтобы стена сосен не загораживала от нас торчащую над ними вершину холма. Такой гром и скрежет могла издать лишь разрушающаяся железная конструкция огромных размеров, и я почти не сомневался, что вот-вот увижу, как падают знаменитые на всю Зону антенны радарной станции... Но что это за махина несется по воздуху? Неужто падающий самолет с заглохшими двигателями, который и зацепил брюхом антенные верхушки?

– Ложись! – скомандовал майор. Он бросился бежать чуть раньше меня, так же раньше обернулся и потому первым выявил источник стремительно приближающегося шума.

Давно уяснив, что приказы Тимофеича лучше не обсуждать, я без вопросов плюхнулся на траву вслед за компаньоном. А в следующий миг над нами пронеслась большая тень. Только это оказался не самолет и не вырванное из земли дерево, полетом которого меня уже нельзя было удивить. Стальной обломок, похожий на опору высоковольтной ЛЭП, грохнулся на поле в сотне метров впереди нас, взрыл дерн и разлетелся от удара на несколько фрагментов. Самый крупный из них кувыркнулся в воздухе и, вонзившись в землю под углом, стал напоминать издали покосившийся могильный крест. И на этом кресте, кажется, был кто-то распят, причем вверх ногами. Но явно не мутант – разодранный и залитый кровью комбинезон на прикованной к обломку жертве выдавал в ней stalkера.

Больше ничего на наши головы не низверглось, и мы, поднявшись на ноги, пробежали еще немного, пока наконец отчетливо не увидели вершину холма и все, что на ней происходило.

Нет, антенный комплекс вовсе не развалился, в чем только что хотело убедить меня мое

разыгравшееся воображение. Обрушившийся на него удар снес лишь половину крайней башни – той самой, на которой сидел вражеский «творец погоды», а верхушки двух соседних антенн...

Невероятно! Нет, мне не почудилось: они действительно были перекручены между собой, как витая двужильная проволока! И более того – продолжали скручиваться с душераздирающим скрежетом! Отчетливо слышалось, как на деформируемых конструкциях лопаются перемычки, а сами они сплетаются все туже и туже, становясь практически единым целым – этакой уменьшенной модернистской копией Вавилонской башни.

Вершина разорванной пополам антенны валялась сейчас поблизости от нас вместе с пристегнутым к ней стрелком. Его страховочный пояс выдержал каскад исполненных верхолазом не по своей воле трюков. Чего нельзя было сказать о нем самом. Целые кости в его изувеченном теле можно было, наверное, пересчитать по пальцам. Если, конечно, сначала вы не поленитесь отыскать эти кости в кровавом месиве, которое сейчас представляло собой вражеское тело. Оно не распадалось на части лишь благодаря прочному сталкерскому обмундированию, удерживавшему его, как пирожок начинку. Кровь лилась из всех имеющихся в комбинезоне летуна прорех, а его болтавшаяся на свернутой шее голова напоминала полураздавленный арбуз – сплюснутый, лопнувший, с торчащей из трещин мякотью, но пока не рассыпавшийся на куски.

Однако, несмотря на истерзанный вид мертвеца, можно было опознать, что перед нами – боец полковника Черепанова. Кто именно, неизвестно. Но шеврон «Буяна» на рукаве вражеского комбинезона не давал усомниться в том, что на станции засели все-таки не монолитовцы, а раскольники. А в целом и покойник, и прилетевший с ним по воздуху обломок антенны, и воцарившийся на холме хаос служили визитной карточкой другого нашего врага, с которым мы лоб в лоб еще не сталкивались.

– Скульптор! – стиснув кулаки, проговорил я. – Да что это за тварь такая? Неужто ему сейчас работы мало, раз он решил за Черепа взяться?

Земля под ногами дрогнула, а за холмом вздыбилась к небесам гигантская стена пыли, протянувшаяся с запада на восток почти на полкилометра. Можно было подумать, что тот участок леса подвергся обстрелу из ракетно-залпового орудия или бомбардировке с воздуха. Вместе с пылью ввысь взметнулись каменные глыбы, вырванные с корнем сосны и множество мертвых тел. Я вперился в бинокль: нет, человеческих среди них вроде не заметно, хотя поди разберись в такой мешанине. Скульптор шествовал по Зоне, выкашивая все живое направо и налево, и теперь этот монстр возвращался на север. Туда же, куда направлялись мы. Худшего попутчика сыскать было нельзя.

Раскольники, коих я так надеялся узреть воспарившими в поднебесье, были пока живы-здоровы и попирали ногами земную твердь, что, разумеется, не доставило мне радости. Разве только я мог утешиться, злорадно глядя, как выжившие головорезы Черепа спасаются бегством, улепетывая в панике по склону холма в Рыжий Лес. Несмотря на понесенные потери, «буянов» все еще было довольно много. «Двадцать три плюс-минус двое», – успел сосчитать зоркий Кальтер, когда эта бегущая шайка промелькнула в поле нашего зрения. Определить, жив ли ее вожак, Тимофеичу не удалось. Но я предполагал, что раз наши преследователи до сей поры не повернули вспять, значит, Борис все еще стоит во главе своего войска. В противном случае я сомневаюсь, чтобы у раскольников хватило энтузиазма гоняться за нами по этим проклятым землям. Вряд ли пришедший на смену Черепу новый лидер стал бы жертвовать бойцами ради глупой мести за своего предшественника и его алчного брата. По крайней мере, других таких маньяков, как полковник Черепанов, я в «Буяне» не знал.

– Не уверен, что раскольники задержатся в лесу, – сказал майор, пронаблюдав, как враги чуть ли не кубарем скатываются с холма и исчезают среди сосен. – Нам тоже будет нелишне поторопиться. Надо до темноты найти себе в Припяти укромный уголок, где можно затаиться и пересидеть до завтрашнего вечера. Или, на худой конец, хотя бы ближайшую ночь. Двинули!..

Между Рыжим Лесом и росшим на южной окраине города редким березняком раскинулось широкое поле, вытоптанное прошедшей здесь недавно волной мутантов. Раньше, когда мне доводилось пересекать его, высокая, почти в рост человека, трава позволяла двигаться пусть медленно, зато почти незаметно. Теперь же мы были отовсюду видны, как на ладони. Единственной нашей защитой оставались кочки, ямки да редкие клочки непрямой травы, за которыми можно было в случае чего спрятаться. Правда, при условии, что мы первые заметим врага. Но если глазастее окажется он, прятки нас не спасут и придется принимать бой в открытом поле. Что ни мне, ни Кальтеру не сулило никаких перспектив.

Не останавливаясь, я включил ПДА и перво-наперво проверил связь с Баром. Она отсутствовала, что, в принципе, было нормально – такое в центре Зоны случалось и раньше. Затем я открыл карту и изучил все нанесенные на нее предупредительные метки. Ими я и прочие ходившие в Припять долговцы регулярно фиксировали как аномалии, так и места, где могла таиться потенциальная угроза. Через полкилометра мы должны были наткнуться на «пепельницу» – примерно ар рыхлой серой почвы, ступив на которую человек начинал необратимо высыхать до состояния сигаретного пепла, причем не весь сразу, а постепенно, начиная с ног и выше. Лично мне такую кошмарную смерть наблюдать не приходилось, но судя по рассказам – мерзкое зрелище. Самая жуть состояла в том, что жертва «пепельницы» абсолютно не чувствовала боли, и до тех пор, пока у сохнувшего заживо человека работало сердце, он наблюдал собственную смерть, находясь в полном сознании. Короче говоря, не приведи вам Господь сунуться в эту гуманно убивающую аномалию. По мне, так уж лучше вытерпеть перед смертью сильную, но кратковременную боль, нежели перед этим пару часов сходить с ума, наблюдая, как твое тело безболезненно превращается в прах и развеивается по ветру.

– Повидал я в Зоне владеющих телекинезом мутантов, но ни один из них не был способен на подобные выкрутасы, – заметил я, все еще пытаюсь смириться с увиденным. Скульптор на холме уgomонился, но у меня до сих пор стояли перед глазами сплетенные в косичку высоченные антенны, а в ушах слышался стон и скрежет гнущегося металла. – Даже целой колонии бюреров такое не под силу, а эта тварь мало того что невидима, так еще может танк на околоземную орбиту зашвырнуть! И где нам от нее спрятаться? А ведь по городу еще вдобавок сверкающий демон разгуливает!.. Интересно, а гранаты или разрывные пули Скульптора возьмут? Согласись, Тимофеич, раз при такой силище монстр вовсю использует камуфляж, значит, у него наверняка есть ахиллесова пята.

– Возможно, – не стал спорить Кальтер. Я подумал было, что он не расположен к разговору, но майор нашел затронутую мной тему актуальной и не отказался обсудить ее. – Не знаю, какое слабое место Скульптора ты имеешь в виду, но будь уверен: эту брешь мы точно не обнаружим. Однако кое-какая прореха в защите у этой твари существует. Но не на теле, а здесь.

Компаньон постучал себя пальцем по виску.

– А голова – не тело, что ли? – недопонял я.

– Разум, Мракобес! – просветил меня Кальтер. – Скульптор, как ты, наверное, заметил, не лишен иронии, причем весьма своеобразной. А ее наличие свидетельствует о явной разумности этого существа.

– Ну ты и сказанул! – усмехнулся я. – Да где ж это видано, чтобы разум был у хищника ахиллесовой пятой!

– Видел когда-нибудь, как кошка выкладывает в рядок на постели хозяина задушенных ею мышек? – спросил Куприянов.

Я недоуменно изогнул бровь: мол, а это здесь при чем?

– А слышал, чтобы подобное чувство юмора было замечено, к примеру, у крокодила? – вновь полюбопытствовал майор. И, не дожидаясь ответа, продолжил: – То-то и оно, что нет. Крокодил туп и из века в век использует одну-единственную тактику охоты. Кошка же хитра, изобретательна, обладает исключительными чутьем и терпением. Поэтому она заслуженно считается умнейшим хищником планеты. Но у нее есть свои слабые стороны. Она чересчур осторожна и может спасовать в тех условиях, в каких тот же крокодил никогда не спасует. Все дело в кошачьем разуме, ибо у кого он развит, у того развит и инстинкт самосохранения. А он отнюдь не всегда является благом. Иногда, чтобы выжить, приходится идти на смертельный риск. Иными словами, поступать решительно, но неразумно...

– Что-то не врублюсь, куда ты клонишь, – признался я.

– Сейчас врубишься, – пообещал компаньон. – Боязнь необычной жертвы – вот чем страдают почти все высокоразвитые хищники. Когда во время охоты им порой попадается жертва, которая ведет себя неадекватно, охотника начинают одолевать сомнения, не больна ли она какой заразной болезнью? Поэтому большинство хищников предпочитают таких жертв не трогать – мало ли чем это может обернуться? Дабы не быть голословным, расскажу тебе о случае, что приключился с моей бабкой. Жили они с дедом в Хабаровском крае, в маленьком поселке у реки Амгунь. И вот однажды пошла бабка в тайгу за жимолостью. Собирает, значит, она ягоду и вдруг замечает неподалеку от себя притаившегося в кустах тигра. Матерый амурский амба, под три центнера весом и клыки что мой кинжал. Ты, небось, такую кошку лишь в цирке да зоопарке и видел. А тут нет никаких решеток – вот он, зверюга, сидит в

пяти шагах от тебя, затаился и хвостом себя по ребрам охаживает. Что у него на уме? Один Бог ведает. В округе фактов нападения тигра на человека с голодных военных лет не припомнят, но где гарантия, что так и дальше будет продолжаться? Может, бабка просто-напросто спящего амбу потревожила, и он спросонок ошалел, может, был ранен и потому зол, а может, полосатый отморозок и впрямь решил на человека поохотиться, мало ли? Только бабуле тогда совершенно не до разгадывания тигриных намерений было...

– Уж надо думать! – невольно вырвалось у меня.

– Выронила она от страха ведро, а ноги с места не сойдут – онемели. – Кальтер пропустил мою реплику мимо ушей. – Бабка и рада бы убежать, да не может, а лишь стоит, будто парализованная, в тигриные глазищи смотрит и понимает, что конец ей пришел, причем тогда, когда она его совсем не ожидала. А амба уже переднюю лапу поджал – еще секунда-другая, и прыгнет...

Тимофеич закашлялся, после чего снял с пояса фляжку и отхлебнул из нее. Было заметно, что он не привык много говорить, но уж коли мы прямо на ходу взялись обсуждать животрепещущий вопрос, значит, майор чувствовал себя обязанным довести свою краткую лекцию до конца.

– Бабка так и не поняла, что за шлея попала ей в тот момент под хвост, – продолжил майор, промочив першившее горло. – Не завопила, не стала звать на помощь, а вдохнула поглубже, руки развела да ка-а-ак грянет на всю округу: «Эй, мороз, мороз! Не морозь меня!..» Ну и так далее. А голосище у бабули был дай Бог каждому – не зря солисткой в церковном хоре всю жизнь пропела. И откуда, как она потом удивлялась, силы на пение тогда взялись? Однако была уверена, что если бы заблуждала или побежала, тигр непременно бы на нее кинулся. Но он настолько ошалел от бабкиного фортеля, что, с ее слов, аж на задницу от неожиданности плюхнулся. Потом, правда, зарычал, но не напал, а попятился, будто хлыстом по носу получил и – деру, только кусты затрещали. Ну а бабка... – Кальтер не сдержал скупую ухмылку. – Она так в раж вошла, что пока песню до конца не допела, не утомилась. С тех пор в том краю, наверное, не то что тигры повывелись, но и жимолость вся завяла. Такие вот дела... В общем, надеюсь, ты врубился, зачем я тебе все это рассказал, да?

– Отчего ж не врубился? Все вполне доходчиво, – ответил я. – Кроме одного нюанса. С чего ты взял, что подобный фокус сработает с долбаным Скульптором? Он ведь не тигр и даже не мутант, а хрен поймешь кто такой, пускай при этом разумен и обожает шутки шутить.

– Разве я сказал, что при встрече со Скульптором ты отделаешься от него при помощи какой-нибудь экстравагантной выходки? – любопытствовал в ответ компаньон. Я лишь пожал плечами. – Наоборот, я почти убежден, что подобные выкрутасы не окажут на эту тварь никакого эффекта. Но давай поставим себя на место всех ее прежних жертв и задумаемся над тем, чего обычно она от них ждет.

– Паническое бегство?

– Бегство, страх, крики... Возможно, контратака, если мутант впал в смертельное отчаянье. Нормальная реакция слабой жертвы при столкновении с более сильным хищником. Но вот чего Скульптор от нее точно не ждет, так это песен. Или акробатических номеров. Или... Да неважно, чего именно, главное, чтобы он испытал удивление. А уж как он поступит после, зависит от того, насколько сильным оно будет и на какие выводы натолкнет. Впрочем, в случае со Скульптором надо учитывать один фактор, который сводит на нет все преимущества такой тактики спасения. Наш мастер телекинеза охотится не ради пропитания, поэтому явно не испугается подцепить от неправильной жертвы какую-нибудь заразу.

– Короче говоря, подивится, поаплодирует, а в итоге все равно размажет о землю, как любую из сотен предыдущих жертв, – мрачно резюмировал я. – И зачем, спрашивается, перед ним распинаться, раз конец так и так известен?.. Однако теория твоя, Тимофеич, все равно любопытная. Смотрел я до армии один фильм, «Кинг-Конг» называется. Это он мне после истории про твою бабушку вспомнился. Там ведь тоже гигантская горилла наверняка откусила бы блондинке голову, не сообрази девка вовремя, что ей надо не орать, как дура, а цирк перед чудовищем разыграть... Один момент! – Я непонимающе уставился на экран ПДА. – Позвольте, а куда делась «пепельница»?

– О чем ты?

– Раньше здесь посреди поля всегда торчала гигантская аномалия, – уточнил я. – Разведчики, с которыми мы потеряли связь два дня назад, успели доложить, что миновали «пепельницу» и приближаются к Рыжему Лесу. А сегодня детектор помалкивает, будто воды в пищалку набрал... Или, может, он и впрямь черпанул водички в том болоте и теперь глючит?..

Я осмотрел ПДА со всех сторон, но не отыскал на его влагонепроницаемом корпусе ни трещин, ни иных видимых дефектов. Кальтер тем временем в очередной раз огляделся по сторонам и обнаружил нечто гораздо более любопытное.

– Там какая-то здоровая яма, – известил он меня, ткнув стволом винтовки туда, где прежде находилась «пепельница». – Ты не ее случайно ищешь?

Я прекратил карябать ногтем стыки на корпусе детектора в надежде выявить протечку и устоялся в указанном направлении. После чего, не веря своим глазам, подошел поближе, чтобы рассмотреть найденную компаньоном яму. Будучи почти идеально круглой, она уходила в глубину на добрый десяток метров. Вся поверхность этого рва была оплавлена и блестела как антрацит, а сам он походил бы на воронку от миниатюрного ядерного взрыва, кабы не отсутствие вокруг него вала выброшенной из эпицентра земли. Все это и близко не напоминало прежнюю «пепельницу» – покрытую рыхлой серой субстанцией проплешину, почти не выделяющуюся на фоне здешнего ландшафта.

– Черт-те что творится! – пробормотал я после того, как брошенный в яму болт отскочил от ее остекленевшего склона и, подпрыгивая, скатился на дно, не вызвав в перерожденной аномалии никаких возмущений. Да и на перерождение это тоже мало походило. Скорее некая сила взяла и попросту вырвала из земли «пепельницу», как хирург вырезает у пациента бородавку. Тем более что с одним обладателем подобной силы мы были уже знакомы.

– Это работа определено не Скульптора, если ты вдруг решил его подозревать, – выразил Кальтер несогласие с моими мыслями так, словно умудрился их прочесть. – Мы шли по тем землям, где он проходил до нас, и не видели, чтобы этот шутник уничтожал за собой аномалии. Могу предположить, что ими занимается Искатель – тот, кто по совместительству служит еще и загонщиком у Скульптора.

– Хочешь сказать, у них разделение труда? – хмыкнул я.

– Может, и так, – ответил майор. – Один перемалывает на фарш мутантов, второй пожирает аномалии, а третий – Буревестник – подчищает дерьмо за ними обоими. Однако не уверен, что это разделение слишком строгое. Столкнись мы, не приведи Господь, с Искателем, вряд ли он откажет себе в удовольствии поджарить нам пятки.

– Кто бы спорил, – согласился я и добавил: – И чем только думала твоя Вера, когда назначала нам свидание в Припяти на неделе Великого Очищения? Почему, например, не солнечным днем у Небесного Паука – там, где вами каждая кочка вдоль и поперек изучена?

– Могу поспорить: это наверняка неспроста, – твердо заявил Тимофеич. – Нельзя взять и наобум перепрыгнуть из будущего в прошлое. А особенно в такое опасное прошлое, как Дикая Зона. И раз Вера назвала мне именно эти координаты, значит, какие бы страсти ни бушевали сегодня в Припяти, в урочный день и час для таймбота Верданди там будет самое безопасное место. Не нам, отсталым людям, спорить с наукой будущего, Мракобес.

– Для таймбота, может, и безопасно, а вот для нас – еще как посмотреть. Ученые, Тимофеич, тоже могут ошибаться. Даже в далеком будущем. Так что на месте Веры я не стал бы целиком и полностью полагаться на их расчеты. – Я поморщился и, бросив последний взгляд на шрам, оставшийся в земле после исчезновения «пепельницы», двинул дальше.

Раскольники возникли на опушке Рыжего Леса, когда мы находились примерно на полпути между ямой и березняком. Начатое в панике, теперь отступление банды Черепа протекало более или менее организованно. Разбившись на группы, она двигалась за нами тремя параллельными колоннами – примерно как утром, когда мы покинули Бар и отправились на север. Сейчас нас разделяло около километра открытого пространства, и хоть мы постоянно оглядывались назад, преследователи заметили меня и Кальтера первыми. О чем тут же сообщили, взявшись стрелять по нам одиночными выстрелами.

Мы были вынуждены пригнуться и начать петлять. Несмотря на приличную дистанцию и то, что улепетывающим от Скульптора врагам приходилось вести огонь на ходу, кому-нибудь из них все равно могло повезти сделать меткий выстрел. Кальтеру, да и мне тоже, страсть как хотелось остановиться, чтобы хорошенько прицелиться и тоже выпустить по «буянам» несколько пуль. Но любая, даже кратковременная задержка превратила бы нас в статичные мишени для двадцати с лишним стрелков, поэтому момент для вымещения ответной злобы был не самый подходящий.

Предположения компаньона насчет гастрономических пристрастий Искателя, кажется, подтвердились. Отмеченная на карте нашими пропавшими без вести разведчиками еще одна редкая аномалия – «Ледяной Гейзер» – также отсутствовала. Вместо бьющего из-под земли приблизительно трижды в час фонтана ледяного пара, который мы непременно должны были увидеть, остался лишь

пятачок окаменелой растрескавшейся почвы, в центре коего зияла узкая скважина. Раньше оттуда между извержениями, помнится, всегда струилась туманная дымка, а теперь от нее не осталось и следа. Такое впечатление, будто Искатель взял и высосал до капли тот подземный источник, что питал «Ледяной Гейзер», оставив в земле отметину, похожую на шрам от выдавленного чирья.

Пули с противным посвистом стегали над нами воздух, но, судя по их разбросу, главной задачей «буянов» сейчас являлось скорейшее отступление, а не стремление не дать нам добраться до Припяти. Раскольники палили на бегу, явно не сомневаясь, что Скульптор все еще их преследует. На чем, хотелось бы знать, основывалась их уверенность? Неужто они слышали его шаги или видели то, чего пока не видели мы?

Огонь по нам прекратился, как только мы вбежали в березняк. Последние пули срезали у нас над головами листву и отстучали по стволам деревьев, после чего окружающий мир вновь погрузился в безмолвие. Прямо по курсу у нас маячили корпуса радиозавода «Юпитер», и я уже начал высматривать, где расположена та брешь в бетонном заборе, через которую в позапрошлом рейде мы с товарищами проникали на заводскую территорию, как вдруг путь нам преградило серьезное препятствие. Причем такое, какое было нереально преодолеть с наскока.

Внушительный – порядка десяти метров в глубину и в три раза большей ширины – дугообразный ров отрезал нас от Припяти. Он тянулся со стороны Новошепеличей, пролегал вдоль завода, гаража пожарной части и, изгибаясь, уходил к двухэтажному зданию «фабрики-кухни», расположенной в начале южной окраинной улицы Леси Украинки. Самое примечательное в этой траншее было не то, что она появилась здесь накануне (позавчера наши разведчики, покидая Припять, ничего такого не обнаружили), а способ, которым ее прокопали. Или, вернее, продавили, поскольку копкой тут и не пахло. Больше всего ров напоминал след, оставленный в земле титаническим колесом, проехавшим по окраине мертвого города. Вывернутые с корнями и переломанные как спички деревья свисали с крутых склонов и лежали на дне траншеи вперемешку со множеством тел мутантов. Последние пребывали в таком виде, что опознать, кому принадлежат те или иные останки, было крайне сложно. Очевидно, неведомый нам молох прошелся по ним не раз и не два, а ловушка эта возникла накануне исхода из Припяти волны монстров.

– Час от часу не легче! – Я в сердцах сплюнул и с опаской приблизился к зыбкому краю, чтобы определить, возможно ли обойти треклятую канаву, как, согласно общеизвестной песенке, поступают в таких случаях все нормальные герои.

Выяснилось, что героический путь отнюдь не близок и может растянуться для нас еще не на один километр. Начало и конец у траншеи, бесспорно, имелись, но находились они вне пределов нашей видимости. А вот до переброшенной поперек провала длинной и толстой железной трубы было совсем недалеко. Судя по приваренным к ней ступенькам-скобам, обрывкам крепежных растяжек и похожим на ракетное оперение косынкам-усилителям, когда-то эта труба коптила небо в маленькой котельной, а теперь удачно рухнула через ров, позволяя перебраться на другой берег и людям, и мутантам. За исключением, пожалуй, псевдогигантов – для них переправа могла оказаться слишком хлипкой.

Все было бы прекрасно, кабы не одно «но». Заводская котельная располагалась не в этой части «Юпитера», территорию которого я и прочие ходоки в Припять успели неплохо изучить. Там, где сейчас за разрушенным забором лежало основание трубы, раньше находилась трансформаторная будка – а ныне груда кирпичей и металла, – но никак не котельная. Поэтому даже не бывавшему тут Кальтеру вмиг стало понятно: этот мостик возник над траншеей отнюдь не по милости Фортуны. А значит, пользоваться им мы могли лишь на свой страх и риск.

– Рискнем, – сказал Кальтер после того, как брошенный мной в трубу болт доказал, что она – не аномалия и не мираж. – Но не здесь, а чуть подальше. Видишь вон то дерево?

Он указал налево – туда, где с нашего склона сорвалась в ров старая, корявая и раздвоенная посередине береза, прямо-таки карикатурная противоположность тем стройным белостволым красавицам, какие воспеваются в народных песнях. Подрезанный «траншеекопателем» корень дерева сполз на дно откоса, но вершина осталась лежать на кромке противоположного берега. И раз уж мы категорически отказались пользоваться подозрительной переправой, значит, иной альтернативы быстро перебраться через траншею, кроме как с помощью этой березы, у нас не было. К тому же она, в отличие от трубы, выглядела совершенно на своем месте и не вызывала вопросов, откуда она там взялась.

– По одному! – приказал майор, когда мы добежали до упавшей березы, находящейся всего в полусотне шагов от отвергнутого нами моста. – Я – первый. И пока не выберусь на тот берег, в канаву

не суйся.

После чего свесил ноги с обрыва, оттолкнулся и решительно съехал на спине по глинистому откосу. Затем, не мешкая, вскочил на поваленный древесный ствол и, несмотря на увечье, покарабкался по нему вверх с обезьяньей ловкостью. Можно было только догадываться, каким проворством обладал Кальтер, пока не заработал инвалидность, если даже сегодня он лазал по деревьям шустрее, чем я.

– Однорукий ниндзя, мать твою! – буркнул я под нос, глядя на выбирающегося из траншеи компаньона. Но едва собрался двинуть по его стопам, как засек краем глаза какое-то движение неподалеку.

Не став высматривать, что мельтешит промеж деревьев, я плюхнулся на живот и притаился за вывернутыми из земли корнями накренившейся березы, росшей некогда по соседству с той, что лежала на дне провала. И только потом осмелился приподнять голову и осмотреться.

Ничего удивительного не произошло. Маячившие у нас в кильватере раскольники достигли леса, разве что случилось это чуть раньше, чем мы ожидали. Похоже, последние несколько минут Череп и его бойцы неслись по полю как угорелые, за счет чего и отыграли у нас время. Такие же взбалмошные, они ворвались в березняк, и если бы не разверзшаяся перед ними траншея, наверняка вражья свора, не снижая скорости, умчалась бы в Припять. Но наткнувшись на преграду, преследователи были вынуждены остановиться, чем заодно спутали карты и нам.

Я обеспокоенно глянул на Кальтера, но тот уже достиг кромки обрыва, соскочил с дерева и затаился в его распластавшейся по берегу кроне. Или, может, нашел себе укрытие понадежнее – определить, где именно он схоронился, было невозможно. А вот он меня сейчас наверняка видел – почему-то я в этом нисколько не сомневался.

Ну да бог с ним, с Кальтером. Главное, что когда разгоряченные пробежкой раскольники столпились на краю рва и взялись озиаться по сторонам, они не раскрыли мое ненадежное убежище. Мне благоприятствовало то, что враги, стянувшись к переброшенной через траншею трубе, по большей части нервно оглядывались назад. Я отметил, что впервые за время нашей суматошной беготни от «Буяна» имею возможность лицезреть полковника Черепанова собственной персоной. И даже, если захочу, могу взять его на мушку и вышибить ему мозги первой же пулей. Хотеть-то я, конечно, хотел, но окружающие Бориса двадцать с лишним соратников здорово остужали мой порыв. Я мог бы оказать сейчас услугу едва ли не всем сталкерам Зоны, вот только что проку мне от посмертной славы? Даже в качестве входного билета на небеса ее не предъявишь – это здесь меня объявят святым, а за Кордоном я как был, так и останусь заурядным убийцей.

Было бы весьма забавно наблюдать за объятymi страхом головорезами Черепа, если бы при этом меня самого не колотила такая же дрожь. Вызывали ее громкие хаотичные шумы, доносившиеся из-за березняка. Чудилось, будто они надвигаются на нас с юга широким фронтом, то на одном фланге которого, то на другом, а то по центру начинало твориться нечто невообразимое, но явно враждебное. Но сколько я ни вглядывался в том направлении, стараясь обнаружить хотя бы один из источников этих шумов, все тщетно. Лишь однажды мне почудилось, будто в воздух взметнулся крупный пласт дерна, словно в то место угодило пушечное ядро. Впрочем, это могла быть и игра теней, отбрасываемых закатным солнцем от раскачивавшихся на ветру берез.

Раскольники топтались возле трубы и не спешили ступать на нее по той же причине, что и мы. Кое-кто из них указал на наше дерево, но, видимо, из-за высокой сложности и низкой пропускной способности этой переправы идея воспользоваться ею была Черепом отвергнута. Я прислушивался к надвигающимся звукам, нервно кусал губы и ерзал, словно улегся на муравейник, хотя подо мной была обычная глина. Меня так и подмывало встать и проорать мнительным «буянам», дабы они побыстрее определились с выбором, а иначе как пить дать и сами не спасутся, и мне не дадут! Скульптор вот-вот ворвется в березняк, а они не мычат, не телятся, ей-богу!..

Ни в жизнь не догадаетесь, кто в итоге повлиял на сделанный Черепом выбор. Ваш покорный слуга! Ну и Кальтер, само собой, тоже, куда ж без него? Нет, конечно, мы с компаньоном не повыскакивали из укрытий и не взялись убеждать врагов пойти наиболее очевидным путем. Мы направили их по нему, скажем так, косвенно, без какого-либо активного вмешательства с нашей стороны. Как такое возможно, спросите вы? Благодарить за это следует Сим-сима, чье слово на экстренном совещании раскольников оказалось решающим.

– Э, братва, да чего мы дрейфим?! – воскликнул он, стараясь перекричать ропот товарищей по оружию. – Эти сучары только что до нас здесь прошли! Или, по-вашему, у них крылья есть?

Если Борис и имел что возразить проводнику, последовавший за его предложением глухой удар о землю, а за ним – вздыбившийся на краю поля выше деревьев фонтан земли вынудили Черепа быстро согласиться с калмыком.

– Через траншею – бегом марш! – рявкнул командир «Буяна», продублировав приказ выразительным взмахом руки. А затем – надо отдать должное его храбрости, – запрыгнул на трубу и ринулся форсировать преграду, пропустив вперед себя только Сим-сима.

Меня осыпало перелетевшими через березняк комьями дерна, но я все еще не видел за деревьями никакого движения. Несмотря на острое желание вскочить и броситься наутек, я тем не менее словно прирос к земле, уповая на то, что Скульптора отвлекут переправляющиеся через ров раскольники и он не обратит внимания на Мракобеса, лежащего без движения на отшибе.

Что бы там ни пытался доказать Кальтер на примере своей бабки, я был твердо уверен, что единственный шанс спастись от таких хищников – это загодя заметить их и стать тише воды ниже травы. В противном случае можно даже не трепыхаться, и уж тем паче глупо валять перед ними дурака. Не знаю, как тигры, а Скульптор в лучшем случае посмеется над такой выходкой и, дай бог, прикончит тебя быстро и без мучений. Однако все ведь может обернуться и иначе. Какотреагирует апостол Монолита, если останется недоволен концертом?..

Дурак ты, дядя Костя, замечу я тебе, и теории у тебя дурацкие! Достаточно лишь однажды ощутить близкую поступь Скульптора, чтобы раз и навсегда убедиться в абсурдности подобного метода отпугивания хищников.

При всей моей ненависти к «буянам» я, сам того не желая, вдруг ощутил, что сопереживаю их драматичной переправе. И возможно, даже обрадовался бы, удайся Черепу перебраться на другой берег без происшествий. Но поскольку этого все-таки не случилось, значит, укорять себя за сочувствие к заклятому врагу будет не резон. Как только я понял, что ему не избежать неприятностей, моя проклянувшаяся было симпатия к раскольникам тут же сменилась обычной жалостью. А она была вполне нормальной для меня реакцией, когда речь шла о загнанном в угол противнике.

Едва Сим-сим, Череп и последовавшие за ними бойцы ступили на трубу, как шумовой фронт моментально сместился к востоку. А когда авангард «буянов» достиг середины переправы, атмосферу разорвал хлесткий и тяжелый металлический удар, будто где-то в восточном районе пригорода столкнулись лоб в лоб два большегрузных самосвала. Вслед за этим земля затряслась мелкой дрожью, как при приближении мчащегося по перегону товарного поезда. Накренившаяся береза, за которой я прятался, закачалась, и мне пришлось отползти от нее, чтобы она не придавила меня своим вывороченным из земли корнем. Мое счастье, что все до единого преследователи смотрели сейчас либо на восток, либо – те, что пересекали ров, – себе под ноги, и потому моя возня осталась незамеченной.

– Не стоять! Шевелить ногами! – проорал Череп, двигаясь осторожной, но быстрой походкой по покато́й поверхности трубы. Шаги множества ног и так сделали ее шаткой, а колебание почвы лишь добавило раскольникам острых ощущений. Стоило лишь какому-нибудь нерасторопному бойцу замешкаться, и заданный командиром темп передвижения будет сбит. В деле, где каждая секунда ценилась даже не на вес золота, а фактически стоила одну человеческую жизнь, любая задержка могла обернуться самыми трагическими последствиями.

Несмотря на грохот и неустойчивый мост, раскольничья переправа стартовала вполне удачно. Авангард «буянов» пересек ров организованно и споро, продемонстрировав нам с Кальтером отменную выучку и дисциплину. Когда первая половина бойцов Черепа сошла на берег, вторая уже целиком находилась на трубе. До успешного завершения этого несложного для тренированных вояк маневра оставались считанные секунды. Но тут из-за поворота траншеи нарисовался источник угрожающего шума, и все у раскольников сразу пошло наперекосяк.

Ассоциации с поездом-товарняком, которые вызвал у меня надвигающийся грохот, оказались на удивление точными. Именно железнодорожный состав и мчался сейчас по провалу, перемалывая усеивавшие его дно и без того неоднократно перемолотые кости. Но как подобное возможно вдали от железных дорог, спросите вы? Поспешу уточнить: для этого товарняка рельсы уже не требовались. Равно как и электроэнергия. Ее с лихвой заменила та силища, которая перед этим, мягко говоря, переделала сей поезд для езды вне рельсовых магистралей. Правда, переделка получилась слишком глобальной, и для иной работы, кроме как давить все, что попадется ему на пути, этот грохотун больше использоваться не мог.

Очередное творение Скульптора вновь озадачило меня вопросом, где пролегалла граница между

фантазией и возможностями этого неумного гения смерти. В сравнении с тем, что он сотворил с поездом, вырывание из земли деревьев и сплетение в косичку двух гигантских антенн выглядело легкой разминкой. Вроде как для Микеланджело – взять и вылепить от скуки глиняную тарелку. Сколько времени потратил Скульптор на лепку из цельного железнодорожного состава циклопического катка, знал лишь автор сего авангардного произведения. Явно не меньше полусотни вагонов и как минимум один локомотив были спрессованы в цилиндрическую болванку, о размерах которой свидетельствовала выдавленная ею в земле траншея.

Впечатляла и прыть, с какой несся по ней каток. Чтобы разогнать его до такой скорости в обычных условиях, громадину следовало спихнуть с вершины высокого холма. А что нужно сделать, чтобы ее остановить, если поблизости нет второй такой махины, я вообще затруднялся сказать. Цепляясь краями за склоны рва, она с треском подминала под себя все новые деревья и, выбрасывая вверх фонтаны глины, расширяла свою колею. Завидев эту картину, я наплевал на конспирацию и рванулся прочь от кромки обрыва, полагая, что у Кальтера тоже хватит ума убраться подальше от всепоглощающего молоха. Твердь земная подо мной дрожала так, что мне пришлось стиснуть зубы, дабы ненароком не прикусить язык.

Когда я вновь плюхнулся на землю, на переправе уже творился форменный хаос. Те «буяны», кому на момент появления катка оставалось преодолеть последнюю треть трубы, сумели, напирая напереди идущих товарищей, кое-как добежать до берега. Последнего из уцелевших счастливицов приятели чудом успели схватить за руки и вытянули за собой, когда он уже практически падал в ров. А вот замыкающим группу семерым или восьмерым раскольникам не повезло. Каток приближался, тряска с каждым мгновением все нарастала, и труба у них под ногами заходила ходуном, пружиня под собственным весом так, словно была сделана не из металла, а из гибкого пластика. Примерно половина не достигших края раскольников сорвалась в ров, еще трое уцепились за скобы и повисли на них, и лишь один продолжал демонстрировать чудеса эквилибристики, балансируя на раскачивающейся трубе, как канатоходец на канате. Жаль только, что при этом все его силы без остатка тратились на удержание равновесия, поэтому как ни стремился он продвинуться вперед хотя бы на шаг, ничего у него не получалось.

Однако что было проку в жалких потугах этих бедолаг спастись, если в итоге и они, и те, кто упал на дно траншеи, угодили под тысячетонный каток, словно муравьи под асфальтоукладчик? У меня перехватило дыхание, когда махина нависла над переправой и в мгновение ока подмяла под себя и ее, и барахтающихся на ней раскольников. И, даже не замедлив движения, покатила дальше по траншее, обваливая склоны и расшвыривая куски глины подобно тому, как разбрызгивает грязь автомобильное колесо с оторванным крылом. Береза, в корнях которой я только что прятался, зацепилась за выступ на торце катка и отправилась в путь вместе с ним, описывая окружности трепещущей от таких кульбитов кроной. Хорошо, я вовремя сообразил, что не нужно стоять столбом с разинутым ртом, пялясь на это неведь какое по счету чудо Зоны. Не успело оно, щедро обдав меня глиной, прогрохотать мимо, а я уже снова залег за деревом, на сей раз росшим далеко и от провала, и от глаз маячивших на том берегу «буянов».

Опять моим мечтам о сладкой мести не суждено было воплотиться в жизнь. Как и утром, Черепу во второй раз посчастливилось выйти из, казалось бы, проигрышного для него положения с минимальными при таком раскладе потерями. «Господи! – взмолился я, когда узрел, какими свирепыми взглядами провожают раскольники удаляющийся на запад каток. – Сделай так, чтобы они взбунтовались и, прикончив ведущего их на верную погибель Черепу, повернули обратно! Неужто „буяны“ и впрямь боготворят своего главаря, раз готовы без колебаний отдать себя на заклятие ради его мстительных амбиций?» Иными словами, от отчаяния и страха я не придумал ничего лучше, как обратиться за помощью к тому, кто, даже услышав мои мольбы, не стал бы помогать мне из принципа.

Выводя бойцов из замешательства, Черепанов проорал им какой-то приказ, и они, встрепенувшись, поспешно рванули через пролом в заборе на территорию радиозавода. Мчащееся по траншее стальное страшилище с изяществом борца сумо вписалось в очередной поворот и погрохотало дальше, подгоняемое невидимым Скульптором. Я был почти уверен, что этот супермутант следует за катком по дну провала, но мне так и не удалось набраться храбрости подбежать к обрыву и взглянуть с него на нашего могущественного врага. Да и не факт, что я вообще сумел бы его увидеть. В то время как Скульптор наверняка засек бы не в меру любопытного сталкера и не поленился швырнуть в него первое подвернувшееся под руку дерево.

Едва Борис с компанией скрылись за забором, а каток – за поворотом, я заметил на противоположном берегу призывное моргание фонарика. Вне всяких сомнений, это был Кальтер, который старался, не поднимая шума, привлечь мое внимание. Оказалось, компаньон залег довольно далеко от того места, где я предполагал. Мне было слишком рискованно отвечать ему тем же – «буяны» могли легко засечь мои световые сигналы. Поэтому я просто высунулся из-за дерева так, чтобы майор видел меня со своей позиции, а раскольники с завода – нет.

Тимофеич тоже привстал с земли и несколько раз выразительно махнул рукой туда, откуда прикатил каток и где сейчас с наименьшей вероятностью мог находиться Скульптор. Каждый свой взмах Кальтер завершал жестом, смысл коего тоже был предельно ясен: я должен отправиться на восток и при первой благоприятной возможности пересечь ров. Дерево, по которому выбрался из него компаньон, обратилось в щепки, а подрезанные катком отвесные склоны выглядели чересчур зыбкими. Стоит их только потревожить, и они погребут меня под обвалом еще до того, как я спущусь на дно траншеи.

Я подал ответный знак: мол, задачу понял, выдвигаюсь. Майор все так же жестами добавил напоследок, что будет идти по своему берегу параллельным курсом, и как только я преодолее препятствие, компаньон сразу ко мне присоединится. Не сказать, что меня это сильно воодушевило, но в любом случае находиться под дистанционным надзором Кальтера было намного безопаснее, нежели вообще без прикрытия.

На том и порешили. Отдав последние инструкции, Тимофеич без единого звука, будто тень, растворился в кустах, а я, отступив от коварной траншеи, с оглядкой и крадучись двинул от дерева к дереву вдоль провала. Если дальше он круто не менял курс, то приблизительно через полтора километра колея упрется в расположенный на отшибе от города колхозный рынок. Провалившиеся крыши его павильонов были видны уже отсюда.

А что, если ров протянулся до самой ЧАЭС, где, судя по всему, Скульптор и слепил свой каток из валяющегося там в изобилии подручного материала? Меня и прежде не тянуло приближаться к станции, а сегодня и подавно не хотелось туда наведываться. Зачем? Берег моей мечты лежал в другой стороне, и достичь его я намеревался своими силами, не идя на поклон к местному божеству – Монолиту, чьи апостолы резвились сейчас на всю катушку в Припяти и ее окрестностях. Как там сказал вчера Кальтер? «Камни не исполняют желаний» – так вроде? Очень сомневаюсь, что призраки маленьких девочек занимаются этим. Но уж лучше я все-таки, извините за каламбур, уверую в Веру, которую пусть во сне, но неоднократно видел, чем в «фетиш жалких неудачников», о существовании коего знаю лишь понаслышке.

Только ты не улетай с мачты, моя ненаглядная чайка, ладно? А до берега я хоть на разбитом корабле, хоть вплавь, но доберусь. Пусть только Хозяева Зоны позволят мне дожить до завтрашнего вечера, чтобы уже наверняка выяснить, не сбился ли я со своего курса, последовав за плывущим в неизвестность кораблем Кальтера. Не хотелось бы после такого сокрушительного фиаско до самой смерти укорять себя в том, что я пошел на поводу у сумасшедшего...

Глава 11

Конец преграды обнаружился сразу за рыночными павильонами. Миновав расположенные на противоположном берегу гаражи пожарной части, ров начал мало-помалу сворачивать к северу, отчего я еще на полпути к рынку смекнул, что траншея проложена где-то между ним и «фабрикой-кухней» (именно такая непонятная вывеска, составленная из полуметровых букв, по сей день украшала это скромное двухэтажное здание). Так и оказалось. А еще через пару сотен шагов глубина прокатанной Скульптором колеи стала уменьшаться и в конце концов сошла на нет, упершись в свалку металлолома. Она состояла из сваленных в груды раскуроченных вагонов и локомотивов, хотя ни одна железнодорожная ветка сюда не вела. Из чего я сделал вывод, что адский каток был собран именно здесь, а свалка есть не что иное, как оставшиеся после его сборки лишние детали. Вновь подивившись извращенной фантазии устроителя этого бардака, я поспешил обогнуть наведенный им творческий беспорядок и, приблизившись к «фабрике-кухне», начал озираться в поисках Кальтера. Или, если быть точным, позволил ему заметить себя, ибо высмотреть прячущегося в зарослях майора мог разве что такой же матерый спец из военной разведки, как он.

А Кальтер, пообещав встретить меня на выходе из траншеи, тем временем куда-то запропастился.

Не собираясь преждевременно думать о худшем, я предположил, что майора попросту что-то задержало в дороге и с минуты на минуту он прибывает. Можно было, конечно, ради пушшего успокоения вызвать его по каналу связи, но я решил пока не тревожить компаньона, который, возможно, затаился сейчас в ожидании, когда минует возникшая у него на пути угроза.

Над Зоной сгущались сумерки, и примерно через час солнце обещало полностью скрыться за горизонтом. Багровый солнечный диск нырнул за серую пелену тумана, что поднимался над Буряковскими болотами, и поэтому выглядел маленьким и жалким – чуть больше красной точки от лазерного целеуказателя. От деревьев, фабрики и стоящих по другую сторону улицы многоэтажек поползли на восток длинные тени. Раньше мне всегда нравились закаты, но только не в Зоне, пусть даже и здесь они обладали своей привлекательностью. Возможно, причина крылась в тревожных ночах – времени, когда мутанты получали над человеком воистину безраздельную власть. Днем они были не так страшны, но во мраке даже один слепой пес превращался из мелкого трусливого хищника в натуральное порождение Преисподней. Последние пять лет каждый заход солнца служил для меня сигналом о приближении врага и не вызывал никаких поэтических чувств. Нынешний закат и подавно не являлся в этом плане исключением.

Дабы не маячить на виду, я присел у стены фабрики и перевел ПДА в дежурный режим на случай, если майор не отыщет меня сразу, как объявится. После чего мне оставалось только ждать, периодически озираясь и внимательно вслушиваться в звуки окружающего мира. Последних сегодня в Припяти стало значительно меньше, чем прежде, когда ее улицы кишели мутантами всех мастей и размеров. Кабы не шелест листвы и вклинивающиеся в него стуки, потрескивания и скрипы, что издавали болтающиеся на ветру двери и оконные рамы, тишина в городе была бы и вовсе абсолютной. А ведь еще утром воздух тут сотрясаясь от нескончаемого топота, ора, рычания и визга, слышав которые большинство впервые сунувшихся сюда сталкеров приходили в ужас и, едва добравшись до окраины, сразу ретировались обратно. После чего начинали распускать об этих местах слухи один другого страшнее и неправдоподобнее.

Я и прочие неоднократно ходившие в глубь мертвого города бродяги знали, что в действительности не все настолько мрачно и что выжить здесь, в принципе, можно. Правда, при одном условии: терпение и осторожность должны являться неотъемлемыми качествами твоей натуры. Если тебя не страшит перспектива сутки напролет ползать на брюхе и отлеживаться в укрытиях, значит, шанс вернуться из центра Зоны живым у тебя имеется. Однако по негласной договоренности мы не опровергали слагаемые о Припяти зловещие легенды. Все они так или иначе отваживали от города впечатлительных новичков и позволяли нам набивать себе цену, когда какой-нибудь очередной сорвиголова подыскивал проводника для похода в эти негостеприимные края.

Так, значит, вот какой бываешь ты, многострадальная Припять, во дни Великого Очищения... Я поглядывал на пустынную улицу Леси Украинки и не верил своим глазам. Тишь да благодать... если, конечно, не думать о бродящих по городу апостолах Монолита. Век не забуду, как, возвращаясь из позапрошлого похода, я оказался заблокированным в магазинчике «Овощи» – это чуть выше по улице – и почти двенадцать часов выжидал удобного момента, чтобы пересечь ее и попасть на водоочистную станцию, где полгода назад у нас был оборудован схрон. Потом поблизости от него свили гнездо какие-то ползучие твари, и нам пришлось перебазироваться в другое место. А с крыши вон той девятиэтажки, что напротив, я в прошлом рейде обозревал город, перед тем как отправиться проверять поступившую Воронину информацию о расположенном в одной из местных школ крупном оружейном складе монолитовцев... Да, много чего можно вспомнить, сидя в тиши и глядя на умиротворенную Припять, озаренную лучами закатного солнца...

Но куда подевался проклятый Кальтер? Прошло четверть часа, как я обогнул траншею, а от него ни слуху ни духу! Что ж, пора побеспокоить компаньона, раз сам он не считает должным докладывать мне о своих похождениях.

На посланный мной Тимофеичу короткий кодированный сигнал не поступило никакого ответа. Я прождал безрезультатно десять минут и отправил повторное сообщение. Результат остался тем же. Нехорошо. Как говаривал в таких случаях незабвенный сыщик-колобок: «Либо что-то случилось, либо одно из двух».

Прошло еще пять минут, и я не на шутку занервничал. Для пунктуального Кальтера опоздание на полчаса выглядело крайне нетипично. С одной стороны, ничего странного – Зона, и этим все сказано: о какой пунктуальности вообще можно заикаться? Так-то оно так, но на душе у меня все равно заскребли

кошки. А тут еще солнце неумолимо опускалось к горизонту, лишая меня своей поддержки и оставляя один на один с темнотой. Однако едва я решил попытать счастья в третий раз, как ответ все-таки пришел. Правда, не от Кальтера, не на ПДА и далеко не обнадеживающий, зато лаконичный и вполне доходчивый.

Радости мне эта новость принесла не больше, чем шаги палача за дверью – для заточенного в темнице смертника. Но куда деваться? Мчащийся обратно гигантский каток вновь оповестил о своем приближении легким землетрясением. Не сказать, чтобы меня удивило возвращение Скульптора вместе с его игрушкой, но в глубине души я все же надеялся, что он задержится в западном пригороде. Хотя бы до тех пор, пока мы с Кальтером не уберемся отсюда подальше и не отыщем себе надежное убежище. Как назло, компаньон пропал без вести в самый неподходящий момент и вынудил меня дожидаться его в опасной близости от места, где Скульптор устраивал свои дьявольские игрища.

Кусты, в которых я таился, мешали мне следить за «прибытием поезда». Поэтому я поспешно пробрался на «фабрику-кухню», поднялся на второй этаж и занял наблюдательную позицию у крайнего окна, стараясь при этом не приближаться к нему и не выходить из тени. Успел я аккурат вовремя: грохочущий каток только-только показался из-за поворота траншеи. Я не сомневался, что набранной громадиной инерции хватит на то, чтобы перескочить через край рва и, проехавшись по свалке, укатать в землю весь тамошний хлам. Черта с два! Достигнув определенного рубежа, каток вдруг встал как вкопанный и, что характерно, почти не скользнул после этого юзом. Впрочем, удержать направленную сейсмическую волну, вызванную резкой остановкой такой махины, Скульптору не удалось. До меня докатились лишь отголоски этого толчка, и на фабрике качнулись стены да с потолка обвалился кусок штукатурки. А вот груды металлолома на свалке подпрыгнули чуть ли не на метр от земли и лязгнули так, словно апостол Монолита не забавлялся со своей игрушкой, а попросту спустил под откос целый железнодорожный состав.

Сейсмические колебания улеглись, потревоженный хлам отгремел, а каток замер без движения, как и должна вести себя тысячетонная болванка, какие бы катаклизмы ни пытались сдвинуть ее с места: хоть цунами, хоть землетрясение, хоть ударная волна ядерного взрыва. Даже не верилось, что несколько мгновений назад эта громадина носилась по траншее с резвостью пустой бочки, какую однажды в детстве я и мои приятели нашли на помойке и взялись катать ради шутки с горки. «Вот сейчас-то я тебя и увижу! – подумал я, переминаясь в нетерпении с ноги на ногу и глядя на озаренный закатным солнцем край рва. – Теперь тебе, убудок, никуда от меня не деться! Ну же, Скульптор, давай, вылезай! Сколько можно играть в прятки! Как будто ты и впрямь нас боишься! Пора бы наконец открыть нам свое мерзкое личико!...»

То ли я ненароком утратил самоконтроль и вышел из тени, то ли изначально занял неверную позицию и был рассекречен, но по вселенскому закону подлости не я первым обнаружил Скульптора, а он меня. При этом на глаза он мне так и не показался, зато убедительно дал понять, какой дерьмовый из меня конспиратор. Не заметь я вовремя, как на свалке начинают взлетать и повисать в воздухе обломки вагонов и прочего хлама, Скульптор прихлопнул бы меня с первого удара. Но я живо смекнул, что вся эта паранормальная хренотень имеет ко мне самое прямое отношение, поэтому и попятился от окна, исполненный недобрых предчувствий.

А в следующее мгновение на «фабрику-кухню» налетел сумасшедший буран, только вместо снега он принес с собой тонны мелкого мусора – от болтов и гаек до кусков вагонной обшивки и деталей локомотивных двигателей. Увидев, как запущенное в мою сторону утильсырье блеснуло на солнце, я рванулся к ведущей на первый этаж лестнице и потону избегал ворвавшегося в окна железного шквала. Который, к счастью, был все-таки не настолько мощным, чтобы разбить межоконные простенки и бетонные перекрытия. Но я оценил его разрушительный потенциал чуть позже, а сейчас у меня в голове не было ни одной вразумительной мысли. И уж тем паче не появились они после того, как обломок размером с кулак, но гораздо более увесистый, срикошетил от пола ишибанул мне в спину. Я не устоял и закувыркался по лестнице, а следом за мной грохотала целая россыпь деталей – образчиков советской вагоностроительной промышленности. Я же считал боками ступеньки и лишь теперь начинал осознавать, *кто* удостоил меня своим вниманием и *что* я стою в схватке против такого противника.

«Заметил! – пульсировала в мозгу паническая мысль, когда я, кряхтя от боли, поднялся на ноги и припустил к выходу из здания. – Скульптор меня заметил! Тварь, которая может жонглировать локомотивами и плести макраме из рельсов, гонится за мной! Мать Божия, скажи, что все это мне только снится!...»

Очутившись на улице, я впал в замешательство, растерявшись, где искать спасение от надвигающейся опасности. Охваченный страхом разум начал усиленно генерировать идеи, поэтому, выбирая путь для бегства, я руководствовался все-таки здравым смыслом, а не слепой надеждой на авось. Удирать вверх по улице – то есть на запад – означает рано или поздно столкнуться с ошивающимися в тех краях раскольниками и угодить меж двух огней. Путь на восток пролегает, во-первых, по открытой местности, а во-вторых, вскоре выведет меня к ЧАЭС. Какие опасности таит сегодня станция, неизвестно, но вряд ли мне посчастливится получить там убежище. Оставалась одна дорога – на север. Те края мне более или менее знакомы, и если я как следует поднажму, то, возможно, сумею затеряться среди десятков многоквартирных зданий и загромождающего дворахлама.

Бросив суматошный взгляд назад и – о, счастье! – не заметив летящих по воздуху вагонов, я рванул через улицу в просвет между панельной многоэтажкой и таким же невзрачно-угловатым пятиэтажным зданием. Рванул с той скоростью, какую только позволяли развить кусты и деревья, бурно разросшиеся во дворах и на улицах Припяти за последнюю четверть века.

Не скажу за других бывающих здесь сталкеров, а на меня именно местная растительность производила самое тягостное впечатление. Не разруха и запустение, что, помимо изобилия мутантов и аномалий, угнетали моих напарников по прошлым рейдам, хотя эти неумолимо добывающие Припять болезни тоже повергали меня в уныние. Обычные деревья, а отнюдь не Зона медленно, год за годом завоевывали город, несмотря на то что они постоянно сгорали в аномалиях и вытаптывались рыскающими повсюду монстрами. Старые тополя и вязы, многие из которых еще помнили, когда в этих домах жили люди, а во дворах играли дети, раскидывали свои могучие, давно не подстригаемые кроны, обрушивали ломающимися ветвями балконы, гаражи и фонарные столбы, заваливали сухой листвой канавы и водостоки. Пробивающаяся из земли молодая поросль рвала асфальт, крошила бетон, подтачивала фундаменты зданий и превращала улицы и тротуары в непроходимые дебри. Все это наводило на любопытную мысль о том, что с уходом из Припяти человека трава и деревья избавились от тяготеющего над ними проклятия и наконец-то зажили полноценной жизнью. А радиация, аномалии и мутанты являлись для них лишь мелкой помехой, ужиться с которой было намного проще, чем соковавшими землю бетоном и сталью людьми.

Мой стартовый рывок проходил как раз по такому двору, где запленившая каждый уголок молодая растительность встретила меня крайне неприветливо. Она цеплялась за ноги, скрывала от меня кочки, ямки и хлам, за который я постоянно запинался; в общем, делала все возможное, чтобы помешать мне скрыться от врага. А он вскоре опять намекнул, что следует за мной по пятам, и заодно не преминул выказать свое недюжинное чувство юмора.

Случайно ли вышла у него эта экстравагантная шутка, в иной ситуации оцененная бы мной по достоинству, или же Скульптор действительно был грамотен и передал мне осмысленное послание? Как бы то ни было, оно до меня дошло. И даже сумело рассмешить. Правда, смех мой больше напоминал сейчас нервный припадок и вряд ли продлил бы мне жизнь, что бы там ни твердили о его пользе врачи.

Как я уже упоминал, на здании, где меня только что едва не прищучил апостол Монолита, висела большая и непонятная вывеска «Фабрика-кухня». Собранная из массивных полуметровых букв, она являлась одной из тех редких вывесок, которые по сей день сохранили свой относительно первозданный вид. Таковой «Фабрика-кухня», пожалуй, и осталась бы, не доберись до нее Скульптор.

Я сразу догадался, откуда взялась просвистевшая у меня над головой огромная буква «Х». Грохнувшись оземь далеко впереди, она не причинила мне вреда. Зато единым махом убила робкую надежду на то, что мастер телекинеза просто припугнул меня, а погоня вовсе не входила в его планы. Как выяснилось, входила. Пусть и напоминала она охоту на суслика с помощью эскадрильи тяжелых бомбардировщиков.

Далее летающие буквы обрушились на меня одна за другой с перерывом в несколько секунд. «У» врезалась в железную бельевую перекладину слева от меня, когда я не успел еще толком испугаться после падения с неба «Х». «И» ударила в ствол ясеня, за который я шарахнулся от предыдущего снаряда. «Н» не достигла земли и повисла на ветвях в ожидании сильного ветра, что сбросит ее вниз. Точнее всего была брошена «Я». Не расшифрую я анаграмму, не пойми, что за «Н» наверняка последует еще одна буква, и не пригнись, она сыграла бы мне точно по темечку. Слава богу, враг не задал задачку посложнее и выбрал слово, в правописании коего я – да простит меня мой учитель русского языка – не сомневался. А иначе даже не знаю, во что вылилась бы вся эта боевая лингвистика.

Возможно, на этом разрушение Скульптором вывески не закончилось бы, но, увернувшись от

последней буквы, я спрятался за углом попавшегося мне на пути детского сада «Дружба». Самое время дать себе кратковременную передышку, а то беготня по зарослям вкупе с разгадыванием ребусов слегка выбили меня из ритма. Лаконичное послание врага красноречиво описывало состояние моих текущих дел, разве что впереди этой характеристики стоило еще приписать «полная». Не сдержав истерический смехок, я сделал несколько успокаивающих вдохов-выдохов, после чего выглянул из-за угла, дабы оценить обстановку.

Сама фабрика осталась нетронутой, но теперь ее украшало еще более странное название – «Фабрика-к», в котором определенно слышалось что-то булгаковское. Впрочем, в настоящий момент меня интересовало не оно, а его автор. Бегал он, надо понимать, не слишком быстро, оттого со злости и швырял мне вдогонку чем попало. Что ж, раз так, значит, у меня есть шанс попробовать оторваться от погони. Но если вместо всякой ерунды типа метания букв Скульптор начнет крушить здания, тогда будь я хоть многократным чемпионом мира по бегу, ничто меня уже не спасет.

Вот только интересно, на какое спасение я сейчас уповаю?

Неважно! Главное, не стоять на месте, а дальше станет ясно, из какого теста я слеплен... Вперед!

Миновав ржавые качели, покосившийся грибок, полуразрушенную горку и перепрыгнув через заросшую травой песочницу, я покинул территорию детского сада. Затем обогнул преградившую мне путь длинную пятиэтажку, продрался через очередные заросли и выбежал на проспект Ленина. Это был тот самый проспект, по которому разгуливало замеченное нами издали огненное чудо, предположительно Искатель. Еще тогда мы обратили внимание, что он, полыхая как маленькое солнце, тем не менее ничего не поджигает. Так и оказалось. Я не увидел никаких следов бушевавшего здесь в полдень пламени, хотя после обычного пожара выгорело бы много растительности, а дым не рассеялся бы до сих пор.

На ведущем напрямик к центру Припяти широком проспекте истинный масштаб экспансии деревьев был замечен как нигде. Но несмотря на обилие пробивающихся через асфальт деревьев, бежать по проспекту было гораздо легче, нежели дворами. Он не был загроможден хламом, да и участков, на которых встречался еще не разрушенный асфальт, тут имелось предостаточно. Однако я не выбрал этот замечательный для бегства маршрут по двум причинам. Первая: мне не хотелось подыгрывать Скульптору, носясь по улице, где меня будет видно за полкилометра. И вторая: над зданием видимого отсюда Дворца культуры «Энергетик», к которому выходил проспект, мерцало багровое зарево. И оно не походило на отражение закатных лучей солнца. А если вспомнить, что днем Искатель шел именно в том направлении, становилась ясна причина, из-за которой погасший очаг местной культуры теперь являл собой источник света в прямом смысле слова.

Поэтому я не стал пользоваться легкой, но сомнительной дорогой, предпочтя ей альтернативную. Пускай она тоже не была скатертью, но ступив на нее, я отрекался от остальных путей бегства, а также своих сомнений, какие были связаны с каждым из них. «Жребий брошен!» – мог бы пафосно провозгласить сейчас Леня Мракобес. Но вместо этого я лишь молча оглянулся назад и рванул через проспект, мимо магазинов «Колосок» и «Книги», туда, где начиналась улица Дружбы Народов.

Из букв на магазинных вывесках тоже можно было при желании составить пару-тройку прозрачных анаграмм. Однако то ли у Скульптора иссякла фантазия, то ли ему просто наскучила эта игра, но пока я добежал до установленного у въезда на улицу Дружбы Народов памятника, мне вслед не прилетело ни одного, даже самого туманного намека. Впрочем, слишком рано было надеяться на то, что я улизнул от апостола Монолита. По ту сторону проспекта, из детсада, во дворе которого я переводил дух, раздавались зловещие звуки. Опять в руках безумного творца что-то скрежетало, громыхало и лязгало, но здания, слава Богу, пока не рушились. И потому я смел надеяться, что раз за прошлые Великие Очищения троица апостолов не разнесла Припять по кирпичикам, стало быть, и сегодня до такой крайности дело не дойдет. Не воспримут же апостолы, в конце концов, меня за серьезного злоумышленника, ради поимки которого можно не жалеть сил и средств? Все, чего я заслуживаю, так это заполучить по хребту несколькими железзяками, вывесками или...

...Или деревянными вагончиками, что остались на заброшенном армейском КПП при въезде на проспект Ленина!

Я озирался как ошалелый, но все равно едва не проморгал брошенные в меня сразу три снаряда, каждый – размером с половину товарного вагона. В отличие от летающих букв, эти вражьи аргументы уже не несли в себе скрытого послания. Кроме, может быть, намека на то, что Скульптор решил взяться за меня основательно. Впрочем, я никогда не рассчитывал на его снисхождение, поэтому и не удивился.

Запущенные по навесной траектории, вагончики взмыли вровень с крышами девятиэтажек, и когда я наконец заметил новую напасть, она уже распростерла свои карающие длани у меня над головой. Прикинуть, куда упадут подброшенные в воздух снаряды, было легко. И если мастер телекинеза не изменит в последний миг их полет, наши пути пересекутся, не пробегу я и дюжину шагов. Поэтому, дабы не подставиться под удар, пришлось резко остановиться и отскочить назад.

Не предназначенные для падения с таких высот, деревянные сооружения грохнулись об асфальт и вмиг рассыпались на дощечки, которые разлетелись по сторонам вместе с кусками жести, брызгами стекол и обломками сохранившейся в вагончиках мебели. Впопыхах я не рассчитал радиус поражения этих осколочных бомб и был засыпан градом щепок и прочего мусора, едва успев прикрыть голову руками. Слева от меня, высекая искры, проскребля по асфальту панцирная койка, справа проскакал помятый алюминиевый чайник, а за спиной бабахнул лопнувшим кинескопом тяжелый допотопный телевизор. Что ни говори, а мне повезло больше, чем той колдунье, которой тоже свалилось на голову подобное строение, принесенное ураганом в волшебную страну из штата Канзас вместе с оказавшейся внутри домика девочкой и ее песиком. Другой мир, другие сказки...

Когда же бомбардировка отгремела, позади меня возникла дощатая баррикада, к счастью, невысокая. Однако помимо нее на улице появилось еще кое-что новенькое, что никак нельзя было оставить без внимания. Оттуда, откуда прилетели вагончики, выкатился, громохоча, металлический шар диаметром в рост взрослого человека. Сразу бросилось в глаза, что сфера изготовлена по той же технологии, что и гигантский каток, но слеплена из подозрительно знакомых мне деталей. И верно: теперь Скульптор спрессовал в комок почти весь железный антураж игровой площадки детского сада «Дружба». Причем не забыл присовокупить ко всем этим грибкам, ракетам, горкам, шведским стенкам и каруселям подобранные по дороге фрагменты раскуроченной фабричной вывески. То, чего я опасался, свершилось, и отныне эта дрянь на букву «Х» воистину стала полной. А ее шарообразная форма прозрачно намекала, в какую игру решил сыграть со мной на сей раз наш массовик-затейник, чтоб он наконец лопнул от смеха!

Именно игру, а иначе зачем Скульптор вообще затеял эту свистопляску? Неужели ему не под силу поднять меня в воздух и шмякнуть о землю или отфутболить в стену ближайшего здания? Стоило гнать на кучку раскольников тысячетонный каток, когда Скульптор мог без лишней канители попросту растерзать их на клочки всех разом? Как, наверняка, и тех мутантов, коих он заковывал в железные клетки утром. Похоже, редко выходящим на свободу регуляторам экологического баланса так наскучивает заточение, что, очутившись вне Саркофага, они стараются натешиться вволю, дабы им было что вспоминать до следующего Великого Очищения. Вопросы, на которые мы – пешки в руках апостолов Монолита – вряд ли получим когда-нибудь ответы...

После всего того, что Скульптор вытворял с катком, я уже не удивился, с какой легкостью он обращается со столь несерьезной для него игрушкой. Доводилось мне побывать футбольным вратарем, но никто отродясь не бил по моим воротам мячом весом в пару тонн. Само собой, я не собирался принимать брошенный мне апостолом вызов. Но и отказаться от участия в матче с ним тоже было невозможно.

Скульптор наподдал по шару, и тот, взмыв в воздух, устремился ко мне – удар, который не сумел бы отразить даже Кинг-Конг. Я шарахнулся в сторону, поскольку не желал быть размазанным по асфальту, как паштет по хлебной корке. А шар, вращаясь в полете подобно настоящему мячу, протаранил баррикаду из разбитых вагончиков. После чего, оставляя за собой глубокие вмятины, выкатился на тротуар, где проделал в зарослях кустарника просеку и въехал в давно выбитую витрину одноэтажного универсама.

Брешь в баррикаде открыла мне путь и позволила не мешкая рвануть вдоль по улице. Она была не столь широкой, как проспект Ленина, но и не такой заросшей, как прилегающие к ней дворы. Прежде главным ее неудобством были аномалии. Сотни разбросанных повсюду аномалий, концентрация которых в этой части Припяти была прямо-таки запредельной. Однако, еще сидя на фабрике, я успел убедиться, что сегодня город избавился от этой заразы если не полностью, то как минимум процентов на девяносто пять. Пробегка через дворы и проспект лишь подтвердила это. За время, что я шел от фабрики до универсама на улице Дружбы Народов – приличное по местным меркам расстояние, мой детектор не издал ни звука. Замеченное нами на подступах к городу исчезновение очагов аномальной энергии охватывало и здешние территории. Новость для нас, бесспорно, обнадеживающая. Но я бы все-таки предпочел, чтобы все аномалии остались на своих местах, а вместо них пусть лучше сгинут твари,

которые провели в Припяти генеральную уборку. Да, «жарки», «вихри» и «электры» тоже могли доставить нам массу неприятностей, но это были те неприятности, с которыми я успешно справляюсь вот уже пять лет. Отделаться от желающего сыграть со мной в футбол двухтонным мячом Скульптора являлось абсолютно неразрешимой задачей.

Но отчаиваться было рано. Суматошно пытаюсь найти выход, я на бегу снял с пояса две гранаты и вытащил из них предохранительные чеки. Теперь главное – не пропустить решающий момент. Разыгравшийся Скульптор наверняка погонится за мной по улице, которая уже не чистое поле или темный лес, а ограниченное пространство. И для меня, и для врага, уж коли тот отказывается учинять ради Лени Мракобеса тотальный погром. И как только я замечу на этом пространстве прячущегося за невидимым камуфляжем монстра, так сразу угощу его двойной порцией гранатового десерта. А проглотит и не подавится – получит добавку. Как замечал я недавно в разговоре с Кальтером, раз тварь прячется, значит, ей есть чего бояться. И гранаты – лучшее из имеющихся при мне средств для поиска у противника ахиллесовых пят.

Оставив универмаг позади, я поравнялся с пятиэтажным корпусом общежития, на стене которого еще сохранился образчик советской настенной графики: взлетающий на фоне лучистого солнца голубь мира. Огромная, чуть ли не в полстены, картина. Ныне таких за пределами Зоны не увидишь – теперь повсюду одна реклама да корявые граффити, в которых нет и намек на те позитивные идеи, какие несла в себе советская изобразительная пропаганда. Да здравствует нерушимая дружба народов, миру – мир, решение XXVII съезда Партии – в жизнь, мирный атом – в каждый дом... Прямо издевательство какое-то, ей-богу! Вокруг столько жизнеутверждающих призывов, а я несусь мимо как угорелый и озабочен лишь тем, чтобы не отбросить копыта по милости крепко схватившей меня за жабры твари!..

Можно было не оборачиваться, чтобы понять: раздавшийся у меня за спиной лязг есть не что иное, как подготовка Скульптора к новому пенальти. Монстр извлек застрявший в витрине универмага шар, чтобы повторно запустить его мне вслед и посмотреть, смогу ли я опять увернуться. Похоже, пришла пора куснуть ублюдка в ответ. Метаться из стороны в сторону до удара нет смысла: все равно мне не сбить прицел мастеру телекинеза. Лучше дожидаться, пока мяч не окажется в воздухе, и уже потом решать, куда отпрыгивать. А затем – как далеко метать гранату.

Я обернулся и встал во вратарскую стойку, когда Скульптор выгнал мяч на середину улицы. В каждой руке у меня было по гранате, которые я держал очень крепко – не хватало еще выронить невзначай «РГД-5» себе под ноги. Ну где же ты прячешься, Марадона? Выйди, засветись, а я тебе за это тоже кое-что покажу. Баш на баш, так сказать.

Прежде чем сорваться с места, сфера сначала завращалась, как сильно раскрученный глобус, и только потом отправилась в очередной полет. Ишь ты, чего удумал: удар с подкруткой! Трудно было поверить, что при такой массе мяч Скульптора способен выписывать в воздухе дугообразные траектории. Но учитывая, посредством какой энергии апостол Монолита двигал свою игрушку, от нее следовало ожидать всего, чего угодно. Даже того, что она может вдруг запорхать надо мной, как мотылек.

Сразу же после старта хорошо раскрученный и посланный вперед мяч сместился влево. Подозревая, что это уловка, я в свою очередь отпрыгнул вправо. После чего перекатился через плечо и встал на одно колено, успев при этом подумать, что вдруг уловки не было и, значит, сейчас я по собственной воле бросился под удар. Но нет, предчувствия меня не обманули. Сфера заложила в воздухе лихой финт и, отклонившись от первоначальной траектории полета, врезалась в то место, где я мог оказаться, если бы уклонился в противоположную сторону.

Впрочем, радоваться было некогда. Запомнив место, где шар находился перед ударом, я размахнулся и быстро, одну за одной, швырнул обе гранаты с таким расчетом, чтобы их общая зона поражения была максимально большой. А сам после этого без промедления метнулся за толстый ствол растущего на тротуаре тополя.

– Съел, паскудник?! – выкрикнул я уже из-за укрытия. – Попробуй увернись, сучий потрох!

«Потрох» и не подумал уворачиваться. Вместо бегства он продемонстрировал мне, что является не только отменным футболистом, но еще и обладает неплохими навыками игры в бейсбол и теннис. Поначалу я не сообразил, отчего в расположенной позади меня пятиэтажке разбилось стекло. Но когда вслед за этим оттуда раздался грохот и окно на четвертом этаже изрыгнуло наружу фонтан битой штукатурки и пыли, все встало на свои места. Пришлось с огорчением отметить, что это взорвалась моя граната, ловко перехваченная и отброшенная Скульптором как можно дальше.

Второй отправленный врагу презент также не достиг адресата. Отлетев в другую сторону, эта «РГД-5» рванула над крышей магазина «Березка», что находился на той стороне улицы. Скульптор явно не поймал гранаты, а лишь отбил их, потому что иначе, я уверен, обе они вернулись бы точно ко мне.

– Вот же дрянь! – с досадой сплюнул я и, отказавшись угощать противника второй порцией «десерта», бросился бежать со всех ног дальше по улице. Через пару сотен метров она выходила к заводу, на берегу которой еще сохранились речной вокзал и пристань.

К черту подвалы, решил я, окрыленный внезапной идеей, как мне отделаться от Скульптора. Имевшийся у меня шланг для подсоединения противогаса к носимому в ранце фильтру очистки воздуха мог мне сейчас помочь. Как далеко мне удастся забрести под водой, используя шланг в качестве дыхательной трубки? Это можно выяснить лишь опытным путем, но в любом случае Скульптор вряд ли угадает, где я потом вынырну. Разве только начнет усиленно баламутить воду, мешая мне заниматься дайвингом, ну да подобные беды мы как-нибудь переживем. Водичка в заводе и без того мутная, так что надо кровь из носу добраться до водоема, пока я еще в состоянии быстро бегать и плавать.

А Скульптор будто прознал о моей задумке и взялся с маниакальным упорством мешать мне достичь спасительного берега. Предприняв третью попытку прикончить меня мячом, враг запустил его с такой силой, что тот, просвистев надо мной, унесся вдаль, пробил навывлет павильон прибрежного кафе и плюхнулся в заводь. Шум от приводнения шара-убийцы был слышен, наверное, даже на ЧАЭС, а поднятый им столб брызг взлетел вровень с вышкой причального комплекса.

Немыслимо, но мне трижды повезло увернуться от атак мастера телекинеза! Играй мы с ним по джентльменским правилам, за это достижение мне полагался бы сейчас какой-нибудь бонус. Впрочем, можно считать, что я его получил. Не бог весть какая награда, но все же утрата Скульптором оружия придала мне воодушевления. Я мчался вперед как на крыльях и уже видел оранжевые блики солнца, играющие на черной глади заводи. Едва успев мало-мальски просохнуть после нашего предыдущего купания, я вновь готовился окунуться в холодную осеннюю воду. Отсоединив на бегу шланг от приемника фильтра, я прицепил конец дыхательной трубки, который должен был торчать на поверхности, к автоматной мушке, а второй вставил в рот. Половина дела сделана. Осталось лишь натянуть на глаза маску, и импровизированный акваланг готов. За годы отчуждения Припяти ивы у пристани сильно разрослись и низко нависли над заводью. И если я не стану удаляться от берега, выступающий из воды кончик шланга не будет бросаться в глаза... Очень хотелось бы надеяться.

Со всей этой беготней, возней с противогасом и высматриванием места для погружения я не оглядывался назад, понадеявшись на то, что, пока Скульптор отвлекся на поиски нового оружия, Леня Мракобес успеет переквалифицироваться в ихтиандра. Увы, не подфартило! Воплотиться моей мечте в жизнь помешало банальное автомобильное колесо, так некстати подвернувшееся под руку моему противнику. Я уже достиг речного вокзала, и мне оставалось лишь сбежать по лестнице на пристань, чтобы нырнуть с нее в заводь. А потом будь что будет. Сумею обдурить хитрого противника или нет, все равно отступать мне больше некуда...

Брошенное Скульптором колесо от грузового автомобиля пронеслось по воздуху с легкостью игрушечной тарелки-фризби. Угоди оно мне в голову или спину, и я был бы размазан об одну из бетонных опор, что поддерживали навес над пассажирской площадкой; ее следовало пересечь, чтобы попасть на лестницу. Но вражеский метательный снаряд находился почти на излете и потомушибанул меня по ногам. Я даже не успел сообразить, с чего это вдруг мои ботинки оторвались от земли и устремились в небо, как уже, задрав ноги, валялся навзничь. Благо ранец смягчил падение, не дав стукнуться затылком о бетон, однако сила, с которой меня припечатало к полу, не позволила мне как ни в чем не бывало вскочить и продолжить бегство.

Примерно так я ощущал себя, когда однажды в армии вышел шутки ради побороться с сослуживцем, мастером спорта по греко-римской борьбе. Тогда я тоже долго не мог понять, как нехилый вроде бы человек, до этого крепко стоявший на ногах, может за какой-то миг очутиться лежащим на обеих лопатках. Вот и сейчас мне потребовалась аж четверть минуты на то, чтобы прийти в чувство и осознать, что же стряслось. На целых пятнадцать секунд я выпал из реальности, успев побывать черт знает в каких эфемерных вселенных и параллельных измерениях! Мимолетный срок по меркам обычной жизни, но для меня он оказался фатально долгим. И когда мне удалось собраться с силами и подняться на ноги, в этом мире я являлся уже никем. Потому что теперь он целиком и полностью находился под властью нового бога – Скульптора. И бог этот был очень на меня разгневан.

Первым делом он намекнул мне, чтобы я и думать забыл о дальнейшем бегстве. Не успел я

оглянуться, как между мной и пристанью, прямо поперек лестницы рухнул с неба ржавый пожарный автомобиль. Левое переднее колесо у него отсутствовало – именно им Скульптор швырял в меня до этого. Я отшатнулся и, уже с трудом осозная, что делаю, начал в ярости поливать из автомата улицу Дружбы Народов. Стрелял я наобум, широким веером от бедра, поскольку все еще не видел перед собой ни одной цели. Опустошив магазин, тут же поменял его на полный, но едва вновь спустил курок, как стоявший по правую руку от меня железный фонарный столб резко перегнулся пополам и рубанул верхушкой по «Абакану». Удар вышиб оружие из рук и погнул ствол, отчего последний выстрел с грохотом разворотил не только его, но и затворный механизм. Осколки разорвавшегося на части автомата брызнули во все стороны. Один из них шибанул меня по нагрудной пластине комбинезона, а искореженная крышка ствольной коробки вонзилась острым краем в левое бедро. Неглубоко, но настолько болезненно, что в первое мгновение я сгоряча подумал, что мне оторвало ногу.

А затем там, куда я стрелял, поднялось с земли и двинулось в мою сторону нечто огромное и полупрозрачное. Как и тогда, возле траншеи, приближение Скульптора сопровождалось злобной какофонией, разобрать в которой отдельные звуки было совершенно невозможно. Казалось, будто по Припяти ползет огромный дракон, под чешуйчатым брюхом которого скрежещат, шуршат, скрипят и трещат тысячи разнообразных объектов: от обыкновенного гравия до автомобилей и деревьев, раздавливаемых пресмыкающимся монстром. Впрочем, растительность все-таки оставалась нетронутой. Расплывшаяся по земле бесформенная гадина не выворачивала тополя и вязы, а обтекала их подобно вулканической лаве, только холодной. На что, интересно, я надеялся, пытаюсь прищучить из автомата слизняка таких размеров? Которому тем не менее не понравилось, когда в него стреляют. Так же, как, очевидно, не нравятся человеку комариные укусы.

Скульптор приближался, однако двигался он при этом донельзя странно. Не полз, как мне почудилось вначале, а продолжал подниматься, словно расстеленная на земле и накачиваемая турбореактивным компрессором гигантская надувная подушка. Впечатляет, слов нет. Даже не имея клыков, когтей, щупалец и иных канонических атрибутов, этот монстр мог повергнуть в трепет кого угодно. Хотя, если судить лишь по внешнему виду Скульптора, трудно было счесть его разумным. И еще труднее было представить, как выглядят те существа, которые эту тварь породили. Вздумай когда-нибудь они выйти за пределы Зоны, нам пришлось бы из кожи вон вылезти, сдерживая их нашествие, не говоря уже о том, чтобы загнать эту армию тьмы обратно.

Выдраив из бедра торчавший осколок, я вдруг почувствовал себя настолько обессиленным, что мне стало откровенно начхать, каким образом разделается со мной этот разумный слизняк. Наверное, нечто подобное испытывают перед смертью кролики, коими в зоопарках кормят удавов. Абсолютная безнадега. Какой смысл метаться от прожорливой змеи по тесному террариуму, если тебя затем сюда и бросили, чтобы ползучая гадина утолила тобой голод?.. Как там любил напевать пьяный любитель экстремального сафари Рауль Диас, которого мы с Бульбой брали с собой в пару рейдов по отстрелу мутантов?

Таракашка, таракашка Уже не может убежать, Потому что у нее нет, потому что нет Двух задних ног...

И при этом наш мексиканский приятель еще отплясывал, словно подражал тому покалеченному таракану, о котором пел. «Кукарача» – так назывался шуточный танец, который Рауль исполнял всегда, когда праздновал с нами в «Сто рентген» удачное окончание охоты. Многие из нас успели научиться у Диаса «Кукараче» – и танцевать, и даже наигрывать на гитаре, прежде чем Рауль покинул Зону после того, как в очередном сафари псевдособака отгрызла ему правую ступню. «Накаркал, компаньеро», – заметили тогда по этому поводу сталкеры. Они не шибко жаловали появлявшихся здесь туристов из дальнего зарубежья, но в веселом бесшабашном мексиканце нашли-таки родственную душу. И с тех пор, когда очередной бедолага-сталкер лишался руки или ноги, в разговоре о нем кто-нибудь непременно да замечал: «Кукарачу сплясал». В общем, если в солнечной Мексике этот танец считается праздничным, то у нас с некоторых пор он стал ассоциироваться с пляской смерти.

Которую, похоже, настал черед исполнять и мне.

Вряд ли я взялся бы делать это буквально – в конце концов, Мракобес ведь не эскимос и не индеец! – если бы мысль о наступившей для меня «Кукараче» не воскресила вдруг в памяти историю куприяновской бабки, которая, узрев готовую обрушиться на нее смерть, не придумала ничего лучше, как встретить ее громогласной песнью. С певческими данными мне по жизни не повезло, так что столкнись я нос к носу с тем тигром и запой, он не только не удрал бы, а, наоборот, поспешил бы

избавить и меня, и себя от мучений. Пытаться огорошить Скульптора моим жалким пением было и вовсе глупо, ибо он попросту не расслышал бы его из-за собственного шума. Но для исполнения «Кукарачи» особых вокальных талантов не требуется, что в свое время не раз демонстрировал нам в дупель пьяный Рауль Диас. А изобразить несколько незамысловатых танцевальных па мне по силам даже с раненой ногой.

– La cucaracha, la cucaracha, ya no puede caminar! – заголосил я, пускаясь в пляс, и, вынув из разгрузки две последние гранаты, взялся трясти ими как маракасами. – Porque no tiene, porque le falta, las dos patitas de andar!..

«Помирать, так с музыкой!» – говаривали семеро сказочных козлят, завидев на пороге своей хижины голодного серого волка. Воистину, правы были и они, и бабка Тимофеича, царство небесное этой отважной женщине! Стоило только припомнить уроки Рауля и взять нужный ритм, как ноги сами начали выделять коленца, как у заправского мексиканского плясуна. И даже постигшая меня хромота отнюдь не вредила, а придавала моей «Кукараче» еще больше комичности, что при исполнении шуточного танца пришлось как раз в пору. Я же ничуть не сомневался, что окончательно и бесповоротно рехнулся, и от осознания этого еще сильнее впал в раж. В ушах у меня звенели гитары, щелкали кастаньеты, пиликало концертино, били кимвал и тамбурин, а также дул в трубы маленький духовой оркестр. Порождаемый Скульптором шум уже не мог пробиться сквозь эту музыку, слышимую лишь мной одним. Не самая подходящая отходная молитва, ну да ведь редко кому везет отправиться в мир иной, весело отплясывая «Кукарачу», а не лежа на смертном одре и слушая горестные причитания родственников. При всей популярности последней смерти в рейтинге самых желаемых человеком смертей первый вариант мне все равно импонировал больше. Ибо как любой из сталкеров, я всегда сомневался, что доживу до преклонных лет, и потому совершенно не представлял себя умирающим старцем.

– La cucaracha, la cucaracha, – продолжал горланить я, выдергивая из «маракасов» чеки, – ya no puede caminar! Porque no tiene, porque le falta...

Всего за минуту я практически вошел в транс, который был хорошо знаком пляшущим с бубном шаманам. Правда, никакие духи со мной при этом в контакт не вступали – видимо, мой отвратительный испанский акцент и фальшивое пение резали слух чувствительным обитателям высших сфер. Что делать с гранатами, я еще не решил. Швырять их в Скульптора было бесполезно, а подрывать себя, пока он позволял мне радоваться жизни, как-то не хотелось. Я поглядывал на растущего слизняка и тщился угадать его реакцию на мое выступление. Единственное, что было очевидно, зритель не швырял в меня тухлыми яйцами, хотя мог в любой момент устроить горе-артисту такую обструкцию. Впрочем, сдержанность Скульптора еще ни о чем не говорила. Возможно, он всего-навсего подбирался поближе, как кот к расчирикавшейся на ветке птичке.

Я же отплясывал как заведенный, вновь и вновь распевая один-единственный заученный мной куплет испанской песенки. Несомненно, сегодня я был просто в ударе. Видел бы меня сейчас покойный Бульба, ни в жизнь не поверил бы, что Леня Мракобес способен отколоть такой фортель на трезвую голову. Да что там Бульба! Я сам почти не верил в то, что со мной творилось. Не верил и все равно продолжал свою пляску смерти, понятия не имея, как ее остановить. Я был убежден в том, что, едва это произойдет, мне моментально придет конец.

La cucaracha, la cucaracha Уже не может убежать...

Солнце скрылось за горизонтом, и до наступления полной темноты остались считанные минуты. Не ее ли, случаем, дожидается Скульптор? Меня и его разделяло теперь не более десятка шагов, однако тварь упорно медлила с атакой. Не то увлеченному пляской, не то уже впадшему в предсмертную агонию, мне было некогда пялиться по сторонам, но не рассмотреть своего палача я просто не мог. Тем паче пока это позволяли последние крохи меркнувшего солнечного света.

Выяснить, из какой серой мути сотворен слизень, оказалось проще простого. Да и не слизень это был вовсе. Пыль, гравий, сухие листья, прочий сор – все, что устилает улицы мертвого города и что может быть поднято в воздух, к примеру, ураганом, отрывалось от земли и оставалось висеть над ней. Но не пеленой и не облаком, которые могут двигаться под порывами ветра, а цельной массой, как будто растворенной в прозрачном киселе. Именно из-за полной неподвижности зависших в атмосфере миллиардов частиц и мелких объектов возникала иллюзия, что некая бесформенная масса разрастается словно на дрожжах и заполняет собой улицы. В действительности же, надо полагать, подножный мусор и пыль удерживались на месте той силой, которая до этого изничтожила здесь мутантов, а потом

швыряла в меня что ни попадя. Неужто она существует сама по себе, а Скульптором ее прозвали монолитовцы, тоже, небось, ломающие головы над тем, как выглядит этот могучий монстр?

Чудеса, да и только!

Впрочем, спустя еще минуту мне пришлось признать собственное открытие несостоятельным. Не успел я в очередной раз пропеть Скульптору о трагической судьбе таракана-калеки, а застывшая в воздухе, как на стоп-кадре, пыль вдруг оттаяла, будто кто вывел ее из режима паузы. Огромная серая масса ухнула вниз, кроме наиболее летучих частиц, тут же отдавшихся воле подхватившего их ветра. В одно мгновение «слизень» обмяк и растекся, превратившись в быстро оседающую завесу обыкновенной пыли.

Костлявая бабуля занесла надо мной косу, но так или иначе, а дышать перед смертью всякой гадостью мне не хотелось. Руки мои были заняты гранатами, и я не имел возможности надеть защитную маску, поэтому всего лишь отступил от пылевого облака на несколько шагов. Не прекращая, разумеется, самозабвенно отплясывать «Кукарачу», потому как был уверен: то, что монстр внезапно «сдулся», напрямую связано с моими идиотскими выкрутасами. Не было ли это завуалированным предложением прекращать кривляться? Мол, видишь, я закончил тебя разыгрывать, а значит, и тебе пора перестать валять дурака. Посмеялись, и хватит. Раз не желаешь бояться как положено, так хотя бы не строй передо мной шута горохового.

«Дудки, батенька! – подумал я, набирая в грудь воздух, перед тем как зарядить свою песнь заново. – Никаких компромиссов! Надумал прикончить Мракобеса, значит, приканчивай, нечего больше тянуть! Да, у меня не хватает духу плюнуть тебе в морду и умереть с гордо поднятой головой! Но и стоять перед тобой на полусогнутых, трясясь как осиновый лист, я тоже не намерен!»

– La cucaracha, la cucaracha!..

Ищущий да обрящет – так, кажется, написано в Библии? Не сказать, чтобы я искал встречи со Скульптором, но то зудящее во мне чувство, которое, если верить уже не библейской, а народной мудрости, некогда сгубило кошку и оторвало Варваре на базаре нос, никак не унималось с момента, едва мы узрели утром те деревья-перевертыши. Даже сейчас, когда я стоял одной ногой в могиле, меня не покидала уверенность, что палач исполнит последнее желание жертвы: явит ей перед казнью свой истинный лик, каким бы отвратительным он ни был. Вряд ли в ближайшее время кто-нибудь еще при встрече со Скульптором пустится в пляс и начнет распевать ему песни. Так почему бы в связи с этим не сделать Лене Мракобесу маленькое одолжение? От апостола Монолита не убудет, а скомороху пусть сомнительная, но все-таки приятность.

И настал час истины, и узрел я Скульптора, и долго не мог понять, смеяться мне до истерики или плакать навзрыд от такого вероломного откровения...

Пыль еще оседала, когда я заметил уродливую фигуру, движущуюся сюда в полупрозрачной серой пелене. Край закатного неба виднелся сквозь нее, и поначалу высвеченный им силуэт показался мне просто огромным. Макушка скрытого мглой чудовища маячила на уровне четвертого этажа соседних девятиэтажек, однако чем ближе оно подходило к пристани, тем стремительнее уменьшалось в размерах. Еще до того, как Скульптор вышел из пыли, я смекнул, что стал жертвой оптической иллюзии и что истинные его габариты значительно меньше. Очевидно, этот монстр был высотой приблизительно с псевдогиганта... или кровососа... или химеру... Вот те раз: да ведь мы с ним одного роста! Хотя постойте-ка: опять ошибочка – оказывается, тварь ниже меня на голову... На две головы! Еще ниже!.. Неужто даже меньше вставшего на четвереньки снорка? Однако так! Меньше бюрера?.. Кто бы мог подумать! А может, это и не Скульптор вовсе?

Вышедшее из-под покрова мглы существо выглядело и впрямь мельче и субтильнее коренастого большеголового карлика-бюрера. Оно скорее напоминало некрупную мартышку и передвигалось подобно ей, опираясь при ходьбе на длинные и тонкие передние лапы. Задние, напротив, выглядели крепкими и выносливыми – почти как у кенгуренка. Хвоста я не видел, но если он и присутствовал, то был очень коротким. Тело мутанта покрывала лишенная шерсти и усыпанная бородавками кожа, определить точный цвет которой в сумерках не удавалось. Сидящая на узеньких плечах голова величиной с мой кулак казалась не такой миниатюрной из-за гигантских ушей, торчащих вразлет, как у лисы-фенька. Такими же непропорционально огромными были и глаза, занимавшие чуть ли не половину мордочки подбирающегося ко мне гремлины.

О ней непременно следует сказать в отдельности. Несмотря на свой откровенно чудовищный облик, существо глядело на меня таким осмысленным и живым взором, что, честное слово, я смог

прочитать написанный у него в глазах немой вопрос. Даже имеющие выразительную мимику шимпанзе не способны так ярко выразить взглядом свою разумность, как сделал это малыш Скульптор. Я давно не сомневался в том, что за мной гонится тварь, обладающая интеллектом, а не тупая машина смерти вроде псевдогиганта. Но взглянув в пронизательные глаза Скульптора, я вдруг понял, что смотрю не просто на чересчур смышленного мутанта, а практически на брата по разуму.

«Откуда у парня испанская грусть?» – будто интересовался он, вопросительно склонив голову и взирая на мою сумасшедшую пляску. И ведь прав оказался Кальтер: этот хищник действительно был сейчас безмерно удивлен. Он приближался ко мне с опаской, как подманиваемая колбасой голодная, но недоверчивая собака. Стоит мне сделать одно неверное движение, и тварь тут же, фигурально выражаясь, оскалит пасть и разорвет меня на клочки. Но пока я пел и танцевал, шаткий мостик обоюдного любопытства между мной и Скульптором сохранялся.

Апостол Монолита!.. Представляете, если однажды выяснится, что библейский апостол Петр был на самом деле горбатым чернокожим пигмеем! Столь же радикально расходился с моими фантазиями и истинный образ Скульптора. Не продемонстрируй он до этого свои сногшибательные таланты, я бы ничуть не усомнился, что сумею прикончить его одним пинком, не тратя понапрасну пулю. Даже здешние мутировавшие тушканчики выглядели гораздо свирепее, хоть они и уступали Скульптору в размерах. Однако будь у меня выбор, я бы лучше сразился сейчас с целой стаей тушканчиков, чем с этим трогательным лупоглазым уродцем.

Склонив ушастую голову на другой бок, он приоткрыл свою маленькую, как у кошки, пасть и издал протяжный переливчатый звук. Смысла в нем я не уловил, но по характерным ноткам этого курлыканья было очевидно, что Скульптор... мне подпевает! Если бы вместо пения я исполнял «Кукарачу» посредством громкого и мелодичного пощелкивания языком, она бы звучала приблизительно так же. А монстр, моргнув вертикальными, как шторы фотоаппарата, веками, дождался, когда я начну куплет заново, и опять запел дуэтом вместе со мной.

Нельзя было не отметить, что у Скульптора филигранный музыкальный слух. Несмотря на то что я перевернул половину нот, мой партнер по сцене быстро определил по этой откровенной халтуре правильное звучание песни и воспроизвел ее, как положено. А впрочем, чему тут удивляться? Чтобы при таких гипертрофированных ушах и не иметь отменного слуха? Эволюция здешних мутантов – штука непредсказуемая, но если присмотреться, многое в ней протекает по вполне привычной нам природной логике.

Уродец остановился в пяти шагах от меня и взялся курлыкать в такт моему пению, не умолкая. Прямо как в песне Виктора Цоя: «Попробуй спеть вместе со мной, вставай рядом со мной!» Среди сталкеров гуляли байки, что однажды, путешествуя по Зоне, Болотный Доктор сломал ногу и довольно долго провалялся в каком-то подвале, где обитали кровососы. Так они, оказывается, не только не сожрали нашего эскулапа, но еще и изредка подкармливали его рыбой. Мало кто верил в эту легенду, но в сравнении с моей историей она выглядела еще как правдоподобно. Доктор, по крайней мере, не распевал с теми кровососами песен, а меня угораздило устроить неподалеку от Саркофага натуральное шоу «Две Звезды». Да не абы с кем, а с самим апостолом Монолита! А что, если попробовать угостить его тушенкой или шоколадкой? Может, этот день действительно войдет в историю и положит начало мирному сосуществованию в Зоне людей и мутантов...

«Музыка на-а-ас связала! Тайною на-а-ашей стала!»

Оптимистом я был, оптимистом, видимо, и помру. Не прекращая петь, Скульптор сначала распростер свои тоненькие ручонки, а потом воздел их над головой. Я решил было, что тварь надумала пуститься со мной в пляс, но вскоре понял, что ее манипуляции – отнюдь не танцевальные па. Позади меня раздается лязг и скрежет раздираемого металла, затем свист, похожий на синхронный взмах множества розог, и вот я вижу, как в воздухе передо мной повисает десятка три арматурных прутьев. Конец каждого из них расплюснен и превращен в копеечный наконечник. Но это уже работа не Скульптора. Я быстро догадываюсь, где он раздобыл свои стальные копыта – разобрал валявшийся неподалеку пролет декоративной ограды, о который я едва не запнулся, когда бежал к речному вокзалу. Что удумал весело подпевающий мне малыш, было столь же очевидно, как приставленный к виску пистолет.

Ну и лицемер! А я-то понадеялся, что нам и впрямь удалось при помощи музыки отыскать общий язык. Святая наивность! Или тридцать нацеленных мне в лицо копий – это прозрачный намек на то, чтобы я убрал гранаты? Только куда же их девать, кроме как выбросить в заводь? И где гарантии, что,

избавившись от них, я отведу от себя апостольский гнев? По-моему, никакой это не намек, а самый что ни на есть смертный приговор, который Скульптор готов привести в исполнение.

Вот тебе, бабушка Кальтера, и убегающий тигр! Или, может, я изначально завел неправильную песню? Поди теперь разберись...

Тридцать копий... Хорошая смерть. Героическая. Прямо как у истинного спартамца. Аминь!

— ...las dos patitas de andar! — допел я и, презрительно сплюнув напоследок, прекратил танец.

Скульптор моргнул и указал на меня сразу обеими руками.

Копья в воздухе вздрогнули.

Я так и не сумел придать себе приличествующий случаю спартамский настрой и трусливо зажмурил глаза. Страшно — не то слово! Но с другой стороны, никто ведь не обещал, что будет легко. А раз так, значит, и обижаться не на кого. Разве только на самого себя, но подобной дурацкой привычки у меня отродясь не было. Поэтому откуда ж ей взяться за мгновение до смерти?..

Глава 12

Обидно признавать, но далеко Лене Мракобесу в плане героизма до своего знаменитого тезки — спартамского царя Леонида. Он хотя бы утешался перед гибелью тем, что о его доблести будут помнить потомки. А чем прикажете утешаться вашему покорному слуге? Тем, что я в итоге оказался прав и жизнь — это действительно дерьмо, из которого мне наконец-то представился шанс выбраться? Не слишком успокаивает, честно говоря. Особенно когда сомневаешься, не окажется ли загробный мир еще большей дырой, чем эта.

От мучительного ожидания смерти меня отвлек грохот, как будто рядом невесть откуда взявшийся грузовик вывалил на землю тонну металлолома. Естественно, я готовился совсем к иным ощущениям и потому поневоле открыл глаза, пусть даже терзающий меня страх упорно рекомендовал воздержаться от этого.

А рекомендовал, между прочим, зря. Ситуация на берегу вновь переменилась, и сейчас здесь было на что взглянуть. Я простоял, зажмурив глаза, всего ничего, но за эти несколько мгновений темнота еще больше сгустилась. Наверняка это было лишь наваждением, но тогда мне почудилось именно так. Поэтому сначала я был вынужден напрячь зрение и присмотреться, и только потом сумел собрать из выхваченных в сумраке фрагментов цельную картину случившегося.

Мой взбудораженный настрой отнюдь не располагал к собиранию паззлов, но тот, что предстал передо мной, был не особо головоломным. Первым делом я увидел стальные копья, рассыпанные в беспорядке на бетоне, словно огромные бирюльки. Подняв очи горе, я убедился, что вся арматура рухнула вниз и ни одно из копий больше не целит свой наконечник мне в голову. Впрочем, сам по себе этот факт еще ни о чем не говорил. Скульптор горазд устраивать подвохи, поэтому шанс дожидаться от него милосердия был куда ниже, чем нарваться на очередную гадость.

Однако к сюрпризу, который он преподнес мне сейчас, я точно оказался не готов. Это ж надо отмочить такое: прикинуться мертвым, словно охотящаяся на ворон лиса! А для пущей убедительности еще и оторвать себе голову! Что ж, ничья: один — один. Я ошарашил Скульптора «Кукарачей», а он меня — этой своей непредсказуемой выходкой. Хотя, сказать по правде, фокус-то дешевый. Пока не знаю, как ему удалось столь убедительно разыграть собственную гибель, но перед его неограниченными возможностями спасует и Дэвид Копперфильд. Этот иллюзионист всего лишь инсценировал пропажу нью-йоркской статуи Свободы, а апостол Монолита мог бы на полном серьезе снять ее с постамента и утопить в океане. И кто, спрашивается, из этих двух шутников воистину гениальный маг и чародей?.. То-то же! А вы говорите — оторванная голова. Да для такого престижиста, как Скульптор, оторвать себе голову и затем прирастить ее назад — плевое дело.

— Кончай прикидываться! — прокричал я ему дрожащим от волнения и охрипшим от усердного пения голосом. — Давай вставай, а то подойду и все ребра тебе, сучаре, переломаяю! Посмотрим тогда, кто здесь последним посмеется!

— Думаю, ребра — это для него уже лишнее, — долетел до меня справа знакомый и, как всегда, невозмутимый голос. — Вряд ли он тебя послушается, Мракобес. Разве только ты умеешь воскрешать мертвецов, но это маловероятно.

— Какого хрена, мать твою?! — выругался я, оборачиваясь. С трудом соображая, что вообще происходит, я ничуть не удивился, узрев выходящего из-за кустов Кальтера. Хотя удивиться по

большому счету было бы нужно. Майор исчез бесследно больше часа назад, и пока я, как угорелый, носился по Припяти и воевал со Скульптором, компаньон отсиживался в сторонке, боясь даже пошевелиться. Надо ли уточнять, о чем именно мне не терпелось сейчас с ним потолковать?

– А ну сожми кулаки! – вместо приветствия приказал Куприянов, замирая на месте. – Как можно крепче! Не болтай руками – просто сожми кулаки и все!

– Да пошел ты! – огрызнулся я, и только потом до меня дошло, чем так встревожен компаньон. Напрочь забыв в горячке, что все еще удерживаю в руках снятые с предохранителей гранаты, я размахивал ими, рискуя выронить какую-нибудь из них себе под ноги.

Приказ Кальтера живо меня отрезвил, но последовать его совету не получилось. Мои стиснутые пальцы намертво свела судорога, поэтому я понятия не имел, насколько крепко удерживаю предохранительные рычаги и сумею ли разжать кулаки, чтобы выбросить гранаты, если это потребуется.

– Держишь? – уточнил Тимофеич, убирая за спину свою бесшумную винтовку. Немыслимо, но, похоже, он и впрямь умудрился подкрасться к нам незамеченным и исподтишка снести Скульптору башку.

– Д-д... Д-держу! – ответил я, стуча зубами. Бурливший у меня в крови адреналин перекипел, отчего пережитая нервотрепка дала о себе знать сильной и неумной дрожью.

– А теперь иди на пристань, встань у края и, если вдруг выронишь гранату, сразу пинай ее в воду, – отдал следующее распоряжение майор. Сам я до такой практичной мысли сейчас вряд ли додумался бы и потому безропотно похромал по лестнице на причал. – Да смотри не споткнись по дороге!

– К-кольца! Они г-где-то!.. – спохватился я, когда обходил перегородившую мне путь пожарную машину.

– Не переживай, найду! – откликнулся компаньон, уже ползавший на коленях с карманным фонариком там, где я отжигал на бетоне «Кукарачу». Любопытный нюанс! Раз Кальтер видел, куда я выбросил кольца, выходит, он нагнал меня раньше апостола Монолита. И не дал о себе знать, а предпочел использовать меня в роли жертвенного козленка, коим в Африке охотники выманивают под выстрел львов! Без моего на то согласия, надо подчеркнуть! Другое дело, согласился бы я участвовать в такой аванюре, даже зная о меткости прикрывающего меня охотника?

Год назад, когда я, Бульба, Корсар и Кальтер вылавливали похожим образом монолитовца Гурона, майор сам предложил себя в качестве наживки и рисковал ничуть не меньше, чем я сегодня. Поэтому он имел право потребовать оказать ему ответную услугу. Только Тимофеич этого не потребовал, а взял и беззастенчиво подставил меня под удар. Даже несмотря на удачный исход охоты, я был взбешен таким к себе отношением. Это ж надо: обойтись со мной, словно с сопливым «отмычкой» – то есть легковверным неопытным сталкером, которых многие ветераны брали с собой в рейды якобы как перспективных учеников, а на самом деле чтобы использовать их в качестве первопроходцев-смертников через наиболее сомнительные места Зоны. Весьма распространенная практика, которой брезговали, пожалуй, лишь «Долг» да некоторые благородные искатели артефактов.

В последние годы уровень реки повысился, и сегодня ее волны перехлестывали через край причала, прежде заметно возвышавшегося над заводью. Чувствуя, что мои ноги вот-вот подкосятся, я доплелся до кромки воды и уселся на поваленный набок ржавый автомат для продажи газировки – тот самый знаменитый советский «сейф» с лампочками, клиенты которого – ныне в такое почти не верится! – должны были самостоятельно ополаскивать за собой многоразовый граненый стакан... Пока я спускался на пристань, моя дрожь не унялась, а наоборот, лишь усилилась. Это был уже не безобидный мандраж, а натуральный шоковый озноб, требующий медикаментозного лечения. Или, на худой конец, хорошего глотка чего-нибудь горячительного. В ранце у меня болталась фляжка с коньяком, но достать ее в данный момент я был не в состоянии. Так и сидел, трясясь, как эпилептик, и тупо пялясь на стискиваемые в кулаках гранаты.

Кальтер явился на причал через минуту и сразу же приступил к разминированию взрывоопасного танцора, благо отыскать на не заросшем травой бетоне выброшенные мной кольца оказалось несложно. Захватив своей механической пятерней мой кулак и крепко сжав его, майор убил сразу двух зайцев: зафиксировал ходящую ходуном руку пациента и обезопасил нас от случайного выпадения гранаты из моих сведенных судорогой пальцев. Затем, сунув ручку фонарика себе в зубы, Тимофеич здоровой и абсолютно не дрожащей рукой аккуратно вставил шпильку кольца в нужный паз взрывателя и разогнул

на ней усики, дабы не выскочила. После чего столь же хладнокровно проделал аналогичные манипуляции со второй гранатой.

– Теперь можешь их отпустить, – подытожил Кальтер, оставляя меня в покое.

– Н-не могу, – признался я, продолжая вертеть перед собой намертво застрявшие в одеревенелых пальцах, отныне безопасные «маракасы».

– Понятно, – кивнул компаньон и, вынув свой аптечный пенал, достал оттуда миниатюрный иньектор. После чего зарядил в него нужную ампулу, отрегулировал дозатор, закатал на моем комбинезоне оба рукава и по очереди впрыснул мне в каждое предплечье какой-то препарат. Весьма эффективный, как оказалось. Через полминуты я ощутил покалывание в пальцах, а потом из них как будто разом и вынули все те десять стальных сердечников, которые мешали им разогнуться. Ладони налились теплом, опять став гибкими и послушными. Разобравшись наконец с гранатами, я рассовал их обратно по карманам, достал из ранца фляжку-«четвертинку», в один присест осушил ее до дна и, скривив кислую мину, передернул плечами. Проглоченные залпом двести грамм ароматного коньяка пились столь же противно, как обычная водка.

Упаковывавший аптечку Кальтер покосился на меня, но промолчал, хотя поначалу явно собирался что-то сказать. Правильно, Тимофеич, лучше сиди и помалкивай! Инцидент со Скульптором вновь заставил проявиться двуличную натуру компаньона. С одной стороны, его отношение ко мне отличалось невиданным цинизмом. Я был и оставался для Куприянова лишь инструментом для достижения его безумной цели, чего он, в общем-то, и не скрывал. Инструментом, который, исполнив свое предназначение, мог быть выброшен или даже уничтожен. Путешествовать по Зоне со столь откровенными циниками мне еще не доводилось, и это меня сильно напрягало. Но с другой стороны, этот человек за минувшие сутки с половиной столько раз спасал мне жизнь, что затаивать на него злобу было попросту грешно. Да и общался он со мной без того высокомерия, какое обычно такая молодежь, как я, ждет от матерого вояки, когда работает с ним в одной упряжке. Хотя кто-кто, а ветеран военной разведки Константин Куприянов мог бы называть меня «сыном» и периодически осаживать, дабы я не зарывался. Однако не называл и не осаживал, чем, откровенно говоря, весьма мне льстил.

Знаете, кем, а вернее, чем ощущал я себя в нашем с Кальтером сталкерском альянсе? Ректоскопом! Медицинским зондом, который проктолог раз от разу засовывает в задницы пациентам, но которым при этом дорожит и за которым тщательно ухаживает. Крайне противоречивое чувство, доложу я вам. Особенно когда пытаешься заняться на досуге самооценкой и выстроить планы на будущее.

Тем временем тьма над Припятью сгустилась окончательно. Если бы не проникающий в разрывы туч свет ярких осенних звезд, – луна по причине новолуния в эти дни на небосклоне отсутствовала, – мы сейчас были бы окружены и вовсе крошечным мраком. У майора, правда, имелся при себе прибор ночного видения, но мало кто из сталкеров полагался в Зоне на подобную высокочувствительную электронику. Слишком непредсказуемо вела она себя среди всевозможных энергетических аномалий и невидимых в инфракрасном спектре холоднокровных мутантов.

– Ну как, полегчало? – участливо осведомился Тимофеич, выждав, когда коньяк горячей расслабляющей волной растечется у меня по жилам.

– Я только что вернулся с того света, где играл в футбол с самим Дьяволом, – буркнул я, вытягивая перед собой ладонь и проверяя, унялась ли дрожь. Рука заметно подрагивала, но уже не так, как пять минут назад, когда у меня в крови еще не циркулировало двести грамм коньяка. – И у тебя хватает совести спрашивать, оклемался ли я после такой жути, пропустив стаканчик? Да тут бутылкой вряд ли отделаешься!

– Ты неплохо продержался в этом матче, – похвалил меня Кальтер, но явно не от души, а всего лишь в психотерапевтических целях. – И все сделал совершенно правильно. Поэтому, как видишь, остался жив. Молодец, что не забыл, о чем мы недавно толковали. Будь я на твоём месте, поступил бы точно так же.

– Будь я на твоём месте, уж наверняка подал бы напарнику сигнал, что жив и иду ему на помощь, – с укоризной покачал я головой. – Что, трудно было кнопку на ПДА нажать? Трижды тебе сигналил, и все без толку!

– Всегда отключаю связь, когда поблизости враги, – пояснил майор. – Но я отправил тебе ответный сигнал сразу, как только опасность миновала. Правда, тебе в тот момент было уже не до чтения электронной почты. Я тоже догадался, что ты влип в неприятности, и прибежал на помощь так быстро, как смог.

– Но вмешался лишь тогда, когда убедился, что меня можно спасти одним метким выстрелом, да?

– Совершенно верно, – согласился компаньон. – А что в этом удивительного? Зачем мне выдавать свое присутствие и идти на неоправданный риск, если у тебя нет ни единого шанса на спасение?

– Хорошая у тебя философия, старик. Простая и точная, будто калькулятор, – тяжело вздохнул я, чувствуя, как коньяк добирается до головы и начинает смешивать из мыслей винегрет. – Хотя чему я удивляюсь? Ты ведь еще год назад в Диких Землях доходчиво обрисовал мне свою жизненную позицию... Ладно, не слушай – просто когда я пьян, постоянно брюзжу и сетую на несправедливость жизни. Лучше расскажи, почему тебя не оказалось вовремя на месте встречи. Кажется, ты заикнулся, что наткнулся на врагов. Опять, что ли, пересекся с Черепом?

– Давай сначала уйдем отсюда, – предложил Кальтер. – Я пока по городу за тобой гнался, успел немного осмотреться и увидел неподалеку от пристани маленький кинотеатр. Пространство вокруг него сплошь вытоптано и хорошо простреливается, поэтому если повезет, там и остановимся до завтрашнего вечера. А как доберемся до места, так сразу и обсудим все текущие вопросы, идет?..

Заводь в звездном свете была просто великолепна. Рваные облака то прятали, то вновь открывали нам россыпь звезд, мерцающих на мутной глади воды сонмом размытых огоньков. Кривой черной стеной возвышался прибрежный лес. Выступающие над ним квадратные крыши городских многоэтажек контрастировали своими четкими геометрическими формами с этой природной неряшливостью, придавая ей еще большую абстрактность. В который раз за последний год я глядел на ночную Припять, но такой безмятежной мне ее видеть еще не приходилось.

Хотя спокойствие это было чересчур обманчивым. Багровое, но совершенно холодное, словно северное сияние, зарево продолжало полыхать над Дворцом культуры «Энергетик», заслоненным сейчас от нас гостиницей «Полесье» и зданием горисполкома. Также где-то в городе засела потрепанная, но вряд ли сломленная банда Черепа. Раскольники наверняка неусыпно наблюдали за округой и быстро обнаружили бы нас, попробуй мы прокрасться мимо их укрытия. Судя по решительности Кальтера, он был уверен, что в кинотеатре «Прометей», куда майор меня вел, мы с «Буяном» точно не столкнемся. Хотелось бы на это надеяться. Вояка из меня после стычки со Скульптором и выпитого затем для снятия стресса коньяка был отнюдь не образцовый. Стрелять-то я, само собой, мог, но вот адекватно оценивать обстановку – уже нет. Все, что мне сейчас было необходимо, – это отдохнуть после чертовски нервозного и суетного дня. Вот только сумею ли я сомкнуть глаза, пережив череду потрясений, способную у кого угодно отбить сон на всю оставшуюся жизнь?..

Кабы не сохранившаяся вывеска и напоминающий потертую солдатскую кокарду барельеф на стене, трудно было бы определить, что когда-то в этом здании размещалось учреждение культуры. В темноте зияющие проемы больших фасадных окон походили на гаражные ворота, а само непрезентабельное угловатое строение – на место расквартирования какой-нибудь воинской части. Станные все-таки традиции господствовали в архитектуре СССР накануне его распада. Учитывая то, что в свое время Припять считалась совсем юным городом, тенденция к архитектурному минимализму прослеживалась здесь особенно выразительно.

Велев ждать его снаружи, Кальтер включил прибор ночного видения и отправился осматривать помещения кинотеатра. Я не сводил глаз с багрового зарева, которое вроде бы начинало мало-помалу затухать. Однако хорошо это для нас или плохо – большой вопрос. Старый конспиратор Тимофеич так и не сознался, где в Припяти Верданди назначила ему встречу, и я опасался, что по закону подлости это окажется именно Дворец культуры «Энергетик». Нам несказанно повезло укокошить Скульптора, и было бы слишком самонадеянно уповать на то, что такой же номер прокатит в отношении Искателя и Буревестника. Поэтому если завтра между нами и Верой вдруг встанет эта мерзкая парочка, пиши пропало.

– Порядок, – лаконично доложил компаньон, вернувшись из своей короткой разведки. – Иди в будку киномеханика и оставь мне свои гранаты. Устрою у входов парочку сюрпризов для тех, кто задумает посетить ночной киносеанс.

Будка располагалась на втором этаже, над холлом, имела небольшие окна и выход на плоскую крышу кинозала. Оттуда при необходимости можно было быстро спуститься на землю в какую угодно сторону. Пока я осматривался, Кальтер управился с гранатами, пробыв внизу считанные минуты, и поднялся в аппаратную следом за мной.

– Ты интересовался «буянами», – напомнил он, возвращаясь к прерванному нами на берегу

разговору. – Я действительно задержался на окраине из-за них. Почему – объясню чуть позже, а пока у меня есть для тебя насчет Черепа хорошие и плохие новости...

– А, без разницы, начинай с любых, – равнодушно отмахнулся я, снимая ранец и вешая его на ржавый кинопроектор.

– Я вообще-то не спрашивал, какое известие ты хочешь услышать первым. – Как стало уже очевидно, компаньону не нравилось разговаривать с пьяными. Не сказать, что меня развезло от стакана коньяка, но раз в обычно бесстрастном голосе Тимофеича начали проскакивать недружелюбные нотки, значит, я и впрямь вел себя... хм... малость не адекватно обстановке.

– Виноват, товарищ майор, – буркнул я, после чего вытащил аптечку, карманный фонарик и основательно занялся раной на бедре, которую наскоро обработал и перевязал еще на пристани. А педантичный Кальтер, прежде чем мы убрались оттуда, перетащил к берегу останки Скульптора и утопил их в заводи, дабы скрыть улики. Похвальная предусмотрительность, вот только я сильно сомневался, что гибель апостола Монолита осталась не замеченной для всевидящего ока тех, кто выпустил из Саркофага этого монстра.

Кальтер помолчал, затем достал из ранца продукты и, приступив к еде, продолжил:

– Череп и его банда не стали задерживаться на «Юпитере», как я предполагал, и двинули дворами к центру вдоль Спортивной. Однако возле бассейна «Лазурный» они напоролись на Искателя. В смысле, на того, кого я принял за Искателя. Прямо лоб в лоб. Это, как ты понимаешь, была хорошая новость. А теперь плохая: ни один из раскольников при этом не погиб.

– Эвон как! Дери их в задницу! – Я фыркнул и всплеснул руками, словно узнал о досадном поражении моей любимой футбольной команды. – Так они что, постояли друг напротив друга и разошлись? Ха! Вот потеха!

– Зря ты глотал на пристани ту дрянь, – укоризненно заметил Тимофеич. – Если было совсем немоготу, попросил бы меня – я дал бы тебе хороший антистрессовый релаксант. Тот, который моя бывшая «контора» разработала специально для приема в полевых условиях. Напрочь снимает мандраж, но сознание при этом остается кристально чистым.

– Ну так в чем проблема? Давай сейчас попробую твою «гэрэушную таблетку».

– Поздно. Такими препаратами спирт не закусывают. А иначе и пяти минут не пройдет, как ты опять за окном Скульптора увидишь и «Кукарачу» плясать начнешь.

– А что ты имеешь против моего гениального «Кукарачи»?! – возмутился я. – Да если б не он!.. Если б не он!.. Блин, многое бы отдал, чтобы взглянуть, какую цыганочку с выходом сплясал бы перед Скульптором ветеран внешней разведки! И запомни: я пил не дрянь, а настоящий «Давидофф», который мне Бармен по спецзаказу привозит... Да в норме я, старик, не напрягайся. Сейчас дырку в ляжке продезинфицирую, скобку наложу, перекусим, и буду как огурчик, вот увидишь... Ладно, не отвлекайся – что там дальше-то с «буянами» было? И каков он – Искатель? Ты же успел его заметить, верно?

– Успел, ясное дело, – подтвердил Кальтер. – Череп и его ребята опасались погони и двигались вперед довольно быстро, а Искатель вышел из-за дерева прямо им наперерез. Видел когда-нибудь фотоснимки узников Бухенвальда? Вот и представь себе такого дистрофика, только метра три с половиной ростом и горящего багровым пламенем. Тем самым пламенем, которое мы с тобой сегодня днем с холма наблюдали...

– По-моему, это не мне надо релаксанты пить, а тебе, – пробубнил я под нос.

– Что? – не расслышал майор.

– Я говорю, как он может постоянно гореть и не обугливаться? И почему я не слышал выстрелов? С реакцией у раскольников все в порядке. Вряд ли они стали бы раздумывать, стрелять или нет, увидев перед собой такую страхолюдину.

– На долю секунды опоздали. Многие даже автоматы вскинули, но Искатель как только на глаза им показался, мгновенно вспыхнул, как маленькая Хиросима. И так же моментально погас, поэтому ты не прав: он горит отнюдь не постоянно. Больше похоже на то, что этот дылда управляет исходящим из него пламенем. Которое, как мы верно подметили днем, вовсе не такое простое, каким кажется. Раскольникам было не до тактических построений – они двигались плотной группой и растянулись шагов на тридцать. Я гнался за ними, находясь довольно близко от их арьергарда. Огненная вспышка, что целиком накрыла группу Черепа, не добила до меня, а значит, чутье у Искателя, как и у Скульптора, тоже не идеальное. Это нам на руку. А вот огненное пыханье – нет. К счастью, радиус его поражения не беспределен, и если мы не подпустим Искателя к себе слишком близко, возможно, сумеем выжить. В

противном случае превратимся в зомби, как «буяны». Хотя, если честно, я не уверен, что, побывав в аномальном огне, они стали именно зомби. Когда вспышка погасла, их компания больше не произнесла ни звука, а сбилась в кучу и гурьбой побрела дальше на север, вслед за Искателем, как экскурсанты за экскурсоводом.

– Возможно, он забрил их таким образом в стражи Саркофага, – предположил я. – Ходят слухи, что стерегущая его элитная гвардия «Монолита» – это уже не люди, а вот такие безмозглые болванчики, способные лишь стрелять да неделями бодрствовать на своих постах без еды и питья.

– Но пока раскольники находятся в Припяти, нам следует их остерегаться не меньше, чем прежде, – резонно заключил Тимофеич. – Что за кормушка была прежде у мутантов в кинотеатре, неизвестно, но они вытоптали вокруг него всю растительность до кустика. Поэтому мы можем контролировать подступы к «Прометею» даже ночью, а днем и подавно. Вдобавок отсюда рукой подать до места встречи с Верой.

– И где же оно?

– Немного северо-западнее. – Такое впечатление, что Кальтер был искренне убежден, что, выдав мне до срока свою тайну, он будет немедля поражен молнией. Впрочем, я его отлично понимал. Патологическая скрытность компаньона была въевшейся в него до мозга костей профессиональной привычкой. А она, надо думать, не раз выручала майора на службе, в ходе которой даже одно не вовремя сказанное слово могло стоить ему жизни.

Но я был пьян и потому настырен, тогда как трезвый давно бы деликатно примолк.

– Видишь вон ту болтающуюся дрянь, Тимофеич? – спросил я, наведя луч фонарика на свисающий с потолка пласт отслоившейся штукатурки.

– Вижу, и что? – осведомился в ответ Кальтер, глянув туда, куда я указывал. Надетый на фонарик синий светофильтр давал должную гарантию, что враги не обнаружат нас с улицы. Естественно, при условии, что я не буду направлять луч на окна.

– А то, что сейчас эта дрянь возьмет, оторвется и ка-а-ак съездит тебя по башке, – ответил я. – Ты, конечно, парень крепкий и выживешь, но когда очнешься, можешь вдруг обнаружить, что у тебя начисто отшибло память и ты совершенно не помнишь, на кой черт вообще сюда приперся. Но хвала Всевышнему – ведь рядом с тобой есть Ленья Мракобес, которому ты заблаговременно доверил свои секреты! И он – кто бы сомневался! – с радостью поможет освежить твои воспоминания. Однако единственный секрет ты Лене все-таки не раскрыл. И вот мы с тобой торчим в двух шагах – да что там: в полушаге! – от заветной цели и, ешкин кот, понятия не имеем, как ее найти! А часики-то тикают, и уж вечер наступил, а мы все на месте топчемся и топчемся... Врубается, что к чему, или надо еще дюжину подобных гипотеч... гипотич... гипо-те-ти-ческих примеров привести?

– Через двадцать один час и восемь минут я – живой или мертвый – должен буду находиться на стадионе «Авангард», – глянув на часы, с явной неохотой признал майор мою безоговорочную правоту. – Но я постараюсь сделать все возможное, чтобы оказаться там живым. Таков мой план-минимум на завтра.

– И он мне чертовски нравится, старик! Не беспокойся: именно на стадионе мы с тобой и будем через двадцать один час и... сколько-то минут... Все там будем!.. – Странно, прошло уже столько времени, как я вылакал свой коньячный запас, а до сих пор продолжал пьянеть. Очевидно, причиной тому была инъекция, которую компаньон сделал мне на берегу и которая затем вступила в реакцию с влившимся мне в кровь спиртом. Приплюсуйте к этому голодный желудок, пережитый шок – и вот он, весь необходимый комплект, чтобы у Лени Мракобеса поехала крыша. – Но ты обещал рассказать, какого рожна тебя понесло за Черепом в ту степь, а не к месту нашей оговоренной встречи?

– Тебе надо отдохнуть, – вместо ответа настоятельно порекомендовал Тимофеич, которого, видимо, начинала беспокоить моя все более запletaющаяся речь. – Поговорим об этом завтра.

– Нет уж, дорогой товарищ майор, изволь объясниться! Я уже по горло сыт твоими тайнами и недомолвками, так что попрошу отныне и впредь относиться ко мне как к напарнику, а не случайному попутчику! – Я забинтовал ногу, доковылял до ранца (ничего, ходить можно, а подопрет нужда – и бегать) и, спрятав аптечку, извлек из своего походного багажа воду и сухпак. В отличие от меня, компаньон поступил наоборот: сначала по-армейски шустро покончил с ужином, а уже потом достал свой аптечный пенал. Я подумал было, что переживший этот день намного удачнее меня майор желает обработать какие-нибудь мозоли или ссадины, но он разложил перед собой на тряпице весь свой медицинский инвентарь и взялся дотошно его инспектировать. Ради чего компаньону тоже пришлось

включить фонарик и нацепить на него светофильтр.

– Я отклонился от маршрута потому, что решил воспользоваться случаем и избавить тебя, а также себя от лишней угрозы, – признался Кальтер, не отвлекаясь от перебирания содержимого аптечки. – И избавил бы, не помешай мне Искатель. Понимаю, что нарушил обещание, но нельзя было упускать такой благоприятный момент для устранения Черепа. Перепуганные раскольники бежали в глубь Припяти и вряд ли погнались бы за мной обратно на юг, если бы мне удалось всадить пулю в затылок их командиру и смыться. Не исключено, что многие из них, напротив, были бы мне за это благодарны. Я преследовал Черепанова довольно долго и несколько раз даже ловил его на мушку, однако в суете цель постоянно от меня ускользала. Это была хорошая затея, но, к сожалению, она не выгорела. Ничего удивительного: такое часто происходит, когда пытаешься реализовать выработанный прямо на ходу тактический план.

– Ну на самом-то деле все вышло не так уж плохо, – заметил я. Вопреки опасениям, что мне сейчас кусок не полезет в горло, он туда все-таки полез, причем с большой охотой. Поэтому говорить мне приходилось с набитым ртом, что стало тяжким испытанием для моего и без того еле-еле ворочающегося языка. – По крайней мере Борьке Черепанову теперь не до мести. Не знаю, как у тебя, а у меня прямо камень с души упал. Ик! Прошу прощения... Да и Воронин обрадуется, когда узнает. Он и так в последний год из-за беспредела Черепа ночами не спит, все думает, как нам с «буянами» быть. Или дальше терпеть их выпендрей, или, может, наведаться дружно всем кланом в Темную Долину да устроить там большую прополку... Ик! Да что ты будешь делать! Кого это, блин, меня в полночь вспоминать угораздило? Неужто бродяги в Баре все еще на нас ставки делают?.. О, кстати, Тимофеич, надо бы жребий кинуть, в какой очередности дежурить будем! Давай так: мне в ближайшие часы все равно глаз не сомкнуть, поэтому я первый за подступами послезу. А ближе к рассвету ты меня сменишь, лады?

– Нет, не пойдет, – воспротивился Кальтер, перебирая в синем свете фонарика ампулы для инъектора. – Сейчас ты доешь свою тушенку, а затем ляжешь отдыхать и проспишь столько, сколько нужно, чтобы полностью восстановить силы. Или, в крайнем случае, пока я тебя не разбуду. Так надо, потому что завтра все будет зависеть только от тебя и твоей выдержки. За меня не переживай: я вообще сплю крайне мало и за те дни, что ждал тебя в Баре, отоспался на месяц вперед. Да к тому же... – Компаньон осекся и в задумчивости покрутил в пальцах ампулу, которую сейчас рассматривал. – К тому же ты ведь понимаешь: не до сна мне сегодня. Когда-то я мог без проблем засыпать даже в самолете, перед выброской на вражескую территорию, а в последний год, бывает, и в спокойной обстановке бессонница одолевает. Старею, видимо, отсюда и все беды.

– Все бы мы так старели, как ты, – хмыкнул я, вспоминая, с какой ловкостью однорукий майор выбирался из траншеи по поваленному дереву. – Однако не нравится мне твой настрой перед таким судьбоносным днем, дядя Костя. Что-то ты прямо на себя не похож. Неужели все-таки начал сомневаться в своей Вере?

– Я не собираюсь больше говорить с тобой на данную тему! – вмиг посуровел Куприянов. – Ни сейчас, ни завтра, ни когда-либо еще!.. Ты наелся? Наелся, я спрашиваю?

– Да, наелся!.. Позволь, а кто это дал тебе право повышать на меня голос?

– Раз наелся, значит, ложись и спи, как приказано!

– О чем ты толкуешь, старик? Ишь, блин, нашелся строгий папаша: «Чистить зубы, на горшок и спать!» Да кто ты такой, мать твою?! И какой, к едрене фене, сон? Я ж тебе, зануде, внятным языком сказал: колбасит меня после той долбаной дискотеки не по-детски! Мне бы еще грамм триста коньячку для полного катарсиса на сон грядущий принять, вот тогда и можно на боковую. Но поскольку я на мели, а ты у нас – конченый трезвенник... А ну стой! Чего это ты, мать твою, удумал? Опять, что ли, в драку лезешь?! Ну, хорошо, давай подеремся! Щ-щас я с тобой разберусь! Да я таких говнюков, как ты, обычно после ужина по пять человек одной левой уделываю!..

Отбросив пустую консервную банку и недопитую кружку с водой, я попытался вскочить на ноги, чтобы встретить надвигающегося на меня компаньона ударом в скулу, но не тут-то было. Боль в бедре и отяжелевшее от усталости тело не позволили мне проявить должную прыть. Едва я оторвал задницу от пола, как сразу плюхнулся обратно от отвешенного мне Кальтером легкого подзатыльника.

– Эй, ты же поклялся, что это больше не повторится! – оскорбился я, напомнив майору об обещании, данном им после нашей прошлой размолвки.

– Нечего было меня провоцировать! – попытался оправдаться клятвопреступник. Тщетно,

разумеется. Неужто решил, что я приму подобные смехотворные оправдания? Ишь губу раскатал! Если он и впрямь хочет, чтобы его простили, пусть найдет аргументы поубедительнее.

Но Тимофеич и не подумал озадачиваться вопросом, как ему выйти из этого непростого морального тупика. Какой, однако, бессовестный тип! Отмахнувшись от моих кулаков, он, как и тогда, в лощине, опять потянулся к моей шее, держа в руке оружие. Прямо мания у майора какая-то: чуть что, сразу вцепляться в горло, причем неважно кому – врагу или другу. Еще одна профессиональная привычка, не иначе. Причем отнюдь не безобидная. Можно лишь догадываться, сколько глоток перерезал во имя Отечества этот зверюга-гэрэушник. И потому, когда он злился или того хуже – лез в драку, я поневоле прощался с жизнью, как молодой дрессировщик, впервые кладущий голову в пасть льву.

Впрочем, на сей раз в руке Кальтера оказался не нож, а уже знакомый мне иньектор. Какую дрянь зарядил в него компаньон, черт его знает, но явно не отраву. К чему, спрашивается, такие сложности, если прикончить Мракобеса можно и не прибегая к дорогостоящей химии?

Вколов мне дозу неизвестного препарата, майор тут же отскочил назад, поскольку я все еще размахивал кулаками в надежде по квитаться с ним если не за клятвопреступление, то хотя бы за этот оскорбительный подзатыльник. Однако с каждым мгновением движения мои становились все слабее и вскоре совсем прекратились. Мои вконец обессиленные руки обмякли и плетью упали вдоль тела. В ушах у меня при этом быстро нарастал всепоглощающий гул, похожий на шум набирающего обороты реактивного двигателя. И предел мощности у него, похоже, был неисчерпаем.

– И ты, Брут!.. – проговорил я, уже практически не слыша собственного голоса. После чего поник головой и завалился набок, успев напоследок подумать, что было бы просто счастьем умереть в Зоне именно вот таким безболезненным способом.

А Кальтер все равно был подлецом!

Нет, этого я уже подумать не успел. Ну и что? Зато я множество раз называл так майора ранее. И назвал бы сейчас, сработай куприяновское снотворное на пару мгновений позже. И где в таком случае вы видите в моей истории искажение действительности? Никакого искажения – одна сплошная правда, неприкрытая и горькая. Такая, какую вам и хотелось от меня услышать, верно? Или вы пришли сюда за байками про удачливых и непобедимых охотников за артефактами? Тогда это не ко мне – за байками отправляйтесь в любой сталкерский бар. Там вам много чего наплетут, а я – всего-навсего скромный долговец Ленья Мракобес, который рассказывает лишь то, что видел собственными глазами. И многое отдал бы сегодня, чтобы забыть хотя бы половину из того, на что насмотрелся, путешествуя с Кальтером по Зоне в дни Великого Очищения.

Но не будем отвлекаться, ибо за стенами укрывшего нас кинотеатра «Прометей» уже разгорался рассвет нового дня, от которого лично я не ожидал ничего хорошего...

Глава 13

– А, это опять ты, Вера. Ну, привет! Что ж, заходи, коли пришла, – уныло бросил я синеглазой девочке, исправно явившейся ко мне после того, как ее дорогой дядя Костя вырубил меня лошадиной дозой снотворного. – О чем интересном сегодня поболтаем? Однако разве мама не учила тебя, что нельзя разговаривать с пьяными взрослыми?

– Вам теперь известно, как меня зовут, Леонид Иванович, – заметила Верданди спокойным рассудительным голосом и улыбнулась, пожалуй, впервые за все время нашего странного знакомства. – Это здорово! Значит, вы встретились с дядей Костей и он вам все о нас рассказал. Скажите честно, вы ему верите?

– А то, что я тебе скажу, останется между нами? – на всякий случай полюбопытствовал я. – В смысле, если он сегодня все-таки заснет и ты придешь к нему, я могу быть уверен, что ты не выдашь дяде Косте все, о чем мы с тобой секретничали?

– Я вас не понимаю, Леонид Иванович, – ответила девочка. – Вы поклялись, что поможете ему...

– Уже помогаю, если ты этого вдруг еще не заметила, – уточнил я. – И буду помогать, поскольку таков у нас с ним договор. Так что можешь больше мне об этом не напоминать... И я не хочу тебя обманывать, Вера, пусть даже ты обидишься на меня за такие слова. Нет, я не верю дяде Косте. И тебе тоже не верю. Просто потому что твой друг психически не вполне здоров, а ты – всего лишь сновидение. Прости, но такой уж Леонид Иванович мнительный человек. Я выполняю свою клятву

только ради обещанной мне дядей Костей награды. И все. В ее существовании я убежден больше, чем в перемещениях во времени и прочей подобной мистике. Еще раз извини, красавица, за прямогу, но лучше мне быть с тобой откровенным, чем ходить вокруг да около, согласна?

– Мне жаль, Леонид Иванович, что вы так считаете, – печально вздохнула синеглазка. – Действительно жаль. Вы думаете, что я – призрак, но это неправда, уверяю вас! И когда вы доберетесь с дядей Костей до стадиона «Авангард», вы поймете, что заблуждались.

– Искренне хочу на это надеяться, – сказал я. – И буду рад, если окажусь не прав. Но сейчас иначе не могу. Ты ведь была в Зоне и отлично понимаешь, что это за место. Слишком много странного в вашей истории, чтобы такой скептик, как я, уверовал в нее с одних лишь слов.

– Удачи вам, Леонид Иванович, – молвила на прощание Верданди. – И я очень надеюсь, что мы с вами скоро свидимся. Теперь, когда вы с дядей Костей, я за него спокойна. И за вас тоже. Прощайте.

И, как обычно, ушла в никуда, растворившись во сне, будто в густом тумане, за завесу которого мне было не проникнуть при всем желании...

Других снов в эту ночь мне не приснилось, хотя спал я, вроде бы, не слишком крепко. Перед глазами все время маячила какая-то сизая муть, из-за нее доносились далекие невнятные голоса, и лишь однажды этот монотонный гул разорвал пронзительный душераздирающий вопль. Дрыхни я обычным сном, наверняка подскочил бы в холодном поту после такого крика, неважно, приснился он мне или прозвучал наяву. Но накачанный снотворным, я пережил лишь мерзкое ощущение, какое обычно возникает у человека, когда рядом с ним начинает завывать тревожная сирена, и продолжил спать дальше. Вопль же то усиливался, то опять притихал и тянулся не умолкая минуты две или три. Даже во сне я подивился тому, какие вместительные легкие были у этого кричащего существа, которое кто-то либо резал заживо на куски, либо топил в серной кислоте. Иного повода так орать лично у меня наверняка не нашлось бы.

Крик смолк, и я вновь остался один на один с бухтящими за туманной завесой голосами. Но ненадолго. Вскоре меня ни с того ни с сего опять начала колотить дрожь, да такая сильная, что поневоле пришлось проснуться. После чего сразу выяснилось, что никакая это не дрожь, а очередное рукоприкладство Кальтера, решившего устроить мне побудку «с пристрастием». Впрочем, теперь его грубость была вполне обоснованной. Заставить меня сейчас подняться по тревоге более гуманным способом вряд ли являлось возможным.

– Проснулся? – полушепотом любопытствовал майор и, удостоверившись, что это так, добавил: – Хорошо, а то я уже хотел нашатырь доставать. На-ка взбодрись.

Я безропотно взял протянутую мне кружку, в которой, судя по знакомому сладковатому запаху, был обычный энергетик – обожаемая многими сталкерами кофеиновая гадость, какую можно купить в Баре. За те полминуты, что я вкушал заботливо поднесенное угощение, удалось определить, что над Зоной занимается рассвет. Однако имея в виду обещание компаньона не будить меня без веской причины, следовало догадываться, что такая причина все же нашлась. Угроза была еще не явная, поскольку в этом случае Тимофеич вел бы себя спокойнее, но такая, которую мы уже не могли игнорировать.

Голова после вчерашнего не болела, что, в общем-то, неудивительно. Развезти с выпитого натошак стакана коньяка меня еще могло, но страдать от такой смехотворной дозы алкоголя похмельем – увольте! Проколотое осколком разорвавшегося «Абакана» бедро ныло, но не более. Лихорадка, что непременно колотила бы меня, начини рана гноиться, отсутствовала – стало быть, медицинскую помощь я себе вчера оказал своевременно. Это радует. А вот все остальное – не очень. Надежда на то, что нам удастся дотянуть до вечера, затаившись в убежище, как мыши в норе, испарилась, едва я продрал спросонок глаза. Кальтер однозначно не станет поднимать тревогу понапрасну. И если он это все-таки сделал, значит, о праздном времяпрепровождении в ожидании вечернего чуда придется забыть.

– Проблемы, Тимофеич? – таким же громким шепотом поинтересовался я у пристроившегося у окна с биноклем компаньона. На голове и плечах у него была накинута легкая снайперская сетка-камуфляж; судя по ее однотонности с уникальным куприяновским комбинезоном, она входила в штатную экипировку майора.

– У заводи столпотворение, – отозвался Кальтер. – Наши раскольники и их новое божество – Искатель. Ты вздрагивал во сне, когда полчаса назад он кричал на пристани – видимо, тебе тоже удалось его услышать.

– Так вот кто, оказывается, это был! И чего он разорался ни свет ни заря?

– Похоже, горюет по Скульптору, – высказал предположение компаньон. – Вопил бы в другом месте, тогда ладно, но раньше-то Искатель помалкивал. А тут вышел на берег и сразу в крик. Хочешь сказать, случайное совпадение?

– А на кой ляд он вообще поперся спозаранку к реке? Наверняка не жерлицы проверять.

– Видимо, между апостолами существует нечто вроде телепатической связи, и они время от времени отслеживали перемещения друг друга. Но сегодня ночью горящий дылда потерял бесноватого карлика. Однако пожирателя аномалий не зря прозвали Искателем. Вот он в конце концов и нашел то, что мы пытались от него скрыть. И если его чутье действительно настолько хорошо, рано или поздно он и до нас доберется... Не высовывайся. Нечего вдвоем у окон отираться. Если обстановка изменится, я тебя сразу извещу. А пока на-ка изучи свежую прессу, которую я тут случайно в тумбочке нашел. Такое определенно стоит прочесть.

Я взял протянутую Тимофеичем пожелтевшую от старости и растрепанную по краям газету «Трибуна энергетика», датированную ноябрем аж восемьдесят пятого года прошлого столетия. Компаньон предусмотрительно сложил ее так, чтобы заинтересовавшая его статья сразу же бросилась мне в глаза. Называлась она «Выстрелы в Корогоде» и печаталась под рубрикой «Трезвость – норма жизни». Вернее, это была даже не статья, а небольшая заметка, набранная мелким шрифтом и не сопровождаемая фотографиями. Обыкновенная заметка, описывающая, судя по заголовку, криминальный инцидент, разразившийся во время какой-то пьянки. Чем эта история сумела привлечь внимание Кальтера, я понял лишь когда лично ознакомился с ней. После чего не удержался и высказал свое мнение о прочитанном, уложившееся всего в одно слово: «Охренеть!»

«...В то время, как все граждане Советского Союза с большим воодушевлением восприняли Указ Президиума Верховного Совета СССР „Об усилении борьбы с пьянством“, остались еще отдельные несознательные элементы, чьи проступки порочат репутацию как самих правонарушителей, так и тех трудовых коллективов, в которых они работают.

Не нужно далеко ходить за примером. Неделию назад, в день празднования шестидесят восьмой годовщины Великой Октябрьской Социалистической революции, находившийся на служебном посту сторож лесопилки Корогодского леспромхоза Кузьма Ф. допустил вопиющее нарушение трудовой дисциплины. После обильного возлияния принесенными из дому спиртными напитками собственного приготовления гражданин Ф. впал в невменяемое состояние и устроил беспорядочную стрельбу из табельного оружия. Прибывшим на место происшествия солдатам караульной роты находящегося поблизости военного объекта удалось уговорить правонарушителя и отобрать у него ружье. По счастливой случайности никто не пострадал. Кузьма Ф. объясняет свое хулиганское поведение тем, что на вверенную ему территорию вторглась орда не то демонов, не то чудовищ, от которых сторож якобы и пытался отстреливаться. В ходе проведенного служебного расследования «борец с нечистой силой» клялся, что его правоту могут подтвердить двое незнакомых ему военнослужащих. По его словам, они присутствовали на лесопилке в момент инцидента, а потом скрылись в неизвестном направлении. Гражданин Ф. не опознал в представленном ему персонале вышеупомянутого военного объекта своих бывших собутыльников, однако продолжал настаивать, что они пришли на лесопилку именно оттуда.

Комментарии, как говорится, излишни. По мнению участкового врача-нарколога Т.С. Грищенко, количество выпитого Кузьмой Ф. в тот день самогона и солидный стаж любителя горячительных напитков, которым может похвастаться этот работник леспромхоза, и вылились для него в итоге в широко известный алкогольный психоз *Delirium tremens*, он же белая горячка. Страшно даже представить, какими тяжкими последствиями могло обернуться это происшествие, случись оно в людном месте, а не на пустующей в праздничный день лесопилке...»

– Полностью с тобой согласен, – поддержал мой лаконичный отзыв о заметке Кальтер. – Как видишь, в Зоне случаются гораздо более удивительные причуды со временем, чем та, о какой я тебе рассказывал.

– Значит, это был не мираж? – удивился я. – Получается, что на несколько минут мы с тобой вернулись в тот самый год, когда я только-только научился ходить и лопотать «мама-папа»?

– А я закончил школу и поступил в военное училище, – добавил Тимофеич. – Впечатляет, не так ли? А ты еще не верил в историю с таймботом и гостями из будущего, хотя она намного правдоподобнее той, что с нами вчера случилась... Кстати, я слышал, ты что-то бормотал во сне. К тебе приходила Вера?

– Да, приходила, – сознался я, но, разумеется, не во всем. – За тем, чтобы пожелать нам удачи и

сказать, что теперь, когда я тебе помогаю, она за нас спокойна.

– Это хорошие новости. – Глаза Кальтера оживленно блеснули. – Доброе знамение нам сейчас совсем не помешает... – Он вновь прильнул к биноклю. – Вон, и толпа с берега проваливается. Во дворы двинула, явно не по нашим следам. И все равно неплохо бы выяснить, куда Искатель повел свою паству. И почему раскольники выглядят так, словно за ночь прошли годичный курс тренировок по бодибилдингу и сожрали целую тонну стероидов. Даже комбинезоны по швам разошлись, а шеи шире голов раздулись. Прямо не люди, а герои комиксов какие-то.

Утратив вчера по милости Скульптора свое основное оружие, я был вынужден взяться за резервное – перешедший мне по наследству от Бульбы шестнадцатизарядный пистолет «Вальтер». Не самая подходящая пушка для борьбы с мутантами, да и против человека в усиленном сталкерском комбинезоне она эффективна лишь на короткой дистанции. «Глок» Кальтера в этом плане тоже мало чем отличался от «Вальтера», поэтому не было смысла просить у Тимофеича его пистолет взамен моего. Впрочем, на безрыбье, как известно, и плавленый сырок – царская закуска, и мне не стоило привередничать из-за маломощного оружия там, где раздобыть ему достойную замену было попросту нелегко.

Примерно через час над Зоной окончательно рассвело, и настроение у меня немного приподнялось. Время в томительном ожидании тянулось медленно, как стекающая по сосне смола, но я готов был стерпеть это неудобство, лишь бы такой штиль продержался до вечера. Вопреки расхожему выражению, на самом деле от тоски еще никто не умирал. А вот от избытка приключений только на моей памяти приказало долго жить множество непоседливых искателей артефактов. «И вечный бой! Покой нам только снится...» Сколько рискованных сталкеров выбивали на своих щитах такой девиз, понятия не имея, что на самом деле автор этих строк, поэт Блок, мечтал в своем стихотворении совершенно об иной жизни. А мне в последние пару суток покой даже не снился, так что сегодня я ничуть не возражал против того, чтобы помаяться денек от безделья, наблюдая в окна за пустынными окрестностями.

Между кинотеатром «Прометей» и стадионом «Авангард» пролегал полукилометровой ширины парк, над разросшимися деревьями коего возвышалось колесо обозрения. Увешанная ярко-желтыми кабинками, его стальная конструкция всегда напоминала мне модель искусственного солнца, брошенную на ранней стадии сборки. С тех пор, как я впервые узрел воочию этот громадный диск, он фактически стал олицетворять для меня герб нынешней Припяти: символ остановившегося в мертвом городе времени, застывший на четверть века закат. Или, если взирать на «чертово колесо» с трибун стадиона, – восход.

Но с какой стороны на это «светило» ни взгляни, радости от его созерцания в душе не зарождалось даже мимолетной. Куда приятнее таращиться на обычное солнце, которое когда-то снисходило до посещения наших проклятых мест. Крохи тепла, которыми оно при этом нас одаривало, были словно глотки воды для пересекающего пустыню изможденного путника. Скупая, но ценная по здешним меркам награда, и ее, так или иначе, всегда хватало каждому. Воистину, солнце являлось для сталкеров тем самым Золотым Шаром, о котором писал классик, рассказывая о другой Зоне, расположенной в другом времени и далеко от этих мест. И наш Шар, что немаловажно, изо дня в день исполнял для нас последнее желание легендарного сталкера Рэд Шухова: «Счастье для всех, даром, и пусть никто не уйдет обиженный!» И ведь действительно так! Никто – ни должовцы, ни наемники, ни отмороженные бандиты – не обижался на солнце, даже когда оно показывалось из-за туч всего на несколько мгновений. Потому что в нашей Зоне для счастья было вполне достаточно даже такой малости.

В это утро восход был на диво погож и, черт побери, вполне достоин стать последним восходом в моей жизни, если мне все-таки не посчастливится дожить до следующего. А шансы на это сильно уменьшились, когда свита убравшегося с берега Искателя вновь явилась пред наши очи. И явилась уже без единой надежды на то, что уйдет восвояси, не заглянув к нам на огонек.

Я как раз украдкой следил за северными подступами к кинотеатру, когда оставшийся в аппаратной Кальтер вызвал меня по ПДА коротким условным сигналом. Прибежав на зов, я по молчаливому указанию компаньона пробрался к нему под маскировочную сетку и занял позицию у того же окна. И только затем осмелился приподнять голову над подоконником и выглянуть наружу. После чего вздрогнул от неожиданности – настолько ошарашила меня своей жуткой неестественностью увиденная картина.

Девять раскольников не таясь стояли в полный рост перед главным входом в «Прометей»,

растянувшись вдоль улицы в короткую неровную цепь. Даже беглого взгляда хватало, чтобы понять, насколько изменились они с той поры, как я в последний раз видел их на берегу траншеи Скульптора. Черепа, равно как и Искателя, среди гостей не наблюдалось, зато я обнаружил в их ряду Сим-сима и еще нескольких «буянов», чьи имена еще не забыл. Некогда худой и жилистый, ныне калмык раздался вширь до немыслимых для него габаритов. Вероятно, он еще и подросток, но на фоне чудовищной гипертрофии его мускульной массы прибавление в росте было уже не так заметно. Это касалось и остальных раскольников, каждый из которых также поправился как минимум на полцентнера, причем раздулся во всех без исключения частях тела, включая лицевые мышцы. Даже имея запас эластичности, сталкерские комбинезоны на подручных Искателя расплзались по швам, а головы, казалось, сидели вместо шей на толстых чурбаках. Все это выглядело вдвойне удивительно, учитывая дистрофическое телосложение самого апостола, превратившего своих жертв в ходячую рекламу протеиновых добавок для культуристов.

Еще одна деталь, которую я просто не мог не заметить: у всех девятих тяжеловесов отсутствовало оружие. Однако причина распрощаться с ним у них была веская. Пальцы каждого раскольника отныне напоминали палки краковской колбасы, а в горсти могло уместиться, наверное, полведра крупы. Держать в таких ладонях огнестрельное оружие было, мягко говоря, неудобно, а вот обрезки толстых труб и автомобильные полуоси – запросто. Но руки громил были пусты, в то время как прямо под ногами у них валялось столько всяческого хлама, что при желании эта банда могла вооружиться буквально не сходя с места. Могла – и не вооружалась. Хотя судя по выражениям распухших и ставших похожими на демонические маски лиц, раскольники были еще вполне разумными... Вот только людьми ли?

– На берегу их было пятнадцать плюс Искатель, – шепнул Кальтер. – Как думаешь, где остальные?

– Возможно, обходят с флангов вне пределов нашей видимости, – предположил я. – Хотя на севере никакого движения не было... Только не врублюсь, зачем им все эти маневры? Не проще ли Искателю приблизиться к кинотеатру и шарахнуть по нам вспышкой так, как он шарахнул по «буянам»?

– Могу поспорить, что тварь нас боится! – уверенно заключил майор. – Она достаточно разумна, и после того, как мы грохнули ее собрата, Искатель стал относиться к нам как к серьезным противникам. Поэтому и не желает переть на рожон. Передвигается он не так резво, как Скульптор, зато может спрятаться в лесу даже за небольшим деревом. Понимаешь, что задумал этот прохвост?

– Хочет выгнать нас из кинотеатра в парк, где ему будет проще подобраться к нам на расстояние огненного плевка?

– Совершенно верно. Но не забывай, что мы судим о поступках Искателя с позиции нашей логики и не знаем обо всех его талантах. Почему он решил пожертвовать заразом многими фигурами? Если они пойдут на штурм, мы перестреляем две трети из них еще на подступах, а тех, что не подорвутся потом на гранатах при входе, добьем в фойе. Опять же с нашей точки зрения. Но, чую, никакая это не ошибка, а четко спланированная акция.

– Может, апостол блефует? Надеется, что едва мы увидим его свиту, так сразу дернем от нее на север, в парк, пока она нас не заметила?

– Может, и так, – согласился Тимофеич, но без особого энтузиазма. – Однако блеф – это опять же слишком по-человечески, ненадежно, а нам противостоит существо, которое мыслит иными категориями. Вряд ли оно станет полагаться на авось. Скульптор был непомерно силен и оттого дрался бесхитростно и прямолинейно. Отчего и пострадал. Искатель слабее его, но на порядок хитрее. Его ты уже на «Кукарачу» не возьмешь. К таким врагам нужен иной подход.

– Какой?..

Ответить компаньон не успел, потому что в этот момент от группы раскольников отделились двое и направились ко входу в «Прометей». Двигались они для своих внушительных габаритов довольно резво, причем с каждым шагом разгонялись все сильнее, будто бежали наперегонки. Остальные семеро громил остались стоять на месте, словно дожидаясь своей очереди выйти на старт.

Это могла быть обыкновенная провокация, направленная на то, чтобы мы обнаружили себя. Но поскольку раскольники рано или поздно все равно сунутся в кинотеатр, значит, таиться нам больше не имело смысла.

– Огонь! – скомандовал Кальтер, после чего отбросил маскировочную сеть, схватил стоявшую под рукой винтовку и выпустил в каждого бегуна по две пули. Громилы неслись вперед по прямой, быстро приближались, и попасть в них майору было несложно. У того врага, что наступал с моего фланга, в

мгновение ока исчезла левая височная доля черепа и оказалось прострелено навывлет плечо. Бежавший прямо на Тимофеича «буйан» получил одну пулю точно в лоб, а другую – в шею. Я тоже собрался внести свою лепту в уничтожение этой парочки, но, завидев, с каким похвальным результатом отстрелялся компаньон, решил поберечь патроны до следующей вражеской атаки.

Однако вместо того чтобы грохнуться и покатиться по земле, «спринтеры» лишь покачнулись и, не снижая темпа, помчались дальше. Оба наполовину обезглавленные, но не испытывающие в связи с этим совершенно никаких неудобств. Я и прежде подозревал, что приближенным к Монолиту мозги, в принципе, уже не нужны, и вот получил этому неоспоримое доказательство.

Кальтер, естественно, не пал духом и вновь попытался если не прикончить, то хотя бы обездвигить живучих бегунов. Упершись для устойчивости плечом в простенок, я ухватил «Вальтер» обеими руками и тоже взялся шпиговать свинцом того противника, которого было сподручнее держать на мушке. Из десятка сделанных мной выстрелов половина угодила в цель, но из них лишь два нанесли раскольнику повреждения. Первый попал ему в бедро, а второй откромсал от его уже надкушенной головы еще один кусок. Теперь она была полностью лишена верхней части вместе с глазами и мозгом, отчего вкупе с уцелевшими ушами стала походить на конфетную вазочку с ручками. И эта, мать ее, ходячая вазочка продолжала напрочь игнорировать наши пули, неумолимо приближаясь к «Прометею», как торпеда к борту не успевшего уклониться линкора.

Обладателю более точного оружия и глазомера, Тимофеичу повезло больше, чем мне. Быстро смекнув насчет чудесной неистребимости «буйанов», он сосредоточил огонь на ногах своей цели и сумел в результате перебить противнику сначала одно колено, а затем, когда тот споткнулся, и второе. Какой бы дерзкий вызов ни бросали жертвы Искателя природе своей феноменальной живучестью, пренебречь законами анатомии им было не под силу. Так что пропетая мной вчера на берегу песенка о разучившемся бегать покалеченном таракане в равной степени касалась и переродившихся в монстров раскольников.

Обезноженный Кальтером громила распростерся на траве в дюжине шагов от кинотеатра и, загребая руками, сразу же пополз вперед изо всех оставшихся сил. Целеустремленный сукин сын, чтоб его разорвало! А мой безголовый ушастый жмурик, наплевав на простреленное бедро, как неся, так с разбегу и ворвался в фойе. Где моментально угодил в ловушку майора, о чем нас известил взрыв гранаты и ударивший из оконных проемов фонтан обломков и пыли. Вместе с ними наружу вылетела нижняя половина вражеского туловища, которая приземлилась прямо на пути ползущего ко входу второго камикадзе.

Приземлилась и сразу рассыпалась в прах, оставив вместо себя лишь горку серого пепла! А вслед за этим подобная участь постигла и ползуна. Он забился в конвульсии, захрипел и за считанные секунды покрылся с головы до ног кровоточащими язвами. После чего столь же быстро обратился в пепел, как будто угодил в эпицентр ядерного взрыва. Трава под каждой из кучек посерела, и серость эта взялась прямо на глазах расползаться во все стороны, словно пущенный по земле пал. Не было, однако, заметно ни дыма, ни огня, хотя при той скорости, с какой разрастались горелые пятна, возле «Прометея» должен был уже полыхать настоящий пожар. А две проплешины вскоре слились в одну, которая продолжила увеличиваться в размерах, метр за метром приближаясь к фасаду кинотеатра.

– «Пепельница»! – воскликнул я, узнав аномалию, что еще позавчера встречала сталкеров на южной окраине Припяти, но к моменту нашего прибытия успела исчезнуть. – Если она дойдет до здания, ему хана! И нам тоже! Стоит только задеть эту дрянь даже кончиком пальца, и она превратит тебя в порошок за пару часов!

– В кинозал! – скомандовал Кальтер, но, подскочив к лестнице, тут же отшатнулся назад, словно кто плеснул в него оттуда кипятком. – Поздно, черт!..

Бросившись за компаньоном и чуть было не врезавшись в него, я глянул вниз и тоже заметил, что пол фойе уже почти весь покрыт серым дерьмом, которое начинало взбираться к потолку по колоннам и стенам. Валяющийся на полу хлам оседал и растворялся в «пепельнице» подобно таящему на сковороде маслу, и за ним грозил вот-вот последовать сам «Прометей». Аномалия шутя пожирала кирпичи, бетон и арматуру, и как только основание здания будет подточено, оно развалится еще до того, как губительная серость доберется до второго этажа.

– Назад! – оперативно поменял тактику майор, толкая меня к ведущей на крышу кинозала двери. – Придется прыгать!

Не имея возражений, я метнулся к запасному выходу и едва не сорвался в дыру, разверзшуюся в

полу прямо передо мной. К счастью, она оказалась небольшой, и перепрыгнуть ее не составило труда ни мне, ни Тимофеичу. Основную опасность для нас представляли края провала – сереющие и осыпающиеся. Взрыв разметал останки громилы по всему фойе, породив таким образом десятки мелких быстро растущих «пепельниц», поэтому ей и удалось так быстро отвоевать у нас первый этаж.

Глянув на бегу в окна, мы заметили, что наружная аномалия уже накрыла все пространство перед входом в «Прометей», а семеро раскольников, разбившись на две неодинаковые группы, двинули обходить ее справа и слева. Чтобы не очутиться аккурат у них перед носом, нам требовалось пробежать поверху зрительного зала до его противоположного края и только там соскочить на землю. Это, естественно, не ускользнет от глаз врагов, чей маневр действительно не оставлял нам выбора, вынуждая отступить в парк.

Фасад «Прометей» обрушился, когда мы выбежали на плоскую крышу кинотеатра. Изъеденные «пепельницей» фойе и аппаратная превратились в руины спустя несколько мгновений. Позади нас вздыбился столб пыли, а обломки развалившейся половины здания преградили путь раскольникам, задержав их еще – пусть ненадолго, но очень кстати. Мы же относительно благополучно – мелкий испуг не в счет – достигли края крыши, где обнаружили остатки ржавой пожарной лестницы, не замеченной мной ранее при наблюдении из окон за северными подступами.

Лестница была обломана примерно на середине, но она все равно здорово помогла нам, позволив спрыгнуть с крыши намного ниже, чем это предполагалось делать. Ступив на землю, Кальтер хлопнул меня по плечу и указал в сторону здания горисполкома, гостиницы «Полесье» и дворца культуры «Энергетик». После того как завал отрезал нас от преследователей, у меня тоже мелькнула мысль, что негоже идти у врага на поводу и лучше вместо парка рвануть по какому-нибудь другому маршруту. Наиболее практичный вариант – в центр. Во-первых, там было где затеряться. И, во-вторых, только убегая на запад, мы не отдалялись от стадиона «Авангард», а, наоборот, пусть ненамного, но сокращали с ним дистанцию. Было уже очевидно, что скучать нам до вечера все равно не придется, поэтому лучше мало-помалу начать двигаться к намеченной точке – той самой путеводной звезде Кальтера, ради которой он отправился в это самоубийственное паломничество по зову своей Веры. А я – своей, вот только моя Вера, увы, так и не сумела за время нашего пути избавить меня от предательского груза сомнений.

Завеса пыли, что окутывала продолжающий рушиться кинотеатр, становилась все больше и плотнее. Пользуясь ее прикрытием, мы сломя головы понеслись вдоль улицы Курчатова к центральной площади Припяти – ловить ускользающее от нас везение. Худшего начала для этого судьбоносного дня было просто не придумать...

– Ну и встряли мы с тобой, старик, – сказал я, тяжело дыша после того, как, дав энергичный спурт, мы с компаньоном (или, может, пора называть его единоверцем?) ушли в отрыв и остановились перевести дыхание за углом горисполкома. – Похоже, апостол не просто завербовал банду Черепа на службу Монолита, но еще и превратил каждого из них в настоящую ходячую бомбу. Насосался аномальной энергии и теперь начиняет ею всех кого не лень! Видимо, от этого раскольников так распирает. Страшно подумать, каких еще фаршированных уток нажарил нам Искатель...

– Надеюсь, ты заметил, как их надо обездвиживать, – напомнил Кальтер и, сняв с пояса кобуру, передал мне свой «Глок» вместе с запасными магазинами. – Вот, держи. Если доводилось практиковаться в стрельбе по-македонски, значит, так тебе будет сподручнее перешибать «буянам» лодыжки. Только смотри, с патронами поэкономнее, а то есть у тебя отвратительная привычка плевать ими, как семечками. А теперь поспешим. Раз уж заварилась такая каша, давай найдем поблизости какой-нибудь Фермопильский проход, где можно устроить раскольникам кровавую баню. Нет у тебя случайно такого на примете?

– Фермопильский проход, говоришь?.. – Я окинул взором окрестности и остановил его на семиэтажном корпусе гостиницы, расположенной по соседству с администрацией. – Есть одна мыслишка. Не скажу, насколько она светлая, но...

– Ты что, рехнулся – соваться в такое огромное здание? – перебил меня майор, перехватив мой взгляд. – А если Искатель под ним «пепельницу» устроит? Даже не думай!

– погоди, старик, ты недослушал. – Я с опаской выглянул из-за угла, проверяя, не приближаются ли враги. Нет, похоже, пылевая завеса над разваливающимся кинотеатром позволила нам отыграть у них неплохую фору. Подобный тайм-аут в нашем положении мог по праву считаться маленькой промежуточной победой. – Никто под «Полесьем» «пепельниц» устраивать не будет – уверен на

девятьюстами процентами. За пределами Припяти Скульптор чего только не вытворял, но в городе начал охотиться за мной более или менее аккуратно, все равно что продавец посудной лавки за мухой. Искатель был напуган смертью Скульптора и потому зашел чуть дальше, но и он вряд ли дерзнет уничтожить из-за нас многоэтажную гостиницу. Думаю, его и за кинотеатр по головке не погладят, тем более что план с нашей поимкой не выгорел. Не знаю, почему, но апостолы стараются не разрушать Припять. Ради чего всех мутантов перед расправой отсюда и выгоняют. А иначе, сам посуди, тут уже после первого Великого Очищения камня на камне не осталось бы.

– Ладно, убедил, – пошел на попятную Тимофеич. – А теперь давай покороче и ближе к делу.

– Мы ночевали здесь в позапрошлом рейде и успели обследовать «Полесье», поэтому информация верная. В гостинице две лестничные шахты – основная и пожарная. Первая полностью обрушена и снизу загромождена обломками. На запасной лестнице тоже не хватает нескольких пролетов. Но кто-то до нас успел перекинуть через них доски, так что попасть на верхний этаж тем путем можно. К тому же в отличие от главного выхода пожарный не слишком широк и больше подходит на роль Фермопил.

– Пути отхода? – лаконично, по-военному потребовал уточнения майор.

– У тебя есть компактная спусковая лебедка, – ответил я, успев продумать и этот нюанс. – На ней мы спустимся по шахте главной лестницы до завала – он возвышается до уровня третьего этажа. А потом через окно выберемся на крышу одноэтажного ресторана, пристроенного с той стороны здания, после чего – либо в парк, либо – в «Энергетик», либо куда еще...

Наше оперативное совещание прервал очередной протяжный вопль Искателя, явно выплескивающего свой гнев из-за неудачно проведенной облавы. Пыль над «Прометеем» быстро оседала – видимо, «пепельница» прекратила расти, и часть кинотеатра все-таки уцелела. Кальтер в последний раз оглянулся на восток, буркнул мне «твоя взяла» и припустил к гостинице. Довольный таким авторитетным одобрением, я бросил ему в спину «еще бы!» и побежал следом...

Глава 14

Отель «Полесье» был, конечно, и в лучшие свои годы далеко не «Хилтон», а ныне от него осталась лишь установленная на крыше большая вывеска, да и та зияла выпавшими буквами. Я отметил, что за полгода, прошедшие с моего последнего визита в эти стены, в них совершенно ничего не изменилось. Оно и к лучшему. Продравшись через разгромленный холл и загроможденный обломками мебели коридор, мы начали восхождение на шестой этаж (последний – седьмой – являл собой лишь надстройку, в которой некогда был оборудован актовый зал) под аккомпанемент долетающих до нас с востока протяжных воплей. С каждым преодоленным пролетом крики апостола становились все ближе и громче. Не было никаких сомнений в том, что он снова напал на наш след и с минуты на минуту прибудет в «Полесье» со всей своей взрывоопасной свитой.

Деревянные плахи, перекинутые через обрушившиеся пролеты, лежали на своих местах. Перебираясь по ним наверх, мы мысленно говорили спасибо тому неизвестному сталкеру, что однажды навел здесь переправу из кусков межкомнатных перегородок. Говорили, а потом бессовестно уничтожали результат его благородного труда, сбрасывая за собой мостки на дно лестничной шахты. Чудовищная неблагодарность, но зато мы создали врагу лишние трудности, отгородившись от него тремя непреодолимыми с наскока провалами.

Затем мы временно разделились. Пока Искатель не достиг гостиницы, Тимофеич направился по коридору к уничтоженной главной лестнице исследовать путь к отступлению, а я вошел в ближайший номер, окна которого глядели на восток, и, пристроившись у подоконника, занял наблюдательную позицию.

Что ни говори, а в погожий денек да при полном отсутствии мутантов есть в пустынной тихой Припяти свое очарование. Оно особенно заметно, если глядеть на город с высоты. Лишь витающая над развалинами «Прометей» пыль напоминала о том, что здесь сегодня творится. В остальном же открывшийся мне с верхнего этажа пейзаж казался настолько безмятежным, что было даже удивительно, почему с момента нашего появления в городе у меня не унимается дрожь в руках. Осеннее утро, легкая прохлада, колышущиеся на ветру золотистые и багряные кроны деревьев, безлюдные улицы...

А впрочем, нет, уже не безлюдные. Большая группа людей вышла из почти осевшего облака пыли и быстрой походкой двинула по улице к центру Припяти. Я отступил в тень и поднял бинокль.

Четырнадцать человек. Тринадцать знакомых мне сталкеров, переродившихся в монстров, и их нынешний вожак – трехметровый и тощий как глист Искатель. Его я видел впервые и потому уделил ему сейчас особое внимание. С погибшим братцем-апостолом их роднила разве что кожа: темная, морщинистая и бородавчатая. Больше ничего общего у малахольного гремлины Скульптора и этого карикатурно тонкокостного дылды не было. Особенно разнились у них лица. Живой взор лупоглазого мастера телекинеза против мутного безжизненного блеска щелевидных глаз пожирателя аномалий. Огромные остроконечные уши против полного отсутствия ушных раковин. Мордашка смышленного зверька против вытянутой, словно плавающая резинковая маска, физиономии не то человека, не то инопланетного гуманоида... Вот уж не предполагал, что я вдруг начну думать о Скульпторе как о симпатяге, но при сравнении внешности его и Искателя иного вывода не напрашивалось.

Я нажал на ПДА кнопку условного сигнала, и через полминуты Кальтер уже стоял рядом со мной. Вражье воинство шло в этот момент мимо горисполкома. Шло уверенно, ничуть не сомневаясь в том, где мы прячемся. Искатель, однако, предпочитал держаться позади марширующей не в ногу свиты, но непомерно высокий рост все равно не позволял ему укрыться за широченными спинами своих камикадзе.

Ни слова не говоря, майор вскинул винтовку и выстрелил. В кого он целился, было очевидно, но несмотря на свою хваленую меткость, Тимофеич, к несчастью, сплюховал. Выпущенная им пуля просвистела там, где мгновение назад маячила голова Искателя, и, чиркнув об асфальт, ушла рикошетом дальше. А плюхнувшийся в последний момент на четвереньки дылда тут же полыхнул ослепительной вспышкой, и нам поневоле пришлось отшатнуться от окна, дабы уберечь глаза.

– Заметил, сука! – процедил Кальтер, заслонив лицо рукой и ожидая, когда снаружи погаснет второе, намного более яркое солнце. Но оно продолжало лупить по окнам потоками света, не позволяя нам даже краем глаза выглянуть на улицу. – Как не вовремя... Ладно, выдвигаемся на позиции. Здесь нам удача больше не улыбнется.

Тактика нашей обороны была построена с расчетом, чтобы мы могли обстреливать как можно больше видимых сверху лестничных пролетов. Поскольку три из них теперь полностью отсутствовали, шахта стала просматриваться практически донизу. Поэтому обладателю дальнобойного оружия Кальтеру выпала задача контролировать нижний вход и прилегающее к нему пространство; мне – все то, что располагалось выше. Для наибольшего удобства я устроился пролетом ниже, на промежуточной площадке между пятым и шестым этажом, а майор остался на огороженном перилами пятачке возле двери. Таким образом любой противник, который начинал подниматься по лестнице, попадал поочередно на мушку то мне, то компаньону и находился почти под непрерывным огнем. Вдобавок нынешние габариты раскольников позволяли им перемещаться по узким пролетам только в колонну по одному, что опять же не играло на пользу врагу. Короче, вот такой уменьшенный и ориентированный по оси игрек современный аналог битвы при Фермопилах.

Треклятые «персы» не заставили себя долго ждать. Я только-только успел подложить под колено ватное сиденье от валявшегося на площадке разломанного стула и принял стойку для стрельбы, как внизу раздались возня и топот. В ограниченном пространстве даже негромкие звуки, отражаясь от стен, были слышны превосходно. Пришлось весьма кстати, что винтовка компаньона стреляла беззвучно, а иначе я вмиг оглох бы от канонады, какую учинили бы наши три пушки в гулкой лестничной шахте.

Первым открыл огонь, разумеется, Кальтер. Стрелять под таким углом ему было неудобно, поэтому он, пристегнув себя к перильной стойке, улегся на край площадки и высунулся по грудь, чтобы иметь возможность целиться, уперев приклад в плечо. Тоже не самая идеальная позиция, и долго находиться в таком полуподвешенном состоянии у майора вряд ли получится. Экономя патроны, он стрелял только одиночными выстрелами и периодически делал паузы для наилучшего прицеливания. Лишь пару раз я слышал, как Тимофеич промахнулся и угодил в лестницу. Прочие выпущенные им пули, попадая в цели, производили немного шума, ибо натывались не на бетон, а на упругую человеческую плоть.

Я мог лишь краем глаза наблюдать, что творилось сейчас у пожарного выхода, но по усилившейся там суматохе понял: внизу началась свалка. Похоже, Кальтеру удалось перебить ноги двум или трем раскольников, которые ступили на лестницу первыми. И теперь они катились по ступенькам вниз, мешая продвигаться вперед идущим за ними следом громилам. Возня сопровождалась грохотом и дребезжанием перил, и никто из врагов не вошел в мой сектор обстрела. Это могло означать одно: штурм захлебнулся, фактически не начавшись.

Расстреляв примерно треть магазина, Тимофеич прекратил огонь и замер в ожидании новой атаки, переводя дух и наблюдая за происходящей на первом этаже безмолвной, но яростной давкой. Я стоял с пистолетами на изготовку и думал, что если так будет продолжаться дальше, то до моего участия в битве дело может и не дойти. Что, в общем-то, для не слишком геройского парня вроде меня вовсе не являлось позором. Но до вечера оставалось еще много времени, а Искатель уже доказал нам, что способен мыслить стратегически и подкидывать неприятные сюрпризы. Так что, чувствую, пострелять мне еще придется.

– Минус два, – доложил Кальтер, когда шум внизу утих. – Неплохо для начала. Однако ходячие «буяны» зачем-то утащили наружу неходячих. Не столкнули под лестницу, как отработанный материал, а эвакуировали с поля боя по всем правилам. Спрашивается, зачем?

– Если Искатель обладает даром целителя, хреновы наши дела, – встревожился я вслед за компаньоном. – Мы-то с тобой патроны размножать не умеем.

– Что верно, то верно, – мрачно согласился майор, не сводя глаз с пожарного выхода. – А штыковую атаку нам против них не выстоять, тут и к бабке ходить не нужно... Скрылись, сволочи. Все до единого. Явно разбор полетов будут проводить.

– У тебя остались гранаты? – спросил я.

– Только одна для подствольника, – ответил компаньон. – Но это на случай крайней нужды. А ручные все на растяжки в «Прометее» ушли. Есть еще один карточный заряд для ближнего боя, и на этом все.

– Негусто, – подытожил я. – А то подорвали бы сейчас еще пару-тройку нижних пролетов да пошли с легкой душой чай до вечера гонять.

– Ничего, бывало и хуже. – Непонятно, кого успокаивал Тимофеич: меня или себя. Он вряд ли нуждался в самоуспокоении, а мне от его словесной поддержки было ни холодно, ни жарко. Уж лучше бы пошарил по карманам да еще парочку заваливавшихся магазинов нашел – это утешило бы Леню Мракобеса безо всяких слов.

Следующей атаки пришлось дожидаться долго. Дабы не затекли ноги, я последовал примеру Кальтера и тоже улегся на пол, а майор отполз немного назад, поскольку ему было трудно удерживать винтовку на весу в покалеченной руке. Окна в лестничной шахте имелись, но ближайшее к нам располагалось под самым потолком, и потому увидеть, что творится у стен «Полесья», мы не могли. А там развернулась кипучая подготовка ко второму штурму. Что-то постоянно сверкало и гроыхало, как будто возле пожарного выхода бригада резчиков кромсала автогенами некую массивную железную конструкцию. Враги трудились неторопливо, но без перекуров. Они явно не сомневались, что мы никуда не сбежали, а значит, Искатель расставил наблюдателей вокруг гостиницы и контролировал все выходы из нее.

Впрочем, нам пока было рано думать об отступлении, а медлительность противника хоть и заставляла нас нервно ерзать, в действительности являлась нашим союзником. Апостол Монолита не знал о нашей цели и, очевидно, обладая неограниченным запасом времени, мог позволить себе не спешить. Мы – тоже. Но до тех пор, пока не настанет пора прорываться через парк к стадиону. То есть ближе к вечеру.

– Приготовься! – предупредил Кальтер спустя примерно полчаса после того, как он в одиночку отбил первый штурм. – «Буяны» подходят к двери! И, похоже, что-то с собой волокут... Щиты! Я так и думал!

Дверь пожарного выхода и лестничные пролеты не позволяли протащить по ним громоздкую мебель или пианино, но что-либо менее габаритное – запросто. Раскурочив стоявшие рядом с дворцом культуры подбитые БМП и БТР, противники воздвигли над головами отодранные от техники люки, подобно рыцарским щитам, и, укывшись от пуль, ринулись в повторную атаку. Увидев, на какую хитрость пошел враг, Кальтер не стал тратить понапрасну патроны и предпочел дожидаться, пока бронированная когорта достигнет первого обрушенного пролета, расположенного между вторым и третьим этажом. Там раскольникам волей-неволей придется задержаться и продемонстрировать нам, как они намерены преодолеть это препятствие.

Следуя примеру компаньона, я тоже не стал искать уязвимое место в сомкнутых вражьих щитах и пропустил штурмовую группу через второй этаж, ни разу не спустив курок. В ней насчитывалось девять бойцов, но поскольку половина из них несла сразу по паре люков, казалось, будто по лестнице поднимается как минимум полтора десятка человек. Или одна чешуйчатая стальная гусеница огромных

размеров. Будь последнее правдой, я бы, наверное, боялся куда меньше. Потому что ползучее насекомое ни за что не пересекло бы разверзнувшийся перед ним провал, а приспешники Искателя явно знали такой способ и были уверены, что он сработает.

Когорта приблизилась к краю площадки, за которым находился обрыв, после чего под бронированным панцирем начались какие-то пертурбации. «Буяны» сдвинули защитный барьер еще на шаг от стены, погнув при этом перила, затем приступили к непонятным перестроениям. Я присмотрелся и вскоре смекнул, что творится за «железным занавесом». Несшие в каждой руке по люку громилы опустили один из них на ступеньки, приставив к ногам, и забрали щиты у тех приятелей, которые тащили вдвое меньший вес. А те избавились от груза и выстроились в колонну у самой стены, продолжая оставаться под прикрытием «броненосцев».

– Да ведь они собираются прыгать! – догадался я.

– Уверен? – спросил Тимофеич, с позиции которого загадочные маневры раскольников не были видны.

– Будь я проклят, старик! – побожился я. – По крайней мере половина из них – точно!.. «Трамплин»! Ну, конечно!

– Где трамплин? – не понял майор, неотрывно следя за врагами через винтовочный прицел.

– Раз пожиратель аномалий сумел накачать тех «буянов» энергией «пепельницы», что ему стоит проделать то же самое с «трамплином» и создать себе «прыгающие бомбы»? – пояснил я.

– Лучше бы ты ошибался, – заметил компаньон. – А иначе придется нам...

Кальтер не договорил, потому что, к сожалению, я оказался прав и из-за пуленепробиваемого заслона выскочил первый прыгун. Совершив короткий разбег, он с поразительной для такого тяжеловеса ловкостью перемахнул почти через весь провал, не дотянув до его противоположного края всего пару шагов. Что, однако, не закончилось для раскольника падением в шахту. Ухватившись ручищами за кромку площадки третьего этажа, он подтянулся, и не успели мы спустить курки, как акробат уже мчался что есть мочи вверх по лестнице. Аномальной же энергии в громиле бурлило столько, что казалось, будто он бежит, вообще не касаясь ногами ступенек.

Зачем врагам понадобилось выстраивать стальную крепость, стало ясно, когда из-за барьера вырвался второй прыгун, который начал восхождение тем же маршрутом, что и первый. Искатель быстро вынес урок из своих ошибок и предпочел отправлять «буянов» в бой поодиночке, доставив их на стартовую позицию под прикрытием брони. Избранная ими тактика позволяла атаковать с высокой скоростью, не превращая себя в легкие мишени и не мешая друг другу на узкой лестнице. Едва второй прыгун достиг третьего этажа – а лидер забега, соответственно, четвертого, – как вослед им стартовал следующий громил, и еще как минимум двое топтались в ожидании своей очереди.

Мы сосредоточили огонь на первопроходце, которому удалось столь же лихо преодолеть второй провал, зияющий между четвертым и пятым этажами. Последний обрушенный пролет находился аккуратно перед моей площадкой, а у нас все не получалось обездвигнуть приближающегося к нам противника. Он несясь вверх по ступенькам с легкостью чемпиона мира по тройному прыжку. Чтобы попасть такому шустрику в ноги, надо было являться более метким стрелком, чем наш бравый майор. Поэтому он, не блеснув снайперской стрельбой, вскочил с пола и сбежал ко мне на площадку, собираясь встретить громилу у края разделяющего нас и его провала.

Хронологию последующей стычки я помню плохо, ибо в те считанные минуты, что она длилась, уместилось столько событий, сколько человеческая память просто не в силах зараз разложить по полочкам. Неудивительно, что многое после этого почти сразу же забывается. Вот и мне наверняка удалось запомнить далеко не все. Хотя, возможно, оно и к лучшему. Есть в жизни вещи, запоминать которые во всех подробностях совершенно не хочется...

Кальтер со вскинутой винтовкой сбегает по ступенькам, когда лидер прыгунов достигает последнего провала. Я всадил в него уже полдесятка пуль, но все они угодили в живот или бедра и не остановили врага. Он отталкивается от края площадки и взмывает в воздух, а я с ужасом осознаю, что громил разогнался настолько, что возьмет препятствие сразу, да еще с запасом. Это означает, что штыкового боя, которого так опасался компаньон, теперь не миновать. Только кто бы выдал мне винтовку с пристегнутым штыком и показал, как воевать ею против такой свирепой нечисти.

Однако пока прыгун находится в полете, пуля майора настигает его, снося коленную чашечку и почти отстреливая ногу. Приземлившись прямо перед нами громил плюхается на подкосившиеся колени с такой силой, что под ним крошатся бетон и кафель. Инерция увлекает «буяна» вперед, но

упасть он не успевает, поскольку его распухшая рожа очень кстати встречается с ботинком Кальтера, который с ходу отоваривает коленопреклоненного врага мощным пинком. Я не раздумывая подключаюсь к избиению и добавляю раскольнику тем же ударом по тому же месту. Слышен ласкающий слух хруст раздробленной челюсти, и вместо того, чтобы грохнуться ниц, вражина валится навзничь. Именно так, как нам нужно.

Позади у «буяна» уже не площадка, а пропасть, куда он немедля и срывается, кувыркаясь, сшибая за собой перила и ударяясь о края лестничных пролетов. Но нам с Тимофеичем некогда созерцать его драматичное падение. К провалу уже приближается второй прыгун, желающий растерзать нас ничуть не меньше, чем его обломавший зубы – и фигурально, и буквально – предшественник.

Этот громила доставляет нам побольше хлопот, и все потому что и у меня, и у Кальтера как назло иссякают магазины. Даже предупредительный окрик «Заряжаю!» мы орем в один голос, отчего не слышим друг друга, а когда смекаем, что стряслось, прыгун уже летит к нам с распростертыми руками. И объятья, в которые он намерен нас заключить, будут отнюдь не дружескими.

– Берегись! – кричит майор, отскакивая к лестнице и на ходу выхватывая новый магазин. Компаньону в этом плане намного проще, нежели мне. Даже имея обе здоровые руки, перезарядить сразу два пистолета – задача весьма хлопотная. Это только в кинобоевиках вооруженные парой стволов, крутые герои перезаряжают их на счет «раз-два». Я же подобным приемам, к сожалению, не обучен. Благо хоть вовремя соображаю, что лучше оставить пистолеты в покое, и вместо судорожной перезарядки хватаюсь за мачете, проку от которого сейчас может оказаться намного больше. Или не оказаться вообще, но в любом случае даже зыбкий аргумент всегда выглядит привлекательнее дюжины ничем не обоснованных догадок.

Я успеваю вернуть «Вальтер» и «Глок» в кобуры, едва прыгун ступает на площадку в трех шагах от меня, а выхватываю мачете, когда расстояние между нами сокращается до одного шага. Хорошего замаха в такой спешке, естественно, не получается. И потому мне не приходит в голову лучшей идеи, чем просто взять и ткнуть клинком прущему на меня противнику в лицо. Стиснув до боли в пальцах рукоять, я с диким воплем вонзаю не слишком острый, утяжеленный конец мачете прямо во вражеский рот. Скрежещут о металл ломающиеся зубы, а клинок рвет громиле язык, небо, гланды и останавливается, лишь упершись в позвоночник. А я продолжаю налегать всем телом на рукоять, пытаюсь оттолкнуть от себя пропитанную яростью ходячую грудку мускулов.

Но враг абсолютно не чувствует боли, и в итоге это он толкает меня, вынуждая пятиться и шаг за шагом сдавать позиции. Мои вытянутые руки плюс полуметровое мачете позволяют пока дистанцироваться от раскольника, но стоит только выдернуть клинок, как громила неминуемо обрушит свои кулачищи мне на голову. После чего наш рукопашный поединок моментально завершится, причем без единого шанса для Мракобеса взять у противника реванш. К счастью, я знаю, что наше противостояние продлится недолго и подмога в лице Тимофеича вот-вот подоспеет.

Простительно то, что он не сумел перебить ноги резво скачущему «буяну». Но если бы майор промахнулся хоть раз, стреляя по нему в упор, я бы Тимофеичу такого позора вовек не простил. Компаньону, безусловно, также не хочется портить себе репутацию, и потому он меня несколько не разочаровывает. Два выстрела, и громила, не выпуская из рта мачете, падает передо мной на колени, будто собирается умолять несостоявшуюся жертву о прощении. Я в ярости выдергиваю клинок, заодно уродуя лицо врага кривой улыбкой Гуинплена, и, замахнувшись, собираюсь расколоть ему надвое череп. Но майор перехватывает меня за локоть и не дает этого сделать.

– Отставить! – орет он. – Бомба! «Трамплин»!

Я вне себя от злости, но смысл предупреждения улавливаю: от взрывоопасных слуг Искателя, как и от обычных бомб, надо избавляться аккуратнее. Лучше всего так, как мы поступили с первым прыгуном, – просто спустить его в пролом. Однако заниматься этим сейчас совершенно нет времени. К нам во весь опор скачет новый посланник смерти, столь же свирепый и не ведающий страха, как остальные. Поэтому мы с компаньоном отпихиваем обезноженного противника в угол и встречаем очередную угрозу.

Кальтер опять промахивается, и «буян» сигает через провал, не получив фатальных повреждений. Но тут свое веское слово говорю я и парой взмахов мачете решаю исход третьего раунда в нашу пользу. Этот враг оказывается не столь легок на подъем и не преодолевает преграду с наскока. Но ему удастся уцепиться за край площадки так же, как он проделывал это на нижних этажах. У меня нет ни секунды на перезарядку пистолетов, зато есть наготове средство, которое быстро избавляет чересчур назойливых

прыгунов от привычки хвататься за все подряд. Мачете перерубает раскольнику кисти еще до того, как он успевает подтянуться, и громила отправляется в свой последний полет по уже проторенному лидером маршруту.

Следующий прыгун оказывается самым неуклюжим из всех. Он так долго выкарабкивается из второго провала, что его настигает приятель, стартовавший позже. У того с координацией полный порядок. Он легко перемахивает через обрушенный пролет и оказывается на три шага впереди нерасторопного громила. И теперь эти двое мчатся вверх по лестнице друг за другом, будто соревнующиеся спринтеры.

Я прячу мачете в ножны, наскоро меняю в пистолетах магазины и с ходу открываю огонь по приближающимся раскольникам. Нашей огневой мощи и так едва хватало, чтобы сдерживать их натиск, и если мы сей же момент не выведем из строя одного из прыгунов, они, боже упаси, ворвутся на нашу площадку вместе. Поэтому я поливаю их свинцом сразу из двух стволов и молюсь, чтобы как минимум одна из выпущенных мной пуль оказалась счастливой.

А Тимофеич почему-то не стреляет, хотя я отлично помню, что после перезарядки он нажимал на спусковой крючок всего дважды. Упорно не стреляет, однако винтовку не опускает. Да что с ним такое стряслось? Заклинило оружие? Тогда какого черта он застыл столбом и даже не пытается починить наш главный калибр?

Кальтер ждет. А чего конкретно, я понимаю в последнее мгновение, когда прыгуны друг за другом взмывают над провалом. Две гориллообразные фигуры готовы спикировать на нас, словно бескрылые ангелы смерти, – по одному на меня и компаньона. Захватывающая дух кульминация нашего неофермопильского сражения, в котором, согласно исторической правде, должен победить, увы, не храбрый, а более многочисленный противник...

Ан нет, майор с таким положением дел отнюдь не согласен, ведь он еще не опустошил все свои пороховницы. Причем делает он это, руководствуясь не гневом, а хладнокровным расчетом. Что ни говори, а я в такой бешеной суматохе сроду не спланировал бы подобную контратаку, выверенную с точностью до доли секунды. И тем паче не реализовал бы ее на практике. Пожалуй, мне было бы проще забить трехочковый мяч в баскетболе, стоя под своим кольцом спиной к корзине противника.

Куприянов терпеливо выжидает, пока оба раскольника не утратят под ногами опору, после чего отскакивает влево, прямо наперерез прыгунам, и только потом стреляет. Зачем он занимает, казалось бы, самую невыгодную и опасную позицию, становится понятно позже. По замыслу компаньона, в момент выстрела он и обе его мишени должны непременно располагаться на одной прямой. А дальше все решают усиленный заряд картечи и простейшая физика движущихся тел, грамотное использование которой, поверьте, иногда может спасти вам жизнь.

Подствольник Кальтера громыхает, словно маленькая мортира, и выплевывает навстречу первому прыгуну ударную дозу свинца. На таком коротком расстоянии до цели картечь не успевает рассеяться и лупит по ней все равно что пушечное ядро. Голова, шея и правое плечо «буяна» превращаются в мясокостный фарш, а оторванная рука шмякается о стену, оставляя на ней кровавую кляксу. Тело, не достигая площадки, выписывает в воздухе неуклюжее сальто назад и врежется в летящего следом раскольника. На что, собственно говоря, стрелок изначально и рассчитывал.

И без того не отличавшийся расторопностью, этот «буян» мог и сам недопрыгнуть до края площадки, а столкнувшись в полете с тушей собрата, лишился последнего шанса перемахнуть через провал. Два кувыркающихся тела – одно мертвое, а другое пока живое – унеслись в шахту и присовокупили себя к валяющимся внизу телам прочих охотников за нашими головами.

– Минус пять, етит вашу мать! – плюю я вдогонку падшим на бетон «ангелам смерти». Однако правильнее было бы проорать «минус четыре с половиной». Безногий громила, которого мы не успели скинуть в провал, подползает сзади и вцепляется мне в лодыжку.

– Берегись! – кричит майор, но я уже вижу, в какую неприятность угодил, и рывком высвобождаюсь от хватки недобитого врага. А затем оборачиваюсь и в упор разношу ему голову из обоих стволов. И только отскочив на лестницу, замечаю, что с полумертвым раскольником творится что-то неладное. Кожа на его раздувшемся теле лопается, а из глубоких рваных ран фонтанирует кровь вперемешку с ошметками мускульных тканей и внутренних органов. При этом громила трясется в дикой конвульсии, от которой площадка у нас под ногами ходит ходуном вместе с перилами.

Даже неизвестно, чего я пугаюсь больше: взрывоопасного полутрупа или его четверых боеспособных братьев из группы прикрытия. Они дружно бросают щиты и устремляются наверх в тот

момент, когда Тимофеич сшибает влет одним выстрелом сразу двух прыгунов. Мы еще можем дать третьей вражеской волне отпор, но для этого нам нужно срочно избавиться от распадающегося на глазах тела. Только как это сделать? Его конвульсии просто чудовищны, а клочки плоти и брызги крови разлетаются во все стороны, отчего на площадке уже не осталось ни единого чистого пятка. Будь у нас при себе багор, тогда мы, вероятно, справились бы с агонизирующим врагом, но совладать с ним голыми руками нам не под силу.

– Отходим! – Кальтер указывает на дверь, ведущую в коридор шестого этажа. Майору, как и мне, очевидна безвыходность нашего положения, и он решает отступить на вторую линию обороны – дверной проем. Отойти к главной лестничной шахте – плановому маршруту нашего бегства, – не получится при всем старании. Гостиничный коридор слишком длинный, и слуги Искателя настигнут нас еще до того, как мы приступим к спуску. Придется сначала задержать их тут, а потом, если повезет, думать об окончательном отступлении.

Кальтер загоняет в подствольник последнюю гранату; я меняю почти пустые магазины на полные, дабы не угодить впросак, как в прошлый раз. Четверо «буянов» преодолевают второй провал и, удерживая между собой безопасную дистанцию, быстро движутся к последней разделяющей нас преграде. Грядет наш последний и решительный бой! А может, не последний, если нам хватит решительности отбиться от осатанелых раскольников. Хотя чем дальше, тем вряд ли нам будет легче даже несмотря на то, что мы уничтожили больше половины вражеской пехоты...

Превратившееся в груды разодранной плоти, распластанное на площадке тело, казалось, не преподнесет нам больше никаких сюрпризов. Но оно преподносит, и в итоге чуть было не свернувший мне шею противник встает на нашу защиту и отбивает третью атакующую волну. Мы с майором не истратили на этих «буянов» вообще ни одной пули! Что, впрочем, не являлось великим достижением, ибо раскольникам также повезло отделаться минимальными потерями.

Агонизирующее тело утихомиривается, когда громилы подбегают к провалу. Но едва их лидер ступает на край, как труп внезапно взрывается. Его ошметки долетают даже до нас, хотя мы сидим далеко от эпицентра взрыва. И когда через миг кровавый ливень прекращается, на том месте, где мы только что держали оборону, вспучивается и сразу же с шумом лопается громадный полупрозрачный пузырь. Затем опять вспучивается и лопается. А после вновь надувается, но шарахает уже с утроенной мощью, потому что перепрыгнувший провал раскольник попадает точно в эту пульсирующую сферу. Она же перекрывает собой всю площадку и часть идущего вверх лестничного пролета, и теперь мы смотрим в шахту словно сквозь гигантский круглый аквариум, искажающий реальность, подобно выпуклой линзе.

«Трамплин» недаром носит столь недвусмысленное название и всякий раз его подтверждает, когда расправляется с очередной своей неосторожной жертвой. Сиганувший прямо в центр аномалии прыгун подбрасывается ею вверх и впечатывается в потолок, да так крепко, что дальнейшее падение с шестого этажа на бетонный пол, должно быть, кажется громиле уже не таким жестким. От удара раскольничьего тела потолочная плита трескается и обрушивает вниз дождь битой штукатурки, а у самого прыгуна наверняка остается очень мало целых костей. Мне еще не приходилось сталкиваться с такими свирепыми «трамплинами», но поскольку этот являл собой, можно сказать, уникальную авторскую работу, стало быть, и удивляться тут абсолютно нечему.

– В яблочко! – не удерживаюсь я от восторженного комментария. Еще бы мне не радоваться! Каждой рыбе приятно наблюдать, как тонет рыбак, запутавшийся в собственных сетях...

Исполнившись надеждой, что раскольники еще трижды повторят для нас на бис трюк с «трамплином», я в итоге испытываю разочарование. Громилы – вовсе не полные кретины, и уже следующий прыгун отказывается перемахнуть через провал. Все они так и застывают в нерешительности на краю площадки, поглядывая исподлобья то на нас, то на аномалию. Обосновавшись на стратегически важном для нашего противника плацдарме, она вновь успокаивается и начинает пульсировать, будто подначивая «буянов» на еще одну попытку: мол, а вдруг вам, парни, теперь все же повезет?

Слуги Искателя на эти подначки не поддаются и, развернувшись, бегут вниз по лестнице. Обратная дорога требует от них куда меньше усилий, и, вновь перескочив через провалы, вскоре троика громил уже вытаскивает наружу лежащие у подножия лестницы тела собратьев. Которые бьются в судорогах и, видимо, тоже должны с минуты на минуту явить на свет несколько новорожденных «трамплинчиков». Но, судя по спешке, с какой эвакуируются павшие враги, и багровому свечению, что

вновь засверкало перед пожарным выходом, Искатель планирует воскресить своих павших в битве бойцов. Или, в крайнем случае, привести их в худо-бедно боеспособное состояние. А значит, нужно ожидать нового штурма, возможно, намного более стремительного и беспощадного, чем тот, который только что завершился...

Уф! Ну и утречко! Под статью вчерашнему горячему деньку, это точно. Будь я адреналиновым наркоманом, сейчас просто трясся бы в экстазе. Однако от дрожи, что колотит меня, я испытываю не больше удовольствия, чем от пребывания голышом на лютном северном ветру. Какой уж тут кайф – дожить бы до обеда, и то счастье...

Даже то обстоятельство, что теперь на нашей стороне выступает вражеский «трамплин», ничуть нас не утешает. Путем несложных для Искателя манипуляций с аномальной энергией он мог создать новую штурмовую команду, которой никакие «трамплины» будут нипочем. А нам оставалось лишь сидеть, пересчитывать боеприпасы и поглядывать на часы. Как все обернется к вечеру, было одному Богу известно, но пока дела продвигались относительно неплохо. За исключением, пожалуй, того, что за этот короткий, но яростный бой мы расстреляли почти половину оставшихся патронов, а время в минуты затишья по-прежнему тянулось очень и очень медленно. Настолько медленно, что порой мне начинало казаться, будто оно вообще остановилось...

Глава 15

Миновал полдень, но в стане врага все еще кипела усиленная подготовка к новой атаке. Яркие вспышки и суэта у стен «Полесья» не прекращались ни на минуту, разве что металлического громохання больше не было слышно. Брошенные раскольниками люки от бронетехники так и остались лежать на ступеньках, а значит, Искатель не собирался возвращаться к давешней тактике. Которая почти себя оправдала, и если бы не перегородивший лестницу «трамплин», неизвестно, дожили бы мы с компаньоном до полудня. Наша спасительная аномалия все еще пульсировала на площадке и вроде бы не собиралась исчезать в ближайшем будущем. Кто знает, возможно, лишь благодаря ей мы получили в подарок эту отсрочку, растянувшуюся аж на четыре с половиной часа.

Принимая во внимание немногословность Кальтера, можете себе представить, сколь тягостным было для меня это времяпрепровождение. Чтобы хоть как-то развеяться и не рехнуться от изматывающего нервы напряжения, я взялся придумывать тему для разговора, которая покажется Тимофеичу интересной и заставит его дать мне чуть более развернутый ответ, чем односложный. Задача не из легких, учитывая, что после пары-тройки неудачных попыток майор велит мне заткнуться и вообще категорически откажется разговаривать. Но, похоже, за двое суток я малость поднаторел в общении с этим нелюдимом, поскольку первый же затронутый мной вопрос угодил в цель и позволил вызвать компаньона на откровенность.

– Послушай, Тимофеич, я тут в последний час размышляю обо всем, что ты мне вчера рассказывал, – обратился я к нему после того, как очередное оживление в стане врага опять-таки не перешло в штурм. – Знаешь, что еще помимо всяких временных заморочек кажется мне странным?

– Нет, – равнодушно буркнул Куприянов.

– А вот что, – продолжал я. – Представь, что однажды отыщется писака, который возьмет и сочинит про тебя книгу, а какой-нибудь высоколобый критик ему потом заявит: дескать, вранье все это – сроду не поверю, что такой – уж извини, старик, – жестокий убийца способен на духовное перерождение! Вот мне и интересно, что бы ты сам на это ответил.

– Ничего, – проворчал Кальтер, продолжая неотрывно наблюдать за пожарным выходом. – Чтобы спорить с гуманитариями о духовности, надо иметь такой же высокий лоб, как у них. Мне в этом плане, увы, похвастаться нечем. Да и спорщик из меня, если честно, как из кровососа – воспитатель детского сада. В том институте, который я закончил, нас учили докапываться до истины более практичными способами, нежели вступая в пустопорожные дискуссии.

– С помощью ножа и «сыворотки правды»?

– Не обязательно. Но иногда мне действительно приходилось заниматься извлечением истины хирургическими методами. Всякое бывало.

– И все-таки, Тимофеич. Ну хоть что-то ты мог бы сказать в свое оправдание? – Я смекнул, что, несмотря на отговорку майора, мое гипотетическое предположение вынудило его задуматься. Мне надо было лишь деликатно настаивать на своем, чтобы добиться от собеседника более конкретного ответа.

Или приказа закрыть рот – опять же куда кривая нашей беседы вывезет.

– Какой смысл ты вкладываешь в определения «жестокий» и «духовное перерождение»? – попросил уточнения компаньон. Кажется, кривая начала мало-помалу выкручиваться в правильную сторону.

– Что значит какой смысл? Самый что ни на есть обычный, – я пожал плечами. – Неужто мне нужно объяснять подобные вещи человеку, который старше меня на полтора десятка лет?

– Нет, не нужно. Спасибо, я отлично тебя понял, – поспешил заверить меня майор. – Спрошу иначе: а с чего ты вообще взял, что Кальтер жесток и что теперь он духовно переродился?.. Ладно, молчи, я наперед знаю, что ты ответишь. Поэтому давай развею твои мальчишеские заблуждения по порядку. Первое: на самом деле я вовсе не жестокий человек. Или скажем так: не более жестокий, чем профессиональный убийщик скота, который за пределами своего цеха и мухи не обидит. Моя «болезнь» называется полной эмоциональной невосприимчивостью. Полагаю, это свойство психики у меня врожденное, потому что вырос я во вполне обычной семье и в детстве не переживал ни сильных стрессов, ни душевных потрясений. Я не убивал из рогатки птиц, не мучил собак и кошек и вовсе не был задирой, а если вступал в драку, то только давая обидчику сдачи. Единственное, что отличало меня в те годы от сверстников, – это нелюбовь к участию в шумных подвижных играх, хотя физически я был развит довольно хорошо. Просто я терпеть не мог находиться в гуще криков, суеты и споров, зато любил наблюдать за игроками со стороны и предугадывать, что они предпримут в следующий момент и как это отразится на ходе игры. Бурлящие вокруг нее эмоции и страсти меня совершенно не волновали, и я не сопереживал ни одной играющей стороне. Даже когда игроки порой получали травмы, я считал это не трагедией, а всего лишь неучтенным игровым фактором, который был интересен мне своей непредсказуемостью, вынуждающей вносить поправку в мои стратегические расчеты. Поэтому в школе я был предрасположен к точным наукам и имел посредственные оценки по остальным дисциплинам.

– Наверное, тебе нравилось быть судьей, а не болельщиком, – предположил я.

– Вовсе нет, – возразил Куприянов. – Потому что судья так или иначе находится в центре общего внимания, а я любил всегда и везде оставаться в тени. Шахматы и фотография – ими ограничивалась моя общественная жизнь в школе. Зато уже в двенадцать лет я нередко обыгрывал руководителя шахматного кружка, а сделанные мной снимки занимали призовые места на областных художественных выставках. Говорили, что у меня талант фотографа, но весь секрет крылся лишь в терпении, с каким я порой часами выискивал удачные ракурсы для съемки. Когда остальные мои приятели по фотокружку изводили метры фотопленки на всякую ерунду, я мог отснять всего один кадр. Но это был тот самый «правильный» кадр, который надолго врежется в память всякому увидевшему фотографию... Да, хорошее было время, кто бы сегодня про него что ни говорил.

– Тем не менее, старик, сейчас ты находишься здесь, а не получаешь свою Пулитцеровскую премию, – заметил я. – И на то, стало быть, имеется своя веская причина, верно?

– Вернее не бывает, – подтвердил Тимофеич. – Однако даже сложись все иначе, сомневаюсь, чтобы в будущем я связал свою жизнь с фотографией. Хотя фотографировать в зарубежных командировках мне за двадцать лет службы приходилось много, не спорю. Вот только это были уже не те снимки, которые можно поместить в рамочку и повесить на стену. Впрочем, мы с тобой ведем речь о жестокости, а не об искусстве, так что не будем отвлекаться... Никто не считал мое странное для ребенка хладнокровие чем-то из ряда вон выходящим, пока в пятом классе со мной не случился один пренеприятный инцидент. Мы тогда переехали из тихого поселка в большой город, и мне пришлось привыкать к другой школе и ее порядкам. А они разительно отличались от тех, в которых я проучился пять лет. Очень разительно. Здесь меня впервые в жизни избили в школьном туалете и отобрали карманные деньги. И ладно бы, если бы этим все ограничилось. Когда та банда кандидатов в ИТК для малолеток узнала, что я – новенький, да еще живу не на их улице, меня обязали покупать еженедельный билет на право хождения по школьным коридорам. Тридцать копеек – столько он стоил. По тем временам – цена одного похода в кино на вечерний сеанс. Смешная сумма даже для обычного советского школьника. Мать давала мне на карманные расходы рубль в неделю, поэтому я мог позволить себе платить дань «сортирным королям». Однако не все было так просто...

– Понимаю: у тебя разыгралась гордость, – кивнул я.

– Не гордость, а банальный математический расчет, – уточнил Кальтер. – Все обложенные данью мальчишки – от четвероклассников до семиклассников – платили и помалкивали в тряпочку, так что никакого ущерба мое достоинство в их глазах не претерпело бы. Я просто прикинул в уме и решил, что,

выплачивая десять-одиннадцать рублей в год в течение нескольких учебных лет, я фактически подарю этим подонкам новенький велосипед. Чего они, по моему мнению, совершенно не заслуживали. Я готов был безоговорочно признать за ними право сильного, но не такой ценой. И решил поторговаться, чтобы сбить ее хотя бы вдвое. На что они рассмеялись мне в лицо и заявили, что я – позорный жмот, а со жмотами у них разговор особый. И, многозначительно посмеиваясь, удалились. Я спросил у слышавших наш разговор одноклассников, что означает эта угроза, и узнал, что после уроков меня ждет публичная экзекуция за школьными гаражами...

– Знакомая ситуация, – хмыкнул я. – Меня тоже били в детстве за школьными гаражами. Как видишь, выжил.

– И со мной наверняка ничего серьезного там не случилось бы. Но сидя на последнем в тот день уроке, я был в этом совсем не уверен. Потому что когда получал по ребрам в школьном туалете, понял, что в следующий раз боль может оказаться сильнее меня и я сломаюсь. Я боялся сломаться и опозориться даже больше, чем боли. А тем более осрамиться на людях, но ведь для этого и устраиваются публичные экзекуции, разве не так? Я не мог удрать или сдать этих рэкетиров директору, потому что это тоже влекло за собой позор, причем гораздо более сильный. Я чувствовал, что от бессилия предотвратить собственное унижение вот-вот ударюсь в панику, и тут меня осенило, как можно избежать похода на местную Голгофу. Это был простой, но эффективный план, все нюансы которого я еще мог обдумать до конца урока. И как только я сосредоточился не на эмоциях, а на стратегии своего поведения, случилось маленькое чудо: на меня вдруг снизошло успокоение. Все происходящее со мной стало видеться лишь игрой, в которой я из наблюдателя превратился в игрока. Мне было по силам предугадать дальнейший ход противника, как, впрочем, и ему – мой. Но если враг вряд ли был склонен к тактическим импровизациям, то я еще мог подкинуть ему весьма неприятный сюрприз...

Тимофеич не был хорошим рассказчиком. Но он умел заострять внимание на ключевых деталях своей истории, отчего она четко вырисовывалась у меня перед глазами даже при минимальном количестве сопутствующих подробностей. Рассчитывая вызвать майора на разговор, я и не надеялся, что он проявит ко мне столь щедрое снисхождение. И тем не менее компаньон удостоил меня такой чести, за что я был ему премного благодарен. Неужто Мракобесу и впрямь удалось заслужить доверие такого мнительного типа, как Кальтер?..

Вот двенадцатилетний пионер Куприянов остается после уроков один в пустом классе, наблюдая через щель в шторах, как перед парадным входом школы начинают собираться зеваки. Стараниями «сортирных королей» весть об экзекуции над «позорным жмотом» уже облетела учеников, и потому недостатка в зрителях не ожидается. Однако Костя не торопится. Не потому что боится, хотя страх, разумеется, никуда не делся и все так же гложет его изнутри. Но теперь этот зверь у него под контролем и загнан в клетку. Хладнокровный не по возрасту мальчик сумел смириться с неизбежным и теперь просто ждет, когда нетерпение жаждущей его крови толпы достигнет пика. Так надо, потому что Куприянову нужно полное внимание публики. Каждый из собравшихся внизу свидетелей должен воочию увидеть то, что задумал Костя, и запомнить сегодняшний день на всю оставшуюся жизнь. Это – неотъемлемая часть его плана. А пока пусть все решат, что он трусил. Тем неожиданнее окажется развязка назревающего спектакля.

Противников было пятеро, все – старше Кости на два года. Драться с ними в одиночку бессмысленно – повалят на землю и намнут бока, не успеет пятиклассник даже замахнуться кулаком. Помощи ждать тоже неоткуда. Кому из местных захочется вступить за чужака, не отучившегося с ними и недели? Единственная сплоченная компания в школе – это как раз «сортирные короли». Имейся здесь хотя бы две конкурирующие банды, Куприянов нашел бы способ заручиться поддержкой врагов своих врагов. Но, к сожалению, нынешняя диспозиция сил не позволяла реализовать подобный сценарий на практике.

По оживлению зевак Костя смекает, что на крыльце показались экзекуторы. А вон и они сами: гогочут, как кони, да сквозь зубы поплевывают. Корчат под окнами директорского кабинета вид, что ничего предосудительного не происходит. По этой же причине и «жмота» перед парадным входом никто лупить не станет. Наоборот, обнимут за шею, как закадычного приятеля, и с нарочито дружелюбными шутками-прибаутками проводят за гаражи. Но обнимут так крепко, что будущая жертва и пикнуть не посмеет. Поэтому Косте нужно любой ценой суметь уклониться от этих объятий и осуществить свой план сразу по выходу из школы. Никаких заминок и колебаний. Решение принято, и

назад дороги нет.

Пора... Дольше выдерживать драматическую паузу не имеет смысла. Теперь все в сборе и ждут только его.

Куприянов снимает пионерский галстук, предательски душивший его весь последний урок, берет портфель и направляется к двери. В фойе на первом этаже отирается парочка четвероклассников – «королевских» шестерок. При виде «жмота» они моментально выскакивают на улицу оповестить приятелей о том, что жертва вот-вот появится на крыльце. Костя предвидит и это. Пускай глашатаи трубят о его выходе. Он не за тем проторчал столько времени в пустом классе, чтобы потом пытаться проскочить через школьный двор незамеченным.

А публика и впрямь заждалась. Предвкушающие веселье «шестерки» даже услужливо распахивают перед «жмотом» тяжелую парадную дверь. Десятка три пар глаз устремляются на мальчика, причем во многих он видит плохо скрываемую жалость. Ему еще неизвестно истинное значение слова «лицемерие», но в будущем оно всегда станет ассоциироваться у Куприянова именно с этой робкой, но вместе с тем изнывающей от любопытства малолетней публикой. Впрочем, то, что делает сейчас Костя, является куда большим лицемерием. Только никто, кроме него, пока об этом не подозревает.

Гогочущая пятерка «сортирных королей» устремляется к явившемуся-таки на праведный суд «жмоту», что-то выкрикивая и паясничая перед сразу примолкшей публикой. Куприянов не вслушивается в смысл обращенных к нему слов, поскольку не собирается ни о чем толковать с врагами. Сойдя с крыльца, он останавливается и ждет, когда те приблизятся. Зубы у Кости крепко стиснуты, а на лице застыла равнодушная маска. И публика, и «короли» видят перед собой смилившуюся со своей участью жертву, которая пытается сохранить хотя бы остатки достоинства. Привычная, в общем-то, картина. Многие жертвы ведут себя так, пока не оказываются за гаражами. Ну а там для каждой из них наступает один итог. Все зависит лишь от того, насколько разозлены экзекуторы и какую унижительную расправу они изобретут на сей раз.

Покосившись с опаской на окна директорского кабинета, заждавшиеся Костю хозяева его судьбы понижают тон и переходят на спокойный шаг. Со стороны и правда все выглядит как самая натуральная дружеская встреча. Куприянов уже догадался, кто из «закадычных приятелей» будет непосредственно препровождать его на «лобное место». Из их группы выступают двое наиболее велеречивых паяцев, чьи ухмылки больше похожи на шакальи оскалы, а визгливые голоса режут слух, как звуки бормашины. Все правильно: помнится, утром в туалете эта парочка также держала речь от всей их «сортирной» компании и первая же пустила тогда в ход кулаки. Что ж, значит, так тому и быть. «Жмоту», если честно, совершенно без разницы, кто в этой банде заводила. Сейчас Костя видит перед собой не людей, а лишь безликие силуэты наподобие оживших шахматных фигур. Две из которых, сами того не ведая, только что совершили необдуманный ход и подставили себя под удар.

Костя терпеливо стоит на месте до тех пор, пока неумолкающие трепачи не оказываются прямо перед ним. А потом, не дожидаясь, пока они перейдут от слов к делу, швыряет портфель в грудь того противника, который держится на полшага дальше своего приятеля. Швыряет несильно, ибо портфель – лишь отвлекающее оружие, а главное в этот момент появляется у Куприянова в другой руке. Спрятанный доселе в кулаке, наполовину сточенный деревянный карандаш выскакивает между средним и безымянным пальцем, будто коготь, и в следующее мгновение вонзается ближайшему противнику в левый глаз. После чего тут же извлекается Костей наружу и без промедления бьет в правый глаз «короля», который инстинктивно поймал брошенный в него портфель и еще не отшвырнул его на землю. Все происходит буквально на счет «раз-два-три», и когда мальчик выдергивает карандаш из глазницы второго врага, первый еще даже не начинает вопить. Куприянов же отбирает назад портфель и, держа руку с окровавленным карандашом перед собой, отскакивает к крыльцу.

Трое приятелей, топчущихся за спинами заводил, видят, что «жмот» набросился на них, и спешат было на подмогу. Но успевают сделать лишь пару шагов, после чего замирают на месте с выпученными глазами и отвисшими чуть ли не до колен челюстями. Один из них тут же падает на колени, содрогаясь от спазмов рвоты, другой ошарашенно пятится и, споткнувшись, падает, а третий начинает орать чуть ли не громче пострадавшей парочки, вместе взятой. Которая оглашает школьный двор таким диким ревом, что половина зрителей как по команде в ужасе бросается врассыпную. Оставшаяся публика застывает на подкосившихся ногах, будучи не в состоянии отвести глаз от залитых кровью лиц несостоявшихся экзекуторов, что как подкошенные оседают на асфальт и начинают кататься по нему с

душераздирающими воплями.

А пионер и хорошист Костя Куприянов бросает на землю ненужное ему больше оружие и, отвернувшись от охватившего школьный двор безумия, не оглядываясь шагает домой...

– ...Где я как ни в чем не бывало пообедал и сел учить уроки, – закончил Кальтер свою короткую драматичную историю. – Причем успел выучить их до того, как родители примчались с работы, едва им обоим сообщили о моем чудовищном поступке. И в эту ночь, и в последующие я спал как убитый, хотя мать и отец не сомкнули глаз от пережитого потрясения, наверное, целую неделю. И было мне тогда, напомним, всего двенадцать лет. Сопливый пацан, который без колебаний выбивает карандашом глаза своим обидчикам и при этом остается хладнокровным и полностью адекватным – можешь представить себе такое?

Я помотал головой.

– Тем не менее это сущая правда, – заверил меня майор. – Согласен, действительно уникальный случай. Но самое интересное началось потом, когда меня исключили из пионеров, поставили на учет в милицию и отдали на растерзание психиатрам. Три года они со мной мучились, пытаясь признать психом, но все без толку. Порой такие тесты устраивали, что, казалось, тот, кто их разработал, сам был чокнутым на всю голову. Спасибо отцу, он имел неплохие связи и добился моего перевода в другую, более спокойную школу, не позволив упечь в специнтернат, на чем настаивали родители пострадавших. «Да ты ведь мог их запросто убить!» – стращали меня тогда все кому не лень. «Никак не мог, – возражал я. – Если бы мне нужно было их убить, я взял бы карандаш подлиннее. А тем огрызком при всем старании нельзя было достать до мозга. Поэтому я и выбрал самый короткий из всех своих карандашей». И докторам то же самое не раз говорил. И никогда мой пульс при этом не учащался, сколько они ни старались зафиксировать обратное. «Но зачем ты вообще так поступил?» – их второй излюбленный вопрос. «Это была самозащита. Обычная самозащита, только и всего. Как по-другому мне еще было отбиться от пятерых более сильных противников?» – отвечал я. «А если с тобой снова произойдет подобный случай, что тогда?» – вопрошали мозгоправы. «Постараюсь обойтись более гуманными методами, – объяснял я. – Но не из-за того, что осознал свою ошибку и не желаю больше ее повторять. Причина в другом. Вы ведь только и ждете, когда я опять пущу кому-нибудь кровь, чтобы упечь меня в психушку и с чистой совестью умыть руки. Не дождетесь. А не верите – давайте поспорим!»

– Что, прямо так и заявлял докторам в двенадцать лет?

– Ну, не дословно, конечно, но примерно в таком духе, да. И сдержал слово. А через пять лет сунул им под нос аттестат о среднем образовании без единой тройки и поступил в военное училище. А уж там волей-неволей угодил под колпак организации, в которой человека с моей бронированной психикой встречают с распростертыми объятьями... Так о чем мы сейчас говорим, Мракобес: о банальной жестокости или об уникальном таланте, который проявился в раннем возрасте и затем нашел себе применение там, где он оказался действительно востребован?

– Спорный вопрос, Тимофеич. – Я озадаченно потер переносицу. – Мне, да и любому другому сталкеру, который давно живет по законам Зоны, тебя легко понять. Но вот какого-нибудь гуманиста, который даже рыбу не может выпотрошить, чтобы не озадачиться вопросом, тварь ли он дрожащая или право имеет, либо добропорядочного христианина ты вряд ли убедишь своей аргументацией.

– Гуманизм – мыльный пузырь, – ответил майор. – Ты сразу перестаешь фантазировать о том, как вольготно жилось бы человечеству, будь все вокруг белыми и пушистыми, когда какая-нибудь помешанная уже на своих больных идеях тварь взорвет твой дом. И куда только пропадает желание подставить под удар вторую щеку при виде растерзанных бомбами тел твоих родных? В свое время я участвовал в зарубежных карательных операциях, устроенных нами в ответ на террористические акты, что произошли в нескольких наших крупных городах. Мы уничтожили множество стратегических фигур противника, их приближенных, членов их семей и обычных рядовых исполнителей. Это была показательная акция, в которой каждое убийство имело одну-единственную цель – устрашение. Укрывшийся за границей террорист не боится наших танков и ядерного оружия. Тогда чем же его прикажете пугать? Политическими ультиматумами? Дипломатическими санкциями? Божьей карой? Да он в открытую смеется над этими заявлениями. А вот когда, вернувшись к себе в убежище, ублюдок обнаруживает близких ему людей с перерезанными глотками и понимает, что не заставший его дома палач еще вернется, ему становится уже не до смеха. Как и его единомышленникам, которые только планируют взорвать очередной поезд или угнать самолет. И это – единственная действенная мера

против подобного рода угрозы. А хладнокровные каратели, каким был я, – единственное действенное оружие для ее сдерживания. Мы существовали раньше, существуем сегодня и будем существовать еще очень долго. Хотя бы ради того, чтобы те же гуманисты сидели в своих мягких креслах и философствовали, а не разгребали руины собственных городов. В которые их превратит какой-нибудь оголтелый «борец за свободу», если мы вдруг отойдем от дел... Я не жестокий, Мракобес, и не упиваюсь тем насилием, что порой творю. Я – всего лишь профессиональный убийщик. Каратель, который делал грязную работу, с какой под силу справиться далеко не каждому солдату. И такой человек, как я, попросту не способен духовно переродиться, поскольку это элементарно противоречит моей природе. Таков мой ответ на второе твое мальчишеское заблуждение.

– А как же Вера? – удивился я. – Ведь из-за нее тебе пришлось поступиться принципами и нарушить присягу.

– Все правильно: и поступился, и нарушил, – согласился Кальтер, после чего ухмыльнулся и полюбопытствовал в ответ: – Но почему ты решил, что это непременно подразумевает мое духовное перерождение? На чем вообще основан этот странный вывод? Я что, после знакомства с Верой крикнул «Прощай, оружие!» и пошел замаливать собственные грехи, попутно возлюбив всех ближних и взявшись бескорыстно помогать сирым и убогим?

– Тогда что же с тобой стряслось?

– Думаю, всему виной обычная старость. Все мы становимся с годами сентиментальными, и от этого никуда не деться. Непреложный закон природы, не сделавший исключения даже для меня. Старики любят внуков сильнее, чем детей, и, вспоминая былое, начинают все больше сожалеть о допущенных в молодости ошибках. Контролер, что подверг меня псионической атаке в подвалах «Агропрома», разрушил во мне какой-то истончившийся с возрастом психологический барьер. Не случись этого, при встрече с Верой я без раздумий уничтожил бы ее как нежелательного свидетеля. Однако вместо того чтобы спустить курок, я с ней заговорил, и в итоге во мне проснулся запоздалый и крайне несвоевременный отцовский инстинкт. Я выказал слабость и пожалел Веру, но тех, кто мешал ее возвращению домой, убивал безо всякой жалости. Неужели в твоём понимании так должно выглядеть настоящее духовное перерождение?

– Как у тебя, Тимофеич, оказывается, все в жизни просто и понятно, – огорченно вздохнул я. – Никакой романтики. Одна голая физиология и ничего возвышенного.

– А какой еще ответ ты хотел от меня услышать? – недоуменно спросил компаньон. – Что именно я почувствовал в тот момент, когда не сумел нажать на спусковой крючок?

– Почему бы и нет? Как-никак ты ведь живой человек, а не терминатор.

– Хм... – Кальтер вновь грустно усмехнулся, опустил глаза и в задумчивости поскреб ногтем заусеницу на винтовочном магазине. – Ты, Мракобес, и так уже вытянул из меня столько личного, сколько я до тебя еще никому не выкладывал. Размяк я безбожно за последний год, чего там скрывать. А ведь и в мыслях не было, что однажды моим исповедником станет обычный сталкер, пусть даже тебя избрала мне в проводники сама Вера... Что я почувствовал, когда навел на нее автомат, но не сумел выстрелить? Мне сложно подобрать слова, чтобы выразить это неуловимое ощущение, поэтому опишу его как смогу. Представь, что ты идешь вдоль канавы, по которой тебе навстречу мчится поток воды, и вдруг видишь барахтающегося в ней котенка. Ты отродясь не держал дома ни кошек, ни собак и вообще полностью равнодушен к братьям нашим меньшим. Тебе ничего не стоит отвернуться и отправиться дальше своей дорогой. Еще немного, и вода просто пронесет котенка мимо, и его жалобное мяуканье затихнет. Обычная жизненная ситуация: сколько таких котят гибнет ежедневно повсюду – не счесть... Но что-то вдруг вынуждает тебя остановиться. Ты сворачиваешь с дороги, заходишь по колено в грязную воду и спасаешь этот живой шерстяной комочек от верной гибели. А потом несешь его домой, отогреваешь и поишь молоком. Почему?

– Да мало ли может быть на то причин. – Я пожал плечами. – Но если в случае с тобой банальная жалость исключена, тогда... э-э-э... Сам-то как думаешь?

– Мимолетная слабость, – объяснил майор. – Внезапное озарение или, наоборот, помутнение рассудка, вызванное стечением множества различных обстоятельств. Тебе кажется, что если ты не поддашься охватившему тебя сиюминутному порыву, мир тут же возьмет и перевернется. И это ощущение настолько сильно, что устоять попросту невозможно. Никто от подобного не застрахован. Другой вопрос, где и когда тебя настигает эта напасть. Ты сошел с пути, промочил в канаве ноги, но, вытащив котенка, вернулся на тропинку и поспешил домой. А вот моя канава оказалась слишком

глубока. Спрыгнув туда по вине моей синеглазой «мимолетной слабости» и сумев помочь ей выбраться, сам я был уже не в состоянии этого сделать. Однако не теряю надежду, что сегодня вечером все-таки поднимусь на берег. Не на свой – на противоположный. И пусть раньше я в тех краях никогда не бывал, однако знаю точно: там теперь мой дом. Потому что *она* мне это пообещала. Вера...

Глава 16

Новая вражеская атака разразилась сразу после обеда, но ее начало здорово нас обескуражило. Вместо живых раскольников – в смысле тех, что еще напоминали живых людей, в дверь начали врываться... мертвецы. Не сами, разумеется, а при помощи парочки громил, забрасывавших их внутрь поочередно, словно мешки с песком. Семь изуродованных безжизненных тел были свалены у лестницы в неживописную груды с непонятными нам пока намерениями, а боеспособные остатки врага так и не показались. Мы в недоумении взирали сверху на устроенную свалку и гадали, зачем перед этим Искатель почти пять часов возился с мертвецами за стенами гостиницы. Догадки рождались, как рифмы у прожженного стихоплета, и все они были одна мрачнее другой. Только вот которой из них предстояло оказаться истинной?

– Смотри-ка, а жмурики действительно белеют или это у меня уже в глазах рябит? – полюбопытствовал я у майора, когда вдруг обнаружил происходящую с мертвыми «буянами» метаморфозу.

– Белеют, – подтвердил Кальтер, тоже заметивший, как лица и прочие открытые участки вражеских тел постепенно наливаются подозрительной белизной. – И вряд ли это к добру. Давай лучше уйдем с лестницы от греха подальше.

– Не возражаю, – ответил я и, глянув напоследок на превратившихся в альбиносов громил, поспешил за Тимофеичем прочь из шахты.

Предчувствия его не обманули. Не успели мы вернуться на запасные позиции в коридоре шестого этажа, как внизу словно паровой котел прорвало. С оглушительным шипением и свистом в потолок от подножия лестницы ударил фонтан густого, как молоко, не то перегретого пара, не то похожего на него газа. Окна лестничной шахты оказались слишком узкими, чтобы позволить ему напрямую вырваться наружу, и он хлынул на этажи. И в первую очередь на наш, потому что вверху – там, где его напористый восходящий поток сталкивался с преградой, давление летучей субстанции было наибольшим.

– Газы! – скомандовал Кальтер, торопливо отстегивая притороченную к комбинезону защитную маску. Я также не мешкая облачился в противогаз, поскольку быстро заполняющее гостиницу паробразное вещество могло содержать ядовитые примеси.

Но едва дыхание этой аномалии докатилось до нас, тут же выяснилось, что оно не обжигающее и не едкое, а очень холодное, как антарктический буран. Защитные фильтры масок от такой напасти не спасали. За считанные секунды в коридоре воцарился лютый мороз. Он быстро проник под мой облегченный летний комбинезон и вызвал нешуточный озноб. Нас с компаньоном будто швырнули в рефрижератор, столбик термометра в котором стремительно падал.

– «Ледяной гейзер»! – прокричал я на ухо Кальтеру. – Помнишь, я тебе о нем по пути в Припять рассказывал? Так вот, значит, чьей энергией Искатель заряжал трупы все это время!

– Надо выдвигаться к выходу, пока мы вконец не продрогли и задницы к полу не приморозили! – уверенно заключил Куприянов.

– Золотые слова, старик! – поддержал я компаньона. – Валим нахрен отсюда, а то придется мне у тебя помимо Слитка еще северную надбавку вытребовать!

Отвратительное, доложу я вам, ощущение – чувствовать себя клопом в вынесенном на мороз диване. Разве только мелким кровососам при таком катаклизме бежать совершенно некуда, а у нас еще был шанс вновь подставить лица теплему сентябрьскому солнышку. Но следовало поторапливаться. Перспектива воевать с окоченевшими от холода руками меня совершенно не грела, как в прямом, так и в переносном смысле.

Спуск по главной лестничной шахте отнял у нас не более пары минут. Первым вниз отправился Кальтер. Пристегнувшись к своей компактной альпинистской лебедке, он, словно паук по паутине, вмиг соскользнул с шестого этажа на завал из обрушенных лестничных пролетов. Верхушка этой бетонной груды, как я ранее упоминал, находилась почти вровень с выходом на третий этаж, с которого нам

предстояло прыгать на плоскую крышу примыкающего к «Полесью» одноэтажного ресторана. Отцепившись от лебедки, майор нажал на ней нужную кнопку, и спусковое устройство отправилось обратно, двигаясь вверх по автоматически сматываемому тросу. Мне оставалось лишь поймать лебедку и снова переключить ее в спусковой режим. Благо мой вес и вес компаньона были примерно одинаковы, поэтому никакой дополнительной регулировки настроенный под Тимофеича механизм от меня не потребовал.

Мое нисхождение в шахту выдалось уже не столь безупречным. Мне пришлось прицепить лебедочный карабин к поясу, пряжка которого не была рассчитана на такие экстремальные нагрузки. Мало того что она едва не лопнула при спуске, так вдобавок меня чуть было не перевернуло при этом вверх тормашками. В спешке я забыл ослабить лямки ранца и перевесить его пониже, как еще утром советовал майор. Неправильно размещенная на спине поклажа отклонила мое тело в воздухе от вертикального положения, а суматошные попытки сохранить его лишь еще больше раскачали трос и никакой пользы не возымели.

К счастью, я все-таки приземлился на спину, а не на голову, что могло неминуемо случиться, будь завал пониже. Кальтер помог мне освободиться от спускового устройства, и пока я, костеря собственную неуклюжесть, поднимался на ноги, компаньон сматывал трос и спрятал лебедку в поясной чехол. Свирепый холод успел проникнуть и сюда, так что нам нужно было поспешать, а иначе скоро в гостинице станет невозможно дышать. «Ледяной гейзер» продолжал свистеть и фонтанировать, покрывая ее стены инеем и неумолимо вымораживая в них все живое.

Перебравшись по завалу в фойе коридора третьего этажа, мы бегло осмотрелись и, не обнаружив угрозы, рванули напрямик к окнам, что располагались над ресторанной крышей. Окажись мы этажом ниже, то попросту выбрали бы на нее, как на террасу, но сейчас нам предстояло прыгать примерно с четырехметровой высоты. Тоже не слишком высоко. И вряд ли мы испытали бы в связи с этим трудности, если бы они сами не застали нас врасплох. Короткая, почти мимолетная утрата нами бдительности обернулась трагическими и, к несчастью, непоправимыми последствиями...

Не выпуская винтовки, Кальтер уселся на подоконник и собрался было перекинуть ноги наружу, дабы сигануть на крышу. Но тут из номера, дверь которого выходила в фойе, с грохотом вывалилась гигантская фигура, едва протиснувшаяся из-за своих габаритов через косяк. Я топтался у окна, дожидаясь своей очереди прыгать, и очутился прямо на пути громилы. Оба пистолета у меня были наготове, но все произошло настолько молниеносно, что я даже не успел ими воспользоваться. Раскольник – а кому еще, кроме него, здесь ошиваться? – с ходу саданул мне ногой в грудь, что было практически равносильно удару бампера разогнавшейся легковушки. Я пролетел, не касаясь ботинками пола и растеряв по пути оружие, через все неширокое фойе и врезался спиной в пожарный стенд, разбитый, правда, задолго до моего вмешательства. После чего сполз по стене на пол, жадно хватая ртом воздух. Удар пришелся в нагрудную кевларовую пластину, но мощь его была такой, что дыхание у меня все равно перехватило, а перед глазами засверкал калейдоскоп разноцветных всполохов.

Но все мои нечаянные страдания были пустяком по сравнению с теми, что выпали на долю бедолаги-майора. Не успев еще выбраться наружу, он вскочил с подоконника и навскидку выпустил во врага длинную очередь. Какое там! С тем же успехом Тимофеич мог стрелять в катящийся с горы валун. Приняв в себя град пуль, раскольник даже не пошатнулся, а развернулся и в ярости набросился на стрелка.

Возможно, тому все же удалось бы применить против гиганта нашу проверенную тактику и перебить ему ноги, но слишком мало времени оставалось в запасе у Кальтера. «Буян» одним прыжком сократил дистанцию и, зажав жертву в угол, отрезал ей все пути для маневра. Компаньон в отчаянии рискнул поднырнуть противнику под руку, но тот не позволил ему вырваться на свободу. Сграбастав Тимофеича своими ручищами, громила без видимых усилий оторвал его от пола и швырнул в окно. Ботинки майора проскребли по подоконнику, но зацепиться за него Кальтеру не удалось, и он вылетел вниз головой с третьего этажа вместе с оружием и всем снаряжением.

Превозмогая боль в груди, я вскочил на ноги и схватил первое, что подвернулось под руку: валявшуюся рядом напольную вешалку. Ее длинная стойка и зубастая верхушка для вешания шляп показались мне сейчас более надежной защитой, нежели верное мачете. Так оно, в общем, и получилось. Раскольник налетел на мое орудие, словно медведь на рогатину, и попытался отбить его в сторону, да не тут-то было. Зубья вешалки крепко зацепились за вражеский комбинезон, а ударивший по стойке громила лишь сильнее вогнал их в прорехи. Отступить на шаг назад, чтобы освободиться, он

и не подумал. Так и продолжал переть напролом, игнорируя ненужные ему при такой силище и живучести финты и уклонь.

Только теперь я смог опознать преградившего нам путь раскольника. Череп, он же полковник Борис Черепанов, чей братец пал от руки Кальтера в том проклятом лесу двое суток назад! Главарь раскольничьей клики и раньше был достаточно могуч, а перейдя в услужение Искателю, обрел такое тело, что мог бы сегодня голыми руками придушить взрослую гориллу. Изуродованное почти до неузнаваемости лицо полковника не выражало ничего, кроме полной невменяемости. Жаль, нельзя спросить, помнит ли он еще о своей мести. Утратив дар речи, подобно прочим своим соратникам, Череп лишь беззвучно разевал рот, будто рыба. Но как бы то ни было, желание, которое пригнало командира «Буяна» в Припять, осуществилось: он получил шанс поквитаться с нами за брата Веню. Правда, цена, заплаченная Черепановым за это, оказалась слишком высокой даже для такого целеустремленного мстителя, как он.

Подошвы моих ботинок заскользили по кафелю. Вешалка помогала сдерживать врага на безопасном расстоянии, но долго так продолжаться не могло. Еще чуть-чуть, и я окажусь намертво прижатым лопатками к стене. А если Череп после этого не остановится, так он и вовсе придушит меня моим же оружием. Как ни жаль мне было его бросать, это требовалось сделать по возможности скорее, пока позади меня оставалось достаточно свободного места.

Выпустив из рук стойку, я шарахнулся вбок и выхватил из ножен мачете. Бешеное усилие, с каким Черепанов налегал грудью на «рогатину», не позволило ему мгновенно остановиться, и он рухнул вперед, приперев основание вешалки к плинтусу. Зубчатая верхушка стойки вонзилась полковнику в ребра и наверняка пробила легкие и сердце. Которые, впрочем, до этого уже были пробиты пулями майора, что ничуть не мешало моему противнику сражаться. Нанесенные мной травмы также остались им не замеченными, ибо жизнь, что бурлила сегодня в «буянах», была совместима и не с такими смехотворными по их нынешним меркам увечьями.

И отсечение головы, как было доказано ранее, не умервляло искательского прихвостня. Мало того – даже не лишало его навыка ориентации в пространстве! С коленными суставами тоже не все было гладко. Отлично дробясь пулями, для легкого мачете, да еще в движении, они были чересчур неподатливыми, равно как и прочие кости могучих вражеских ног. Оставалось рубануть клинком по рукам громилы, который выдернул-таки из груди вешалку и собрался прищучить ею меня. И, в отличие от неистребимого Черепа, я уже вряд ли переживу такое членовредительство.

Я сильно рисковал, взявшись размахивать мачете в опасной близости от противника, но проку от одного моего удара попросту не оказалось бы. Мне удалось нанести их полдюжины, прежде чем полковник развернулся, решив наотмашь огреть меня вешалкой. Но дальше намерений дело у Черепанова не пошло. От резкого замаха тяжелым предметом надрубленные кости на обеих руках врага с хрустом сломались, после чего он был уже не в состоянии удержать вешалку. Она выпала из разжавшихся полковничьих пальцев, а болтающиеся на недорезанных сухожилиях предплечья калеки стали напоминать крестьянские цепи для обмолота колосьев. Вложив в удар все силы, оплошавший Череп крутанулся на месте и, потеряв координацию, сначала упал на колени, а потом, не сумев опереться на руки, завалился ниц.

Вскочить без их помощи полковнику оказалось непросто, но, как говорится, терпенье и труд все перетрут. К тому же слуга Искателя не испытывал боли и потому не утратил ни самоконтроля, ни своей звериной силы. Перекатившись на спину, Череп сначала принял сидячее положение, а затем с раскочки неуклюже, но резво вскочил на ноги. Я в этот момент, забыв про брошенные пистолеты, уже перелезал через подоконник. Сражаться врукопашную в тесном помещении с мутировавшей Венерой Милосской, где она имела надо мной неоспоримое превосходство, меня совершенно не тянуло. Крыша ресторана – еще куда ни шло, хотя и на ней безрукий раскольник мог заставить меня изрядно побегать. А если к нему подтянутся собратья, тогда вообще полный кабздец. Эх, не получилось у нас смотреть по-тихому, да еще Кальтер угодил в передрагу...

Кстати, а где он?

Все оказалось гораздо хуже, чем я предполагал. Гостиничный корпус был немного шире одноэтажной пристройки, и под окном, из которого выпал майор, располагался самый край ресторанной крыши. Упав компаньон метром правее, возможно, ему повезло бы отделаться ушибами, но Тимофеич грохнулся аккуратно на ограждающий крышу железный парапет, а с него – на землю. В общей сложности Кальтер пролетел не четыре метра, а все восемь и сейчас лежал на асфальте у входа в ресторан, не

предпринимая даже слабых попыток подняться. В лучшем случае майор потерял от удара сознание, в худшем – свернул себе шею. Если бы не чертов парашют, о который он просто не мог не удариться, его шансы выжить выглядели бы не столь плачевными. Но чтобы вернуться с высоты спиной или головой о швеллер и не пострадать, надо иметь прямо-таки фантастическое везение. Которое, похоже, от Кальтера сегодня отвернулось.

– Дерьмо! – в отчаянии выругался я, когда выпрыгнул наружу, из жуткого холода в тепло, и глянул через парашют на недвижимого компаньона. Отсюда нельзя было определить, жив он или мертв. Но даже если Тимофеичу подфартило отделаться легкими повреждениями, ему придется немного потерпеть. Я не мог сейчас прийти ему на помощь, поскольку неугомонный Череп уже маячил у окна, собираясь перемахнуть через подоконник и поквитаться со мной теперь еще и за свои отрубленные руки.

Я суматошно огляделся и задержал взгляд на валявшемся поблизости фрагменте вывески, обрушившемся с гостиничного корпуса. «ЛБ» – две метровой высоты буквы и часть удерживавшего их на крыше каркаса, сваренного из металлического уголка (целиком вывеска некогда являла собой украинское название гостиницы: «ГОТЕЛЬ „ПОЛІССЯ“»). Кто сбросил сверху этот обломок – ветер, мутанты или аномалия, – можно было лишь гадать. Но у того вандала хватило сил разорвать на каркасе сварные швы и деформировать уголки так, что теперь они топорщились во все стороны, будто шипы огромного моргенштерна. Вряд ли сталкерский комбинезон обезопасит от падения на них с высоты – эта мысль пришла мне в голову сразу, как только я заметил лежащий лицевой стороной книзу „ЛБ“. Вся его крепежная фурнитура, соответственно, торчала вверх, и валялся обломок не там, где он был, а под нашим окном...

А в чем, собственно говоря, загвоздка? Что мешает моей мечте сбыться прямо сей же момент? Я кинулся к фрагменту вывески и, ухватив его за один из шипов, попробовал сдвинуть «ЛБ» с места. Запросто! Гладкая поверхность букв и небольшой вес обломка позволяли буксировать его по ровной крыше даже в одиночку. Чем я без промедления и занялся, едва понял, что это осуществимо.

Болтая недорубленными предплечьями, Череп поставил ногу на подоконник и, кое-как протиснувшись в оконный проем, сиганул вниз следом за мной.

– Мягкой посадки, сучара! – процедил я, подкатывая под окно шипастый обломок вывески. Я спешил что было мочи и все равно едва не опоздал. Раскольник уже находился в полете, когда мне удалось завершить свою жестокую каверзу. Враг напоролся сразу на два торчащих уголка: один угодил ему в пах и вышел наружу из поясицы, заодно выдрал правую почку, а второй вонзился под ложечку и застрял где-то в грудной полости. Центр тяжести у «ЛБ» моментально сместился, и нанизанное на каркас тело, перевернув обломок, упало на крышу. Не ощущающий боли Череп попробовал было встать и стянуть себя с шампуров, но они так крепко застряли промеж полковничьих костей, что все его старания были тщетны. Он мог только еле-еле ползти на четвереньках и волочить за собой фрагмент вывески подобно тому, как муха волочит соломинку, воткнув ее в брюшко юным сорванцом... да простит меня храбрый полковник Борис Черепанов за столь циничное сравнение.

Спустя еще четверть минуты кожа на теле раскольника начала лопаться и бурно кровоточить – это означало, что вместо отроевавшего свое Череп на крыше ресторана должна возникнуть аномалия. Я не стал дожидаться ее рождения и поспешил спуститься к не подающему признаков жизни Кальтеру. Судя по хлопку, что раздался вскоре наверху, и брызнувшим фонтаном кровавым ошметкам, тело полковника тоже разродилось «трамплином». Не слишком достойный для нашего мстителя финал. В отличие от брата, Веня Черепок погиб гораздо менее мучительной и более человеческой смертью. Что ж, каждому свое. Неизвестно еще, насколько мне повезет в таком деликатном деле, как отход в мир иной. За последние дни Всевышний не завизировал ни один из моих смертных приговоров. Неужто они показались ему чересчур щадящими? В таком случае какую же тогда эксклюзивную смерть он для меня приберет?

Зато Тимофеич, кажется, отмучился. Однако и впрямь до слез обидно за старика, сошедшего с пути раньше срока. Вот уж не думал, что буду жалеть своего двуличного компаньона, но поди ж ты – жалею. М-да, парадокс...

С момента, как мне удалось выпрыгнуть из окна, и до той поры, как я склонился над скрюченным телом компаньона, прошло минуты три (две из них ушли на спуск с ресторанной крыши, поскольку лихо прыгать с нее на асфальт я побоялся). За это время майор так и не пошевелился – плохой, очень плохой знак. Ну да что теперь поделать – чьи-то мечты сбываются, чьи-то нет. Оно ведь не только в

Зоне так, но и везде. Жестокая, слепая рулетка жизни...

Разорвавший тишину протяжный вопль Искателя был исполнен почти человеческого ликования. В суеде последних минут я не обратил внимания на то, что свист «ледяного гейзера» прекратился и центр Припяти вновь окутала мертвая тишина. Бегло оглядев округу с крыши ресторана, я решил, что пожиратель аномалий и четверка выживших раскольников все еще отирается у пожарного выхода. Однако Искатель орал сейчас практически за углом, причем совсем не там, откуда я ожидал нападения. Или даже не за углом, а... в ресторане! Точно! А я расселся прямо перед входом, в то время как апостол Монолита наверняка меня заметил и уже готов полыхнуть своей промывающей мозги вспышкой!

Святые угодники! Но зачем он орет? Явно неспроста! Не уверен, что сумеет подкрасться ко мне исподтишка, и хочет меня спугнуть, чтобы я пустился бежать от него со всех ног? Прямоком на притаившихся в ближайших кустах раскольников? Ходячий глист любит охотиться подобным образом на тех врагов, которых побаивается. И все еще надеется, что мы попадемся на его дешевую уловку.

Вернее, я попадусь, а Кальтеру об этом уже можно не переживать. Впрочем, кое-какой посмертный подарок он мне оставил. Выроненная им при падении винтовка лежала неподалеку на асфальте. Не спуская глаз с темных провалов окон, я подобрал оружие и изучил в оптический прицел видимые с улицы помещения ресторана. Ну же, трусливая тварь, покажись! Не волнуйся, убежать Леня Мракобес всегда успеет. Однозначно ты меня видишь и знаешь, что я вооружен, а иначе с чего бы вдруг ты так внезапно заткнулся?

Разгромленный зал ресторана просматривался снаружи почти полностью, но спрятаться в нем тощий и темнокожий Искатель мог где угодно. Пока между нами сохранялась приличная дистанция, он был мне не опасен. Напротив, это я со своей винтовкой представлял для него угрозу. Но не станешь же палить наобум в каждое из множества потенциальных укрытий противника, надеясь, что тебе повезет отыскать верное? В разгрузочном жилете Кальтера еще оставались один или два запасных магазина, но я не хотел бездумно растрачивать дефицитнейшие боеприпасы. Потому что пока не планировал умирать, а это означало, что все мои выстрелы должны поражать конкретные цели. В идеале одна пуля – одна цель. И если я начну мазать по ним из такой хорошей винтовки, которая перешла мне в наследство от Тимофеича, винить в промахах надо будет исключительно себя и свою криворукость.

Значит, Искатель, тебе нравится орать и шарахаться красными вспышками? А что, если мне использовать против тебя твою же тактику устрашения? Разумный хищник – он ведь способен не только удивляться, но и испытывать страх. Например, слыша рычание более грозного хищника. Я, конечно, не умею начинать людей аномальной энергией и превращать их в бомбы, но когда нужно устроить светопреставление – тут меня хлебом не корми. Дайте только в руки необходимый инструмент, а уж за мной не заржавеет.

Опустив оружие, я аккуратно, не делая резких движений, отстегнул на ранце клапан нижнего кармана и извлек оттуда последнюю пару оставшихся у меня «сигналок». Затем положил винтовку на стиб руки и распутал на ракетных пенах шнурки для ручного запуска. Далее огляделся и, не обнаружив несущихся ко мне через площадь раскольников, поочередно, без паузы, выпустил обе ракеты в ресторанные окна. После чего вновь схватил винтовку и нацелил ее туда, куда только что с пронзительным свистом умчались «сигналки».

Предупредительные надписи на их пенах гласили: «Не для использования в закрытых помещениях!» Оно и понятно: страшно представить, какой переполох разразится, например, в Баре, выстрели я там такой штуковиной в самый разгар ежевечернего веселья. Хорошо, если мечущаяся в четырех стенах, как насмерть перепуганная птица, ракета не выжжет кому-нибудь глаза и не устроит пожар. Однако что являлось недопустимым для «Ста рентген», в ресторане «Полесье» могло оказать мне огромную услугу. Свистящие и рассыпающие за собой снопы искр «сигналки» заметались по темному залу, словно светлячки-мутанты, которые, по слухам, водятся с недавних пор в «Агропроме». Только те пугали сталкеров, не издавая при этом ни звука, а мои светляки шумели в полете так, что от их свиста едва не лопались барабанные перепонки. Куда там Искателю с его жалкими воплями! Сверкал он, бесспорно, намного ярче, зато по уровню шума «сигналки» легко обскакали вой пожирателя аномалий.

И это паскуднику здорово не понравилось. Неизвестно, за что он принял мои ракеты, но не успели они затихнуть и сгореть, а апостол Монолита уже бежал прочь от воцарившейся вокруг него свистопляски. Памятуя о мерзкой привычке Искателя слепить своих врагов, я крепко зажмурил левый глаз, а правый поднес к оптическому прицелу, на котором предварительно выставил самый мощный

светофильтр. И потому когда уносящая ноги тварь ударила по мне своим коварным оружием, я был к этому полностью готов.

А бежала она, судя по всему, туда, откуда пришла – назад, в гостиницу. Пригнувшись, чтобы не шоркать макушкой о потолок, и комично задирая длинные костлявые ноги, объятый пламенем дылда спешил к двери, что вела в гостиничный корпус. Спешил и даже понятия не имел, что световая маскировка сейчас его не спасает, а, наоборот, только вредит.

Глядя сквозь затемненную оптику, я отчетливо видел в центре ослепительного пятна вражеский силуэт и ни в коем разе не собирался упускать такую удачу. Единственное, что мне мешало хорошенько прицелиться, – это колонны, что подпирали потолок зала и за которыми то и дело пропадала моя мишень. Поэтому я поступил рациональнее: взял на прицел дверь, к какой стремился беглец, и когда его отделяли от выхода считанные шаги, пальнул из подствольного гранатомета в стену возле дверного проема.

Оставленная Кальтером на черный день, последняя граната влетела в ресторанное окно, пронеслась по залу между колоннами и угодила чуть ниже той точки, куда я целился. Впрочем, для моего выстрела такая погрешность не играла особой роли. Обладающий повышенной мощностью снаряд (дорогая игрушка – Тимофеич явно не экономил в Зоне на хороших боеприпасах) врезался в стену над плинтусом и рванул, отколов от стеной панели внушительный кусок. В приближающегося к двери Искателя ударил шквал гранатных и бетонных осколков. Он шутя отбросил худосочного дылду назад и припечатал его спиной к оказавшейся у него на пути колонне. Сияющий вокруг монстра ослепительный ореол тут же погас, а сам он отлепился от колонны и шмякнулся на пол, будто марионетка, у которой разом оборвались все нити.

– Кукар-р-рача! – победоносно прорычал я, чувствуя, как внутри меня просыпается натуральный первобытный варвар, который только что поставил ногу на грудь поверженному врагу и занес над ним свою окровавленную дубину. В сегодняшней пляске смерти я уже не выглядел идиотом, как вчера, когда мне пришлось ломать комедию перед Скульптором. Жаль, Кальтер не дожил, а так хотелось доказать ему, что Мракобес может сражать наповал апостолов Монолита не только танцем, но и огнестрельным оружием.

Достигнутый успех следовало немедленно закрепить. Это было крайне рискованно, потому что даже умирающий Искатель мог собраться с силами и сверкнуть мне напоследок в глаза психотропной вспышкой. Но вдруг он сейчас всего лишь оглушен? Тогда я совершаю еще более крупную ошибку, оставляя его в живых. Я убрал с прицела светофильтр, присмотрелся к распластанному у колонны телу, не заметил, чтобы оно билось в агонии, и, собравшись с духом, вошел в ресторан. Приближаться к апостолу вплотную, однако, не дерзнул. Остановившись неподалеку от него, я положил ствол винтовки на край поставленного на попа стола, упер оружие покрепче, дабы не ходило ходуном в моих дрожащих руках, затем снова приник к прицелу и, наведя его на Искателя, тремя точными выстрелами начисто снес ему голову. А для гарантии пустил еще три пули в сердце, хотя и сомневался, что оно у монстра есть. Затем подхватил винтовку и поспешил прочь, не желая больше ни секунды задерживаться рядом с теперь уже окончательно мертвым пожирателем аномалий...

Четверо его прихлебал продолжали околачиваться где-то неподалеку, и я о них не забыл. Но сейчас меня больше интересовал Тимофеич. Если он погиб, надо окончательно в этом убедиться. Чем я и занялся сразу, как только вышел из ресторана.

Перво-наперво я проверил у Кальтера пульс и обнаружил, что таковой имеется. Причем достаточно уверенный. Наружных кровотечений, не считая нескольких ссадин, не наблюдалось, но майор выглядел очень бледным. На фоне его серого, как папиросная бумага, лица маскировочная татуировка смотрелась вдвойне чужеродно и походила на тень нависшей над компаньоном смерти. Я начал переворачивать его с правого бока на спину, желая осмотреть пострадавшего со всех сторон, и в этот момент он очнулся.

– Время и место! – процедил Кальтер сквозь глухой стон и открыл глаза. Взор его был мутным, но худо-бедно осмысленным.

– Как себя чувствуешь, старик? – поинтересовался я, уложив майора на ровном асфальте лицом вверх. – Говори, где что болит. Попробую тебе помочь.

– Время и место! – еще настойчивее повторил Куприянов, чуть приподняв голову и хватая меня правой рукой за запястье. Правда, пальцы компаньона оказались слишком слабы и почти сразу же сорвались. А вот его левая рука и нижняя часть тела при этом рывке остались совершенно

неподвижными. Даже мало-мальски не шевельнулись. Хреново.

– Три тридцать пополудни, ресторан «Полесье», полкилометра южнее главной цели. – Дабы успокоить пострадавшего, я решил, что лучше все-таки ответить на его вопрос.

– Плохо, боец! – проговорил Кальтер, брызжа слюной и скрипя зубами от боли. – Отстаем от графика! Коли мне морфин и помоги встать. Мы выдвигаемся немедленно!

– Нельзя тебе вставать! – помотал я головой. – Слишком дерьмово выглядишь. Лежи пока. Время еще терпит. Лучше попробуй взять себя в руки и расскажи, где у тебя болит.

– Возражать?! – Он снова рванулся, но, видимо, испытал вслед за этим дикий приступ боли и зарычал как зверь. Лицо у майора перекошило, и он, уронив голову на асфальт, так и остался лежать с застывшей гримасой, похожей на гипсовую маску мучительной агонии. Я расстегнул лямки куприяновского ранца, подтащил его повыше и соорудил из него для компаньона подушку. Потом осмотрелся, убедился, что все спокойно, и достал обе аптечки. Морфин имелся и у меня, и у Кальтера, но пока мне не будет известен хотя бы приблизительный характер полученных им травм, с обезболивающим лучше повременить. Хотя кое в чем Тимофеич прав: нам не следует задерживаться на площади, и лучше поскорее покинуть ее. Убраться отсюда с глаз долой в парк или, на худой конец, за ресторан. Одна проблема: майор грохнулся оземь с большой высоты и, возможно, получил повреждения, которые при неосторожном перемещении могут его запросто убить.

Очевидно, вспышка боли привела Кальтера в сознание, потому что когда жуткая гримаса сошла у него с лица, оно немного порозовело, а взгляд компаньона еще больше прояснился. Дышал он при этом часто, тяжело и хрипло, к тому же взмок, будто кто выплеснул ему на голову ведро воды. Я не мог сказать, хорошо это или, наоборот, очень плохо. Но так или иначе, после приступа он наконец-то заговорил адекватно, чем, разумеется, облегчил стоящую передо мной задачу.

Когда одышка у майора немного улеглась, он не сразу, но все же собрал волю в кулак и выполнил мою просьбу. По словам Тимофеича, его дела обстояли следующим образом. Он помнил, как сильно ударился нижней частью спины о бордюр на крыше ресторана, после чего полностью отключился, пока я не взялся его тормошить. Сейчас главный источник боли терзал Кальтера в пояснице – ее словно медленно перепиливали тупой пилой. Ног он совершенно не ощущал и потому был почти уверен, что сломал позвоночник. Зато хорошо чувствовал боль в левом плече, на котором – я проверил – действительно оказался закрытый перелом. Дыхание компаньона также сопровождалось сильной болью – явно имели место сломанные ребра. Но кровью страдалец не кашлял, а значит, его легкие остались целы. Наверняка у него было еще немало переломов, ушибов и внутренних кровотечений, но выявить их ни он, ни я в настоящий момент уже не могли.

– Видишь, Мракобес, как погано все обернулось, – тяжело дыша, подытожил майор беглый анализ собственных повреждений. – Теперь у меня нет обратной дороги, и помочь тебе больше я ничем не могу... Так ты со мной? Или уходишь?

– Я доставлю тебя на «Авангард», – пообещал я. – Моя клятва по-прежнему в силе. Но не могу дать гарантии, что в таком дерьмовом состоянии ты переживешь путь до стадиона.

– Ты, главное, действуй, – напутствовал меня Тимофеич. – А за меня не переживай – как-нибудь сдюжу. А нет так нет. Тогда просто дотащи мое тело до «Авангарда», оставь его там на самом видном месте, и твоя клятва будет исполнена. Больше ни о чем не прошу...

Я вколол Кальтеру морфин, отцепил и выбросил отслуживший свое протез, затем жестко обездвижил калеке сломанное плечо бинтом и отправился на поиски материала для волокуши, попутно гадая, куда подевались оставшиеся в живых «буяны». То, что они до сих пор не дали о себе знать, было странным, хотя в целом обнадеживающим признаком. Или свита покойного Искателя не нападала без его приказа, или разбежалась без повода по округе, напрочь забыв о своей боевой задаче. Ну да бог с ними – буду решать проблемы по мере их поступления. И без того они выстроились передо мной в длинную очередь, и каждая наперебой требовала приоритетного внимания.

В разгромленных служебных помещениях ресторана удалось отыскать все, что мне сейчас было необходимо. И даже больше. Помимо крепкой доски, нескольких тонких металлических труб и проволоки я нашел также широкий электромонтажный пояс, немного длинных гвоздей и одноосную тележку для перевозки фляг. Стаскав все это ко входу, я связал из труб раму для волокуши – такой же, на какой я год назад вез хоронить Бульбу, закрепил на ней доску, потом отломал от тележки ось и приделал ее загнутыми из гвоздей скобками к нижней кромке плахи. Теперь ей предстояло не волочиться по земле, а катиться на колесиках. Это облегчало работу мне и страдания Кальтеру,

поскольку иначе он чувствовал бы своей больной спиной каждую встреченную нами в парке выбоину. А колесное шасси – это уже совсем другой уровень дорожного комфорта. Так что если майор все-таки выживет, пусть не говорит потом, что я не отплатил ему за позавчерашнее спасение. Вера определенно знала, кого выбрать в компаньоны своему дяде Косте. Хотя и призрак, а в людях разбирается, факт.

На сооружение волокуши у меня ушло больше полутора часов. За это время Кальтер трижды отключался, но неизменно очухивался после того, как я, беспокоясь, не впал ли он в кому, совал ему под нос нашатырь. Выглядел Тимофеич малость получше, чем когда я впервые привел его в чувство, но все равно теперь от прежнего Кальтера осталась, пожалуй, одна его уродливая татуировка. Я с ужасом глядел на бледного осунувшегося калеку и видел перед собой немощного старика-паралитика, стоящего практически в двух шагах от могилы. Никогда не сталкивался с таким явлением, чтобы человек состарился всего за час, причем без посредства здешних аномальных выкрутасов. Впрочем, едва Куприянов приходил в сознание, эта иллюзия пусть не до конца, но рассеивалась, а морфин придавал потухшим было глазам компаньона блеск. Жаль только, отнюдь не жизнерадостный.

На часах было начало шестого, когда для нас с Тимофеичем наступил крайне ответственный момент: переключивание больного на подготовленный для него транспорт. В одиночку я при всем старании не проделал бы это так, как предписывают правила оказания первой помощи при переломе позвоночника. Одно неловкое движение, и я мог запросто убить компаньона или усугубить его травму. Но по-другому было никак нельзя. Без жестких носилок или как в нашем случае – волокуши – в таком деле не обойтись. Хорошо еще, что защитные пластины комбинезона выполняли для беспомощного тела Кальтера функцию фиксирующего бандажа, а иначе и не знаю, как я справился бы с этой задачей.

Впрочем, даже несмотря на осторожность, мне не удалось переместить пациента безболезненно. Когда я буквально по сантиметру уже почти втащил майора на волокушу, его лицо опять перекосила гримаса боли, а из горла вырвался сдавленный хриплый стон. После чего глаза Тимофеича закатились, и он в очередной раз лишился сознания. Я поспешил завершить перекладку пострадавшего и взялся приводить его в чувство, но все мои старания оказались тщетными. Судя по наличию нитевидного пульса и слабого, но стабильного дыхания, Кальтер не умер, а, похоже, все-таки впал в кому. Что для него в его нынешнем состоянии было фактически равнозначно смерти.

Я выругался и обессилено плюхнулся на обломок бетонного блока. Возня с парализованным компаньоном вымотала меня до предела, а мне еще предстояло волочить его через весь парк к стадиону. А тут вдобавок из видимой отсюда вентиляционной трубы Саркофага начал подниматься столб свинцового дыма. Достигнув высоты птичьего полета, он остановился, будто уперся в незримый щит, и начал равномерно растекаться во все стороны, при этом раскручиваясь, подобно циклону. Плотность и размеры формирующегося на глазах облака увеличивались с каждой минутой. Нависнув над ЧАЭС, мрачная громада вращающегося небесного «жернова» уже в ближайшие полчаса грозила накрыть собой Припять и ее окрестности. Зарождающийся катаклизм можно было по незнанию списать на внеочередной выброс, но я не ощущал предшествующих этому явлению аномальных возмущений атмосферы. Зато отлично помнил пророчество сектантов, в котором говорилось еще об одном апостоле Великого Очищения – Буревестнике. И обреченно понимал, что вряд ли нам повезет выиграть третий раунд нашей эпической битвы с Хозяевами Зоны.

Я перевел взгляд с затмевающей небо тучи на не подающего признаков жизни Кальтера, тяжело вздохнул и произнес:

– Подонок ты все-таки, Тимофеич. Ну кто так делает, скажи на милость? Заварил грандиозную бучу, втравил в нее нас с Черепом, затащил к черту на рога, а сам в конце хоп – и не при делах! Что, не мог другой отмазки придумать, кроме как взять и умереть?

– Типун тебе на язык! – не открывая глаз, еле слышно проговорил майор надтреснутым голосом. – И вообще, какого черта ты все еще топчешься на месте? Ждешь повторного приказа?

– Слава Господу – оклемался! – несказанно обрадовался я и даже ощутил приток невесть откуда взявшихся сил. – А я уж решил, что нечаянно тебя прикончил!

– И не мечтай! Много будет чести какому-то паршивому мотострелку угрожать майора Куприянова! – проворчал Кальтер, с трудом разлепляя веки. – Почему так рано стемнело? Или пока я был в отрубе, настал вечер?

– Кажется, старик, грядет большая буря, – ответил я, крепко привязывая майора к доске найденным в ресторане электромонтажным поясом, а также снятыми с куприяновского ранца ремнями. – Так что на легкую прогулку не рассчитывай.

– Нашел, чем удивить, – заметил Тимофеич. Он потрогал здоровой рукой затянутые мной ремни, ощупал доску, потом поднес ладонь к глазам и сжал ее в кулак. После чего с уверенностью добавил: – Есть еще силы. Пусть приходит твоя буря – справлюсь и с ней.

– Мне бы твой оптимизм, – пробормотал я, надевая ранец. Затем повесил на шею винтовку и, бросив последний взгляд на разрастающийся циклон, впрягся в волокушу.

Над Саркофагом блеснула первая молния, а вслед за ней пророкотал раскат грома. Буревестник прочищал горло, собираясь прокричать нам свою жуткую песнь. Край свинцового небесного жернова достиг площади, и мне на лицо упали первые дождевые капли. Обычная вода, пресная и холодная. Я приналег на ручку волокуши и, стронув тяжелую ношу с места, потянул ее к парковым воротам.

До заката оставалось два с половиной часа, и то, что мы оба были до сих пор живы, являлось чудом щедрым подарком Небес. Между которыми и нами уже распростер крылья Буревестник, готовый сорвать на нас злобу за гибель Скульптора и Искателя. А заодно устроить в центре Зоны генеральную уборку, закрыв ею четвертый сезон Великого Очищения. И впрямь, почему бы нет: одно другому не мешает. Тем более теперь, когда разделаться с нами стало проще пареной репы...

Глава 17

За считанные минуты погода испортилась до такой степени, что перестала располагать не только к прогулкам по парку, но даже кратковременному пребыванию на открытом пространстве. Хотя далеко не всякая крыша подошла бы для пережидания столь впечатляющей бури. Не спорю, наверняка мир знал штормы гораздо свирепее, однако Мракобесу на его веку еще не доводилось попадать в эпицентр такого катаклизма. В нем, словно в пресловутом доме Облонских, тоже смешалось все, что природа только могла смешать в подобном коктейле стихий. После того как беспросветная мгла затянула небо до самого горизонта, уже ничто не выдавало искусственный характер разразившегося над Припятью урагана. Разве что туча, кажется, так безостановочно и ходила по кругу, но мне задираТЬ голову и пялиться на нее было некогда. Я брел сквозь бурю, волоча за собой беспомощного Кальтера, и смотрел только вперед. Ну и изредка по сторонам, когда порой в падающей с небес водяной пелене мне мерещилось какое-нибудь движение.

Это был не дождь и даже не ливень, а сущий библейский потоп, низвергающийся с небесных хлябей не струями, а целыми водопадами. Спустил пять минут с момента, как они хлынули на землю, я уже брел черепашью темпом по щиколотку в воде, через пятнадцать минут – по колено, а по прошествии получаса вода достигла мне промежности. Выше, к счастью, не поднялась, ибо в противном случае пришлось бы подыскивать для Тимофеича какой-нибудь плавучий буксир и воевать с течением, которое, по закону подлости, было встречным. Я включил прицепленный к комбинезону фонарик, чтобы вовремя различать и огибать попадающиеся на пути водовороты. Под каждым из них скрывались ямы и трещины, обнаружить которые сейчас по иным признакам было попросту нереально. Но даже проявляя неусыпную бдительность, я все равно частенько проваливался в затопленные выбоины.

Порой среди них встречались и достаточно глубокие. Опасаясь, как бы Кальтер не нахлебался воды, я надел ему противогаз, чьи влагонепроницаемые фильтры могли защитить компаньона от подобных эксцессов. Мне же защитная маска сейчас лишь вредила, хотя дышать в ней было, несомненно, легче. Я и так едва различал дорогу впереди, а через заливаемое водой стекло не видел бы ничего дальше собственного носа.

Не сверкая в небе молнии, я бы точно рано или поздно сбился с дороги. Только они позволяли видеть в окружающей нас водяной пелене единственный маяк – то самое колесо обозрения, что торчало над верхушками деревьев. Не будь его, плутать бы нам, горемычным, по заросшему, а ныне вдобавок затопленному парку кругами до тех пор, пока я не утонул бы в каком-нибудь канализационном колодце. Течение как ориентир было слишком ненадежным. Да, оно двигалось в южную сторону, но раз за разом отклонялось то вправо, то влево – в зависимости от того, на какие препятствия натыкался потоп. А маячившее на фоне озаряемого молниями неба огромное колесо не обманывало и всегда указывало нам правильный курс.

В отличие от сковывающей мне ноги бурлящей воды, ветер не придерживался строгого направления и метался ураганными порывами туда, куда ему вздумается. При этом он неустанно стегал меня водяной плеткой о тысячи хвостах, будто подгонял и без того еле живого от усталости тяглогового

мула. Я скрипел зубами, фыркал, отплевывался, бранился на все лады, но продвигался шаг за шагом на север. Налегая на перекладину волокуши, я шуровал против течения с тупым усердием бурлака, чей артельный староста пообещал скоро устроить привал. Весь смысл моей жизни свелся сейчас лишь к безостановочному перебиранию ногами, которые медленно, но верно приближали меня к заветной цели. Идти вперед и больше ни о чем не думать – простое и вместе с тем на редкость воодушевляющее мировоззрение.

Молнии расписывали небеса вычурными иероглифами, искажаемыми пеленой дождя, будто линзой, до воистину чудовищного вида. Я знал, что стоит лишь одной из электрических вспышек ударить в воду неподалеку от нас, и мы с компаньоном вмиг покроемся хрустящей корочкой, как цыплята табака. Пару раз это орудие господнего гнева било в «чертово колесо», словно желая нарочно уронить его и тем самым лишить меня путеводного ориентира. Но наш маяк, переживший за четверть века прорву всяческих катаклизмов, было не так-то легко уничтожить. Громадина гудела и дребезжала на ветру, но стойко вынесла и нынешние потрясения. Она будто осознавала, что нужна бредущим сквозь ураган путникам как воздух, и потому намеревалась выстоять сегодня во что бы то ни стало. Я поблагодарил ее за это, пообещав, что буду ей по гроб жизни признателен.

Колесо обозрения и расположенный по соседству с ним такой же ржавый парк аттракционов находились примерно на полпути между «Полесьем» и «Авангардом». Достигнув этого знакового рубежа, я решил остановиться, чтобы немного передохнуть. Выпрягшись из волокуши и прислонив ее к перилам карусельной площадки, я, стараясь перекричать бурю, первым делом справился о самочувствии Кальтера. Он пребывал в сознании, но говорить со мной в таком реве и грохоте, да еще с противогазом на голове компаньону было трудно, поэтому он лишь приподнял здоровую руку и показал мне большой палец. Что ж, это радует. А как там у нас обстоят дела со временем?

Я отер воду с дисплея ПДА – полседьмого. В график пока укладываемся. Хорошо, если бы оставшаяся часть пути тоже обошлась без происшествий. Пускай Буревестник поливает нас дождем, стегает ветром, слепит молниями, страшит громом и стреноживает потоками воды. Все это, в принципе, мало чем отличается от обычной непогоды, пусть и разыгравшейся не на шутку. Будет гораздо хуже, если третий апостол Монолита, видя нашу непотопляемость, сменит тактику на что-нибудь более радикальное. Или, поигрывая мускулами, явится по наши души лично. Вот тогда нам действительно несдобровать. А пока, как говорится, жить можно. И более того – нужно, поскольку глупо и обидно тонуть под дождем на центральной аллее городского парка.

Нет, похоже, без происшествий не обойдется. Передохнув и собравшись опять впрячься в волокушу, я был вынужден вместо нее схватиться за оружие, потому что луч моего фонарика вдруг выхватил из мрака бредущую к нам по воде фигуру. На первый взгляд вроде бы человеческую, но кто ее разберет – снарка и кровососа вон тоже запросто перепутать в темноте с человеком. Незнакомец двигался налегке и в сильной спешке, а сюда его, очевидно, привлек свет фонарика. Телосложением неведомый враг разительно уступал громадам из свиты Искателя, но это отнюдь не уმაляло нависшую над нами опасность. Некогда было разбираться, что за субъект приближается к карусели, и я вскинул винтовку, намереваясь открыть огонь без предупреждения, пока враг не набросился на нас первым.

– Не стреляй, сталкер! – внезапно взмолился тот, вскидывая руки над головой. – Я безоружен, клянусь! Я... просто заблудился и хочу выбраться отсюда! Помоги, брат! Дай пожрать чего-нибудь!

– Сим-сим?! – удивился я, узнавая бывшего проводника «буянов» по его характерному говору. – Ты жив, сучий потрох?! И опять похудел! Какой сюрприз!

– Это ты, что ли, Мракобес? – в свою очередь опознал меня калмык и испуганно попятился. – Вот блин! Слышь, брат... не стреляй, ладно! Я тебе не враг – это Череп и его долбанутый братец меня попутали! Я отговаривал Веню, чтобы он... того... Бульбу не трогал, но Черепок меня и слушать не хотел! Это все они, а я совершенно ни при чем! Не надо стрелять! Я... уже ухожу! Прощай! Удачи тебе, брат! Не поминай лихом!

И не успел я поинтересоваться, куда подевались трое других «буянов», что также теоретически могли выжить и обрести прежнее тело, как Сим-сим рванул от нас прочь и в следующий миг растворился в дождевой пелене. Я нацелил туда винтовку, но стрелять вслед мерзавцу не стал. Впрочем, пожалел я не его, а дефицитные патроны, тратить которые на безоружного удирающего оборванца было не резон. При следующей встрече потолкуем, если, конечно, она когда-нибудь состоится. В любом случае раскольники уже более чем сполна ответили за все мои обиды.

Озарившая небо молния высветила во мраке одинокого человека, в спешке удаляющегося на запад

и наверняка все еще опасавшегося схлопотать от меня промеж лопаток пулю. Сим-сим явно догадывался о смерти Черепа и прочих собратьев, с кем они вчера прибыли в Припять. Не исключено, что чудом выживший калмык даже обрадовался такому повороту судьбы. Он был одним из тех «буянов», которые примкнули к отщепенцу Черепанову лишь потому, что чувствовали за ним силу, а полковничьи убеждения их волновали уже во вторую очередь. И теперь Сим-симу срочно требовалось найти себе другого, столь же авторитетного лидера. При этом неважно, каких он будет придерживаться взглядов, главное, чтобы на не стремящегося в герои сталкера распространялось его покровительство. Только тогда Сим-сим вновь почувствует силу и за собой. Сейчас же весь его прежний раскольничий гонор будто корова языком слизала.

Поискав в темноте остальных уцелевших «буянов» и больше никого не обнаружив, я похлопал Тимофеича по плечу, дав понять, что передышка окончена. Тот вновь показал мне большой палец и махнул рукой: дескать, пока не умер и готов двигаться дальше. Буря продолжала свирепствовать без малейшего намека на утихание, но уровень воды больше не повышался, и это обнадеживало. Нам оставалось пройти лишь четверть километра – смехотворное расстояние при обычных условиях, но вполне внушительное, когда преодолеваешь его практически по пояс в воде, на ощупь и волоча за собой беспомощного калеку.

Толку от короткого привала оказалось мало, и восстановленные мной за это время силы иссякли уже через двадцать шагов. Колесо обозрения осталось теперь позади, но, несмотря на это, оно, как и прежде, продолжало служить мне ориентиром. Надо было только при каждой вспышке молнии оглядываться и следить, чтобы монументальная громадина виднелась в строго определенном ракурсе – идеально круглая, – и все тип-топ. Если же ее контур вдруг начинал вытягиваться в овал, значит, я отклонился от маршрута, и мне приходилось корректировать его при следующем молниевом проблеске.

Впрочем, когда впереди показались кафе «Олимпия» и соседствующие с ним девятиэтажные корпуса общежития, надобность поминутно озираться сразу отпала. Стадион располагался через улицу, аккуратно напротив этих зданий, так что едва я обогну их, мне уже не пройти мимо «Авангарда» и с закрытыми глазами. Приободренный, я взял курс точно на кафе и, рассекая воду, пошагал в том направлении.

И тут зарядил град. Да такой крупный, что как только первые градины забулькали вокруг меня по воде, я решил, что на крыше общежития засела стая бюреров, которая, завидев людей, стала пулять в нас булыжниками. Однако «булыжников» с каждой секундой становилось все больше и больше, а когда они стали нещадно дубасить меня и Кальтера, версия со злобными бюрерами сразу же была решительно отменена.

– Вот дрянь! – спохватился я, после чего прислонил волокушу к стволу ближайшего дерева и, сорвав с себя ранец, закрыл им Тимофеича как щитом. Компаньон, который уже получил по лицу парой увесистых градин, без подсказок вцепился в этот импровизированный щит, дабы не уронить его в воду. А я ухватился за буксировочную перекладину и рванул вперед, к одноэтажному зданию «Олимпии». Градины молотили мне по комбинезону и накрытому капюшоном, легкому противоударному подшлемнику. Но если плечи и спина еще худо-бедно терпели этот жесткий массаж, то голове приходилось совсем не сладко. Я орал во всю глотку от натуги и боли, будучи не в состоянии прекратить эту пытку, ибо только быстрое безостановочное движение могло сохранить нам с Кальтером жизни. А также крыша кафе, куда я стремился с не меньшим рвением, чем олимпийские легкоатлеты – к финишу в финальном забеге.

Помещения «Олимпии» оказались затоплены, и в них вовсю гулял ветер, но какое же это было мелкое неудобство в сравнении с бьющими мне по темечку ледяными глыбами. Ввалившись через черный ход на кухню, я испытал ни с чем не сравнимое счастье, от которого мне захотелось одновременно и смеяться и плакать. В итоге моя нервная разрядка выродилась в череду безумных воплей, сотрясавших кухонные стены до тех пор, пока я окончательно не выдохся. Подшлемник защитил мою голову от ранений и сотрясения, но за те три минуты, что я бегал под градом, она претерпела столько ударов, что гудела теперь на все лады, как церковный орган, до клавиш которого дорвалась обезьяна. Честное слово, я бы предпочел получить несколько ударов кулаком по морде, чем снова пережить атаку бешеных дятлов с тяжелыми стальными клювами. Иного сравнения для той напасти, что на нас свалилась, я подобрать не берусь.

– Ты рехнулся? – спросил меня Кальтер, когда я прекратил идиотские гиканья и улюлюканья и утихомирился. Шум бури был слышен в кафе не так громко, как снаружи, и позволял мне расслышать

слабый и осипший голос компаньона.

– Понятия не имею, старик! – отозвался я, ощупывая ушибленную макушку и болезненно морщась. – Но даже если оно так, теперь это совершенно неважно! Погоди-ка чуток, я тебе кое-что покажу!

И, перетащив компаньона через служебные помещения в обеденный зал, прислонил волокушу к прилавку так, чтобы калека мог смотреть в выходящие на стадион окна.

– Сейчас, Тимофеич, толькождемся молнию, и ты все увидишь! – пообещал я. – И провалиться мне на месте, если тебе это не понравится!

Долго томиться в ожидании не пришлось. Молния шарахнула как по заказу, причем точно над «Авангардом». То, что я собирался продемонстрировать Кальтеру, сделалось видимым всего на пару секунд, да и смотреть там, по большому счету, было не на что. Обычная угловатая тень от крупной постройки, чья вершина, в отличие от колеса обозрения и многоэтажек, лишь самую малость выступала поверх древесных крон. Стадионная трибуна, над прямоугольным силуэтом которой торчал сохранившийся козырек ложи для почетных гостей. Больше – ничего, кроме все тех же деревьев, разросшихся на некогда ухоженном лице «Авангарда», будто густая запущенная щетина.

– Видел? Нет, ты это видел? – заладил я, указывая Кальтеру в темноту – туда, где мгновение назад исчезла черная громада трибуны. – Только не говори, что проморгал такое зрелище!

– Остынь, не кричи, – попросил компаньон, устало взирая из-под полуприкрытых век в окно. – Разумеется, видел. Ты славно поработал, Мракобес. Осталось совсем немного... Град не утихает?

– Э-э-э... Кажется, нет. И похолодало здорово, – вмиг скис я, после чего глянул под ноги и тут же немного взбодрился. – Однако вода отступает! Точно, мать ее! И довольно быстро! Прямо как будто кто затычку диаметром с «чертово колесо» поблизости откупорил. И если бы не град!..

– Сколько времени?

– Шесть пятьдесят четыре пополудни, – доложил я.

– Тогда без паники, – ответил Тимофеич, закрывая глаза. – Подождем немного. Час с небольшим у нас в запасе еще есть.

– Эй, старик! – встревожился я. – Ты что, опять вздумал меня пугать? А ну не отрубайся! Обалдел, что ли?! Я его почти до места дотащил, а он – в отключку! Как это изволишь понимать?

– Сказано же: без паники! – достаточно твердым голосом осадил меня Кальтер, не поднимая век. – Никакой отключки. Просто устал как собака. Рикша из тебя – дерьмовее не бывает. Поэтому дай вздремнуть минут двадцать. Можешь даже время на спор засечь, если есть желание. Вот увидишь – как пообещал, так и проснусь... Все, отбой.

– А на что спорим-то?

Тимофеич не ответил. Я скептически покачал головой и глянул на часы: ну-ну, майор, поглядим. Потом уселся рядом с ним, свесив ноги с прилавка, дабы успеть прийти компаньону на помощь в случае чего. Доктор из меня, ясен пень, еще хуже, чем рикша, ну так хоть приведу Кальтера в сознание, и он умрет, глядя на озаренный молниями, почти достигнутый нами стадион. Печальный финал истории. И, что самое обидное, вполне обыденный и прогнозируемый. Ведь именно так умирают сумасшедшие, когда их заветные, но совершенно нереальные мечты терпят закономерный крах...

Буревестник! Глядя на неутихающий за окнами град и шквал, я вдруг понял, почему третий апостол Монолита упорно нас игнорирует. В отличие от павших собратьев Скульптора и Искателя, он, очевидно, был не уборщиком, а дезинфектором со своими специфическими, строго ограниченными полномочиями. И в их круг не входило подбирать оставленный предшественниками мелкий мусор. Буревестник его попросту не замечал. Он был словно пилот самолета, распыляющего над тайгой ядохимикаты для травли энцефалитного клеща. А мы с компаньоном – двумя из тысяч тех самых клещей. Мы ползли по земле и обладали повышенным иммунитетом к изливаемой на нас с небес отраве. Вот и весь секрет. Мы могли в конце концов умереть, а могли с одинаковой вероятностью выжить. Но нам уж точно ни за что не привлечь к себе внимания пилота-отравителя. Я мог и вовсе выйти сейчас наружу и начать грозить враждебным небесам проклятиями – им до нас не было совершенно никакого дела. Буревестник очищал от скверны всю центральную часть Зоны и не высматривал с высоты одиноких тщедушных букашек. Абсолютное пренебрежение к ничтожествам, присущее только истинным богам...

Вода действительно быстро отступала, оставляя после себя на земле груды тающего ледяного крошева. В воздухе заметно похолодало, и я достал из ранцев для себя и Тимофеича по одеялу. Он не

проснулся, когда я укрывал его, но дыхание было ровным. Поэтому мне пришлось отказаться от мысли проверить, не дурил ли он меня часом, убеждая, что решил всего лишь вздремнуть. Укутавшись в одеяло, я опять уселся на прилавок, как нахохлившаяся под дождем птица, и тоже сомкнул глаза. Ненадолго, чтобы просто чуть-чуть расслабиться, а потом опять приступить к созерцанию лютующей над Припятью бури...

Когда же я разлепил веки, то был немало обескуражен. Оказалось, что мой минутный отдых растянулся на добрых полчаса. Кальтер действительно сдержал слово и встретил мое пробуждение бодрствующим. Однако его пунктуальность удивила меня не так сильно, как метаморфозы, что произошли за это время снаружи. Пока я бессовестным образом дрыхнул, вместо того чтобы присматривать за раненым, град и ветер полностью утихли, а от потопа остались лишь глубокие мутные лужи. Туча на небе еще не рассеялась, но теперь она выглядела не такой страшной, как прежде. И все потому, что с небес на землю падали, кружась, большие хлопья снега. Настолько белоснежные и пушистые, что мне пришлось хорошенько протереть глаза и удостовериться, что я и впрямь проснулся.

После буйства стихии над Припятью снова воцарилась звенящая тишина. Снег уже устилал толстым ковром улицу, и только в лужах хлопья теряли свой эстетически безупречный вид, превращаясь в неприглядную серую слякоть. Отсыревшие ветви деревьев роняли на землю снеговые шапки только тогда, когда те становились непомерно тяжелыми. Для полноты картины не хватало лишь торчащей на переднем плане огромной рождественской елки. Впрочем, и без нее пейзаж вокруг «Авангарда» выглядел столь завораживающе, что совершенно не верилось в его натуральность.

Можно было даже не спрашивать, почему Тимофеич не отругал меня за дисциплинарное нарушение. Компаньон не сводил глаз с возникшей за стенами «Олимпии» сказки, хотя при этом, разумеется, не утратил чувство времени. Подобное могло запросто приключиться со мной, не ощути я вину за то, что уснул на посту. Поэтому я отвел взор от окон и взглянул на часы. Семь тридцать пять. Сорок минут до намеченного срока. Но непогода улеглась, а стадион находится прямо через дорогу. Пять, максимум десять минут пути по засыпанной снегом распутице. Даже прорываясь мы на «Авангард» с боем, нам уже не ускользнуть от внимания того, кто якобы назначил там Кальтеру встречу. Кем бы ни была эта таинственная синеглазая Вера, гостьей из будущего или коварным призраком Зоны.

– Какое великолепие, – пробормотал майор вместо того, чтобы пожуричь меня за халатное несение службы. – И не надеялся, что еще доведется любоваться снегом. Я такого, наверное, с самого детства не видел. Тогда же и радовался снегу в последний раз. А на службе он доставлял мне сплошные неприятности. Особенно в горах. Он слепил глаза, вынуждал трястись от холода и оставлять следы, переметал тропы, скрывал провалы и сходил лавинами со склонов. Короче говоря, всячески старался испортить мне жизнь. Снег двадцать лет являлся одним из моих заклятых врагов, и кто бы мог подумать, что однажды я снова обрадуюсь ему как ребенок.

– Стариковская сентиментальность? – усмехнулся я. – Или мимолетная слабость?

– Просто красота и ничего больше, – ответил компаньон. – Кто-то ее замечает, кто-то – нет. А кто-то начинает обращать на нее внимание лишь тогда, когда приходит время. Жаль только, что случается это зачастую слишком уж поздно...

Глава 18

Мы вторглись на пустынный стадион «Авангард» в тишине, под чавканье моих промокших ботинок да скрип разболтанных колес волокуши. Укутавший Припять ранний сентябрьский снег быстро таял, превращая созданную им зимнюю сказку обратно в привычный нам мир. Который, естественно, был отнюдь не таким привлекательным, но пока его опять не заполонили мутанты и аномалии, он выглядел куда лучше, чем под гнетом этих выходцев из Преисподней. Выпав в финале отгремевшей бури, снег стал для Зоны все равно что белоснежным полотенцем, коим она начисто утерла свой лик, отмытый Буревестником от застарелой грязи. И теперь, когда банная процедура завершилась, Зона предстала пред нами практически в первозданном облике. Такой, какой она была до Второго выброса: пустынной, безмолвной и запущенной.

В плане запущенности «Авангард» являл собой один из наиболее показательных примеров. За четверть века футбольное поле успело полностью зарости деревьями и кустами. И лишь обрамляющая его беговая дорожка да сохранившаяся трибуна давали понять, что мы вступили именно на стадион, а

не в заброшенный сквер. Прежде самое заметное место здесь было, конечно же, в центре спортивной арены. Но сегодня, чтобы попасться кому-нибудь на глаза, нам следовало взобраться на самый верх трибуны. Что мы и сделали, хотя буксировать Тимофеича по крутым ступенькам оказалось той еще морокой. Благо, местный «Авангард» был далеко не чета московскому, и высота его единственной трибуны исчислялась всего-то шестнадцатью рядами скамей. Мало-помалу я втащил тяжелую волокушу на огороженную бордюром, узкую верхнюю площадку и, устроив на ней Кальтера поудобнее, устало плюхнулся рядом на обшарпанную скамейку.

Все, баста! Дальше дороги нет. Вот он, персональный «монолит» искателя лучшей жизни Константина Куприянова. Осталось лишь выяснить, осуществит ли он свое заветное желание, или мы проделали весь этот путь, идя на зов призрака. Если верить майору, все должно выясниться через двадцать минут. Что ж, потерпим...

По выходу из кафе «Олимпия» Кальтеру опять стало худо, и мне пришлось ввести ему очередную дозу морфина. Однако, судя по частому и шумному дыханию, плотно сжатым губам и подергивающемуся лицу Тимофеича, лекарство ему уже не слишком помогало. Вдобавок компаньона охватила лихорадка. Его поминутно бросало то в жар, то в холод, но он продолжал стоически терпеть мучения, явно будучи уверенным, что они при любом раскладе скоро прекратятся. Мне было тяжело наблюдать, как этот старый солдат неумолимо проигрывает битву со смертью, но все, чем я мог ему помочь, я сделал. Остальное, увы, было уже не в моей власти.

Дьявольский циклон больше не сыпал нам на головы осадки: ни смертельно опасные, ни безвредные. Судя по тому, как разрослась туча, Буревестник обработал ураганом не только окрестности ЧАЭС, но и остальные территории Зоны. Только последние, надо полагать, испытали на себе не такую свирепую ярость стихии, как Припять. По крайней мере, я не припоминал, чтобы когда-нибудь Свалка или Бар оказывались на метр залитыми водой и выдерживали столь длительную бомбардировку крупным градом.

Не знаю, почему, но я был уверен, что после сказочного снегопада Буревестник вряд ли переменит милость на гнев. И пусть туча упорно не рассеивалась, теперь я ее почти не боялся. Гигантский свинцовый жернов продолжал вращаться над нами, но, кажется, он делал это просто по инерции, словно раскрученный, а потом оставленный в покое маховик. Я пялился на него, надеясь узреть в вышине что-нибудь любопытное, но на фоне унылой небесной серости не вырисовывалось пока никаких предвестников обещанного Кальтером чуда. Он же с момента последнего болевого приступа не проронил ни слова, предпочитая справляться с терзающими его муками молча. Я не сомневался, что доведись ему умереть в сознании, он сделает это так же невозмутимо, без криков и стонов. И потому не спускал с него глаз, надеясь успеть попрощаться с ним перед тем, как он отойдет в мир иной. Да, хотелось бы и мне, когда пробьет мой смертный час, пройти свой последний путь так, как шел по нему изувеченный, но не сломленный майор Куприянов. Получится у меня это или нет, увидим, но теперь я хотя бы знаю, на кого равняться.

За пятнадцать минут до назначенного времени над трубой Саркофага – там, где три часа назад зародился циклон, – в туче образовался разрыв. Небольшой, диаметром чуть шире той же трубы, но не заметить его было нельзя. И все потому, что в брешь тут же ударил багровый луч заходящего солнца. Упав на Саркофаг, этот единственный на многие километры вокруг источник света придал самому мрачному сооружению Зоны неестественно жизнерадостный вид. Казалось бы, дикость, но вот ведь парадокс – именно так оно и было! Даже соседние с Четвертым энергоблоком обычные высотные здания выглядели сейчас бледными и неприметными. В то время как осененная «божьим перстом» железобетонная громадина сверкала багрянцем настолько ослепительно, что я поневоле прищурился, когда смотрел на нее.

А через минуту уже вся ЧАЭС купалась в потоках этого сияния, поскольку разрыв над станцией взялся расширяться теми же темпами, какими прежде разрастался циклон. Только тогда тяжелый серый жернов вращался на светлом небесном фоне, а теперь все происходило наоборот. Огромный, но легкий сверкающий диск выгрызал тучу изнутри, планомерно отвоевывая у нее небосклон и изливая на землю все больше и больше солнечных лучей. Восхитив нас короткой зимней феерией, Буревестник, похоже, решил пойти дальше и разыграть перед нами действо, которое повергло бы в благоговейный трепет любого верующего, неважно, какому богу он молится. Ибо чем еще, кроме вмешательства Всевышнего, эти люди могли бы объяснить столь зрелищную и неоспоримую победу Света над Тьмой?

Спустя еще несколько минут он добрался и до «Авангарда». Двигающаяся от Саркофага световая

волна обдала нас остатками вечернего тепла и слегка развеяла мое тягостное настроение. Ощувив ее животворную силу, Кальтер задышал ровнее, а его напряженное от боли лицо расслабилось. Туча, которая напоминала теперь титанический серый бублик, отступала по всем фронтам к периметру Зоны, даруя нам возможность насладиться чистейшим, без единого облачка, закатным небосклоном. Обидно, что самого солнца не было видно. Оно скрывалось за уходящей тучей и, по всем приметам, должно было зайти за горизонт еще до того, как небо окончательно прояснится. Хотя с моей стороны это были уже придирки. Огромное спасибо Буревестнику и за тот подарок, который он нам преподнес, когда мог вполне ограничиться тем, что просто оставил нас в покое.

– Время! – произнес Кальтер первое слово за минувшие полчаса. Он не спрашивал, сколько сейчас полудни, – майор всего лишь констатировал факт, что отпущенный нам срок истек. Я машинально глянул на часы и с удивлением обнаружил, что, не имея возможности самому следить за временем, Тимофеич ошибся всего на восемь секунд. При том, что в последний раз я отвечал ему на этот вопрос аж в кафе «Олимпия»! Неужто терзаемый адскими болями и лихорадкой компаньон умудрялся вести в уме отсчет до «часа икс», да к тому же ни разу не сбился? Немыслимо! А может, только этот педантичный отсчет секунд и помог Кальтеру сохранить рассудок и не рехнуться от боли? Пожалуй, лишь сейчас я в полной мере оценил железную выдержку этого старого боевого пса. Оценил и чисто человечески ею восхитился.

– Время, Тимофеич, – согласился я, а затем поднялся со скамьи и внимательно оглядел с трибуны озаренные мягким багровым светом окрестности. Никаких признаков, что явно или косвенно указывали бы на присутствие вблизи «Авангарда» кого-либо еще. Вряд ли я имел право обвинять девочку из будущего в непунктуальности, но ведь речь шла о такой точной науке, как перемещения во времени. Да и срок, названный Верданди Кальтеру, был оговорен до минуты: восемь шестнадцать. Именно так, а не «примерно в восемь или максимум полдевятого». На таймер ПДА грешить было не резон – он регулярно и автоматически синхронизировал свой ход со временем Интернета. Никакой ошибки – наши с майором часы шли секунда в секунду. Стало быть, Вера действительно задерживается. В лучшем случае. А в худшем... Эх, да сколько можно талдычить об одном и том же – на сей счет все давно высказано, и не единожды.

– Наверное, произошла какая-нибудь техническая накладка, – спокойным голосом предположил Кальтер через десять минут бесплодного ожидания, в ходе которого я, кажется, изнервничался куда больше, чем он. – Оборудование будущего тоже далеко не безупречно и подвержено сбоям. А особенно эти чертовы темпоральные генераторы, которые совершенно не приспособлены для условий Зоны. Но Вера непременно справится со всеми трудностями. Раз пообещала, значит, справится. Я учитывал возможность такой задержки. Поэтому готов ждать столько, сколько потребуется. Или пока не подохну – для меня выбор невелик...

Превосходно понимая, какие чувства обуревают и без того едва живого дядю Костю, я предпочел оставить его слова без комментариев. Хотя, опять-таки к чести майора будет сказано, он даже полупонамеком не выдавал собственное волнение. Разве что снова крепко сжал губы, но это могло быть и из-за рвущей Тимофеича изнутри боли. Истинный самурай, честное слово. Таких сегодня в Зоне – один на тысячу, если не меньше. И крайне прискорбно, что при этом они так же смертны, как остальные сталкеры.

Удивительные, однако, мысли лезут последнее время в голову. Не тот ли это самый Кальтер, который равнодушно отвернулся от смертельно раненного Бульбы в Диких Землях? Весь год я питал к ублюдку-майору стойкую и жгучую ненависть, а побегав с ним двое суток по Зоне, вдруг проникся к Тимофеичу уважением. В то время как он относился ко мне не сказать чтобы очень уважительно. Даже когда компаньон изредка снисходил до откровенного разговора, он делал это под давлением с моей стороны, идя на уступку, но вовсе не горя желанием посвящать меня в свои тайны. И вот я сижу здесь и почти искренне горюю, глядя на то, как этот двуличный тип медленно умирает и постепенно прощается с главной надеждой в своей жизни. То есть практически переживает две смерти одновременно. И при этом остается совершенно бесстрастным, в то время как я на его месте уже давно сломался бы и морально, и физически.

Мое, на первый взгляд, беспочвенное уважение к Кальтеру не исчезло и тогда, когда он выдал мне свое последнее откровение. На сей раз по собственной воле, без какого-либо принуждения с моей стороны. Выслушав его, прежний Мракобес плюнул бы в такого дерьмового компаньона и, развернувшись, не оглядываясь ушел бы прочь. Но нынешний странный Леня воспринял слетевшую с

уст Тимофеича горькую правду невозмутимо – точно так же, как майор свикался сейчас с крахом своей мечты. Я-вчерашний попросту впал бы в шок от такого собственного поступка. Но Я-сегодняшний вдруг обнаружил, что отношусь к нему как к чему-то вполне естественному, и проявил невиданное по моим меркам великодушие. Стоило мне поступиться былыми принципами, и эти устаревшие мерки вмиг самоустранились, а на их месте возникли новые. И знаете что? Они импонировали мне гораздо больше. Потому что подлинное великодушие – это удел сильных духом, и я был безмерно рад, что, когда судьба вдруг подкинула мне такое испытание, Леня Мракобес с честью его выдержал.

Мой судьбоносный разговор с Кальтером состоялся спустя полчаса с того момента, как отпущенное нам Верой время истекло. Тучи на горизонте так до конца и не рассеялись – видимо, это были уже самые обычные «вечные странники», и на них власть Буревестника не распространялась. Короче говоря, насладиться закатом нам сегодня не довелось. Зато небо над нами оставалось кристально чистым, словно цейсовская линза, и на нем начали проступать первые звезды. Я стоял, облокотившись на парапет, и продолжал всматриваться в багровые сумерки, когда доселе недвижимый Тимофеич воздел к виску кулак и, оттопырив указательный палец, симитировал то, что дети вдобавок сопровождают выкриком «пиф-паф». Комментариев к этому жесту не требовалось: майор проверял, хватит ли у него сил нажать на спусковой крючок, чтобы поставить решительную точку и своим мучениям, и несбывшимся надеждам.

– Зря тренируешься, старик, – заметил я в ответ на эту скупую, но выразительную пантомиму. – Я профукал в «Полесье» оба пистолета. Осталась только твоя большая «шептунья», но с ней тебе однозначно не совладать. А на меня даже не смотри. Во-первых, я грех на душу брать не намерен. А во-вторых, много будет чести паршивому мотострелку приставлять ствол к голове ветерана внешней разведки, даром что нарушителя присяги.

Кальтер шумно и с явной досадой вздохнул, после чего опустил руку и так же молча поманил меня к себе.

– И не уговаривай, Тимофеич! Если на то пошло, давай я лучше похороню тебя потом, как настоящего солдата. Но только прошу: воздержись от суицида, потому что не по-человечески это, – выдвинул я встречное предложение, но к умирающему все-таки подошел и, усевшись рядом с ним на скамью, обратился в слух.

– Неужели печешься о моей душе? – вяло ухмыльнувшись, поинтересовался майор надтреснутым голосом. И, не дожидаясь ответа, продолжил: – Что ж, может, ты и прав: сейчас самая пора придать ей чуток товарный вид. Только какой в этом смысл? И мне, и Всевышнему прекрасно известно, что представляет собой душа Кальтера и какова ей красная цена. Так что дороже, чем она стоит, я ее при всем старании не отдам... Однако перед тем, как состоятся эти торги, я должен попросить у тебя кое в чем прощения. Не потому что чувствую себя виноватым, а просто в знак признательности за все то, что ты для меня сделал. Согласен, дерьмовая благодарность, но лучше тебе узнать правду от меня, чем самому. Так справедливее, и ты не будешь потом думать обо мне, как о совсем последней сволочи...

Компаньон прервался, переводя дыхание и собирая остатки теплившихся в нем сил. Я молча развел руками: дескать, поступай, как знаешь. Но что ни говори, а Кальтер, приносящий извинения на смертном одре, – это наверняка будет посильнее «Фауста» Гете.

– Я тебя обманул, – продолжил Тимофеич, глядя мне прямо в глаза. – Нет у меня никакого Полынного Слитка и никогда не было. Просто мне требовалось найти сильный стимул, который заставил бы тебя пойти со мной в Припять. И я его нашел, когда подслушал ваш разговор с Черепком. Уловка сработала. Ты клюнул на ложную приманку и оказался в дураках. Извини.

Видит Бог, я еще в Баре заподозрил, что тут кроется какой-то подвох! И позже не однажды усомнился в честности компаньона, пусть ему и удавалось пудрить мне мозги своими бреднями про Колумба и чайку. Поэтому нельзя сказать, что обнародованная Кальтером правда сбросила меня с небес на землю. Нет, потому что крылья, которые я успел отрастить, были не настолько размашистыми, чтобы унести меня в заоблачную даль с привязанной к ногам гирей сомнений. Впрочем, и с той небольшой высоты, куда я воспарил, падать было не слишком приятно. Зато весьма поучительно.

– А как же твоя идеально зажившая культя и тот целебный артефакт, который хранится сейчас у Бармена? – спросил я. – Они что, тоже фальшивые?

– Ничуть. Самые что ни на есть подлинные. Я потерял руку, когда помогал Вере чинить тайм-бот, и она вылечила меня при помощи продвинутого медицинского оборудования будущего. И артефакт, что лежит в Баре вместе с другими моими вещами, тоже настоящий. Только он, как я уже сказал, вовсе не

Полынный Слиток, а какая-то дурацкая красная подкова, описания которой я не нашел в сетевом справочнике. Поэтому и решил повременить с ее продажей до того, как покажу эту дрянь ученым – кто знает, а вдруг она окажется очень ценной? Сам я обнаружил у нее лишь способность вызывать у человека нестерпимую чесотку. Она не опасна, но и здоровья тоже не прибавляет – проверено и то и другое... Ну так что? Плунешь мне в лицо или, может, все-таки пустишь пулю в лоб?

– Ишь, размечтался! – проворчал я. Мое и без того поганое настроение было вконец омрачено. – Пускай ты, Тимофеич, подлец, каких поискать, но плевать в тебя я все равно не буду. Можешь считать, что тоже из уважения к твоим седидам. Я и ты за эти три дня столько дерьма на пару без ложек расхлебали, сколько мы с покойным Бульбой порой за три месяца не видывали. И ты, несмотря ни на что, добрался до своего «исполнителя желаний», пусть он в итоге тебя и продинамил. Но как бы то ни было, не каждому сталкеру удавалось бросить вызов Зоне и выиграть у нее главную битву в своей жизни. В какой-то степени я тебе даже завидую, старик. А вот мне до победы в решающей битве еще воевать и воевать. Да и не факт, что, собрав комплект артефактов для Полынного Слитка, мы с Болотным Доктором создадим панацею. Даже в теории ее приготовления есть много спорных нюансов, не говоря уж о том, во что это может вылиться на практике.

– Готов поспорить, ваша затея выгорит, – подбодрил меня Кальтер, хотя кто кого и должен был здесь подбадривать, так это я его, а не наоборот. – Но если насчет Слитка я тебе солгал, то в остальном – нет. Все мои вещи отныне твои. Помимо «чесотки» у меня есть еще дюжина неплохих артефактов и немного наличности. Пускай они станут компенсацией за моральный и материальный ущерб.

– Что ж, и на том спасибо, – кисло улыбнулся я. – Надеюсь, мне повезет обменять их хотя бы на один из недостающих компонентов Слитка, как только любой из этих редчайших артефактов будет выставлен на продажу. Вот тогда я, возможно, скажу тебе огромное спасибо. А сейчас, извини, не буду. Все-таки ты меня сильно огорчил, Тимофеич.

– Отрадно, что всего лишь огорчил. Я-то был уверен, что наживу себе перед смертью еще одного врага, – с нескрываемым облегчением признался майор. – Все-таки Вера в тебе не ошиблась. А вот я сомневался и, к счастью, оказался не прав. Видишь, какими мудрыми станут дети через сто семьдесят лет. Не знаю, как ты, а я за их будущее совершенно спокоен...

Через четверть часа скрытое тучами солнце полностью село за горизонт, а у Кальтера усилилась лихорадка, и он начал бредить. Я коснулся его лба – тот пылал. Мне удалось найти в куприяновской аптечке инъекторную ампулу с жаропонижающим, но препарат растворился в кипящей крови Тимофеича без какого-либо видимого эффекта. Сокрушенно покачав головой, я отошел к парапету и, облокотившись о него, задумчиво отвернулся в сторону Припяти, что утопала в быстро сгущающихся сумерках.

Что ж, вот и конец истории беглого майора Куприянова. Если ему повезет дожить до полуночи, то утро для него уже не наступит, это как пить дать. Бросать его тело на трибуне я, разумеется, не стану, а похороню его спозаранку где-нибудь среди деревьев на футбольном поле, раз уж Кальтер пожелал непременно остаться на стадионе. В Бога он не верил, хоть изредка и поминал его в разговорах. Так что вместо креста на могиле Тимофеича будет вполне уместно смотреться большая красная звезда. Ее, оторванную вместе с железным листом, видимо, от ворот какого-то воинского гарнизона, я видел неподалеку от стадионной ограды, когда мы подходили к «Авангарду». Лучшего мемориального памятника для ветерана поблизости просто не сыскать. А затем мне надо брать ноги в руки и шустро проваливаться из Припяти, пока ее не начало заселять новое поколение аномальной фауны.

Таков мой план на завтра. Хорошо бы еще с погодкой подфартило и она осталась бы к утру такой же, как сейчас. Страсть как не хочется рыть могилу под дождем, но ежели придется, то, само собой, сделаю все, как запланировал. Старый вояка Кальтер умер с достоинством и по праву заслужил себе человеческие похороны. Поэтому все мои обиды на него не имели сейчас ровным счетом никакого значения. Несмотря ни на что, я продолжал уважать Тимофеича, и этим все сказано.

Кальтер бредил почти не переставая. Все, что он при этом говорил, являло собой поток невразумительных фраз, и вскоре я попросту перестал к ним прислушиваться. Мало ли что может мерещиться человеку, охваченному предсмертной лихорадкой?

– Чудна Зона при тихой погоде! – громко бормотал майор, таращась широко раскрытыми немигающими глазами в звездное небо. – Твоя болезнь называется темпоральный био-коллапс! Хорошенько запомни это, Индеец! Книга времени давным-давно написана! Микродеструкторы первого поколения! Болты! Почему я не взял с собой болты? Со мной все в порядке, Вера, просто аномалия меня

чуть-чуть укусила. Наш мир не темен – он полупрозрачен. Зона судит всех, потому что здесь нет невиновных. Кричи, Хабиб Ибн Зухайр! Кричи громче, мальчик! Тысяча криков – и ни одного лица. Стой здесь, никуда не уходи! И чтоб впредь без приказа никуда, понятно? Не отвлекайся, тяни ногу что есть силы! И не вздумай кричать, а то услышит псевдогигант! Огонь по облаку из всех орудий! Гитлера убил советский шпион Алексей Голованов, и еще я знаю, отчего вымерли динозавры! Хочу купить уникальный обруч. Цена – не вопрос. Почти что злой! Самую чуточку не хватает. Всего лишь малюсенького шажка! А когда идешь в кусты по нужде, не бросай оружие где попало! Тайм-бот – не город и не деревня. Тайм-бот – это, мать твою, тайм-бот! А твоя «Ночная Звезда» похожа на скукожившийся сухофрукт! Святогор, срочно доставь меня на купол! Ты лжешь, Стратег! Тебе известно, как опускают в индонезийской тюрьме? Можешь взять свое Перламутровое Око и засунуть его себе в задницу, ублюдок! Он просил называть его Холериком, и у него были голубые глаза. А ну-ка покажи этим гадам, как стреляют гимназистки из будущего! Прости, Вера, я не сдержал клятву! Я был очень осторожным, но все равно угробил здоровье и влип в кучу неприятностей. Но я не забыл, о чем мы с тобой тогда недоговорили! Слышишь? Я все помню! И ты – тоже! Спасибо тебе! Дядя Костя не сомневался, что ты вернешься, и ты вернулась! Я все-таки дожил, черт меня побери! Здравствуй, Вера!..

Последние несколько фраз Кальтер уже не пробубнил, а выкрикнул, да и были они вовсе не такими эклектичными, как предыдущие. Это невольно заставило меня прислушаться, а затем и обернуться. Неужели чудо таки произошло и я проворонил его, как последний олух? Вот действительно вышел бы конфуз из конфузов!..

Как ни прискорбно, но на «Авангарде» все оставалось по-прежнему. А мечущийся в горячечном бреде Кальтер воздел вверх дрожащую руку, будто пытался дотянуться до звезд. Походило на предсмертную агонию. Я подошел к Тимофеичу и встал рядом, но он меня уже в упор не замечал. Все его внимание поглотило бездонное ночное небо, куда майору, отягощенному обузой смертных грехов, было никогда не попасть. Вот он, вероятно, и наслаждался в последний раз видом звездного купола, услужливо возведенного над нами этой ночью Буревестником.

Да, звезды в ясную сентябрьскую ночь – это воистину одно из самых грандиозных зрелищ на нашей планете, красоту которого нереально передать словами. Запрокинув голову, я проследил за указующей ввысь дланью Кальтера, уставившегося на созвездие Кассиопеи... И не увидел ни ее, ни соседствующих с ней созвездий Персея и Андромеды! В то время, как прочие непременные участники звездного парада оставались на своих законных местах.

Я крепко зажмурился на несколько мгновений, полагая, что стал жертвой обычного обмана зрения. Раньше, когда у меня порой от усталости или перенапряжения начинались подобные галлюцинации, это простенькое упражнение всегда помогало. Но не сегодня. Едва я распахнул глаза, так сразу убедился, что черная дыра на небосклоне не только не сгинула, но и увеличилась почти вдвое.

– Буревестник! – вырвалось у меня, осененного жуткой догадкой. – Явился все-таки, чтоб тебя!..

– Вера! – не согласился со мной бредящий Тимофеич. – Вера пришла! Она здесь!

Огромное черное пятно скрыло от нас примерно четверть неба, после чего прекратило разрастаться и замерло, будто само Вселенское Зло, взирающее на Землю с обратной стороны небесного купола через миллионы прорех-звезд. И Зло это, как ни странно, имело форму окружности. Я покосился на вконец обезумевшего майора, принявшего за свою ненаглядную Веру самого одиозного из виденных нами апостолов Монолита. Что ж, так даже лучше – пускай хотя бы один из нас умрет счастливым...

За всем дальнейшим я наблюдал подобно робкому ребенку, впервые приведенному родителями в цирк. Я так же ошарашенно хлопал глазами и помалкивал, потому что чувствовал себя пришельцем в окружающем меня странном мире, хотя, казалось бы, между ним и моим привычным миром не пролегалو никаких границ. Забавно, что когда ты испытываешь подобное сначала в восемь лет, а затем то же самое – спустя два десятилетия, ощущения нисколько не разнятся. Разве что сегодня мне потребовалось для этого гораздо более масштабное чудо, чем дрессированные тигры, воздушные эквилибристы и огнедышащий факир.

Сразу, как только черный круг прекратил разрастаться, из него ударило вниз два ярких и тонких луча параллельно друг другу, упавших на беговую дорожку аккурат перед трибуной. Расстояние между лучами внизу составляло не более полудесятка шагов, и поскольку при взгляде вверх они не сходились в одну точку, становилось понятно, что их источник находится совсем недалеко от земли. На высоте максимум сотни метров, а не километров и тем паче парсеков, в каких должен был измеряться диаметр привидевшейся мне поначалу «черной дыры».

А затем по этим лучам, словно лифт – по тросам, мягко спланировал вниз отделившийся от небесного тела объект. Похож он был... опять-таки на лифт, только футуристического вида и с торчащими вразлет короткими крыльями. Сквозь них и проходили направляющие объект по вертикальному курсу лучи – каждый, соответственно, через отдельное крыло.

Минута, и причудливая хреновина касается растрескавшегося асфальта беззвучно и мягко, словно пушинка, хотя весила она, судя по габаритам, довольно-таки прилично. Я ничуть бы не удивился, выдвинься у нее сейчас из-под брюха шасси или механические ноги, но ничего такого у крылатого лифта не появилось. Вместо этого в нем образовалась широкая квадратная дверь. Именно образовалась, а не открылась, потому что не успел я глазом моргнуть, как на обращенной к нам стенке объекта уже сиял квадрат белого света. После чего в нем, как на телеэкране, показались два обычных человеческих силуэта – мужской и женский. На обоих были надеты комбинезоны наподобие тех, что носят военные летчики или автогонщики, что лишь подчеркивало стройность каждого из прибывших на лифте пришельцев... или как мне нужно было их называть?

Но прежде чем сойти на землю, они сначала выпустили вперед себя парочку механических летающих устройств, похожих на крупных двуххвостых скатов. Выпорхнув из лифта, «скаты» моментально разлетелись в стороны, врубили установленные на них фонари и зашарили ими по трибуне. Что, а вернее, кого искали пришельцы, теперь можно было догадаться без подсказок.

Поиск продлился считанные секунды, по истечении которых оба луча сошлись и остановились на мне и Кальтере. Вслед за этим «скаты», не вырубая фонарей, дружно взмыли вверх и зависли над нами, дабы не слепить нас бьющим в глаза светом. И только после того, как освещенный ими пяточок трибуны стало возможно рассмотреть в ночи, наверное, даже с радарной станции, мужчина и женщина покинули лифт и торопливо направились по лестнице к нам.

Наверное, мне следовало поприветствовать незнакомцев или, на худой конец, хотя бы перестать таращиться на них, будто папуас на айсберг, но я так и стоял с отвисшей челюстью, глядя на приближающуюся парочку. Я осознавал, что выгляжу сейчас дураком, однако даже появившись во мне мужество заговорить с ними, вряд ли я сказал бы в тот момент что-либо путное. Хорошо хоть у меня хватило ума понять, что с Буревестником этих двоих ничего не связывает, и бросить винтовку. Тем более что они вроде бы тоже не были вооружены. У мужчины имелся при себе лишь маленький ранцевый контейнер, а женщина несла в руке предмет, размером и формой напоминающий большую книгу, но никак не оружие.

Когда пришельцы вступили в круг света, таинственные черные силуэты мгновенно превратились в полноценных живых людей, разве что одетых чересчур экстравагантно. Зато вполне узнаваемо! Когда я увидел, как выглядят на свету их наряды, ноги мои подкосились, и, если бы не скамья, так удачно оказавшаяся у меня за спиной, я точно плюхнулся бы задницей прямо на пол.

– Провалиться мне на этом месте! – пробормотал я, разглядывая *те самые* серебристые комбинезоны с цветными вставками, расшитые *теми самыми* шевронами и непонятными логотипами. – Значит, Тимофеич все-таки не рехнулся! Фантастика! То есть какая, блин, фантастика – правда!..

А потом я увидел Ее. *Ту самую* Веру, которая снилась мне и Кальтеру почти каждую ночь весь минувший год.

Нет, девочка-подросток с синими глазами и короткой стрижкой не бежала следом за мужчиной и женщиной, как вы, наверное, сейчас подумали. Никакие дети из тайм-бота вообще не спускались. Женщина-пришелец и была нашей Верданди – в этом не возникало ни малейших сомнений. Сильно повзрослевшая, но прекрасно узнаваемая – да и просто прекрасная – Вера. Я бы дал ей сегодня лет двадцать пять, хотя кто скажет, как далеко зашли омолаживающие биотехнологии будущего – возможно, на самом деле она была постарше. Также возможно, что теперь она предпочитала другую прическу, а подстриглась под каре и выкрасила волосы в фиолетовый цвет непосредственно перед встречей с дядей Костей. Ну и, конечно, со мной, ведь теперь я в этой удивительной компании тоже был не последний человек. Если Верданди и впрямь боялась, что мы ее не узнаем, то совершенно напрасно: я опознал бы ее с любой прической по одним только глазам, а Тимофеич и подавно.

Это ж сколько, получается, в будущем прошло лет с тех пор, как Вера вернулась домой из того трагического путешествия в прошлое? Минимум десять-двенадцать. А в Зоне – всего год. И раз спустя такой долгий срок путешественница во времени помнила о своем спасителе и о данной ему клятве, значит, мне остается лишь снять перед ней шляпу, поклониться в пояс и повторить слова Кальтера: пока

среди наших потомков будут встречаться столь самоотверженные люди, я совершенно спокоен за будущее человечества.

Спутником Верданди был молодой – явно ее ровесник – статный шатен типичной славянской наружности. Единственное, что меня в нем удивило, это волосы. Они были сплетены и уложены таким хитроумным способом, что, глянув на них, становилось понятно: живых парикмахеров в конце двадцать второго века уже не осталось, а марафет на головах граждан будущего наводят сплошь киберцирюльники. Сопровождающий Веру мужчина был повыше ее, а наша малышка вытянулась за эти годы больше чем на голову и уже не выглядела такой худышкой, как в юном возрасте. Не поймите меня неправильно: она вовсе не потолстела, а просто выросла из девочки в стройную привлекательную женщину. Чего наверняка не случилось бы, не сумей она год назад – *наш* год, разумеется, – выбраться из этой чертовой Зоны.

– Вера! – прохрипел Кальтер, продолжая тянуться навстречу пришельцам, как до этого тянулся к снижающемуся таймботу. Надумай повзрослевшая Верданди появиться здесь не с мужчиной, а в компании похожих на нее сверстниц, наверняка майор опознал бы ее еще до того, как она выдала себя.

– Здравствуй, дядя Костя! – Вера подбежала к нему, взяла за руку и, поцеловав в замызганную щеку, тут же отстранилась. Но не потому что не обрадовалась встрече, а затем, чтобы не мешкая заняться спасением жизни человека, который когда-то спас от смерти саму Верданди. – Не двигайся и ничего не говори – я все знаю и сейчас тебе помогу.

Молча поманив к себе спутника, который уже скинул со спины ранец, Вера отошла в сторонку, а когда майор вновь захотел ей что-то сказать, лишь сердито посмотрела на него и поднесла палец к губам. По ее щекам текли слезы, но она умела держать себя в руках, это очевидно. Неужто в свое время научилась такой выдержке у Кальтера?

Шатен тем временем опустился на колени, открыл крышку пластикового ранца, достал оттуда нечто похожее на ватно-марлевую повязку, только раза в три длиннее и без тесемок, затем закатал Тимофеичу рукав до локтя и ловким движением обернул продолговатую белую подушечку вокруг предплечья пациента. Тот недоуменно перевел взгляд с Веры на собственную руку и через мгновение лишился сознания, бессильно уронив голову на волокушу. А врач поднялся с колен и, положив ладонь спутнице на плечо, молча ей кивнул – очевидно, дал понять, что пока все идет по плану.

– У майора перебит позвоночник в области поясницы, сломана левая рука и, вероятно, повреждено несколько ребер... – Малость оправившись от потрясения, я наконец осмелился подать голос.

– Не волнуйтесь, Леонид Иванович, нам уже обо всем известно, – перебила меня Верданди, отвлекаясь от больного, и только теперь поприветствовала меня: – Здравствуйте! Извините, что не поздоровались сразу. Просто мы торопились, потому что очень боялись не застать дядю Костю в живых. Это – Антон Самойлов, мой муж, – она указала на спутника. – А также очень хороший врач. Антон, познакомься: это и есть тот самый Леонид Иванович Решетников, о котором я тебе рассказывала.

Я пожал протянутую мне Самойловым руку и заключил, что, по крайней мере, доктора в двадцать втором веке – ребята крепкие и вряд ли позволят так легко вытеснить себя на этом поприще машинам. Поздоровавшись со мной, Антон отвернулся и взялся наблюдать за наложенной пациенту повязкой. Которая была, естественно, вовсе не повязкой, а каким-то высокотехнологичным прибором для оказания первой медицинской помощи в полевых условиях. И раз обморок Кальтера не вызвал у Веры и ее мужа паники, значит, методы лечения далекого будущего подействовали на майора без каких-либо осложнений.

– Послушайте, Верданди э-э-э... не знаю, как вас по отчеству... – промямлил я, путаясь в мыслях все больше и больше, словно дергающаяся в паутине муха.

– Если хотите, можете звать Константиновной, – улыбнувшись, отшутилась синеглазая красавица. Или все-таки не отшутилась, а сказала на полном серьезе? – Но лучше зовите просто Верданди или Вера. Мы ведь с вами фактически сейчас почти ровесники.

– Послушайте, Вера, – кивнув, продолжил я. – Я, конечно понимаю, что у нас очень мало времени...

– Времени у нас с вами, Леонид Иванович, не то что мало – его совсем нет, – вновь перебила меня госпожа Самойлова. – А тут еще внезапный перерасчет сроков тайм-вояжа прямо перед стартом! Просто ужас! Хорошо, что сроки сдвинулись лишь на час, а вдруг их сместили бы на день или на неделю, представляете?.. Поэтому давайте сначала вы выслушаете меня, хорошо? Я заранее знала, что

если нам с вами доведется встретиться наяву, вы захотите расспросить меня об очень многих вещах. И знала, что у нас не будет даже пяти минут на разговор. Однако вы любой ценой должны узнать правду. И потому что заслужили, и потому что без нее наша история попросту не существовала бы в Книге Времени. Но она туда уже вписана, а значит, мне нельзя было поступить иначе, кроме как написать ключевой документ, который скрепит концы нашей истории. – Вера уселась на скамью и раскрыла принесенный ею с собой маленький кейс. – У вас подобные вещи именуются зовом судьбы, а у нас – постоянной темпоральной величиной. Да вы наверняка сталкивались и еще не раз столкнетесь в жизни с явлением, когда вам приходится делать судьбоносный выбор, руководствуясь не логикой, а интуицией. Это и есть так называемая временная постоянная: четко прописанный в Книге Времени фрагмент ее сюжетного костяка, который мы – персонажи этой Книги, – при всем старании не в силах изменить... Вот, держите.

Она протянула мне непрозрачную папку из тонкого пластика, в которой, как можно было определить на ощупь, лежали два пухлых конверта.

– Вы бы знали, каких трудов мне стоило научиться пользоваться старинным прибором для письма, – призналась Верданди. – Хотела поначалу записать всю информацию на какой-нибудь популярный в вашем веке электронный носитель, но не сумела найти ни одного такого рекордера. Хорошо хоть сувенирные наборы с бумагой и авторучками до сих пор выпускаются... Да, Леонид Иванович, чуть не забыла: я специально пронумеровала конверты, в каком порядке их нужно читать. Так вам будет намного проще во всем разобраться.

– Постараюсь не перепутать, – запомнил я, а потом все же не удержался и спросил: – Но почему вы выбрали меня, Вера? Неужели только потому, что майор рассказывал вам тогда об операции, которую он проводил намеренно со stalkерами «Долга», после чего вы и запомнили мое имя?

– Дядя Костя ни словом не обмолвился при мне о той бойне, в которой вы с ним участвовали год назад в Диких Землях, – покачала головой Верданди. – Я даже не знала до недавнего времени его настоящей фамилии и воинского звания. Но ведь это будущее, Леонид Иванович, понимаете? Далекое от вас будущее... Что, Антон?

Самойлов, не сводя глаз с «умной» повязки Кальтера, жестом подозвал нас к себе. По белой матовой поверхности манжета бежали в два ряда черные строчки, разделенные движущейся полосой разноцветных символов. Даже застынь они на месте, вряд ли я разобрался бы, что там зашифровано. Впрочем, мне эта информация и не предназначалась. Все, что Леонид Иванович был обязан знать, находилось в выданном ему пакете. Прочие тысячу и один секрет никто Мракобесу раскрывать не намеревался.

– Пострадавший готов к транспортировке на борт, – подытожил Антон, когда считал с манжета все необходимые данные. – Можем приступать немедленно.

– Да-да, приступай, – подтвердила Вера.

– Он выживет? – с надеждой поинтересовался я. По невозмутимому лицу Самойлова, как и по лицу любого другого доктора, нельзя было прочесть, каковы шансы на излечение у его трудного пациента.

– Удивительно, что майор вообще до сих пор жив, – бросил Антон, снимая с предплечья Тимофеича прибор. – А впрочем, чему удивляться при таком-то выносливом организме, как у него?.. Что я вам могу еще сказать? Сделаем все возможное и будем надеяться, что он выкарабкается.

– Дядя Костя выкарабкается, – уверенно пообещала мне Верданди. – И еще понычнется с внуками. Так что не переживайте за него, Леонид Иванович, ведь теперь он возвращается домой. Туда, где его будут по-настоящему любить.

Антон отдал голосовую команду маячившим над нами «скатам» – осветителям. Те слетели вниз, подцепили всеми своими хвостами волокушу и, аккуратно придав ей в воздухе транспортабельное положение, медленно потащили ее над лестницей к лучевому лифту. Несмотря на небольшие размеры летающих устройств, грузоподъемность у них была просто поразительная.

Я спускался вслед за четой Самойловых, держа в руке подаренный пакет, и продолжал украдкой пощипывать себя за руку, поскольку до сих пор не верил, что вижу все это наяву, а не во сне.

– Леня! – внезапно позвал меня Кальтер, когда мы были на полпути к лифту. Голос майора звучал тихо, но я все равно расслышал, как Тимофеич впервые за время нашего знакомства назвал меня по имени.

– Я здесь, старик, – откликнулся я, показываясь ему на глаза.

– Я перед тобой в огромном долгу, Леня, – сказал компаньон, – только вряд ли сумею когда-нибудь его вернуть. Нехорошо получается.

– Не бери в голову, старик, – отмахнулся я и предложил: – Простой думай, что это я рассчитался с тобой за твою позавчерашнюю помощь. А насчет Слитка ты меня просто разыграл, хотя, сказать по правде, шутка вышла дурацкая. Но когда прилетишь в свое будущее и встанешь на ноги, попробуй на досуге выяснить, дожил ли я до старости. И если вдруг окажется, что да, можешь купить билет в тайм-вожж и навестить старенького Мракобеса, где бы он ни прозябал. Откупорим с тобой, два старых пердуна, бутылку коньяка, посидим, бывшее вспомним. А как хорошенько наклюкаемся, набьем друг другу морды, потом проспимся, помиримся и допьем бутылку, потому что, уверен, пьяница из тебя такой же дерьмовый, как из меня. В общем, оттянемся по полной лет этак через... много. Как тебе идея?

– Заметано! – рассмеялся Кальтер слабым, едва слышным смехом и протянул мне руку. Я тоже не отказался скрепить наш новый компаньонский договор рукопожатием.

– Для меня было огромной честью бродить с тобой по Зоне, Леня, – добавил майор перед входом в лучевой лифт. – Прощай. Береги себя.

– А для меня было честью помочь тебе и Вере, Тимофеич, – ответил я. – Давай, быстрее поправляйся и не хромай. Подыхать надо было здесь, в Зоне, а не в светлом будущем. Там это делать уже неинтересно...

Через десять минут небо надо мной вновь засверкало всей россыпью звезд, как боевой генерал – орденами на параде. Припоздавшее на встречу с нами «будущее» исчезло, увозя Кальтера в неизвестность и оставив меня одного в окружении опостылевшего настоящего. Я повертел в руке оставленный мне пакет. Инструкции вскрыть его немедленно Верданди мне не оставила, значит, и изучу я его содержимое чуть позже, в более спокойной обстановке. А сейчас надо уносить ноги из Припяти, пока она и ее окрестности были чисты от аномалий и мутантов.

Бросив прощальный взгляд на напоминающий хитрую улыбку зигзаг вернувшейся на небосвод Кассиопеи, я улыбнулся ей в ответ, сунул пакет в ранец, забрал унаследованную мной от Тимофеича винтовку и поспешил прочь. Если повезет, к утру доберусь до «Ста рентген», чей хозяин, наверное, уже расчесал себе в кровь брюхо, бегая мимо хабара, оставленного у него в подвале Кальтером. Надо поскорее выручать Бармена, а то, не дай бог, еще обиду на меня затаит.

В общем, планы на завтра, какие я строил полчаса назад, радикально поменялись. Я ненавидел внезапные перемены, но сегодня огорчаться из-за них было не резон. Пускай тревожатся те, кто в нашей гонке с Черепом делал ставки на раскольников, а я вернусь в Бар, выпью и хорошенько отосплюсь. И никто мне в этом не помешает. Хотите поспорить?..

Глава 19

«Даже не знаю, уважаемый Леонид Иванович, с чего мне начать. Наверное, лучше все-таки с извинений. За то, что целый год я бесцеремонно вторгалась в ваш сон, и за то, что в своем коротком послании не сумею рассказать всего, о чем вам хотелось бы узнать. В общем, простите меня за все беспокойство, которое я вам причинила, ладно?

Простили? Ну и хорошо! Я знала, что вы не станете на меня сердиться. Потому что вы – настоящий Хранитель Времени, а они – добрые.

С тех пор как темпоральные путешествия перестали считаться экзотикой, истории о Хранителях Времени пришли на смену прежним легендам об эльфах, феях и ангелах. Вы, скорее всего, посмеетесь и скажете, что в таком технологически продвинутом мире, как наш, в принципе не могут существовать мифы и сказки. Могут, Леонид Иванович. И Верданди, учась в гимназии, в них верила. А когда она чудом вернулась из того злополучного путешествия живой и не сумела уговорить взрослых из Института Темпоральных Исследований – ИТИ – помочь ей забрать из прошлого дядю Костю, Вера стала каждый день молить Хранителей Времени о помощи. И один из них в конце концов сжалился надо мной и откликнулся. Это вы, Леонид Иванович! Правда, появились вы спустя лишь пятнадцать лет с того момента, как я обратилась к вам со своей первой молитвой. Но и на том спасибо, ведь что такое пятнадцать лет в нашем случае, правда? Тем более что для майора Куприянова за это время и вовсе миновал всего год.

После той темпоральной аварии, в которой погибли мои мама и папа, Дикая Зона была сразу же

полностью закрыта для обычных путешественников во времени. Навсегда. Понимаете, что это значило для меня и для дяди Кости? И пусть он об этом не знал, но если бы узнал, только представьте, как он огорчился бы! Наверное, еще сильнее, чем я. Право посещать Зону осталось только у ученых, да и то не у всех, а лишь у тех, кто работал в вышеупомянутом мной институте. Суровая мера, но что поделаешь?

А теперь угадайте, куда пошла учиться по окончании гимназии девушка Вера, у которой в две тысячи двенадцатом году в Дикой Зоне осталось одно крайне важное и незавершенное дело?

Правильно, Леонид Иванович, в ИТИ. И закончила я его, разумеется, с отличием. Поэтому у меня не возникло никаких проблем с тем, чтобы остаться работать по месту учебы. А дальше началась обычная жизнь. Я планомерно занималась своей научной карьерой. Встретила и полюбила молодого врача Антона Самойлова, с которым спустя год мы создали семью. Родила двух замечательных девочек: Викторию и Констанцию. Но, честное слово, каждый день я вспоминала дядю Костю. И, разумеется, клятву, которую ему дала.

Через несколько лет усердной научной деятельности я сумела получить допуск для работы в Дикой Зоне и влиться в исследовательскую команду наблюдающих за ней специалистов. Надо сказать, что даже им приходилось довольствоваться лишь короткими, в несколько минут, тайм-воаяжами для того, чтобы снимать показания с расставленных по Зоне датчиков. Они замеряли все, что только возможно: от уровня радиации до психоэмоционального состояния живущих там людей. Обслуживать последние датчики было поручено как раз мне.

Как только я хорошо освоилась с этим оборудованием, так сразу же загорелась одной прелюбопытной идеей. Мои приборы умели не только собирать научные данные, но и при необходимости могли служить псионическими передатчиками, телепатируя посредством легкого импульса информацию в мозг любого находящегося в Зоне человека (ага, чувствую, вы уже догадались, куда я клоню, верно?). В том числе и в мозг дяди Кости. Только для такого выборочного пси-вещания требовался персональный код адресата – оцифрованный образец его ДНК. Невыполнимая для Верданди задача? А вот и нет. И даже не особо сложная, ведь я числилась сотрудницей ИТИ и имела свободный доступ к архивной базе данных своего института.

Дядя Костя лечился в лазарете тайм-бота, а значит, его кровь была взята на анализ, цифровой образец которого был занесен в медицинский отчет. Он, соответственно – в судебный журнал, а тот в свою очередь был отправлен вместе со мной в будущее на эвакуационном мини-боте. Мне нужно было лишь хорошенько покопаться в архивах и выудить оттуда записи о проведенной майору хирургической операции и тот самый образец его ДНК. Что я и сделала буквально за пару часов.

Но потом начались сплошные трудности. Во-первых, я могла отправить адресату лишь мизерный объем пси-информации, ведь накопители оборудования предназначались совсем для иных целей и были далеко не безразмерные. Во-вторых, согласно правилам, между установкой датчиков и снятием с них данных должно было пройти не меньше года. И, в-третьих, мы имели право забрать дядю Костю лишь в том месте, какое наши тайм-аналитики признают наиболее безопасным для нашего пребывания в прошлом. Эти три условия я никак не могла изменить. Единственное, что было в моей власти, – это выбор конкретной даты установки и проверки моего оборудования. Разумеется, я не задумываясь назвала сентябрь две тысячи двенадцатого и две тысячи тринадцатого годов. Начальство не возражало, хотя, возможно, что-то подозревало, поскольку в ИТИ хорошо известно о моих погибших в Дикой Зоне родителей.

А вот дальше, Леонид Иванович, начинается самое захватывающее: на сцене появляется вы – мой долгожданный Хранитель Времени! Я еще только придумывала, каким будет мое телепатическое послание дяде Косте, как вдруг один очень уважаемый банк извещает меня, что у него в депозитном хранилище находится пакет для госпожи Верданди Самойловой, оставленный ей неким Леонидом Ивановичем Решетниковым аж страшно сказать в каком году! И что согласно банковскому договору именно сегодня истекает срок этого хранения, после чего сей таинственный пакет обязан быть вручен мне лично в руки. Вот такие чудеса!

Не вижу смысла описывать, что было в том конверте, потому что вы и сами об этом легко догадаетесь. Скажу лишь, что ваши инструкции и предупреждения оказались для нас просто бесценны. Поначалу я, признаться, была ошеломлена вашей осведомленностью о моих коварных замыслах, а также сомнительным, на первый взгляд, предложением втянуть в мою авантюру помимо майора Куприянова еще и сталкера Мракобеса. «Он согласится, доверьтесь мне, – писали вы в том послании. – Главное, чтобы маленькая Вера была очень убедительной и жалостливой. Тогда Мракобес клюнет – я за

него ручаюсь. А без дяди Лени дяде Косте, возможно, никогда не достичь стадиона „Авангард“.

Неслыханное дело! Помимо моих замыслов и никому доселе не известных подробностей нашего с дядей Костей приключения вы владели секретной информацией о точке моего тайм-вояжа в две тысячи тринадцатом году! Информация, которую я лишь вчера получила от аналитиков ИТИ! Само собой, я вам поверила и принялась вписывать сталкера Мракобеса в свой и без того запутанный сценарий.

Ах да, чуть не забыла: вы еще прислали в том пакете образец своей ДНК для создания вашего персонального кода – такого же, как у Константина Тимофеевича. И все потому, что вы прочли письмо, которое читаете прямо в этот момент, и знали, что именно потребуется мне для подключения к пси-трансляции сталкера Леонида Решетникова. Видите, как все сложно и одновременно безумно интересно!

Создать собственную цифровую телепроекцию такой, какой я была в тринадцать лет, не составило большого труда. Трудно было придумать, что именно мне сказать дяде Косте. Вы предупреждали, что у него имелись враги, которые следили за нами, когда мы прорывались к тайм-боту, и которые затем пытались намеренно обставить все так, будто я – померещившийся майору Куприянову призрак. Но с другой стороны, ведь он упрямо отказывался в это верить, а значит, должен был поверить и своему «вещему сну».

С вами, разумеется, все было намного проще, так как вы фактически сами придумали речь для девочки Веры. Более того, я даже не удержалась от соблазна проверить, возможно ли такое, что вы – действительно Хранитель Времени, за которого я вас приняла? Вы писали, что, в отличие от Константина Тимофеевича, до самого конца продолжали считать Веру призраком и узнали, как меня зовут, лишь от майора. Поэтому я запрограммировала свою виртуальную посланницу таким образом, чтобы, как только вы впервые назовете ее по имени, она поставила вас перед выбором, спросив, верите вы ей отныне или нет. Если вы вдруг ответите по-другому – «да», ваш ответ зафиксирует датчик. И когда я сниму показания, то увижу, что в темпореверсивном микроцикле – именно так в Книге Времени называется локальная ситуация, когда будущее начинает влиять на прошлое, – произошел разрыв. Это будет означать, что вы – никакой не Хранитель, ибо они никогда и ни при каких обстоятельствах не способны повредить тонкую временную петлю подобных мини-циклов.

Впрочем, я и без проверки моих приборов узнаю, что именно вы ответили: да или нет. «Да» означает, что девочка из вашего сна прикажет потребовать у меня при встрече на стадионе этот конверт. А если не потребуете, значит, вы все-таки сказали «нет», сохранив тем самым темпореверсивный микроцикл в неприкосновенности. Так, как, согласно легенде, и обязаны поступать Хранители Времени.

На самом деле тяжелое это бремя – быть Хранителем. Вы знаете, что у вас есть шанс попробовать изменить все к лучшему. Вместо совета взять с собой в завтрашний тайм-вояж Антона и приготовить все необходимое для спасения дяди Кости вы могли бы написать мне о том, чтобы во сне я предостерегла вас не подходить к тому окну гостиницы, из которого выпал майор. Вы могли таким же образом попытаться с моей помощью предотвратить гибель вашего друга Бульбы и многие другие трагические инциденты. Но вы скрепя сердце предпочли оставить все как есть. И правильно. Потому что наша с вами маленькая история написана в огромной Книге Времени лишь в одном варианте. И никому, даже Хранителю не дано предугадать, будут ли альтернативные пути лучше или, наоборот, хуже, чем тот, по которому все мы шли и продолжаем идти.

Еще раз спасибо вам, многоуважаемый Хранитель, за то, что откликнулись на мою молитву и помогли мне и дяде Косте встретиться.

Искренне ваша – Верданди Самойлова».

Глава 20

– Вот ваши ненаглядные артефакты, Леонид, – с плохо скрываемым сожалением сказал Болотный Доктор и поставил на стол толстенький дорожный чемоданчик, вытасканный им из закровов своей избушки. – Все восемнадцать, как полагается. Можете открыть и пересчитать.

– Да бросьте, Док, – отмахнулся я, потягивая чай из большой чашки с розовым цветком на боку. – О чем вы? Какой пересчет? Вам даже бандитские паханы на слово верят, а я, как-никак, долговец, даром что со вчерашнего дня в отставке.

– И еще – Хранитель Времени, как пишет о вас эта милая и отважная девочка, – лукаво улыбнулся хозяин. – Или, вернее, простите – серьезная замужняя женщина. Черт ногу сломит во всех этих

пространственно-временных выкрутасах. Аж голова кругом идет. Вы не возражаете, если я снова взгляну на то письмо? Не на то, что от Верданди – с ним все совершенно понятно, а на другое, которое вы сами себе адресуете. Просто, знаете ли, хочется еще разок подержать напоследок в руках бесценный исторический документ, который – экий ведь парадокс! – моложе меня на целую жизнь.

– Да без проблем. – Я убрал со стола чемодан с восемнадцатью из двадцати компонентов Полынного Слитка, после чего достал из кармана ранца пакет Веры, извлек оттуда конверт, пронумерованный ею как второй, и протянул бумаги Доктору.

Отшельник аккуратно вынул из конверта сложенный вчетверо лист бумаги и два десятка фотографий. На половине из них в различных ракурсах было изображено роскошное многоэтажное строение с прилегающим к нему парком и скульптурным фонтаном перед фасадом. На других снимках были запечатлены интерьеры здания, а на одном – снятая крупным планом бронзовая мемориальная табличка на колонне у парадного входа. Доктор отложил фотографии – на них он уже насмотрелся, – аккуратно развернул письмо и начал вновь с интересом его перечитывать. На сей раз – вслух:

– «Здорово, Мракобес! Без обид, что я говорю с тобой так по-панибратски? Ничего, близок тот день, когда тебя прекратят называть этим, сказать по правде, идиотским прозвищем, которое в глубине души тебе давно осточертело.

У тебя на часах – шесть сорок вечера пятнадцатого сентября две тысячи тринадцатого года. Ты лежишь на своей койке в пустой казарме и только что прочел письмо от Веры, а где-то за окном Вовчик Холера и Питекантроп жарко спорят о том, можно ли закусывать текилу борщом или это моветон... Я угадал? Еще бы! Ведь тридцать с лишним лет назад я все это уже видел и слышал, лежа на той самой койке и читая те самые письма. Каково, а? Продирает похлеще стакана чистого спирта, полностью с тобой солидарен.

А знаешь, что самое забавное? Кажется, Верданди права. Я и ты действительно являемся настоящим темпоральным парадоксом, вписанным в Книгу Времени ее творцами. Сам посуди: я заставил Веру втянуть тебя в эту авантюру после того, как привел Кальтера на «Авангард», повинувшись коварному замыслу другого Мракобеса, который затем передал мне идентичное письмо. Где, спрашивается, начало у этой бесконечной петли? Его попросту нет. Но кто-то же ее все-таки сплел и заставил нас стать ключевым звеном в истории, не имеющей к нам, по сути, никакого отношения.

И вот что я на сей счет думаю. Видимо, Хранители Времени действительно существуют, и они услышали мольбу Веры. И поскольку во всех прочих вариантах темпорального сценария ей и дяде Косте никак не удавалось снова встретиться, Хранители вмешались в ход истории, введя в нее нового персонажа. Того, кто доставит Тимофеича до места встречи и наградит девочку за ее несгибаемый характер и верность данному слову. Поэтому ты понимаешь, что мы с тобой совершенно не вправе менять что-либо в сложившейся ситуации. И как бы ни зудело в тебе желание перебросить Кости Судьбы для выпадения более выигрышной комбинации, ты этого не сделаешь. Могу поклясться.

Однако ты непременно сделаешь кое-что другое, в этом я также ничуть не сомневаюсь. Завтра ты принесешь Воронину извинения и выйдешь из «Долга». Генерал поворчит-поворчит, но возражать не станет, тем более что он перед тобой и так, прости за невольный каламбур, в долгу. Вещи Кальтера можешь преподнести клану в качестве прощального подарка. Все равно ничего особо ценного у майора нет, а «чесоточный» артефакт был и останется бесполезным, разве что бойцы будут частенько подкладывать его друг другу под матрас в качестве дежурной казарменной шутки. Затем ты отправишься к Болотному Доктору и принесешь извинения ему (кстати, пользуясь случаем, передаю горячий привет из будущего и вам, читающий это письмо многоуважаемый Док!). После чего заберешь ваш недоделанный Полынный Слиток и навсегда покинешь Зону; на обратной стороне одной из фотографий я начертил тебе, как это безопаснее всего сделать.

Дабы не лишать твою жизнь приятных и не очень сюрпризов, не буду вести тебя за ручку по твоему будущему. Ты не дурак и сам разберешься, когда и какой выбор тебе предстоит совершить в жизни. Дам лишь одно указание: хорошенько припрятать восемнадцать редких артефактов и не прикасаться к ним три с половиной года. Да, сейчас они стоят целое состояние, но по прошествии указанного мной срока цены на них взлетят до небес, и в этом потертом чемоданчике будет храниться уже не одно, а... А вот ни хрена не скажу, сколько там накопится таких состояний, чтобы тебе жизнь совсем медом не казалась! Придет время, сам все узнаешь. И воплотишь в жизнь мечту, ради которой ты с товарищем когда-то отправился в Зону. Воплотишь, конечно, не в том виде, в каком вам этого хотелось, но, уверен, Бульбе наша идея тоже очень понравилась бы.

Взгляни на фотографии. Впечатляет, правда? Именно такую клинику для лечения детских онкологических заболеваний ты построишь через десять с небольшим лет. Благодарственную табличку у входа приделают чуть позже родители, чьи дети будут вылечены в этих стенах первыми. А Полынный Слиток – такой же миф, как Монолит. Камни не исполняют желаний, Мракобес. Это делаем мы сами, четко следуя однажды выбранному пути. И раз уж мне представился шанс наставить на правильный путь самого себя, то почему бы не воспользоваться удивительной возможностью подкорректировать собственную судьбу?

А всем этим бредням, что, дескать, Зона никогда тебя не отпустит, не верь. Отпустит и еще платочком вслед помашет. Теперь ты ей не интересен, потому что цель, которую я тебе указал, – реальная, а не мнимая, наподобие поиска несуществующих панацей. Зона что цыганка – ей неинтересно заигрывать с теми, кто равнодушен к ней и ее охмуряющей болтовне. В мире полным-полно других легковверных идиотов, чтобы Зона тратила время на вырвавшегося из ее объятий беглеца, раз и навсегда охладевшего к лживым посулам этой твари.

Все, больше ничего тебе не скажу. Мое дело – лишь наметить курс, теперь слово за тобой. Если получилось у меня, получится и у тебя. Действуй!

С наилучшими пожеланиями, твой лучший друг на все времена – Леонид Решетников.

Р. С. Кальтер пока не объявлялся. Однако я не теряю надежды, что он все-таки меня навестит. Так или иначе, но обещанная мной бутылка коньяка его давно дожидается...»

Болотный Доктор закончил чтение, отложил письмо и многозначительно улыбнулся в усы. Затем взял со стола фотографию, на которой была запечатлена бронзовая табличка с моим отнюдь не самым благородным профилем, и тоже вслух прочел то, что было на ней написано:

– «Леонид Иванович Решетников, основатель клиники, меценат и человек, исполнивший наши самые заветные мечты. Благодарные родители». Знаете, Леонид, поначалу я сильно огорчился, что мы не довели до конца наш с вами эпохальный труд. Но теперь мне несколько не жаль, что в итоге все так получилось. Когда-то я пришел сюда, движимый благородными идеями постичь тайны Зоны и придумать, как использовать эти знания во благо человечества. Но пока, как видите, больше топчусь на месте, чем продвигаюсь вперед. Вы – не ученый, но, глядя на эти фотоснимки, я понимаю, что, возможно, вам удастся достичь на поприще служения человечеству гораздо большего, нежели мне. Поэтому даже не смею уговаривать вас отказаться от вашего предназначения ради поиска какого-то мифического Полынного Слитка, который я к тому же сам и выдумал. Идите с миром, и да хранят вас те силы, какие возложили на ваши плечи эту воистину удивительную миссию...

И я пошел. Не оглядываясь. А Зона смотрела мне вслед и молчала. Потому что она, как и я, тоже не смела противиться воле надзирающих за нами из Вечности всемогущих Хранителей Времени...